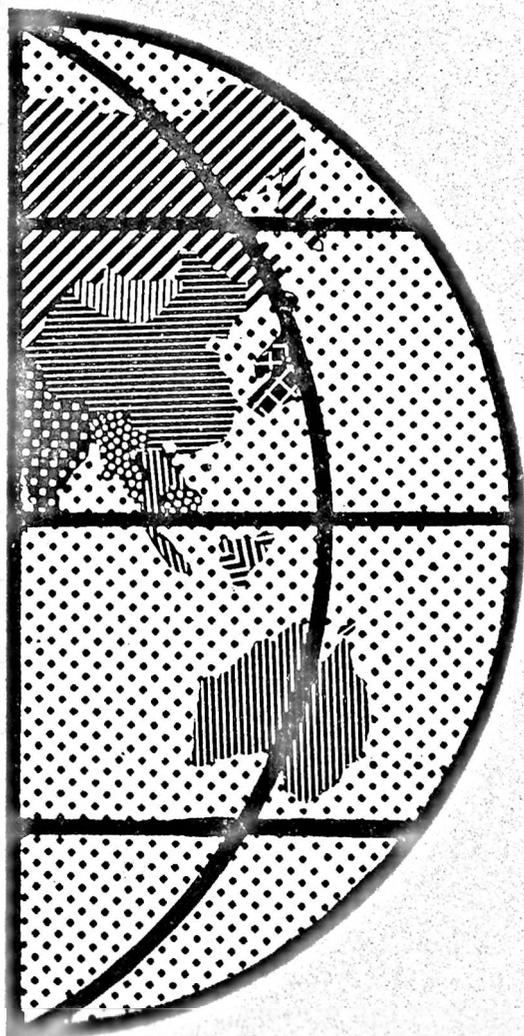

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

Региональные конфликты
в Азии

От конфронтации
к сотрудничеству

Шаги китайской
реформы

Диалог в Алма-Ате

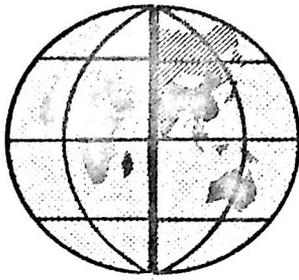
Мыслитель
Древнего Китая

Из жизни Хемингуэя

Традиции ушу

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

3-ий кв. 5/88

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/88

5 [71] 1988
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал выходит
шесть раз в год на русском, английском, японском
и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Н. КАУЛЬ. Региональные конфликты и азиатская безопасность

3

ПУЛЬС РЕГИОНА

Б. Н. ЗАНЕГИН. Стратегия США в АТР

18

Б. В. ПОСПЕЛОВ. Японский подход

28

О. Л. ОСТРОУХОВ. Взгляд из Пекина

34

Е. Р. БОГАТОВА. Вьетнам: поиск путей обновления

44

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Л. И. МОЛОДЦОВА. Модернизация статистики

50

Е. Ф. АВДОКУШИН. Теория и практика паевой экономики

58

В. Н. РЕМЫГА, ЯН ИМИНЬ. Развитие приморских районов

65

Э. З. ИМАМОВ. Рынок технологий

71

ФАН КАНЪЮНЬ, ВАН ШОУПЭН. Социалистическое товарное хозяйство в деревне

79

ТО ЧЖЭНЬ. Новое поколение предпринимателей

84

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Л. С. ПЕРЕЛОМОВ. Символ китайской нации

87

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

ЧЖАН СИНЬСИНЬ, САН Е. Исповедь хунвэйбинки...

98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

Б. А. ГИЛЕНСОН. Хемингуэй в Китае

116

ПРОФИЛИ

А. Е. САНДРОВ. Палачи и жертвы

133

СООБЩЕНИЯ. ПУБЛИКАЦИИ

Советско-американский диалог в Алма-Ате

А. В. НЕМЕЦ. Расширяется сеть ЭВМ

144

147

СИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИННЬБЭН АН ССВР

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

<i>А. А. ДОЛНН.</i> Легендарный монастырь, или Традиции ушу	152
<i>Н. Х. АХМЕТШИН.</i> Тибет. Размышления в пути	170

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

<i>К. Ю. ФЕДОРОВ.</i> Советская перестройка: пристальное внимание	177
<i>В. Н. УСОВ.</i> Китайские авторы о культуре личности	184
<i>А. Г. ЮРКЕВИЧ.</i> Преобразование мышления	189
«Гуанмин жибао»: больше открытости	195

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

<i>А. П. МАРКОВ.</i> Москва — Токио. Три послевоенных десятилетия	197
<i>Д. М. ДЕМЧЕНКО.</i> Предприятия и промышленная политика	199
<i>Б. В. РАМЗЕС.</i> Снижая степень риска	201
<i>А. Ю. СИДОРОВ.</i> ЮВА — безъядерную зону	204
<i>И. Л. КАРМАНОВСКАЯ.</i> Старейшее китайское издательство	206

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© Проблемы
Дальнего Востока,
1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ,
В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН, И. А. РОГАЧЕВ,
А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО.

Региональные конфликты и азиатская безопасность

*Т. Н. КАУЛЬ,
посол Республики Индия в СССР*

В современном мире ни один конфликт между любыми двумя странами, большими, средними или малыми, нельзя рассматривать изолированно. Когда речь идет о так называемых региональных конфликтах, следует учитывать множество факторов, например историю региона, нынешнюю ситуацию внутри его, внутреннее и внешнее воздействие политического, экономического, этнического, культурного характера и т. д. Следует учитывать и такой важнейший фактор, как наличие у ряда держав ядерного оружия, которое меняет и характер, и масштабы войны в нынешнем термоядерном веке. До появления ядерного оружия войну можно было выиграть, проиграть или прекратить. Но, как признали президент Рейган, Генеральный секретарь Горбачев, премьер-министр Раджив Ганди и другие государственные деятели различных стран мира, «ядерную войну нельзя выиграть и не следует вести». В случае, если разразится ядерная война, опасность ядерной катастрофы грозит не одной стране или региону, но всему миру.

Представляется также полезным заглянуть в историю и установить причины или истоки региональных конфликтов, в частности в Азии. Было время, когда Китай, Индия, Египет, Центральная Азия в экономическом, культурном и социальном отношении были гораздо более развиты, чем Европа и другие регионы мира. Правда, некоторые из могущественных стран того времени, в частности Монголия и Турция, расширяли свои империи при помощи конницы и артиллерии. Но даже там, где не удавалось решить двусторонние разногласия путем диалога и переговоров на двусторонней основе, войны обычно бывали локализованы, и страны, в них участвующие, не допускали разрастания их в так называемые великие войны, ибо недостаточно развитые транспортные средства не позволяли поддерживать связь и снабжение войск на больших расстояниях.

Развитие науки и техники и рост морского могущества позволили некоторым европейским государствам (Англии, Франции, Испании, Португалии, Голландии, Германии) развивать торговлю с далекими заморскими территориями. За этим последовали военные захваты в Азии, Африке, Северной и Южной Америке. Между самими захватчиками также возникали конфликты, но они улаживали их, деля добычу между собой. Так возникали колониальные империи Западной Европы, которые простирались от Великобритании до Атлантики, Тихого океана и даже Центральной и Южной Америки. Но такие империи могли существовать не дольше, чем пару веков, поскольку метрополиям было трудно поддерживать эффективный контроль над отдаленными на тысячи миль территориями. Метрополии применяли различные средства для подчинения заморских территорий, но главным их оружием была

классическая имперская формула «разделяй и властвуй». В зависимости от особенностей каждого конкретного региона эта политика принимала различные формы и по-разному проявлялась. Так, в Индии британские империалисты стравливали правителей и князей, поставляя оружие то тем, то другим, разжигая между ними вражду и соперничество, фактически поощряя тенденции раскола, стали разделять народ.

Когда англичане поняли, что больше не смогут управлять Индией и что им рано или поздно придется уйти, они стали проводить политику «разделяй и уходи». В результате было создано исламское государство Пакистан, между западной и восточной частью которого простиралась тысяча миль индийской территории. С географической, геополитической, стратегической и этнической точек зрения это был чудовищный акт. С населением Восточного Пакистана, составившим большинство населения Пакистана и производившим львиную долю экспортного сырья (джут), Западный Пакистан обращался как с гражданами второго сорта. При том, что Восточный и Западный Пакистан имели общую религию — ислам, вся культура, язык, литература, музыка, театр, кухня Восточного Пакистана были гораздо ближе к бенгальцам Индии, нежели к мусульманам Западного Пакистана. Все эти факторы неизбежно привели к подъему освободительной борьбы, которая завершилась в 1971 г. созданием суверенного независимого государства Бангладеш.

Аналогичные примеры можно найти и в других районах Азии, Африки и Латинской Америки, где империалистические и колониальные державы устанавливали искусственные границы в целях создания административных единиц, удобных для экономической и промышленной эксплуатации.

Какие же уроки для настоящего и будущего можно извлечь из прошлого? Бурный размах национально-освободительного движения после второй мировой войны привел к тому, что, начиная с 1947 г., более ста государств добились политической независимости. Однако более развитые и могущественные страны все еще прибегают к экономическому угнетению и военно-политическому давлению в целях раскола и эксплуатации молодых независимых государств. Такая политика вызвала много региональных и локальных конфликтов. Это — в основном конфликты между развивающимися странами так называемого «третьего мира». Движение неприсоединения выражает стремление некоторых из этих стран укрепить и утвердить свою независимость и в то же время воспрепятствовать вмешательству других государств. Следует отметить, что движение неприсоединения охватило более ста независимых стран. Их объединяет не только общее прошлое — господство империалистических и колониальных держав, — но и общее настоящее — борьба за мир, за развитие собственных экономических и социальных структур с учетом национальной специфики и возможностей, против превращения в сателлитов более развитых государств.

Индия и другие страны с аналогичной ориентацией сыграли важную роль в укреплении движения неприсоединения, которое Индира Ганди справедливо назвала величайшим в истории движением за мир. Но неприсоединение само по себе не может обеспечить безопасность его участников, особенно из числа малых стран, и гарантировать им прогресс, мир и стабильность. Кампучия, Афганистан, ирано-иракский конфликт ярко показывают, как подстрекательство извне, поставки вооружений и финансовая поддержка, направленная на продолжение конфликта, приводят к ненужным войнам и кровопролитию.

Поэтому необходимо, чтобы неприсоединившиеся и развивающиеся страны совместно выработали пути и средства решения двусторонних проблем на мирной основе без вмешательства извне. Им также следует самим решать

субрегиональные и региональные проблемы. Индия уже подала пример, вернув Пакистану 5 тыс. кв. миль территории, занятых ею в ходе войны 1971 г.

Расширение экономической пропасти между развитыми и развивающимися странами, зависимость вторых от первых — все это затрудняет наполнение политической независимости социальным и экономическим содержанием. Урок, который необходимо извлечь из прошлого, состоит в следующем: развивающиеся неприсоединившиеся страны должны объединить усилия, ресурсы и возможности для укрепления своих позиций при выдвигании требований к развитым странам. До тех пор пока две трети мирового населения живут в крайней нищете, а треть купается в роскоши, не может быть мира и безопасности в мире. Много лет назад Джавахарлал Неру говорил, что «мир неделим. Неделимо и процветание. Также неделима катастрофа в нынешнем термоядерном веке». Настало время, когда развитые страны должны пересмотреть свою финансовую и экономическую политику и предложить развивающимся государствам справедливые и равноправные условия передачи ресурсов и технологии. В этом суть нового международного экономического порядка, за который развивающиеся страны борются уже почти тридцать лет, пока, правда, без особого успеха.

Другой вывод из недавнего прошлого состоит в том, что неприсоединившиеся страны не могут обеспечить мир и безопасность, находясь в зависимости от внешних сил. Им следует самим совместно разрешать свои проблемы. Они также могли бы заключать между собой договоры о мире, дружбе, сотрудничестве, торговле, транзите и ненападении на двусторонней, субрегиональной, региональной и межрегиональной основе. Необходимо, чтобы участники таких договоров брали на себя обязательства в случае возникновения угрозы миру и безопасности любому из них проводить между собой немедленные консультации. Это — суверенное право, которым обладает каждая независимая страна и которое неотделимо от принципов суверенитета, независимости и неприсоединения. Если такой договор в 1971 г. смогли подписать СССР и Индия — страны с различными социальными, политическими и экономическими системами, то почему бы неприсоединившимся странам, имеющим между собой немало сходства, не последовать их примеру? Подобные договоры между неприсоединившимися и развивающимися странами различных субрегионов и регионов смогли бы значительно расширить зоны мира и сотрудничества, а также предотвращать вмешательство извне.

Для укрепления мира и безопасности в Азии и других районах мира очень важно, чтобы предпринимались серьезные усилия в области разоружения вообще и ядерного разоружения в частности. Договор по РСМД между СССР и США, охватывающий менее 5 % ядерных арсеналов, — это лишь первый шаг. Но этот шаг очень важен, ибо сделан в правильном направлении. Если за ним последует соглашение о сокращении и последующей ликвидации наступательных стратегических ядерных вооружений, то это будет способствовать дальнейшему снижению угрозы для человечества. Однако к последующим дискуссиям о ядерном разоружении следует привлекать другие страны, особенно ядерные державы, в том числе потенциальные. До тех пор пока будет существовать хотя бы одна страна, обладающая ядерным оружием или производящая такое оружие, будет сохраняться угроза миру и безопасности всего мира. Индия подала хороший пример, заявив в одностороннем порядке, что будет применять свои ядерные средства исключительно в мирных целях. Следовательно, Индия воздержалась от производства ядерного оружия. Но если другие страны, например Пакистан, Южная Африка, Израиль, которые вот-вот станут ядерными, начнут производить ядерное

оружие, это приведет к созданию крайне опасной ситуации. Поэтому необходимо предпринять конкретные шаги на пути к полному ядерному разоружению и ликвидации оружия массового уничтожения (химического, биологического и бинарного) с тем, чтобы устранить угрозу ядерного шантажа и возможного применения средств массового уничтожения.

Договор о нераспространении ядерного оружия многим открыл глаза на серьезность проблемы. Однако, хотя в его преамбуле излагается идея ядерного разоружения, ядерные державы не предприняли никаких конкретных шагов к ее реализации. Напротив, в то время как страны, не имеющие ядерного оружия, стали подвергаться международному контролю при использовании ядерной технологии в мирных целях, государства, обладающие ядерным оружием, такому контролю не подвергались. Именно поэтому Индия не подписала договор о нераспространении.

Для того чтобы использовать возможности, созданные советско-американским Договором по РСМД, необходимо уже сейчас обратить серьезное внимание на следующие аспекты проблемы: а) запрещение применения ядерного оружия; б) запрещение испытаний и производства ядерного оружия; в) замораживание существующих запасов ядерного оружия и их ликвидация под международным наблюдением и контролем в течение 5—10 лет; г) отказ ядерных держав от первого или даже второго ядерного удара до тех пор, пока не будет достигнуто полное ядерное разоружение; д) параллельное обсуждение конкретных предложений по обычному разоружению как первого шага к взаимному сбалансированному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений не только в Европе, но и в других регионах мира.

Если мы сможем достичь ядерного разоружения и продвинуться к взаимному сбалансированному сокращению вооружений в каждом субрегионе, регионе и в мире в целом, станет возможным предотвращение и региональных, и глобальных военных конфликтов.

Нам следует рассматривать региональные конфликты и проблемы азиатской безопасности в более широком, глобальном контексте, а не пытаться найти их решение в каких-то замкнутых, тесных рамках. Именно так следует рассматривать Делийскую декларацию, подписанную Генеральным секретарем М. С. Горбачевым и премьер-министром Радживом Ганди. Делийская декларация явилась первой попыткой двух государственных деятелей создать ненасильственный мир, свободный от ядерного оружия — попыткой, направленной на достижение мира, безопасности и сотрудничества между различными странами.

Невозможно решать проблемы региональных конфликтов и региональной безопасности, не рассматривая их в широкой глобальной перспективе. Именно в этом ракурсе следует анализировать предложения Генерального секретаря М. С. Горбачева, выдвинутые им в речи во Владивостоке в июле 1986 г. и получившие дальнейшее развитие в его интервью газете «Мердека» в 1987 г.

Ученые и государственные деятели всех стран должны серьезно обдумать вопросы, поставленные Генеральным секретарем М. С. Горбачевым, и выработать практические меры по осуществлению сделанных предложений. Это потребует нового политического мышления, большей политической воли и более конструктивного подхода со стороны руководителей и народов всех стран. Индия и Советский Союз подали хороший пример, которому могли бы последовать другие страны Азии и всего мира.

Осложняющими обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе факторами

являются религиозный фундаментализм и субнационализм, дестабилизирующие ситуацию в ряде стран Азии и даже в регионе в целом.

Таков общий фон для детального рассмотрения проблемы азиатской безопасности и региональных вопросов. Для начала следует отметить, что при всей необходимости бережного и уважительного обращения с историей надо понимать, что причина и целесообразность — это важнейшие руководства к действию. Укрепление независимости Индии, большевистская революция в России, появление на сцене Китая и Японии и, наконец, распад Оттоманской империи (все это события XX в.) настолько изменили ситуацию, что упрямое повторение тезиса об исторической справедливости и законности может привести к ошибочным выводам. Хорошо известно, как СССР отказался от многих претензий на территории, «законно» приобретенные царской Россией — законно по стандартам того времени. Конечно, есть и пределы, когда, к примеру, уже неважно на каких условиях Оттоманская империя и Иран согласились поделить между собой Шат-эль-Араб.

Все вышесказанное можно отнести и к Китаю. Древняя китайская цивилизация богата, она имеет традиции и великолепного искусства, и интеллектуальных достижений, и экспансии. На протяжении долгой истории ее влияние и военное могущество то росло, то уменьшалось, а сами китайцы присвоили себе честь именоваться Срединным царством, окруженным со всех сторон «варварами», или вассальными государствами. Такой взгляд на мир не был исключением и, возможно, не таил в себе особой опасности в средние века, когда каждая страна сама определяла для себя содержание понятия могущества, и ей не было дела до остального мира. Но сейчас такая позиция противоречит требованиям времени, необходимости мирного сосуществования. Тем не менее Китай продолжает предъявлять настойчивые претензии на большие территории других государств на том основании, что когда-то, в давние времена, получал от них дань и поэтому, дескать, имеет право претендовать на них сегодня. Конечно, не следует утверждать, что все требования Китая безосновательны и их нужно игнорировать. Но в целом за исходную точку необходимо принимать общепринятые международные принципы водораздела для сухопутных границ и раздела по фарватеру для речных границ. Разумеется, на основе взаимного компромисса и с учетом конкретных интересов и потребностей сторон, эти принципы могут подвергаться модификации.

Несомненно, очень вдохновляет тот факт, что советское руководство, исходя из нового мышления, сделало важный шаг в этом направлении, о чем свидетельствует владивостокская речь М. С. Горбачева 28 июля 1986 г. Советская позиция по вопросу о границе по рекам Амур и Уссури основывается на Пекинском и Айгуньском договорах, но СССР пошел на компромисс и согласился принять принцип раздела рек по фарватеру. Это смелое решение, и принять его, видимо, было нелегко.

Что касается индийско-китайской границы, то здесь принятие решения затрудняется большими сложностями. Во-первых, линия Макмагона, при том, что ее очень трудно перенести с мелкомасштабной карты на местность, проведена по принципу водораздела и поэтому имеет все основания быть признанной в качестве границы. Во-вторых, Китай фактически признал линию Макмагона на том отрезке, где проходит граница КНР с Бирмой, поэтому у него не должно быть принципиальных трудностей в признании ее и на других участках. Исходя из этого, весьма трудно понять нежелание Китая признать линию Макмагона и его требование о том, чтобы Индия признала неравноправный характер этой линии. Правда, нас ободряет тот факт, что Китай перестал муссировать тезис о «неравных договорах» с СССР.

Сильный и стабильный Китай мог бы играть подобающую ему роль в международных делах, развивать мирную торговлю и в то же время сдерживать любые экспансионистские амбиции капиталистических держав, стремившихся прибрать к рукам его богатства путем так называемой политики «открытых дверей» и «опиумных» войн.

Именно осознание необходимости участия сильного и независимого Китая в азиатских делах обусловило активную поддержку, которую оказывал Дж. Неру Китайской Народной Республике с самого начала китайской революции в 1949 г. Нежелание Запада признавать КНР оказалось столь же безуспешным, сколь и последующие попытки использовать Китай против других азиатских стран. Как представляется, только сейчас Китай начинает исправлять перегибы прошлого, отходить от чрезмерно милитаризированной политики, встает на путь разумных договоренностей со своими азиатскими партнерами.

Нам следует признать, что не только Китай повинен в напряженных отношениях в Азии в 60-х и частично 70-х гг. Признанием этого факта явилось решение правительства Индии, принятое в середине 70-х гг., о восстановлении дипломатических отношений с Китаем на уровне послов. Однако пока все же сохраняется впечатление, что Пекин не вполне готов серьезно обсуждать пути урегулирования проблем, унаследованных от прошлого. С начала 80-х гг. Индия и Китай провели несколько раундов переговоров на различных уровнях, но ожидаемые нами результаты так и не были достигнуты. Как нам представляется, Китай все еще не играет той миротворческой роли, которая по праву должна быть у него в Азии.

Возможно, теперь, когда Китай пошел на примирение с Индией, СССР и Японией и определил свои позиции по Тибету, Гонконгу и Тайваню, он возьмет на себя подобающие ему функции в Азии, хотя достигнуть этого будет нелегко. Мы можем найти наглядный пример тому в дискуссиях по японо-китайскому мирному договору, который был подписан в 1978 г. В то беспокойное время этот договор был нацелен против СССР, и Советский Союз именно так и воспринял его, выступив с официальными предостережениями в адрес обеих стран. Однако в 80-х гг. именно Китай и СССР достигли значительного прогресса в своих отношениях, а китайско-японские (и советско-японские) отношения по-прежнему носят странном образом ограниченный характер.

Необходимо самым тщательным образом изучать и анализировать роль Японии в Азии. Эта чрезвычайно трудолюбивая нация имеет свои традиции и достижения, которыми могло бы гордиться любое государство мира. Выйдя из полной изоляции лишь в середине XIX в., Япония достигла замечательных успехов и заняла достойное место среди современных ведущих экономических держав. Однако многие азиатские страны помнят и другую Японию — воинственную и высокомерную, гордую не только своими научно-экономическими достижениями, но и своим изощренным милитаризмом. Участники многочисленных студенческих демонстраций в Китае в 1986—1987 гг. выступали именно против такой Японии, против японского милитаризма и экономической эксплуатации. Многие, в том числе советские специалисты, отмечали, что с начала 1986 г. Япония нарушает положение своей конституции об ассигновании на военные цели не более 1 % ВВП. Учитывая темпы роста ВВП в Японии, даже порог в 1 % предполагает довольно быстрый рост военных расходов. Нарушение же этого порога свидетельствует о явно милитаристских тенденциях, к которым необходимо очень внимательно отнестись.

Действия Японии в прошлом следует рассматривать в свете превалиро-

вавших в то время нравственных категорий. Япония была не единственной страной, которая захватывала известные районы Китая или других стран Азии, но это не может служить оправданием. Поэтому, при вполне понятных опасениях азиатских стран по поводу японского милитаризма, необходимо в соответствующем контексте понимать и позицию Японии. Имеется в виду, что экономический рост Японии принес Азии большие блага, а японские капиталовложения во многих азиатских странах — в настоящее время в странах АСЕАН, в Корее (Южной.— Ред.) и на Тайване — оказались полезными для них. Японии нужно сохранять и совершенствовать свои торговые интересы и коммуникации доставки сырья, но гораздо лучше делать это на основе согласия и взаимопонимания, нежели на основе тихоокеанского "Pax Americana" или "Pax Nipponica".

Теперь следует кратко и конкретно рассмотреть вопрос о сверхдержавах, которые очень тесно вовлечены в дела региона и которые должны определить рамки, в которых придется действовать другим странам региона. При этом отнюдь не имеется в виду, что исключительно сверхдержавы должны уладить все проблемы, прийти к взаимопониманию и преподнести эти достижения всему миру. Так, в решении основных альтернатив — денуклеаризация или продолжение вражды, экономические компромиссы, мирное сосуществование в сфере экономики или экономическая война — решающая роль принадлежит сверхдержавам, но при этом и другие страны мира также могут сыграть в решении названных проблем важную роль. В настоящее время, с ростом международной интеграции и независимости различных стран, мировое общественное мнение оказывает все более активное влияние на обе сверхдержавы, и эта позитивная здоровая тенденция должна получить дальнейшее развитие; весьма вредным и неумным было бы проводить политику слепого неприятия или противодействия той или иной сверхдержаве. В этом и состоит один из аспектов неприсоединения, предусматривающий независимость суждений по любому вопросу, а не вовлеченность в него той или иной сверхдержавы. Именно к такому подходу часто призывает Индия.

После краткого описания основных действующих сторон перейдем к общему обзору связей и места Азии в мире.

На карте Азии хорошо видны две своего рода крайние точки континента, два узких прохода, куда сходятся основные морские пути. Это Суэцкий канал на западе и Малаккский пролив на востоке — важнейшие из морских проходов в Азии. Именно через них осуществляется связь Азии с главными в экономическом отношении государствами мира, которые используют азиатское сырье и вывозят на азиатский рынок свою продукцию.

Стратеги и специалисты в области экономической войны мыслят по-разному. При этом часто не учитывается, что угроза перекрытия того или иного прохода или срыва поставок любого жизненно важного сырья возникает не без причин. К примеру, многие поставщики сырья — это бедные страны, торгующие, особенно с промышленно развитыми партнерами, на неравноправных условиях. В этом и состоит суть проблемы, ибо вопрос, закрывать или не закрывать тот или иной канал, и другие сопутствующие проблемы возникают в силу того, что какую-то конкретную страну не удовлетворяют навязанные условия торговли с более развитыми партнерами.

В течение нескольких десятилетий Советский Союз, Индия и некоторые другие страны со сходной внешнеполитической ориентацией были втянуты в традиционную для западных политиков игру «провокация — реакция». В результате действий обеих сторон ситуация в Азии оказалась фактически замороженной, а каждая из сторон стала претендовать на историческую истину

и проявлять стремление бороться за эту истину. Но растущая опасность такого подхода и на Западе, и на Востоке заставила осознать, что в новую ядерную эру дальше так продолжаться не может.

В данном контексте новое мышление сверхдержав дало полезные и желанные всходы. В этой связи с особым удовлетворением можно сослаться на Договор по РСМД. Договор свидетельствует об осознании сверхдержавами опасности милитаризации Европейского континента, о наличии у них необходимой политической воли для контроля над ростом милитаризма в своих странах, а поскольку подавляющая часть мировых запасов ядерного оружия и значительная часть обычных вооружений находится в их руках, то и на континенте. Как следствие этого происходит осознание того факта, что ни одна из сторон не представляет «правильного» варианта развития истории и человеческой цивилизации, и на деле обеим странам есть чему поучиться друг у друга, а все остальные могут многому поучиться у них. Для этого необходимы диалог и готовность к компромиссам. Обобщая, можно заключить, что достижение компромисса по столь важной проблеме, как РСМД, доказывает возможность компромисса и в других очень важных областях: в торговле, экономическом развитии, охране окружающей среды, здравоохранении и т. д.

Данный подход можно применить при рассмотрении отдельных, наиболее актуальных региональных вопросов.

Западная Азия. Мудрая поговорка гласит: политикам легче начать дело, нежели завершить его. Как представляется, ныне основные участники продолжающегося в регионе конфликта, в том числе Организация освобождения Палестины, все более четко осознают необходимость перехода от конфронтации к взаимопониманию, тем более, что и время этому благоприятствует. Довольно широко признается и следующая основа для переговоров: Израиль отходит на границы, существовавшие до июньской войны 1967 г., а все остальные признают право Израиля на существование. Западный берег реки Иордан по-прежнему будет оставаться спорной территорией, но сейчас, по всей видимости, между арабскими странами начинает устанавливаться определенное понимание по этому вопросу, что поможет им выработать согласованную позицию и ясно дать понять, что данная территория не только не является израильской, но на нее имеется законный претендент.

Персидский залив. Парадоксально, но факт — как только открылось судоходство по Суэцкому каналу, а Израиль и Египет, подписав договор по данному вопросу, торжественно провозгласили достижение взаимопонимания, тут же возникла новая угроза судоходству и перевозкам наиболее ценного ресурса региона — нефти. Образно говоря, стоило сдвинуть камень преткновения в Суэцком канале, как он переместился в Персидский залив, где началась ирано-иракская война, которая длится по сей день.

Осложняющим обстановку фактором является присутствие в Персидском заливе значительных военно-морских сил стран НАТО, а также Советского Союза. В то же время СССР ясно дал понять, что как только страны НАТО выведут свои корабли из залива, советские суда также покинут эту акваторию. При любых причинах создавшейся ситуации мы вновь наблюдаем стереотипную реакцию — национальная военная мощь используется для достижения общей цели большинства стран, в данном случае — для обеспечения свободного судоходства в Персидском заливе. Разумеется, между производителями и потребителями нефти могут возникать различные проблемы, например сколько производить и поставлять на рынок нефти, по какой цене ее продавать. Однако, помимо угрозы силой или применения силы, человеческий разум мог бы предложить и другое решение.

Религиозный фанатизм, раздуваемый иранским руководством, усугубляет

и без того сложную проблему. Шиитов, проживающих в арабском мире, призывают свергнуть правительство своих государств. Происходит рост происламских настроений в Южной Азии. Все это неизбежно создает дополнительные трудности в поисках разумных решений.

Итак, основные проблемы здесь сводятся к следующему: во-первых, свобода судоходства в Персидском заливе; во-вторых, граница между Ираном и Ираком по Шат-эль-Араб; в-третьих, имеющий лишь косвенное отношение к данной ситуации, но жизненно важный вопрос цен и квот на нефть внутри ОПЕК. Здесь явно налицо большой простор для дипломатических инициатив и усилий, и в развитии ситуации мы усматриваем некоторые обнадеживающие признаки. Наиболее значительной в этой связи является резолюция Совета Безопасности № 598, есть надежда, что она послужит основой для дальнейших действий. Тот факт, что в июле 1987 г. было достигнуто единое мнение по этому вопросу, позволяет надеяться на возможность новых согласованных мер в будущем; однако присутствие в заливе военных кораблей великих держав, а не сил ООН по поддержанию мира, вызывает сожаление.

Афганистан. Пожалуй, ни одна проблема «третьего мира» не вызывала такого внимания со стороны ученых, журналистов и политиков, как афганская. На первый взгляд это трудно объяснить: Афганистан — слабо развитая страна, не имеющая каких-либо стратегических природных ресурсов, с незначительным военным потенциалом (размер ее армии никогда не превышал 100 тыс. человек); без выхода к морю, и поэтому трудно понять поднятую шумиху относительно попыток прорыва через него к теплым морям или иранской нефти.

Однако и здесь существуют серьезные нерешенные проблемы. На протяжении веков Афганистан являлся как бы воротами между Средней и Южной Азией, что во многом объясняет жизненную заинтересованность Индии и Советского Союза (и Пакистана, если он будет блюсти свои подлинные национальные интересы) в Афганистане. Поэтому и Индия, и Советский Союз в течение всей долгой истории и при любых режимах в этой стране (монархия, республика или народная демократия) поддерживали с ней корректные отношения.

Однако в более поздние времена, особенно при президенте Дауде, Афганистан все активнее стал склоняться к наиболее консервативным силам мусульманского мира, что, как неоднократно указывали левые партии в самой стране, несло в себе серьезную угрозу стабильности в регионе. Левые партии, которые легально оформились лишь в 1965 г., повели борьбу за нерелигиозный (то есть светский) прогрессивный Афганистан. С ростом единства и влияния этих партий внутривнутриполитическая борьба постепенно накалялась до той точки, когда стало ясно, что компромисс между президентом Даудом и прогрессивным левым крылом невозможен.

Смещение в апреле 1978 г. Дауда сразу же вызвало к жизни сложные внутренние и внешние фракционные процессы. Уже через два месяца в НДПА начались исключения и высылки; несколько сторонников бывшей партии «Парчам» были выведены из состава правительства, направлены за границу в качестве послов, а затем отозваны и с этих постов. Так началась борьба за власть, которая продолжалась в течение всего 1979 г. и привела к созданию такой ситуации, когда страна фактически оказалась неуправляемой. Положение осложнялось тем, что в эту ситуацию все глубже ввязывались внешние силы, которые, пользуясь внутренним расколом, стали засылать в страну вооруженные группировки для борьбы с НДПА почти во всех районах Афганистана.

Сложившаяся ситуация вынудила правительство НДРА, которое еще в де-

кабре 1978 г. подписало договор с СССР, обратиться к Советскому Союзу за помощью. Кстати, сохранял силу и советско-афганский договор 1921 г. Но при всей обоснованности советской акции она создала для Советского Союза весьма сложную военно-дипломатическую ситуацию, которую необходимо разрешить как можно скорее.

Советский Союз уже сделал крупные шаги в этом направлении. Отойдя от прежних оценок роли саурской (апрельской. — Ред.) революции и от обязательства твердо действовать в духе «пролетарского интернационализма», СССР отказался и от стремления иметь в Афганистане просоветский режим и хочет видеть в этой стране нейтральное и неприсоединившееся правительство, которое, разумеется, не должно быть враждебным Советскому Союзу. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, накладывает сильные ограничения на роль исламских фундаменталистских партий в любом будущем правительстве Афганистана. Важную роль в этом вопросе будет играть также Иран, Пакистан и США, но в настоящее время сколько-нибудь однозначное определение этой роли не представляется возможным. Тем не менее, уже намечаются контуры взаимопонимания, поскольку государственный секретарь США недавно заявил, что Соединенные Штаты хотели бы видеть в Афганистане не проамериканское, а нейтральное правительство. Пакистан же использовал ситуацию в Афганистане для увеличения военной и экономической помощи со стороны США и других стран Запада. Быть может, Пакистану лучше полагаться на собственные ресурсы и социально-экономический прогресс, чем зависеть от преследующих свои интересы западных держав? Ответ на этот вопрос должен дать народ Пакистана.

Итак, вывод советских войск стал реальностью, и в обозримом будущем следует обеспечить возможность существования суверенного, неприсоединившегося и нейтрального Афганистана. В то же время афганская сторона поставила вопрос о дальнейшем частичном пребывании советских войск, в основном для охраны транзитных коммуникаций. Этот крупный и правомерно поставленный международный вопрос изучался, помимо прочего, и в ООН. Однако гораздо более желательно достичь добровольного взаимопонимания всех государств Южной Азии, в том числе Афганистана (возможно, позднее к нему присоединится Иран), по вопросу о безопасности важных для всех стран региона торгово-транзитных путей.

Кампучия. Мир и безопасность в Азии невыселимы без мира и стабильности в Индокитае. Древняя индокитайская цивилизация поддерживала прочные культурные и экономические отношения с Индией, о чем упоминается в индийских исторических текстах. Буддизм — и поныне основное религиозное течение в регионе — еще более укрепил эти связи. На севере Индокитай граничит с материковым Китаем, а на востоке выходит к морским путям, расходящимся от Малаккского пролива на север и восток. Безопасность этих маршрутов имеет жизненно важное значение для безопасности стран АСЕАН, Бангладеш, Бирмы и Индии.

Исторически различные страны-империи стремились к господству над этим субрегионом — и Китай, и Франция, и США. В свою очередь народы Индокитая имеют славную историю борьбы против любых попыток иностранного порабощения.

При принце Сиануке Кампучия держалась в стороне от вьетнамской войны. Так продолжалось до 1970 г., когда США организовали переворот, в результате которого принц Сианук был отстранен от власти и заменен генералом Лон Нолом, приверженцем американского военного вмешательства во Вьетнаме. Опираясь на стратегию борьбы против баз Вьетконга в Кампучии, а Вьетконг (имеются в виду силы освобождения Южного Вьетнама. — Ред.) дей-

ствительно имел там базы с согласия кампучийского правительства, США втянули ее в уже более крупномасштабную войну в Индокитае, что привело к резкой поляризации сил в стране. Уход США из Индокитая повлек за собой приход к власти «красных кхмеров», которые с 1975 г. стали абсолютными правителями страны.

Многое написано о Пол Поте и о многочисленных зверствах в Кампучии в годы его правления (1975—1978). Неоспоримым фактом является самое бесчеловечное и жестокое истребление трех миллионов кампучийцев. И даже если Пол Пот и его приспешники уничтожили бы не 90 % интеллигенции, а «всего» 50 %, вряд ли это повлияло бы на оценку сущности режима.

Китай считал, что поддержка полпотовского режима соответствует его интересам, ибо она позволяла противодействовать и советскому, и западному, и вьетнамскому влиянию. Такая политика логично привела к сегодняшней трагедии. Однако ныне складывается впечатление, что все участвующие стороны, в том числе противоборствующие кампучийские силы, сознают, что они как бы наказаны опытом последнего десятилетия, и стремятся прийти к компромиссу и примирению. Вьетнам уже начал вывод войск, в том числе командования, заявив, что в любом случае завершит его к 1990 г. Это — крайний срок, и мы должны надеяться, что на основе политического урегулирования вывод войск завершится раньше. При этом следует отметить, что вьетнамские соединения вошли в Кампучию только в декабре 1978 г., когда полпотовские войска уже атаковали провинцию Тайнинь на юге Вьетнама; кроме того, ввод вьетнамских войск состоялся по просьбе Фронта национального спасения Кампучии.

Некоторые признаки позволяют надеяться на позитивный исход событий в этой стране. Если говорить о собственно кампучийской ситуации, то недавние встречи между принцем Сиануком и Хун Сеном свидетельствуют о стремлении НРК создать более широкую социальную основу для решения проблемы. С другой стороны, эти встречи продемонстрировали понимание принцем Сиануком того факта, что он один не в состоянии поддерживать единство всех сил страны перед лицом стоящих перед ней многочисленных проблем и опасностей. В региональном контексте эти встречи показывают, что Вьетнам признает возможность только политического решения ситуации. В то же время сторонники Сианука — Китай и страны АСЕАН — соглашаются теперь с невозможностью принятия альтернативы Пол Пота.

Страны АСЕАН и Индокитай, исходя из различных позиций, давно заявляли, что превращение Юго-Восточной Азии в зону мира было бы единственно возможным и прочным средством урегулирования положения. Кажется, что это мнение начинают, наконец, разделять и сверхдержавы. Итак, складывается ситуация, когда на глобальном, региональном и национальном уровнях растет понимание необходимости решить кампучийскую проблему политическими средствами с тем, чтобы все страны региона могли приступить к реализации не менее важных экономических и социальных задач.

АСЕАН. Международные отношения в Азии характеризуются и другими позитивными изменениями. Так, настало время признать, что полезный и важный пример АСЕАН можно было бы распространить на другие районы континента. Пожалуй, наиболее важной областью развития аналогичного процесса является Южная Азия, где уже создана официальная организация (СААРК)* и есть основания надеяться на новые успехи в будущем. И, наконец, если говорить о благоприятном развитии ситуации в Азии, в качестве очень важного примера можно привести недавнее соглашение между Индией и

* Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии.— Прим. перев.

Шри Ланкой. Соглашение, подписанное в Симле в 1972 г. Индией и Пакистаном, также указало правильный путь и наметило меры решения проблем на двусторонней основе, без вмешательства извне. Такой же принцип можно с успехом применять и при решении субрегиональных и региональных проблем.

Конечно, отнюдь не все лозунги АСЕАН можно считать правильными, но необходимо подчеркнуть, что в принципе ассоциация выступает за снижение напряженности в регионе, где, к сожалению, еще присутствуют те или иные экстремистские настроения. Нельзя не отметить, к примеру, позитивную роль Индонезии в смягчении кампучийской ситуации. В то же время нельзя не учитывать консервативную позицию некоторых других стран АСЕАН, что уже создало известные трения в отношениях между Индией и некоторыми членами ассоциации. Тем не менее как коллективный орган АСЕАН на протяжении почти двух десятилетий играет в Восточной и Юго-Восточной Азии стабилизирующую роль, уравнивая и примиряя интересы Запада и Японии, Китая и СССР. Если бы АСЕАН последовала примеру Индии и вовремя признала реальность в Кампучии, ситуацию в Индокитае можно было бы разрядить раньше.

СААРК. Проблемы Южной Азии хорошо известны. С тех пор как ведется отсчет истории человечества здесь расцветали древние цивилизации, а достижения в области науки, философии, религии, искусства, литературы, практически во всех областях человеческой деятельности составили бы предмет гордости любого общества. Тем не менее в конце средних веков этот регион оказался отброшенным назад в своем развитии, а западные завоеватели, опираясь на промышленное и военное могущество, без особого труда установили здесь свое господство. В результате страны Южной Азии, которые в начале XVIII в. были развиты не менее любого другого государства, к середине XX в., то есть ко времени своего освобождения, оказались одними из наиболее отсталых в мире.

Разумеется, понятие Южной Азии прежде всего подразумевает Индию и Пакистан, ибо именно они, хорошо это или плохо, будут определять пути развития Южной Азии. В настоящее время мы наблюдаем сложную, запутанную картину, когда в обеих странах существуют различные школы стратегической мысли, каждая из которых претендует на высшую мудрость. В целом отношение Индии к Пакистану сводится к трем основным пунктам разногласий:

1. Секретные программы создания в Пакистане ядерного оружия, признаваемые даже самим генералом Зия. Попытки Пакистана ограничить эту проблему рамками субрегиона неубедительны, ибо Южная Азия буквально окружена с суши и с моря ядерными вооружениями, количество которых продолжает расти.

2. Участие Пакистана в организации сепаратистских выступлений в Восточном Пенджабе, представляющих наиболее опасную форму субнационализма. Подогревание субнационализма может привести к весьма серьезным последствиям, и ему следует дать самый серьезный отпор.

3. Чрезмерное вооружение Пакистана на начальной стадии ситуации в Афганистане под тем предлогом, что он, Пакистан, якобы является «прифронтовым государством». Достоверно доказано, что милитаризация Пакистана всегда была направлена против Индии. Нынешний раунд вооружений не является исключением, и никто из пакистанских лидеров не делает секрета из намерений Пакистана применить полученное оружие против Индии. Правящая ныне военная элита Пакистана по-прежнему сохраняет сильные антииндийские настроения, ибо не забыла своего поражения в войне с Индией 1971 г.

Вышесказанное не является списком обвинений. Мы лишь пытаемся проана-

лизировать суть проблемы с тем, чтобы достигнуть прогресса на пути к взаимопониманию, ибо только в этом случае СААРК будет эффективной организацией. Мы со своей стороны уверены в своей способности справиться с любыми трудностями и принять любой вызов.

Во всяком случае, имеются все основания для оптимизма в отношении СААРК. Ассоциация уже достигла определенных успехов: в Катманду действует секретариат, состоялись три встречи на высшем уровне, достигнут определенный прогресс в осуществлении программ, принятых в 1983 г. Мы считаем, что существует достаточная политическая воля для движения в этом направлении, а это, вероятно, самое главное. Лично я полагаю, что все лидеры стран Южной Азии считают СААРК воплощением принципов мирного сосуществования, единственно возможных в нынешней неспокойной ситуации. Необходимо обеспечить СААРК максимальную поддержку и возможности для успешной деятельности.

Шри Ланка. По-видимому, наибольшую надежду на успешное разрешение ситуации в Шри Ланке дает соглашение, подписанное недавно этой страной и Индией. Здесь в малом масштабе, но чрезвычайно ярко представлены все болезни Южной Азии: крайний субнационализм; этнический антагонизм; взаимное недоверие соседей; растущее вмешательство извне, направленное на стравливание различных внутренних сил; воинственные настроения и действия, которые лишь ведут к тупику и кровопролитию.

Разногласия между тамилами и сингалами — наследие прошлого, и колонизаторы в полной мере использовали его для сохранения своей власти и максимальной эксплуатации страны. В результате в 1948 г. шриланкийское общество оказалось расколотым, а сингальское большинство замкнулось в себе с тем, чтобы установить «правильный», в своем понимании, «этнический баланс». Тамилы, естественно, понимали ситуацию по-своему, и их разногласия с сингалами усиливались день ото дня. Сейчас имеются некоторые основания утверждать, что благодаря социалистической ориентации Шри Ланки до 1977 г. эти разногласия развивались в терпимых пределах, хотя Партия свободы Шри Ланки (ПСШЛ) впоследствии также выступила как шовинистическая сила. Объединенная национальная партия (ОНП) пошла на некоторые серьезные уступки тамилам (например, в отношении тамильского языка), и, наконец, в июле 1987 г. стороны пришли к соглашению. Сейчас центральное правительство пошло на удовлетворение всех требований тамиллов (за исключением экстремистского требования независимости), в том числе о создании объединенной единой провинции на северо-востоке страны. С тамильскими партиями, участвовавшими в конфликте, были проведены необходимые консультации. Удовлетворительная позиция занята и по отношению к основным стратегическим вопросам, связанным с необходимостью освободить Южную Азию от милитаристских сил и иностранных спецслужб. Таким образом, руководители Индии и Шри Ланки Раджив Ганди и Джаявардене проявили мудрость, спокойствие и даже мужество. Не удивительно, что соглашение встретило благоприятный отклик во всех странах мира; заметным и горьким исключением явился Пакистан, где даже многие лидеры оппозиции выступили с критикой Индии.

Итак, индо-шриланкийское соглашение стало реальностью, и сейчас важно как можно скорее приступить к выполнению всех его пунктов. За рубежом высказывались необоснованные оценки роли направленных в Шри Ланку частей индийской армии по поддержанию мира. Конечно, никого не может радовать продолжение кровопролития, но необходимо проявить должную политическую решимость соблюдать соглашение и показать, что терроризм не заставит

нас сойти с избранного пути, который в настоящий момент является единственной альтернативой.

Анализ положения в Шри Ланке логически подводит нас к рассмотрению ситуации в Индийском и Тихом океанах.

Все вышесказанное относилось в основном к Азиатскому материку и его острым проблемам. Однако, как говорилось выше, существует тесная связь между морскими коммуникациями и «болевыми точками» на суше, поэтому их следует рассматривать как единое целое. Было бы неправильным при изучении положения в континентальных зонах выступать за вывод того или иного контингента иностранных войск или сокращение вооруженных сил на той или иной границе, не представляя, что происходит на морских и океанских просторах.

В исторической ретроспективе Азию всегда завоевывали с моря. Практически каждая страна Азии — Япония, Китай, Индокитай, Индия, арабские государства — подпадала под удары морских держав Запада. Именно поэтому чрезвычайно важно обеспечить демилитаризацию основных акваторий в азиатском и тихоокеанском регионах. Как известно, через Индийский и Тихий океаны протянулась целая цепь военных баз, доступных для военно-морских флотов некоторых крупных держав, в основном США. В 1971 г., после ухода Великобритании из районов «к востоку от Суэца», ООН, стремясь не допустить заполнения вакуума военно-морскими флотами других стран, приняла резолюцию о провозглашении Индийского океана зоной мира. Резолюцию на словах поддержали, но все больше и больше военных кораблей с ядерным оружием и различными видами обычных вооружений на борту стали бороздить воды Индийского и Тихого океанов.

Пожалуй, наиболее опасным очагом в этом смысле является Персидский залив, где военные корабли стран НАТО и СССР осуществляют сопровождение нефтеналивных и других грузовых судов ввиду намеренных нападений Ирана на такие суда. (СССР, как уже отмечалось, согласился вывести свои военные корабли как только это сделают другие страны). Ирак также часто атакует так называемые «крупные морские цели».

Не менее важно и то, что конференция ООН по Индийскому океану, первоначально запланированная на 1983 г., несколько раз откладывалась из-за противодействия со стороны США и других государств, опасавшихся нежелательного для них развития событий на суше. Теперь удалось установить крайний срок проведения этой конференции — 1990 г., что вызывает у нас глубокое удовлетворение.

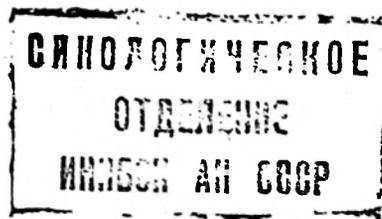
В то же время нельзя не отметить, что начинают проявляться некоторые перемены к лучшему по разным аспектам региональной ситуации. Так, Индия и Шри Ланка достигли понимания по Тринкомали, а это очень важно, ибо доказывает осуществимость идеи демилитаризации и возможность отстаивания любой страной своих интересов не только военными средствами и силой, но и более безопасными методами, путем поисков взаимопонимания со всеми странами, участвующими в делах региона, на основе взаимного уважения, компромисса и согласия. Тринкомали — это лишь единичный пример. Я верю в то, что в подходах к Персидскому заливу, где сохраняется напряженность, могут открыться гораздо более серьезные возможности. В настоящее время жизненно важные ресурсы и стратегические маршруты защищаются традиционными военными средствами. Можно ли изменить ситуацию, примирить все конфликтные интересы и таким образом обеспечить безопасность морских перевозок? Да, можно. Например, выступив за создание регионального пакта с участием Индии, Пакистана и других стран региона при гарантии сверхдержав и под эгидой ООН.

* * *

Таковы вкратце основные проблемы азиатско-тихоокеанского региона. Представляется разумным, чтобы попытки отстаивать интересы какой-то одной страны, находящейся в состоянии антагонизма с другой страной, уступили место стремлению к примирению этих интересов и выработке согласованной платформы. Естественно, это будет долгий и трудный дипломатический процесс, однако не менее трудно отказаться от привычных стереотипов мышления. Успех в этом важном деле во многом зависит от того, научились ли все мы хоть чему-нибудь за последние четыре десятилетия. Конфронтация и антагонизм не принесли никаких выгод ни одной стране — ни победителям, ни побежденным. Стремление взять реванш и реализовать эгоистические интересы не может быть перспективным в будущей политике: она должна определяться только решимостью примирить противоречия, обезопасить и обогатить человеческую жизнь.

Это особенно важно и необходимо в нынешний термоядерный век, когда война в одной части мира может перерасти в мировую ядерную войну. Ядерный век требует нового политического мышления.

*Перевод с английского
Т. А. Каргановой*

Уже после того, как статья была сдана в набор, было объявлено о прекращении огня.— Ред.

Б. Н. ЗАНЕГИН,
доктор исторических наук

Наиболее общей особенностью нынешней структуры международных отношений, отражающей положение дел в мировой политике, остается разделение стран региона на две разнородные социально-политические группы, причем отношения между ними характеризуются более или менее высоким уровнем конфронтации, слабыми взаимосвязями в политике и экономике. Такое положение сохраняется в результате того, что капиталистические страны региона отвергают, как правило, конструктивное взаимодействие государств, принадлежащих к разным социально-экономическим системам. В значительной мере это обусловлено влиянием Соединенных Штатов, которые занимают в международной структуре АТР центральное место благодаря своему геостратегическому положению и силовым параметрам.

Соединенные Штаты находятся в военно-политическом союзе с четырьмя государствами региона: Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Эти отношения оформлены двусторонними договорами, имеющими по своему происхождению и содержанию антикоммунистическую (в данное время преимущественно антисоветскую) направленность; кроме того, денонсировав в январе 1979 г. аналогичный договор с тайваньской администрацией, американское правительство заменило его односторонними военно-политическими обязательствами обеспечения безопасности гоминьдановского режима. В условиях кризиса блока АНЗЮС Соединенные Штаты сохранили также военно-политический альянс с Австралией. При том, что политика Вашингтона в АТР мотивируется широким спектром интересов, центральное место в ней принадлежит задаче обеспечения здесь гегемонии США. Система международных организаций в регионе, сама по себе отражающая, по характеристике английского политолога Дика Уилсона, «политические цели и силовую политику прошлого»¹, ныне дополняется активными мероприятиями американской дипломатии по консолидации местных антикоммунистических сил, укреплению политических, экономических, стратегических позиций США, совершенствованию механизмов контроля над международно-политической ситуацией в регионе в условиях заметного развития центробежных тенденций, ставящих под вопрос эффективность американской конфронтационной стратегии.

Несмотря на прилагаемые Вашингтоном активные усилия по идеологической и политической консолидации стран капиталистической ориентации и укреплению в регионе режима конфронтации, международное положение характеризуется сложностью взаимоотношений среди партнеров США, относительной слабостью социальных определителей их внешнеполитического поведения, унифицированных в духе американских концепций, и соответственно противоречием между американской стратегией двухполюсного социального противостояния и стихийно развивающимися в регионе международно-политическими процессами. Ускоренный экономический рост отдельных стран, превышающий общий уровень региона в целом, становление поли-

тического сознания под сильным влиянием национализма, революционизирующее влияние идей социализма — на этой базе происходит утверждение местных «центров силы», которые проводят или пытаются проводить внешнюю политику, мотивированную преимущественно национальными интересами их правящих классов, далеко не всегда совпадающих с коалиционными интересами, формулируемыми в Вашингтоне². Это создает условия для функционирования в рамках противостояния социальных систем более четко выраженной, чем в Европе, модели многополюсной структуры международных отношений.

Повышение внимания американских лидеров и общественности к тихоокеанскому направлению мировой политики обусловлено глубокими причинами. Однако ускорение данной, нараставшей до этого постепенно тенденции связано с особенностями политического развития американского общества, перегруппировкой в конце 70-х гг. общественно-политических сил, отдавших политико-формирующие функции консервативному крылу правящих кругов США³. В соответствии с политической традицией консерваторов Тихий океан как главное направление внешнеполитической стратегии противопоставляется атлантизму. Практическим выходом этой концепции стала тихоокеанская политика администрации Рейгана, направленная на милитаризацию Тихого океана, и, что особенно важно, — на создание здесь региональной структуры ведения ядерной войны, активно действующего плацдарма «прямого противоборства» с Советским Союзом⁴. При всем многообразии связей и значительности интересов США конфронтационная стратегия заняла центральное место, стала моментом, синтезирующим в единое направление внешнеполитическую активность Вашингтона в АТР. Соответственно конкретная реализация целей антисоветской стратегии находит ту или иную степень отражения в подходе США к отношениям со всеми партнерами в Тихоокеанском бассейне.

Характерным в этом смысле является направление развития американо-японских отношений. Последние 5—6 лет американская дипломатия стремится расширить их антисоветское содержание, повысить уровень согласованности антисоветских акций и мер воздействия на международную обстановку в АТР. Наиболее показательной стороной американо-японского антисоветского альянса является возрастающее значение сотрудничества в военно-политической области, приобретающее в последнее время характер координации японских мероприятий с планами НАТО в рамках глобальной стратегии США. Привлекает внимание в связи с этим зондаж возможности присоединения Японии к НАТО в качестве «ассоциированного члена», предпринятый в 1983 г. министром иностранных дел Японии во время поездки по странам Западной Европы. В последнее время появились сообщения о создании механизма взаимодействия командования сил самообороны Японии с военным руководством НАТО.

От Соединенных Штатов исходят также попытки привлечь Японию к активному участию в поисках возможностей расширить коалиционную структуру американской внешней политики в регионе. К таким попыткам относятся активизация уже фактически сложившегося альянса США — Япония — Южная Корея. Японское правительство оказывает Южной Корее финансовую помощь, скоординированную с американскими военными поставками. Япония привлекается, в непрямой, правда, форме, к участию в ежегодных американо-южнокорейских учениях «Тим-спирит». Время от времени в прессе появляются также данные о планах расширения союза АНЗЮС за счет подключения Японии и некоторых других стран региона. В част-

ности, в 1981 г. Япония была привлечена к участию в военных маневрах этого блока⁵.

Разумеется, коалиционные аспекты далеко не исчерпывают объема и многообразия американских и японских интересов. Для характеристики экономической стороны дела достаточно указать, что товарооборот между этими странами в настоящее время достиг 110 млрд. долл., послевоенные американские капиталовложения в Японии на конец 1985 г. составляют 9,2 млрд. долл., а японские капиталовложения в США — 19,3 млрд. долл.⁶ из которых 12 % — в обрабатывающей промышленности. Глубокая экономическая взаимозависимость, разветвленное политическое взаимодействие, социально-экономическая и идеологическая общность, длительное воздействие на японское общество американского образа жизни, общественной мысли и массовой культуры — все это в совокупности создает устойчивую объективную основу американо-японского альянса. Вместе с тем, однако, американо-японским отношениям свойственны органические противоречия, которые дают о себе знать с постоянно возрастающей остротой⁷. К их числу относятся несовместимость интересов монополитического капитала США и Японии, совпадение географических направлений экономической экспансии (тихоокеанская Азия, Западная Европа, Ближний Восток) и связанная с этим острая конкуренция, возрастающее противоречие между экономической мощью Японии и ее зависимостью от США.

Практика американо-японских отношений показывает ограниченность возможностей дипломатии в том, что касается попыток предупредить отрицательное воздействие на политические отношения экономических трений, обусловленных американо-японскими межимпериалистическими противоречиями. Соединенные Штаты сталкиваются с существенной угрозой со стороны Японии своим международным экономическим позициям. Несмотря на энергичные меры Вашингтона, включающие таможенные санкции против японского экспорта в США, американский дефицит в торговле с Японией непрерывно возрастает. В 1985 г. он составлял 46 млрд. долл., в 1986 г. — 55, в 1987 г. — около 60. Япония составляет серьезную конкуренцию Соединенным Штатам и на внешних рынках, и особенно в АТР, куда направляется 65 % японского экспорта и 80 % прямых частных инвестиций. По экспорту капитала Соединенные Штаты заняли второе после Японии место. По объему помощи США сохраняют в абсолютных показателях ведущее положение среди капиталистических стран, но и в этой области вплотную к американским приблизились показатели Японии, занимающей второе место, причем большая часть японской помощи развитию (60 %) предоставляется странам Тихоокеанского бассейна⁸. Американо-японским противоречиям экономического порядка свойственна тенденция перерастания в политические разногласия, тем более глубокие, что в обеих странах укрепились правоконсервативные группировки с характерными для них шовинистическими внешнеполитическими установками. В связи с этим уместно отметить, что в американских изданиях и в академических дискуссиях нередко повторяются близкие к абсурду утверждения, будто тесные военно-политические связи между США и Японией оказывают стабилизирующее воздействие на обстановку в АТР, якобы сдерживают, в частности, тенденции к ремилитаризации и экспансионизму Японии, питаемые реваншистскими кругами японского общества. Будучи острейшим орудием американской конфронтационной стратегии, американо-японский альянс сам по себе относится к основным препятствиям оздоровления обстановки в регионе. К тому же неизменная забота американской стороны об увеличении вклада Японии в совместное военное строительство создает благоприятные условия

для реализации японских имперских амбиций. В рамках коалиционных мероприятий идет формирование материальных предпосылок для попыток восстановления японской гегемонии в регионе. Некоторые черты политической философии ЛДП порой наводят на мысль о живучести идей паназиатизма и его политического олицетворения, которое в годы второй мировой войны нашло выражение в агрессивной концепции «великой сферы процветания Восточной Азии». Влияние этой концепции на современную политическую мысль Японии не составляет секрета⁹.

Наряду с США и Японией основные контуры международной структуры азиатско-тихоокеанского региона образует КНР. В связи с положением Китая в регионе, социальной природой китайского общества и характером внешней политики Пекина Китайская Народная Республика воспринимается американской политической мыслью как весьма важный, но противоречивый стратегический фактор. Опираясь на опыт предшественников, администрация Рейгана сохранила геополитическую основу китайской политики Вашингтона, но внесла в нее определенные изменения. Ослабленный идеологический детерминизм в комбинационной дипломатии Никсона — Киссинджера в сфере отношений с Советским Союзом и Китаем не отвечал правому радикализму Рейгана и его сторонников. В той же мере оказалась неприемлемой установка Картера — Бжезинского на формирование альянса с «коммунистическим Китаем», да еще ценой отказа от союзнических отношений с гоминьдановским режимом (это вместе с тем означало бы потерю Тайваня как важного опорного пункта стратегии выдвинутых рубежей). Отклонив вариации китайской политики предшественников, администрация Рейгана пришла к своей собственной модели, сочетающей идеологический ригоризм консерваторов (неприятие социализма в Китае, верность антикоммунистическому союзнику на Тайване) с прагматической тактикой (попытки повлиять на внешнеполитический курс КНР для подкрепления своих антисоветских позиций)¹⁰. Этим объясняется парадоксальность нынешней китайской политики Вашингтона. Представитель министерства обороны США, выступая в одной из американских судебных инстанций в январе 1988 г., заявил, что Китай «был и остается страной, интересы которой рассматриваются как противоречащие интересам Соединенных Штатов». Наряду с этим администрация Рейгана активно (хотя и с некоторыми довольно существенными ограничениями) развивает отношения с КНР, включая военно-политическую сферу. В Вашингтоне исходят из того, что заинтересованность китайской стороны в деловом взаимодействии с США позволит американской дипломатии обойти тайваньскую проблему, придать отношениям с КНР устойчивый и долгосрочный характер, сохранить те или иные точки совпадения антисоветских интересов, например в Южной Азии, или на Индокитайском полуострове. Работы влиятельных американских политологов дают основания для однозначного вывода: «экономическая дипломатия» Вашингтона имеет в виду увязать КНР в систему «общих интересов», экономической зависимости, «взаимодействия в области региональной безопасности» и этим создать условия для манипулирования «китайским фактором» в сфере мировой политики¹¹. Подразумевается, что американско-китайские отношения, полезные Вашингтону в их нынешнем виде, в дальнейшем могут служить интересам США в качестве существенного геополитического резерва в отношениях с Советским Союзом.

Наряду с тактическими планами, призванными подкрепить внешнеполитические позиции США, внимание американских политических кругов к деловому сотрудничеству с КНР обусловлено более фундаментальными

соображениями. Формируются они под влиянием получившей распространение в США концепции, согласно которой заимствование Китаем техники и технологии у капиталистических государств невозможно без одновременного восприятия системы ценностей буржуазного общества¹². Соответственно признавая в большинстве случаев невозможность уже сейчас экспортировать в КНР капиталистический способ производства и буржуазную демократию, американские теоретики связывают перспективу желательных перемен в этом направлении с углублением всестороннего американо-китайского взаимодействия и усилением американского идеологического влияния на социально-политические процессы в КНР через механизм экономического сотрудничества, культурных контактов, научного сотрудничества, туризма. Пожалуй, наибольшее значение придается сотрудничеству в области образования, рассчитанному на создание в Китае прослойки проамерикански настроенной интеллигенции¹³.

Этим установкам, однако, пока не соответствуют практические возможности США. При том, что экономическая деятельность США в КНР развивалась довольно быстро, ее объем на сегодня, учитывая масштабность взаимодействующих систем, остается довольно скромным. Среди торговых партнеров США Китай находится на 16-м месте. По оценке бывшего министра иностранных дел КНР У Сюэцяня (речь 9 марта 1988 г. в Вашингтоне), американские капиталовложения в Китае не достигают 1,2 % общих инвестиций США за рубежом; экспорт Китая в США составляет менее 1 % американского импорта. Следует отметить, что развивая деловые связи с внешним миром, китайская сторона намерена ограничивать участие иностранного капитала в китайской экономике жесткими рамками (5 % общих инвестиций). Некоторые американские авторы, ссылаясь на экономическую историю Китая, приходят к заключению, что КНР вряд ли когда-либо войдет в число главных экономических партнеров США¹⁴. Не имея пока для американской стороны большого самостоятельного значения, экономическое сотрудничество служит тем не менее основным рычагом реализации политических расчетов правящих кругов США в Китае.

Характеристика внешнеполитической стратегии США в АТР не была бы полной без учета тайваньского аспекта китайской политики Вашингтона. За 40 лет, истекающих с победы народной революции в Китае, подход к Тайваню пережил несколько фаз, однако в основе его неизменно лежала задача сохранения этого важного в стратегическом и социально-политическом планах пункта под американским контролем. Отказавшись в 1979 г. от военного присутствия на острове и в Тайваньском проливе, Вашингтон принял меры к его компенсации. Заинтересованность в безопасности острова (обеспечение сепаратного от КНР существования) была зафиксирована во внутреннем законодательстве США. Законом об отношении с Тайванем, принятым в 1979 г., были созданы вместе с тем юридические основания для оказания гоминьдану помощи в поддержке боеспособности и боеготовности тайваньских вооруженных сил¹⁵. По существу Тайвань играет в американской стратегии роль запасной позиции на случай, если политика КНР перестанет удовлетворять правящие круги США и они сочтут необходимым вернуться к «сдерживанию и изоляции коммунистического Китая». Последние события на острове вносят дополнительный момент непредсказуемости: смерть Цзян Цзинго — этого последнего представителя старой гвардии гоминьдана — ускорила процесс изменения соотношения сил в пользу лидеров коренного тайваньского населения. По своим политическим позициям они значительно отличаются от гоминьдана. Местное население, как правило, не склонно ассоциировать себя исторически или

даже этнически с континентальным Китаем; с другой стороны, его проамериканские симпатии не носят абсолютного характера, местные лидеры не связаны с американскими консерваторами традицией антикоммунистического союза; более того, местное население не раз участвовало в антиамериканских акциях. Эти обстоятельства открывают различные альтернативы развития ситуации и ставят Вашингтон перед необходимостью выбора поведения в этом внутрикитайском вопросе. Совершенно очевидно, что региональный конфликт вокруг Тайваня может приобрести острый характер, если будет продолжено американское вмешательство, будь то в форме попыток сохранить у власти гоминьдан или призвать тайваньских сепаратистов, уповая на их проамериканскую ориентацию (такая возможность учитывалась в политических кругах США на разных этапах развития тайваньской проблемы).

Администрация Рейгана пришла к власти в 1980 г., получив мандат консервативных слоев американского общества на пересмотр уроков поражения агрессии США против народов Индокитая. Во внешней политике это нашло отражение в полном отказе Вашингтона от «доктрины Никсона» и намерений президента Картера сократить американское военное присутствие в Южной Корее. Завершая преодоление последствий военного поражения во Вьетнаме, провала политики «вьетнамизации» и утраты южновьетнамского опорного пункта, администрация Рейгана восстановила в полной мере американскую активность на периферийных направлениях дипломатии.

Было подчеркнуто, в частности, значение Южной Кореи в стратегическом планировании США. Это обусловлено стремлением Вашингтона закрепить за Соединенными Штатами южнокорейский континентальный стратегический плацдарм, повысить его роль в системе «сдерживания» Советского Союза и Китая, создать оперативную базу для действия сил «быстрого развертывания» в этой части АТР. Соответственно Соединенные Штаты отказались от планов сокращения своего присутствия в Южной Корее и перешли к наращиванию здесь своих военных возможностей. С целью привлечения КНР в той или иной форме к реализации своих политических планов, исключающих уход США из Южной Кореи, администрация Рейгана предложила переговоры между КНДР, Южной Кореей, Китаем и Соединенными Штатами (это предложение было отвергнуто правительствами КНР и КНДР). В американских политологических кругах поднимается также вопрос о так называемом перекрестном дипломатическом признании КНДР и Южной Кореи (Соединенными Штатами и Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и Японией) как методе «решения» корейской проблемы и о сепаративном приеме обеих частей Корейского полуострова в ООН.

В соответствии с общими внешнеполитическими установками администрация Рейгана повысила внимание также и к Юго-Восточной Азии, которая вновь стала рассматриваться как существенное звено в глобальной стратегии противостояния социализму. Острые американской политики в ЮВА направляется против социалистических стран Индокитая, которые оцениваются как помеха американским планам и особенно возможностям контролировать стратегические пути, ведущие из Тихого океана в Индийский. Свою стратегию в этом субрегионе американская сторона строит в данное время с учетом неблагоприятного состояния китайско-вьетнамских отношений. Это обстоятельство позволяет, как считают в Вашингтоне, успешно применять здесь «доктрину Рейгана» — политику экспорта контрреволюции. Заявляя в официальном порядке о неприятии полпотовской группировки, американская сторона оказывает кампучийскому «коалиционному правитель-

ству», включающему полпотовцев, финансовую, материальную и тайную военную помощь. Международная напряженность, возникшая в связи с ситуацией на Индокитайском полуострове, используется Соединенными Штатами для попыток сплотить АСЕАН на антикоммунистической платформе, обеспечить условия для закрепления США в Таиланде, который призван компенсировать утраченные позиции в Южном Вьетнаме и значение которого в глобальном внешнеполитическом планировании США заметно возрастает.

Очевидно также повышение внимания правящих кругов США к развитию экономических связей с этим субрегионом, которые становятся существенным направлением американской экономической экспансии. Доступ к промышленному и энергетическому сырью стран тихоокеанской зоны приобретает особую значимость, учитывая относительную политическую стабильность региона по сравнению, например, с Ближним Востоком или Югом Африки. Однако положение Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии осложняется давлением на американские экономические позиции агрессивного японского капитала, пользующегося поддержкой либерально-демократического правительства, которое, преодолевая послевоенный комплекс неполноценности, активно формирует в субрегионе благоприятные политические условия для японской экспансии. Одновременно на историческом горизонте уже обретает конкретные очертания угроза политическим, а затем и стратегическим позициям США со стороны быстро развивающегося Китая, влияние которого в регионе имеет глубокие корни. Правящим кругам США приходится считаться и с тем, что враждебная интересам империализма социальная и идеологическая основа китайской внешней политики рано или поздно может дать о себе знать в конкретном антиимпериалистическом образе действий Китая в этом субрегионе. В политологической литературе Запада высказывается мнение, что ЮВА, особенно Индокитайский полуостров, будет долгое время оставаться зоной напряженности и конфликтов, поскольку здесь более, чем в каком-либо другом месте пересекаются интересы КНР и других великих держав¹⁶. Наконец, и Соединенным Штатам, и Японии приходится иметь в ЮВА дело с «новыми индустриальными странами» (НИС), современная промышленность которых уже успешно конкурирует с Соединенными Штатами и будет во все большей степени сужать местные рынки для американского (и японского) наукоемкого экспорта. В связи с этим Вашингтон, имеющий крупное пассивное сальдо в торговом балансе с НИС (почти 40 млрд. долл.), отменил в начале 1988 г. привилегии для импорта в США из Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня.

Перед лицом неблагоприятных перспектив политическая мысль США обратилась к «тихоокеанской идее» — проекту создания замкнутой тихоокеанской региональной группировки. Правящие круги США предполагают использовать тяготение местных государств к интеграции, чтобы привлечь их перспективой сотрудничества в сфере высокой технологии, осуществить отбор в «сообщество» по социально-политическому признаку и отсеять социалистические страны от участия в международном разделении труда¹⁷. В рамках такой замкнутой группировки было бы к тому же легче «дисциплинировать» ее участников в интересах государства-патрона — статус, за который Соединенным Штатам предстоит острое соперничество с Японией.

Революционные процессы, антиядерное движение в тихоокеанских странах и их влияние на международно-политическую обстановку в регионе в последние 10—15 лет побудили Вашингтон ускорить утверждение американского господства над островами Микронезии, срок опеки США над которыми истек в 1981 г. Особое значение в этом смысле имела утрата Соединенными Штатами южновьетнамских военных баз в Дананге и бухте Камрань.

вызвавшая шок в военных кругах, а также угроза базам США Субик-Бэй и Кларк-Филд на Филиппинах, играющим, как считают в США, ключевую роль в системе сдерживания растущей военной мощи Советского Союза¹⁸. Еще в конце второй мировой войны военное ведомство США добивалось аннексии островных территорий в южной части Тихого океана (управляющихся до этого Японией по мандату Лиги Наций) для создания на них системы баз, обеспечивающих господствующее положение американских ВВС и ВМС над этой частью мирового океана. Неопределенность положения американских баз на Филиппинах и опасения по поводу уязвимости морских путей из Тихого в Индийский океан, идущих вдоль континентального побережья Индокитая, побудили американскую сторону вернуться к этим планам, в свое время отвергнутым администрацией президента Рузвельта. Соединенные Штаты расчленили острова Микронезии на четыре группы и добились закрепления зависимости каждой из них на базе договорного оформления их в качестве «свободной ассоциации» с США. Вновь созданные государства «добровольно» передали Соединенным Штатам свой суверенитет в области внешней политики и безопасности. Речь идет о закреплении колониальной зависимости островных государств Микронезии с целью их милитаризации¹⁹. Вместе с тем возрастающее значение приобретает заинтересованность США в разработке обнаруженных здесь естественных ресурсов, в частности, нефти и цветных металлов, а также использовании островов в качестве базы для разработки минеральных ресурсов дна и эксплуатации биоресурсов океана.

Внешнеполитический курс Вашингтона подкрепляется и обеспечивается целой системой военных мероприятий, отражающих переход США к более агрессивной стратегии в этой части мира. В самые последние годы американским руководством принята серия крупных стратегических решений, относящихся к реорганизации вооруженных сил в АТР, их модернизации и довооружению с акцентом на существенное усиление наступательного потенциала, оборудованию ТВД, его подготовке к боевым действиям; в Тихом океане размещается наступательное стратегическое оружие, создается структура ведения ядерной войны, включая операции в рамках СОИ. К числу наиболее значительных мероприятий такого рода относятся преобразование 3-го Учебно-резервного флота в боевое соединение и усиление 7-го Тихоокеанского флота. В соответствии с планом, рассчитанным на несколько лет, ВМС США в Тихом океане вооружаются ракетами «Томагавк» с ядерными боеголовками и пополняются десятками новых боевых кораблей, включая ядерный авианосец и подводные лодки типа «Огайо» с ракетами «Трайидент-2». Судя по заявлению военно-морского министра США, особая расширенная роль в рамках новой морской стратегии отводится северной части Тихого океана и, в частности, Берингову морю. Имеется в виду, по словам министра, «рассредоточить большую часть Тихоокеанского флота дальше на север». Уместно напомнить, что вдоль берегов Берингова моря проходит участок Северного морского пути, который освоен советским торговым флотом и используется для крупных морских операций, связывающих важные в промышленном отношении арктические районы страны с портами Дальнего Востока и европейской части СССР.

Силы общего назначения, развернутые в зоне Тихого океана на базах в Японии, Южной Корее и на Филиппинах, выделены в самостоятельную группировку со штабом на Гавайских островах. Создан и пополняется парк носителей ядерного оружия в Японии (на базах Мисава и Ивакуни). Дополнительное количество ядерного оружия намечено разместить в Южной

Корее, где уже имеется значительное количество ядерных боезарядов тактического назначения.

Уже существующая в регионе разветвленная система базирования, связи, управления операциями расширяется и совершенствуется. Предпринято строительство на атолле Кваджалейн комплекса сооружений для обеспечения операций СОВ, расширяется военный аэродром на острове Адак (Алеутские острова), в Японии планируется строительство радиолокационных станций дальнего обнаружения и радиостанций на сверхдлинных волнах для использования их совместно с японскими силами самообороны. В 1981 г. в дополнение к многочисленным объектам на территории Австралии США получили согласие этой страны на использование стратегической авиацией и заправщиками базы австралийских ВВС в городе Дарвине. Недавно достигнута договоренность о создании на территории Таиланда резервного арсенала военного времени. Подобные склады оружия уже имеются на континенте в Южной Корее и на островных базах США в Японии, на Филиппинах. По оценке заместителя главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР адмирала Н. И. Смирнова, в ходе реализации «новой морской стратегии» Соединенные Штаты сосредоточили в непосредственной близости от территории СССР, в частности на Дальнем Востоке, «ударные группировки, соизмеримые с группировками военного времени»²⁰.

Линии на милитаризацию Тихого океана и особенно превращению его в театр ядерной войны мешает набирающее силу в регионе движение за предотвращение ядерной войны. Соединенные Штаты ведут в связи с этим борьбу против Договора Раротонга и его эффективной реализации, не приемлют принципы ЗОПФАН* и препятствуют их практическому применению, неизменно выступают против самой идеи безъядерных зон, в частности на Корейском полуострове и в ЮВА, критикуют своих союзников (например, Австралию) и даже применяют репрессалии (например, против Новой Зеландии) за их антиядерную позицию, игнорируют антивоенные положения конституции и безъядерные принципы Японии, навязывая ей милитаризацию и прием американских кораблей с ядерным оружием на борту. Невосприимчива пока американская сторона и к советским инициативам, направленным на уменьшение угрозы ядерной войны, сужение географической сферы ядерных приготовлений, укрепление режима нераспространения ядерного оружия, создание в АТР климата доверия и безопасности, развитие конструктивного взаимовыгодного сотрудничества.

Между тем заключение советско-американского договора по РСД и РМД, определившаяся перспектива сокращения на половину стратегических наступательных вооружений, наметившееся взаимопонимание в подходе к региональным конфликтам неопровержимо свидетельствуют, что назрело время для отказа от конфронтационного мышления. После встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана в Вашингтоне и достигнутых договоренностей американо-советское противостояние в АТР выглядит как опасный анахронизм. Идея единства мира, его неделимости зовет к развитию достигнутого успеха, придает ему всеобщий характер. Взаимопонимание в вопросе о необходимости снижения уровня военно-политического и военного противостояния в АТР могло бы стать крупнейшим шагом на пути к этой цели.

* Принципы мира, свободы и нейтралитета в ЮВА.— Прим. ред.

¹ In: Asia Pacific Community. Tokyo, Fall 1985.

² См.: В. П. Лукнин. «Центры силы» — Концепции и реальность. М., 1983, 253 с.

³ См.: Н. Г. Федулова. Эволюция политики США в азиатско-тихоокеанском регионе, 70—80-е годы. М., 1987, с. 191.

⁴ См.: В. А. Вревский, С. Л. Кулиджанов. Тихий океан в ядерной стратегии США.— В кн.: Тихий океан, 84: Политика, экономика, культура. Сб. ст. М., 1986, с. 6—28.

⁵ In: M. Dasse. Asie-Pacifique: la nouvelle bataille.— "La défense nationale", 1986, fevrier.

⁶ In: "Japan Review of International Affairs", vol. 1, Fall/Winter 1987, N 2, p. 132.

⁷ Подробнее см.: А. Б. Парканский. Америко-японские противоречия в 80-е годы. М., 1987, 152 с.

⁸ См.: «Гэкан НИРИ» (Токио), 1985, № 4, с. 56—61.

⁹ Связь паназиятизма как идейного течения с агрессивной политикой японского государства исследует американский историк Стефан Хэй. См.: S. N. Hay. Asian ideas of East and West. Cambridge, 1970, 480 p.

¹⁰ In: R. L. Garthoff. Detente and confrontation. Washington, 1985, p. 1038—1050.

¹¹ In: Z. Brzezinski. Game plan. A geostrategic framework for the conduct of the U. S.— Soviet contest. Boston — N. Y., 1986, p. 210—220.

¹² In: Beyond China's independent foreign policy: Challenge for the U. S. and its Asian Allies. N. Y., 1985.

¹³ По американским оценкам, за десятилетие с 1979 по 1989 г. в США получают подготовку свыше 30 тыс. китайских специалистов. См.: "China Exchange News", vol. 14, 1986, № 1, p. 4.

¹⁴ J. A. Gregor. The China connection. U. S. policy and the People's Republic of China. Stanford, 1986, p. 194.

¹⁵ In: "Taiwan Relations Act, Public law 96—8", 10.IV.1979.

¹⁶ International security in the Southeast Asian and Southwest Pacific region. N. Y., 1983, p. 241—265.

¹⁷ Некоторые проекты «тихоокеанского сообщества» предусматривают участие КНР. См.: «Тихоокеанское сообщество»: планы и перспективы. М., 1987.

¹⁸ In: China Policy for the next decade. Report of the atlantic council's Committee on China Policy. Boston, 1984, p. 273.

¹⁹ Комитет ООН по деколонизации осудил в августе 1986 г. незаконные действия США, направленные на аннексию Микронезии. Советское правительство в Заявлении ТАСС от 13 ноября 1986 г. и ноте, переданной госдепартаменту США в январе 1987 г., квалифицировало эти акции США как произвольные и лишённые юридической силы. См.: Правда, 13.XI.86; 23.I.87.

²⁰ См.: «Красная звезда», 16.V.1987.

Японский подход

Б. В. ПОСПЕЛОВ,
доктор исторических наук

В конце 1985 г. правящая уже несколько десятилетий в Японии Либерально — демократическая партия (ЛДП) приняла новую программу¹. В экономической сфере программа предусматривает «новый скачок», аналогичный тому, который наблюдался в стране в 60-х гг. Целью ставится удвоение национального дохода к 2000 г. В новой программе большое место занимает и внешнеполитический аспект. Особое внимание при этом уделяется «исторической миссии Японии осуществить необходимые мероприятия в интересах последующих поколений и всего международного сообщества». Новая программа ЛДП, таким образом, нацелена на повышение международной роли страны и ее влияния в западном мире как одной из ведущих держав.

Проблема отношений с США занимает главное место во внешнеполитической философии ЛДП. Усилия ее идеологов сосредоточены ныне на двух аспектах двусторонних отношений. Первый из них имеет общеметодологическое значение, определяя перспективы развития международной обстановки в целом и в особенности в АТР.

Миропониманию японских правящих кругов присуща убежденность в том, что существующая ныне система господства США «пакс-Америка» неизбежно клонится к закату и на смену ей идет система «пакс-Япония», которая сегодня встает вровень с системой «пакс-Америка». Для доказательства этого тезиса в японской политологической литературе используются различного рода футурологические теории, утверждающие идею о безграничных возможностях Японии в сфере экономики. В распространении данного тезиса большую роль играют экономические прогнозы, содержащие оптимистическую оценку динамики индустриального роста страны¹. Прогнозирование темпов экономического развития достаточно затруднено, однако, учитывая опыт японского предпринимательского мира в деле организации производства, продемонстрированный им в 60-х гг., можно предположить, что значительная часть намечаемых планов в сфере экономики будет выполнена. Эти планы нацелены на достижение Японией по основным показателям уровня экономического развития США.

Для подтверждения вывода о закономерности дальнейшего роста влияния Японии на мировой арене и оттеснении из АТР США японские политологи прибегают к культурно-историческим параллелям, оперируют категориями геополитики, используют концепции о неизбежности перемещения центра мировой цивилизации в бассейн Тихого океана, ведущую роль в развитии которого, по убеждению японских прогнозистов, сыграет Страна восходящего солнца. Утверждается, что европейская цивилизация ныне переживает «прогрессирующий упадок», американская же «пока еще процветает», но, по убеждению многих, нуждается в новом «горючем материале»².

Второй аспект взгляда на японо-американские отношения наполнен международно-политическим содержанием практического значения. Усилия многих японских исследователей направлены на решение вопроса, как система «пакс-

Япония» будет сосуществовать со все еще могущественной системой «пакс-Америка». Они хотели бы, чтобы в рамках союза с Соединенными Штатами Япония на глобальном уровне и в бассейне Тихого океана играла такую же роль, какую в прошлом играла Англия как страна, связанная с Вашингтоном системой «особых отношений»³.

В качестве факторов международного развития в одной из политологических концепций выдвигается военная и финансовая структуры, а также структура информации. Первая и вторая именуется «жесткими», структура информации квалифицируется как «гибкая». В нее входят: во-первых, внешнеполитическая деятельность, взятая как совокупность дипломатических акций, связей между неправительственными организациями и другие формы внешнеполитической активности; во-вторых, культурная деятельность, включающая в себя широкий спектр различных мероприятий научного и идеологического характера, осуществляемых вне Японии; в-третьих, менеджментская деятельность, направленная на использование накопившегося потенциала управленческих навыков за пределами своей страны. Притягательная сила успехов страны в развитии новейших отраслей экономики настолько велика, настолько укоренилось в мышлении японцев убеждение, что «жесткая» система — это символ устаревшего, отжившего, а «гибкая» — это показатель особой новизны и развитости, что японские ученые решили распространить эти определения из области технико-экономических наук на характеристику форм и методов международной политики. Согласно этой концепции, за США сохраняется «жесткая» система средств международной деятельности — военная сила и валютно-финансовые операции. Что же касается Японии, то она должна ориентироваться в основном на «гибкую» структуру, оставив из «жестких» систем лишь область финансов.

В сфере двусторонних отношений подобная формула приобретает значение постулата, доказывающего закономерность противоречий между Японией и США. Японский политолог Т. Яно пишет: «Сила, стимулирующая развитие японской цивилизации, — это уже не военная сила, присущая статичной цивилизации, а сила экономическая. Достижения цивилизации, которые Япония может донести до других стран в ходе общения с ними, символизируются в экспортируемых ею товарах»⁴.

С точки зрения несходства двух цивилизаций в Японии подходят и к торгово-экономическим противоречиям с США, считая их неизбежными. Более того, некоторые из токийских прогнозистов предсказывают их дальнейшее обострение. Ранее цитируемый автор утверждает: «Наблюдающиеся за последнее время экономические трения между Японией и США, между Японией и Западной Европой возникают в результате столкновения двух цивилизаций. Поэтому такого рода явления, переплетаясь друг с другом в экономической, политической и культурной областях, принимают сложные формы и будут существовать длительное время. К тому же с течением времени произойдет их углубление»⁵.

ЛДП и японское правительство в последнее время широко рекламируют курс на «реорганизацию» структуры японской промышленности и расширение внутреннего спроса с целью изменения экспортной ориентации и ликвидации дисбаланса в японо-американской торговле. Но осуществление этого курса, по признанию одного из нынешних лидеров ЛДП, председателя Совета по изучению экономической структуры М. Ито, «это исключительно трудное дело, требующее быстрых структурных изменений, но для решения проблемы понадобится длительное время»⁶. Иными словами, рекламируемой реорганизации мешают не только чисто экономические факторы (недостаточность средств у правительства, нежелание предпринимателей вкладывать капиталы в отрасли,

работающие на внутренний рынок, как менее прибыльные и т. д.), но и особенности мышления представителей значительных кругов предпринимательского мира, усматривающих в экспорте товаров и капитала канал для распространения японской цивилизации и удовлетворения на этой основе националистических амбиций.

Некоторые японские политологи идут дальше простой констатации закономерности и «благости» для Японии торгово-экономических противоречий с США. Убежденные в невозможности японо-американского военного конфликта с применением ядерного оружия, они доказывают неизбежность столкновения в сфере экономики. «Япония и США все больше будут втягиваться в смертельную схватку за выживание», — утверждает С. Уmano⁷. Это столкновение, по его мнению, станет «последней войной между Японией и США» (считается, что первой такой войной была война на Тихом океане. — Б. П.), в которой победа «в силу географических и исторических факторов»⁸ окажется на стороне Японии.

В тезис о неотвратимости близкого столкновения Японии с США в экономической сфере зачастую привносится расистский оттенок. Так, С. Уmano, касаясь перспектив двусторонних отношений, провозглашает, что ныне «государство желтых — Япония — вступает в жестокую борьбу с самым могущественным в истории государством белых — США». Япония представляется автором как «авангард великой мировой цивилизации, впитавшей на национальной основе китайскую, индийскую и западноевропейскую цивилизации». Это «не имеющее себе равных» в мире государство, то есть Япония, провозглашает теоретик, призвано «разрушить» США⁹.

Само собой разумеется, что вышеприведенные доводы японского эксперта, направляемые в адрес США, не должны приниматься как научный прогноз двусторонних отношений, немало в них чисто личностных моментов, объясняемых особой мировоззренческой позицией исследователя. Но они весьма значительны в том отношении, что наглядно демонстрируют, до какой степени эмоционального накала дошли ныне японо-американские противоречия в торгово-экономической сфере, как в Японии воспринимается диктат, к которому прибегают США, осуществляя свою экономическую стратегию в отношении этой страны.

«Послевоенный период дал свидетельства глубокой модификации противоречий, которые определяли главные процессы мировой экономики и политики», — подчеркнул М. С. Горбачев в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается», имея в виду такое развитие противоречий, «которое в прошлом неумолимо приводило к войне, к мировым войнам между самими капиталистическими государствами»¹⁰.

Характер отношений между Японией и США наглядно свидетельствует об одной из форм такой «модификации», одной из разновидностей межимпериалистического соперничества.

Амбициозные планы японской господствующей элиты по формированию системы «пакс-Япония» и превращению Токио в один из крупнейших валютно-финансовых центров мира заставляют ее с особой настойчивостью добиваться укрепления своих позиций в Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности в странах АСЕАН, с целью создания здесь плацдарма для проведения глобальной политики в будущем. В 1986 г. Япония вышла на первое место в мире по сумме вывезенного капитала, японские банки оставили далеко позади американские по объему банковских операций. В политических кругах Японии считают, что Страна восходящего солнца к началу 90-х гг. по общей сумме предоставленных кредитов станет третьей, после США и Англии, державой в мире. Им не дает покоя пример США, которые, как писал

один политолог, «для реализации своих возможностей имеют свою международную систему». По их убеждению, Япония также должна создать аналогичную систему¹¹, имея в виду Восточную и Юго-Восточную Азию.

Уже сейчас масштабы проникновения Японии в зону АТР достаточно велики¹². По объему капиталовложений и степени предпринимательской активности она стоит вровень с США, а в некоторых странах превосходит их.

Положение в азиатской зоне Тихоокеанского бассейна во многом определяется глубокой технической и торгово-экономической зависимостью стран Восточной Азии и АСЕАН от Японии. Их внешняя торговля во все большей степени ориентируется на японский, а не на американский рынок. Велика задолженность развивающихся стран этого региона японским банкам¹³.

Ныне, по свидетельству японских источников, в странах АСЕАН и Южной Корее укоренилось мнение, что они являются «периферией» Токио, ставшего «финансово-экономическим центром»¹⁴. Большую роль в привязывании их национального хозяйства к японской промышленной структуре играет «демонстрационный эффект». Завороженные быстрыми темпами экономического развития Японии правящие круги этих стран видят в японской системе предпринимательства образец для подражания в области организации производства, подготовки кадров и т. д. В свое время премьер-министр Малайзии Махатхир, призывая учиться у Японии, провозгласил лозунг «Смотреть на Восток».

В целом положение Токио в этом регионе является настолько прочным, что позволяет некоторым японским политологам, близким к ЛДП, утверждать, что в ЮВА уже формируется «сфера японской цивилизации»¹⁵.

Как можно оценить торгово-экономическую политику Токио по отношению к развивающимся обществам? Нельзя не видеть, что она приносит определенные результаты, стимулируя их индустриальный рост в рамках капиталистического развития.

Однако эта политика, именуемая в официальных документах и буржуазной политологической литературе «помощью», в целом носит неравноправный, неколониалистский характер, диктуемый в конечном итоге политическими целями японских финансово-промышленных корпораций. Можно было бы привести не один довод в доказательство такого вывода. Так, обращает на себя внимание тот факт, что прямые капиталовложения Японии, как, впрочем, и США, в развивающиеся страны означают не приток, а отток капитала из этих стран, ибо осуществляются в значительной степени за счет полученных здесь прибылей. Средства, как правило, вкладываются в производство, ориентированные на внутренний рынок, что ослабляет экспортные возможности освободившихся государств. Японские и американские предприятия в АСЕАН в значительной степени ограничивают здесь рост занятости, либо просто стимулируют безработицу. Национальные предприятия в силу научно-технического отставания не могут конкурировать с иностранными фирмами и вынуждены сокращать свое производство. И эти, и другие факторы стали одной из причин громадной задолженности развивающихся обществ Японии, а также США.

Усиливается негативное воздействие экономической стратегии Японии в АТР на окружающую среду. Японские компании стремятся переносить в страны региона наиболее вредные производства, они хищнически используют лесные ресурсы, не заботясь об экологических последствиях своей политики.

Ныне масштабы проникновения в национальное хозяйство развивающихся стран уже не удовлетворяют правительственные и финансово-промышленные круги Японии, и они строят планы резкого расширения своей активности в этом регионе. Такого рода планами пронизаны все внешнеполитические до-

кументы ЛДП последнего времени. Их обоснованию служат политологические исследования теоретиков, разрабатывающих основы внешнеполитического курса страны. Так, один из них недавно писал: «Наша страна, получив наибольшие блага от послевоенного мира, создала колоссальную промышленность, технический потенциал, источник высококвалифицированных кадров, накопила громадные капиталы. Не будет преувеличением сказать, что от того, какое приложение найдут эти еще не использованные громадные ресурсы, зависит будущее мира. Нас начинает охватывать решимость направить эту силу в качестве стратегического резерва для создания основы нового мирового порядка»¹⁶.

В Токио с беспокойством наблюдают за ростом экономического влияния в зоне АСЕАН западноевропейских стран, болезненно реагируют там и на изменения политики США, если она направлена на усиление американского экономического присутствия в регионе. В выступлениях ответственных деятелей Японии как негативный факт расценивается рост влияния в Индонезии западногерманских промышленников, в частности концерна Мессершмидта; растет настороженность в связи с усилением активности калифорнийских деловых кругов, которые, как утверждается, «заняли господствующие позиции во внешнеэкономических отношениях Джакарты»¹⁷.

Из факторов, составляющих систему международных отношений, Япония в Восточной и Юго-Восточной Азии намерена использовать средства валютно-финансового давления, а также те, которые входят в понятие «гибкая структура». Расширяется дипломатическая активность Токио в отношениях со странами АСЕАН. Укрепляются контакты между Токио и странами Восточной и Юго-Восточной Азии по линии неправительственных организаций. Усиливается культурное проникновение Японии в АТР. Наконец, все большее значение приобретает такой элемент «гибкой структуры» внешнеполитических связей Японии, как менеджментская деятельность в АСЕАН. Одной из ее составных частей является формирование прояпонских взглядов, которые способствовали бы японскому проникновению в национальные экономики этих государств.

Нельзя не признать, что в ряде стран АСЕАН и Дальнего Востока еще сильны антияпонские настроения, связанные с воспоминаниями о злодеяниях, совершенных японскими агрессорами на их территориях в годы второй мировой войны. Однако сейчас патриотические устремления представителей общественности этих стран все более направляются против США в связи с их политикой поддержки реакционных режимов, потерявших доверие народа¹⁸. К тому же антияпонизм местных жителей вызывается в современных условиях не столько политическими акциями Японии в регионе, сколько неоправдавшимися ожиданиями относительно размеров, характера и условий предоставления ею экономической «помощи», а также действиями японских промышленников, не всегда считающихся с национальным достоинством местных кадров. Японские внешнеполитические ведомства и официальная пропаганда в определенной мере гасят критику в адрес Японии миролюбивой фразеологией и широкой рекламой японской «экономической помощи». Но на деле эта помощь, преследующая неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИЕ цели, углубляет трудности развивающихся стран, подрывает их экономическую безопасность, что чревато серьезными последствиями для дела мира в регионе. Однако некоторые представители правящих классов этих стран, руководствуясь интересами сиюминутной выгоды, часто оставляют без внимания эту черту экономической политики Токио, что находит свое отражение и в широком общественном сознании. При всем своем настороженном отношении к японским предпринимательским кругам все большие группы общественности в ряде государств АСЕАН и Дальнего Востока связывают будущее своих стран с Японией.

а не США¹⁹, и в целом позиции Токио в Восточной и Юго-Восточной Азии заметно усиливаются.

* * *

Итак, можно выделить следующие исходные позиции внешнеполитической философии правящей Либерально-демократической партии Японии, лежащие в основе ее стратегии на мировой арене и в азиатско-тихоокеанском регионе.

Во-первых, внешнеполитическая линия партии определяется теперь не столько принадлежностью Японии к военно-политическому блоку с США, сколько стремлением к усилению роли Японии в сообществе стран рыночной экономики.

Во-вторых, внутри ЛДП существует течение, ратующее за наращивание вооруженных сил Японии, создание собственного военного потенциала и проведение внешней политики, основанной на использовании военной мощи государства. Одновременно с этим определенные круги научной общественности, а также ряд деятелей ЛДП в качестве решающего фактора, обеспечивающего мощь государства в условиях научно-технической революции и позволяющего Японии повышать свою роль на мировой арене, начинают рассматривать не военную силу, на которую опираются США, а экономику, прежде всего ее гражданские отрасли, научно-технический потенциал, в развитии которых Япония добилась значительных успехов. Между ними и сторонниками военной ориентации идет теоретическая полемика, исход которой пока не ясен.

В-третьих, внутри партии преобладает мнение о необходимости разделения ролей между США и Японией на международной арене. При этом Токио должен взять на себя осуществление преимущественно экономической, а также культурной дипломатии, а США должны сохранить и в будущем за собой сферу военно-политической деятельности.

В-четвертых, несмотря на существование значительных центростремительных сил в рамках союза с США, позволяющих говорить о взаимозависимости и взаимодополняемости японской и американской экономик, некоторые идеологи партии исходят из признания неизбежности усиления центробежных тенденций в двусторонних отношениях, которые могут привести к серьезным экономическим потрясениям в западном мире.

¹ «Экономист», 23.XI.1984, с. 18.

² «Дзю минсю», 1986, № 10, с. 40.

³ «Экономист», 23.XI.1984, с. 18.

⁴ «Тюо корон», 1986, № 8, с. 93.

⁵ Там же, с. 101.

⁶ «Дзю минсю», 1986, № 10, с. 76.

⁷ С. Уmano. Последняя война между Японией и США. Токио, 1983. с. 6 (на яп. яз.).

⁸ Там же, с. 251.

⁹ См.: С. Уmano. Указ. соч., с. 251.

¹⁰ «Коммунист», 1987, № 17, с. 32.

¹¹ См.: «Экономист», 23.XI.1984.

¹² Речь идет о странах АСЕАН, Южной Корее, Гонконге.

¹³ См.: «Сэкай», 1984, № 2, с. 154.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См.: «Тюо корон», 1985, № 1, с. 116.

¹⁶ Там же, 1987, № 2 с. 170.

¹⁷ «Дзю минсю», 1986, № 10, с. 87.

¹⁸ См.: «Сэкай», 1984, № 2.

¹⁹ Там же.

Взгляд из Пекина

О. Л. ОСТРОУХОВ

Несмотря на традиционно высокую роль стран азиатско-тихоокеанского региона в системе внешних связей Китая, вплоть до самого последнего времени у руководства КНР не существовало какой-либо единой внешнеполитической стратегии, предназначенной для данного региона. До середины 80-х гг. само понятие «АТР» носило в китайском политическом лексиконе исключительно географический характер, к тому же весьма условный. Соответственно внешняя политика КНР в регионе представляла собой фактически сумму двусторонних отношений Китая с государствами АТР.

В последние годы в китайской политологии стал формироваться взгляд на АТР не просто как на совокупность государств, объединенных исключительно по принципу географической принадлежности, но как на определенную экономико-географическую и политическую категорию, обозначающую сообщество стран, которых объединяют высокие темпы экономического роста, активизация на этой основе внутрорегионального экономического сотрудничества и отношений взаимосвязи, необходимость преодолевать возникающие в этой связи экономические трудности и противоречия, а также глубокая степень переплетения политических и военно-стратегических интересов. В соответствии с этим новым взглядом стала строиться вся азиатско-тихоокеанская политика КНР в регионе.

Во внешнеполитическом разделе доклада Чжао Цзяняна на четвертой сессии ВСНП шестого созыва 25 марта 1986 г. подчеркивалось: «Китай — развивающаяся социалистическая страна, а также держава с более чем миллиардным населением; мы глубоко сознаем свои долг и обязанности на международной арене. Мы сделаем еще больший вклад в дело мира во всем мире и прогресса человечества»¹. И это заявление нельзя рассматривать как простую декларацию. К середине 80-х гг. произошел пересмотр многих положений внешнеполитического курса Китая, его роли в мировых делах: КНР активизировала свою деятельность в ООН, стала прилагать значительные усилия для решения ряда острых международных конфликтов (например, в урегулировании ирано-иракского конфликта). Разумеется, что при реализации подобной внешнеполитической стратегии Китай не может позволить себе оказаться на периферии регионального развития, потеряв «право голоса» в решении его важнейших вопросов, в том числе такого серьезного, как проблема регионального сотрудничества.

К середине 80-х гг. Китай достиг значительных успехов в экономическом развитии, была создана база для расширения хозяйственных связей с внешним миром, увеличился объем внешнеэкономических связей и их роль в народном хозяйстве страны. С этого времени берет начало новый этап «открытой политики», одной из основных задач которого стало повышение уровня внешнеэкономических отношений Китая, в том числе и прежде всего со странами АТР². В этих условиях в КНР, разумеется, не могли не уделить должного внимания идеям «тихоокеанского сотрудничества», разработке собственной позиции по вопросу экономического взаимодействия стран АТР и роли в нем Китая.

С другой стороны, в Китае поняли, что существующую в странах АТР заинтересованность в отношении идей регионального взаимодействия можно исполь-

зовать в собственных интересах. Будучи особенно заинтересованной в получении прямых иностранных инвестиций и передовой технологии, КНР очень рассчитывает в этой связи на развитие торгово-экономических отношений с Японией. При этом в целях оказания определенного воздействия на японский капитал, который пока неохотно идет на инвестиционное и технологическое сотрудничество с КНР, китайские представители используют (среди прочих средств) некоторую спекуляцию на идеях «тихоокеанского сотрудничества» (в осуществлении которых японские правящие круги, как известно, очень заинтересованы). Необходимость устранения японской стороной трех препятствий на пути развития китайско-японского торгово-экономического сотрудничества (несбалансированность китайско-японской внешней торговли, небольшие масштабы и низкие темпы роста японских прямых инвестиций в КНР, ограничения с японской стороны на передачу КНР передовой технологии) аргументируется, в частности, тем, что это будет вызвано «объективными потребностями развития экономического сотрудничества во всем азиатско-тихоокеанском регионе в XXI веке»³.

Каковы же основные выводы китайских специалистов в отношении нынешней ситуации в АТР, перспектив ее развития, проблем экономического взаимодействия стран региона, места и роли КНР среди государств АТР?

В качестве основных структурообразующих факторов региональной ситуации китайские исследователи отмечают быстрые темпы экономического роста стран региона и активизацию торгового, научно-технического, инвестиционного, финансового сотрудничества между ними⁴.

Успехи в экономическом развитии стран АТР и активизацию международного сотрудничества в регионе китайские ученые объясняют следующими причинами: наличием благоприятных природных условий; относительной стабильностью политической обстановки, без которой невозможно стабильное экономическое развитие; стратегической линией тихоокеанских государств, уделяющих все большее внимание развитию отношений с другими государствами региона; успешным проведением странами АТР «открытой политики»⁵. К причинам успешного экономического развития стран АТР некоторые китайские исследователи относят также экономический подъем в странах Запада, прежде всего в США, приведший к расширению внутреннего рынка, что, в свою очередь, оказало благотворное влияние на экономику стран АТР, проводящих политику ориентации на экспорт⁶.

Серьезным фактором, оказывающим неоднозначное воздействие на экономическое развитие стран региона, является научно-техническая революция. С одной стороны, НТР, как единодушно отмечают китайские ученые, предоставила развивающимся странам шанс догнать развитые государства путем использования новых технологий в целях модернизации устаревшей индустриальной базы, повышения конкурентоспособности своих товаров на международных рынках⁷. Но, с другой стороны, НТР несет развивающимся странам новые трудности. Во-первых, технологическая перестройка традиционных производств, массовое применение в них роботов и автоматизированных систем значительно снижают заинтересованность капитала из развитых государств в использовании дешевой рабочей силы в развивающихся странах, что в большой мере затруднит для некоторых развивающихся стран дальнейшее экономическое развитие. Во-вторых, ожесточенная борьба между развитыми капиталистическими странами за обладание передовой технологией приведет к дальнейшему развитию технологического протекционизма, усложнит научно-технический рост развивающихся стран; в этой связи китайские исследователи указывают на тенденцию к увеличению разрыва в уровнях развития науки и техники между развитыми капиталистическими и развивающимися странами⁸.

Углубление и расширение международного сотрудничества в АТР и экономи-

ческий рост стран региона значительно осложняются, по мнению китайских исследователей, серьезными противоречиями, существующими в сфере региональных экономических отношений. К одной из групп такого рода противоречий ученые КНР относят торгово-экономические трения между Японией и США, которые, по их словам, оказывают неблагоприятное воздействие не только на отношения двух стран, но и на развитие всей системы международных отношений в АТР. Будучи неизбежными (обе страны проводят политику поощрения экспорта и ограничения импорта) и имея тенденцию к усложнению и обострению, американо-японские трения, считают китайские специалисты, создают угрозу вызвать со стороны США введение в целях борьбы с экспансией японского экспорта политики протекционизма, которая нанесет ущерб развитию торговли как в АТР, так и во всем мире⁹.

Наиболее серьезной группой противоречий в КНР считают противоречия между развитыми капиталистическими и развивающимися странами АТР, наиболее ярко выражающиеся в отношениях между Японией и развивающимися странами региона (недоступность ее рынков для промышленных товаров из развивающихся стран, «излишняя строгость» ограничений при передаче им передовой технологии, искусственное занижение цен на сырье и полуфабрикаты)¹⁰. Решение проблемы «Юг—Север» является, по мнению китайских исследователей, ключевым фактором дальнейшего экономического развития АТР и укрепления международного сотрудничества в регионе.

При этом, однако, ряд китайских ученых считают, что в настоящее время нельзя смотреть слишком оптимистично на возможность улучшения отношений между странами Севера и Юга, поскольку США, Япония и другие развитые страны АТР активно или пассивно противятся введению нового международного экономического порядка (НМЭП), а страны «третьего мира» не могут найти общего языка из-за значительного различия интересов. Хотя коренные интересы развивающихся стран едины, однако из-за схожести производства и экспорта между некоторыми из них (прежде всего странами АСЕАН и «новыми индустриальными странами») также возникают противоречия¹¹.

Учитывая действие вышеперечисленных негативных факторов, к которым можно добавить сильную зависимость стран АТР от внешних рынков и специфические хозяйственные трудности этих стран, китайские специалисты делают вывод, что в предстоящие годы условия экономического развития государств региона ухудшатся, темпы экономического роста замедлятся. Однако благодаря наличию в АТР богатых природных и людских ресурсов, самого обширного в мире потенциального рынка, больших возможностей экономического развития, а также ввиду того, что в США не произойдет в ближайшее время серьезного экономического кризиса, а Япония в то же время вынуждена постепенно открывать свой внутренний рынок для других стран, экономика в АТР будет развиваться более высокими темпами, чем в других регионах мира¹².

Значительно продвинулись китайские ученые в изучении проблем регионального сотрудничества. К середине 80-х гг. они исследовали не только японскую концепцию «тихоокеанского сообщества», но и соответствующие планы США и пришли к заключению, что активизация в Соединенных Штатах в начале 80-х гг. (и особенно после 1984 г.) деятельности по разработке принципов тихоокеанского экономического сотрудничества отразила стремление американских правящих кругов найти альтернативу японской концепции, в которой США видели угрозу своему монопольному лидерству в АТР. В результате была разработана американская концепция «тихоокеанского сообщества», в соответствии с которой предлагалось образовать в АТР более тесную и замкнутую, чем это предусматривалось японским планом, организацию (по типу ЕЭС), с тем чтобы сохранить свои господствующие позиции в экономике и политике ре-

гиона¹³. В военном отношении американская концепция предусматривает формирование «стратегической структуры», охватывающей как северную часть Тихого океана, где должны быть созданы «направленные против СССР самые надежные силы устрашения», так и южную часть Тихого океана, где будут усиливаться связи между членами АНЗЮС; предполагается также активизация военного сотрудничества США и стран АСЕАН. В политическом отношении предлагается организовать институт политического сотрудничества для осуществления координации и контроля со стороны американской администрации региональных отношений в военной, экономической и других областях¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что при анализе американской концепции «тихоокеанского сообщества» китайские исследователи говорят исключительно или главным образом о военно-политическом аспекте, оставляя в стороне ее экономическое содержание. Если иметь в виду, что КНР, как говорилось выше, выступает против проведения регионального сотрудничества в военной или политической сферах, то тогда подобный подход к американской концепции «тихоокеанского сообщества» нельзя рассматривать иначе как проявление неприятия китайской стороной американского подхода к проблемам тихоокеанского взаимодействия. Более того, складывается впечатление, что КНР не выражает заинтересованность в таком механизме регионального экономического сотрудничества, где бы США играли активную роль и уж тем более — роль лидера.

Что касается дальнейших действий Японии в данной области, то она, как отмечает сотрудник Шанхайского института международных проблем Би Чжихэн, учитывая неготовность стран региона объединиться в «тихоокеанское сообщество», ослабила в последнее время пропаганду своей идеи на словах и усилила практическую деятельность по ее осуществлению. Главным в этих усилиях стало значительное увеличение японских капиталовложений в странах региона¹⁵. На центральную роль японских зарубежных инвестиций в АТР как средства проведения плана Японии по созданию «тихоокеанского сообщества» указывают и другие китайские исследователи¹⁶.

Говоря о японских и американских планах достижения лидерства в тихоокеанском экономическом сотрудничестве, директор Шанхайского института международных проблем Чэнь Цимао отмечает, что японским и американским правящим кругам будет трудно их реализовать, поскольку против этого решительно выступают развивающиеся страны региона, а также из-за того, что Япония и США, борясь за осуществление своих замыслов, будут ослаблять и сдерживать друг друга¹⁷.

Китайские ученые не обошли вниманием и план развития сотрудничества в АТР, с которым в июле 1984 г. выступили страны АСЕАН («Диалог 6+5»)¹⁸. Заместитель директора Шанхайского института международных проблем Го Чжаоле назвал его «важным планом АСЕАН борьбы за инициативу и усиление собственных позиций в новых условиях»¹⁹, то есть в условиях активной деятельности Японии и США по реализации своих концепций.

В последние два — три года стала более четко обозначаться китайская позиция в отношении путей дальнейшего развития регионального сотрудничества.

Прежде всего было признано, что тихоокеанское региональное экономическое сотрудничество, пройдя в 70-е гг. этап предварительного обсуждения и практического экономического обмена, в настоящее время фактически уже начало осуществляться. Разработка практических проектов такого сотрудничества ведется в рамках Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РЕСС) и «Диалога 6+5». Усиление тихоокеанского сотрудничества, по словам китайских экспертов, благоприятствует экономическому развитию региона, тенденция к активизации регионального экономического

взаимодействия приобрела устойчивый характер²⁰; для этого созрели необходимые объективные условия и предпосылки.

Надежную базу и объективную возможность для объединения развивающихся стран АТР в целях проведения регионального экономического сотрудничества представляет общность их целей и интересов в борьбе за экономическую независимость, ликвидацию остатков колониального прошлого, введение нового международного экономического порядка.

Далее, экономической основой для налаживания активного регионального сотрудничества является быстрый экономический рост стран АТР и усиление их взаимозависимости в ходе торгово-экономического обмена. Важной объективной предпосылкой развития взаимовыгодного сотрудничества стран Севера и Юга представляется то обстоятельство, что ряд экономически развитых стран региона испытывает нехватку природных ресурсов, а богатые природными ресурсами развивающиеся страны остро нуждаются в притоке капиталов и передовой технологии.

Более тесному сотрудничеству стран АТР благоприятствуют и географическая близость, удобное транспортное сообщение, традиционные связи в социальной, культурной и экономической сферах²¹.

Однако тихоокеанское сотрудничество, по мнению китайских исследователей, из-за крайней сложности обстановки в регионе, неравномерности экономического развития различных государств, а также из-за наличия в регионе государств различных социальных систем, существования многочисленных различий исторического, географического, политического и экономического характера не сможет принять форму сообщества или другой «единой, целостной и прочной группировки, которая стала бы единой экономической и политической силой»²². Тем не менее китайские ученые полагают, что имеются благоприятные условия для «осуществления в АТР уже в настоящее время свободного, равноправного, неинституционализированного сотрудничества, координирования внешнеэкономических связей различных государств»²³. Это сотрудничество должно проводиться исключительно в сферах экономики и культуры, но не в военно-политической области, оно «не должно стать орудием в руках одной сверхдержавы в борьбе против другой». По мнению китайских исследователей, надо начать с сотрудничества в отдельных ограниченных сферах экономики, используя многообразные формы, уровни, каналы взаимодействия, и постепенно его развивать²⁴. При этом сотрудничеству на правительственном уровне должен предшествовать этап неофициальных консультаций²⁵.

Более вероятными формами регионального экономического сотрудничества в предстоящий период времени китайский исследователь Кэ Цзюйхань считает два вида экономического сотрудничества: взаимодополняемость и урегулирование региональных экономических отношений. Первый вид предполагает установление отношений взаимной выгоды и взаимозависимости на основе использования взаимодополняемости стран региона в области торговли промышленными товарами и природными ресурсами, в финансовой и технологической сферах. Второй вид предусматривает упорядочение и урегулирование структур производства, стратегий экономического развития и международных экономических отношений в регионе и установление на этой основе более научного и рационального международного разделения труда, при котором каждое государство могло бы с наибольшей выгодой использовать специфические преимущества, получать больший эффект от внешнеэкономической деятельности, а также избегать экономических трений с другими государствами региона²⁶.

Ключевым фактором, влияющим на процесс развития тихоокеанского экономического сотрудничества, в КНР называют урегулирование противоречий между развитыми капиталистическими и развивающимися странами региона. При

этом самую активную роль в решении этой проблемы должны сыграть налаживание сотрудничества между развивающимися странами и выработка ими коллективной платформы в диалоге Север—Юг. Для этого должны быть разрешены следующие проблемы: в политической области — организация «единства для отпора экспансии гегемонизма» и поддержание мира; в экономической области — «координация единых действий» в борьбе за установление равенства и справедливости в международных отношениях²⁷.

Таким образом, ядро тихоокеанского экономического сотрудничества должно составить, по мнению китайских экспертов, сотрудничество стран «третьего мира». По-видимому, это объясняется, с одной стороны, тем, что в рамках нынешнего курса руководства КНР на диверсификацию внешнеэкономических связей развивающимся странам АТР уделяется все большее внимание: рынки этих стран поглощают большое количество китайских экспортных товаров (положительное сальдо в торговле с развивающимися странами АТР в значительной степени покрывает дефицит КНР в торговле с Японией и США), развивающиеся страны стали для Китая важными источниками капиталов и сравнительно передовой технологии. С другой стороны, в КНР, очевидно, существует надежда усилить свои позиции в отношениях с развитыми капиталистическими странами, облегчить условия для нажима на них в целях получения дополнительных уступок. Этим же, вероятно, объясняется и тот факт, что в осуществляемых китайскими учеными теоретических построениях возможного механизма регионального сотрудничества Япония оказывается фактически изолированной от поддержки других капиталистических партнеров (США выводятся из предполагаемого круга сотрудничества, поскольку они менее, чем Япония, зависят от импорта сырья из развивающихся стран АТР и к тому же придерживаются более «жесткой» позиции в диалоге Юг—Север; вопрос об участии других, экономически менее мощных государств Запада, принадлежащих АТР, остается открытым)²⁸.

Думается, что китайская сторона была бы вполне удовлетворена таким институционально оформленным механизмом тихоокеанского экономического сотрудничества, в котором Япония не принимала бы участия, поскольку уже сейчас усилиями двух стран создан развитый институциональный и правовой механизм регулирования китайско-японских отношений, адекватный их уровню развития. Однако учет мнения большинства развивающихся стран региона заставляет китайских специалистов включать Японию в круг возможных участников института регионального сотрудничества.

Неоднозначно оценивают китайские эксперты перспективы участия Советского Союза в тихоокеанском экономическом сотрудничестве. Ряд китайских ученых, указывая на низкую степень участия СССР в торгово-экономическом сотрудничестве стран АТР, весьма скептически смотрят на возможность ее повышения в ближайшем будущем²⁹. В то же время все большее число китайских специалистов полагают, что «в экономическом развитии тихоокеанского региона роль СССР нельзя недооценивать». По их мнению, СССР, занимающий третье место в мире и в регионе (после США и Японии) по объему внешней торговли, значительно расширит торгово-экономические связи с тихоокеанскими странами³⁰. Особое внимание уделяется китайскими исследователями освоению в СССР сибирских и дальневосточных территорий: развитие Сибири и Дальнего Востока, считают они, является «важной экономической и политической реальностью АТР», которая создала условия «для прямого участия этих районов в деятельности по ускорению экономического развития тихоокеанского региона»³¹. По словам Хуань Сяна, роль СССР в экономической жизни АТР может резко возрасти, что способно вызвать крупные изменения в региональной экономической ситуации. Возможность этого видный китайский политолог

связывает с успешным проведением перестройки в Советском Союзе³².

В процессе реализации идей тихоокеанского экономического сотрудничества в КНР высоко оценивается значение таких международных региональных организаций, как Тихоокеанская конференция по торговле и развитию, Конференция по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, Тихоокеанский экономический совет. Как уже отмечалось, КНР принимает участие в работе первых двух организаций. Кроме того, в КНР придается большое значение любым региональным организациям и конференциям.

Говоря о региональном экономическом взаимодействии, китайские представители постоянно подчеркивают большую роль Китая в процессе его развития. Китай, отмечает Го Чжао, являясь самой большой развивающейся социалистической страной тихоокеанского побережья, обладая обширной территорией, многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, «играет надлежащую активную роль в развитии добрососедского сотрудничества в регионе»³³. Директор Института мировой экономики и политики АОН Китая Пу Шань заявляет, что Китай несет ответственность в отношении дальнейшего экономического развития АТР³⁴. Хуань Сян утверждает, что «только при условии развития Китая ... АТР сможет оказывать решающее влияние на мировую экономику и политику»³⁵.

В развитии экономического сотрудничества Китая со странами АТР особую роль, по мнению китайских ученых, должна сыграть «открытая политика», проводимая в КНР с 1978 г. На Ванкуверской сессии РЕСС (ноябрь 1986 г.) глава китайской делегации Хуань Сян отмечал, что эта политика «имеет глобальную направленность, но прежде всего направлена в сторону Тихого океана»³⁶. Пионерную роль в налаживании сотрудничества КНР со странами АТР призван сыграть, по мнению китайских экспертов, «приморский открытый пояс», сформированный четырнадцатью открытыми городами, четырьмя особыми экономическими зонами и тремя открытыми экономическими районами³⁷. При этом ряд китайских ученых указывают, что «приморский открытый пояс» выполняет не только важные практические задачи в планах стимулирования экономического взлета КНР, но и решает «великую стратегическую задачу» по превращению КНР в экономический центр тихоокеанского кольца³⁸.

Говоря о положении КНР в регионе, китайские специалисты полагают, что КНР стоит перед так называемым «тихоокеанским вызовом», что означает для нее появление «небывалой экономической конкуренции», прежде всего со стороны Японии³⁹. Сотрудники Института современных международных отношений Лу Чжунвэй и Син Фукан указывают на два аспекта этого «вызова»: во-первых, в силу своей отсталости КНР будет вынуждена платить по мере экономического развития сравнительно высокую цену за импорт передовой техники и технологии; во-вторых, КНР столкнется на рынках АТР — основных рынках для китайских товаров — с острой конкурентной борьбой. В этой связи исследователи предлагают придерживаться следующей политики: использовать выгодное географическое положение, «открывать» приморские города и речные порты, что будет способствовать привлечению иностранных капиталов и развитию внешней торговли; далее, развивать «субъективные возможности», то есть использовать эффективные формы международного разделения труда и совершенствовать структуру производства и внешней торговли. Разумеется, отмечают ученые КНР, чтобы победить в конкурентной борьбе на рынках АТР, надо прежде всего усиленно развивать науку и технику, уделять первостепенное внимание подготовке специалистов. Проводя планомерное изучение обстановки в регионе и отдельных его странах, подчеркивают Лу Чжунвэй и Син Фукан, следует вырабатывать соответствующую политику; кроме проведения регуляр-

ных семинаров в стране, надо посылать своих представителей за рубеж на международные конференции⁴⁰.

Сотрудник Института мировой экономики АОН в Шанхае Ван Юэсян считает, что различия в уровнях экономического развития стран региона способствуют диверсификации внешнеэкономических связей КНР: в отношениях с развитыми капиталистическими странами он указывает на возможность использования их капиталов, передовой техники и технологии, емкого внутреннего рынка; что касается развивающихся стран региона, то он призывает развивать с этими странами технологическое сотрудничество, а также импортировать их сырье для китайской промышленности⁴¹.

По мнению другого китайского исследователя Вэй Нина (экономический факультет Нанькайского университета), КНР следует расширять экспорт не только в развитые капиталистические, но и в развивающиеся страны АТР. Среди других задач КНР в области внешней торговли Вэй Нин называет необходимость заимствования передового зарубежного опыта для развития внешней торговли, а также важность привлечения иностранных прямых инвестиций и технологии в качестве одного из важнейших факторов развития промышленности, ориентированной на экспорт⁴².

В планах активизации роли КНР в АТР ряд китайских ученых придает важное значение участию Китая в финансовом сотрудничестве стран АТР. Сотрудник Шанхайского финансового института Народного банка Китая Тан Юньхун считает в этой связи необходимым: активно участвовать в международных финансово-экономических организациях и соответствующих неправительственных исследовательских институтах, а также в научных семинарах; внимательно следить за процессом осуществления японской и американской идей «тихоокеанского сотрудничества» и влиянием этого процесса на КНР; учредить специальный орган, который бы занимался финансово-экономическими делами в регионе, проведением соответствующих семинаров, выработкой тактики практической деятельности в данной области; планомерно готовить специалистов по международным экономическим и финансовым отношениям⁴³. Сотрудник Института мировой экономики Фуданьского университета Гань Даншань считает, что надо «поставить на повестку дня вопрос организации в КНР международного финансового рынка как важной составной части «открытой политики» и реформы финансовой системы»⁴⁴. По мнению Чэнь Бяожу (Хуадунский педагогический институт), такой рынок должен быть организован в Шанхае и со временем превратиться в финансовый рынок мирового значения⁴⁵.

Таким образом, китайскими специалистами проделана значительная работа по изучению нынешней политической и экономической ситуации в АТР, перспектив ее развития, проблем экономического взаимодействия стран региона, места и роли КНР среди государств АТР. Результатом исследований стало формирование нового взгляда на АТР, который обусловил необходимость разработки соответствующей стратегии Китая в регионе. Основным ее содержанием становится стремление не допустить изоляции (или самозоляции) Китая в новых условиях, а также установка на обеспечение в настоящей ситуации политических и экономических интересов КНР в регионе, использование тенденции «тихоокеанского регионализма» на пользу развития Китая. В этих целях китайские представители заявили о намерении КНР участвовать в обсуждении и решении любых политических и экономических проблем общерегионального характера наравне с другими азиатско-тихоокеанскими странами.

Для сохранения и усиления своей роли в АТР КНР предприняла ряд практических шагов (участвует почти во всех крупных международных встречах представителей стран АТР, целый ряд подобных встреч был организован и проведен в Китае; стала членом или активизировала свое участие в региональ-

ных организациях самого различного характера; расширяет двусторонние связи со странами и территориями региона). Во внешнеполитических исследованиях КНР также неуклонно возрастает роль и уровень азиатско-тихоокеанского направления: растет число научных подразделений и отдельных специалистов, занимающихся данной проблематикой; регулярно проводятся соответствующие научные конференции и симпозиумы, в том числе международные; китайские специалисты высказывают немало предложений по дальнейшей активизации деятельности КНР в регионе, которые оказывают существенное влияние на процесс разработки региональной стратегии и тактики Китая.

В целом можно заключить, что в настоящее время в КНР складывается новое направление ее внешнеполитической стратегии, а именно азиатско-тихоокеанское направление, что, видимо, будет способствовать более комплексному и взвешенному подходу КНР к развитию ее отношений со странами региона. При осуществлении своей азиатско-тихоокеанской стратегии КНР будет заинтересована в сохранении мира и стабильности в регионе, снижении уровня военного противостояния СССР и США, в урегулировании региональных конфликтов, создании здесь атмосферы (и, возможно, механизма) равноправного экономического сотрудничества, ликвидации или, по крайней мере, ослаблении противоречий между странами Севера и Юга. Подобный подход создает благоприятные условия для взаимодействия с этой страной в деле создания в АТР атмосферы мира, стабильности и сотрудничества.

¹ «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.

² Именно эти страны преобладают в системе внешнеэкономических связей Китая, о чем говорят хотя бы такие факты: на АТР ныне приходится более двух третей внешней торговли КНР, здесь находятся основные торговые партнеры Китая, страны АТР являются для КНР основными источниками иностранных инвестиций и передовой технологии.

³ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1987, № 1, с. 5, 8; «Шицзе цзинци», 1985, № 3, с. 6, 7; 1984, № 9, с. 4.

⁴ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1985, № 4, с. 12—14; 1986, № 1, с. 1—9; «Шицзе цзинци», 1984, № 10, с. 7, 8; 1985, № 3, с. 1—3; «Шицзе цзинци яньцзю», 1987, № 4, с. 1, 2; Перспективы развития тихоокеанского региона и модернизация Китая. Шанхай, 1985, с. 61, 83.

⁵ См.: «Шицзе цзинци», 1985, № 3, с. 4, 5; «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 16; «Шицзе цзинци яньцзю», 1987, № 4, с. 1, 2.

⁶ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 16.

⁷ См.: «Шицзе цзинци», 1985, № 3, с. 5, 6; «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 17, 18; Перспективы развития..., с. 23, 24.

⁸ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18; «Шицзе цзинци яньцзю», 1987, № 4, с. 2, 3.

⁹ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1985, № 1, с. 54, 55; «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18.

¹⁰ См.: «Шэхуй кэсюе», 1985, № 1, с. 4.

¹¹ См. там же, с. 5, «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18.

¹² См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18; «Шицзе цзинци яньцзю», № 4, с. 1, 2.

¹³ См.: «Шицзе цзинци», 1985, № 3, с. 7; Перспективы развития..., с. 6.

¹⁴ См.: Перспективы развития..., с. 93—94.

¹⁵ См. там же, с. 115.

¹⁶ См. там же, с. 30, 108, 109.

¹⁷ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18.

¹⁸ Имеются в виду 6 стран АСЕАН и 5 развитых стран АТР.

¹⁹ «Шицзе цзинци», 1985, № 3, с. 8.

²⁰ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18; «SIIS Paper», 25.X.1985, p. 11.

- ²¹ См.: Перспективы развития..., с. 168, «SIIS Paper», 25.X.1985, p. 12.
- ²² См.: «Шицзе цзинцзи», 1985, № 3, с. 8; Перспективы развития..., с. 40, 80, 114, 148, 153; «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18.
- ²³ Перспективы развития... с. 150.
- ²⁴ См.: «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 1, с. 18; «SIIS Paper», 25.X.1985, p. 22.
- ²⁵ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1985, № 4, с. 4.
- ²⁶ См.: «Шицзе цзинцзи яньцзю», 1987, № 4, с. 4, 5.
- ²⁷ Перспективы развития... с. 16, 17.
- ²⁸ См. там же, с. 167—169.
- ²⁹ См., напр.: «Beijing Review», 1987, vol. 30, № 41, October 12, p. 15, 17.
- ³⁰ Перспективы развития... с. 125, 73, 39.
- ³¹ Там же, с. 82—83, 129.
- ³² «Международная жизнь», 1988, № 2, с. 152.
- ³³ «Шицзе цзинцзи», 1985, № 3, с. 8.
- ³⁴ Там же, 1987, № 1, с. 4.
- ³⁵ Перспективы развития... с. 3.
- ³⁶ «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1987, № 1, с. 4.
- ³⁷ Там же; «Шицзе цзинцзи», № 1, с. 2.
- ³⁸ См.: «Я-тай цзинцзи», 1986, № 3, с. 50.
- ³⁹ См.: Перспективы развития... с. 112.
- ⁴⁰ См. там же, с. 162—163.
- ⁴¹ См. там же, с. 157.
- ⁴² См. там же, с. 75.
- ⁴³ См. там же, с. 160.
- ⁴⁴ Там же, с. 68.
- ⁴⁵ См. там же, с. 59, 60.

Вьетнам: поиск путей обновления

*Е. Р. БОГАТОВА,
кандидат экономических наук*

От редакции: 3 ноября 1988 г. исполняется 10 лет со дня подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Жизнь показала, что положения договора стали надежной основой для взаимодействия наших стран в различных сферах — в экономике, политике, культуре, науке. В каких условиях развивался Вьетнам в прошедшее десятилетие, какие проблемы решал, какие трудности встретил на своем пути и каковы его успехи и обретения — об этом предлагаемая вниманию читателей статья.

Процессы, проходящие во Вьетнаме в последние годы, особенно после VI съезда КПВ (декабрь 1986 г.), позволяют говорить о том, что страна активно ищет пути обновления, причем эти поиски все более расширяются и углубляются. Современный этап развития Вьетнама тесно связан с проводящимися с начала 80-х гг. экономическими реформами. Послесъездовский период характеризуется попытками дополнить экономические преобразования обновлением социальной политики, созданием новой социально-политической атмосферы в обществе. На одно из центральных мест в политике, в повседневной работе выдвинуты вопросы демократизации, гласности, укрепления законности, изменения принципов и методов деятельности партийного и государственного аппарата.

В постановке проблем, поиске путей их решения прослеживается много общего с политикой других стран социалистического мира. Однако современные направления политики обновления во Вьетнаме определяются отнюдь не механическим копированием политики реформ и перестройки в более развитых странах, прежде всего в СССР, хотя, конечно, нельзя отрицать ее серьезного влияния на Вьетнам. Здесь отдают себе полный отчет в том, насколько важен собственный, внутренний генезис политики обновления. Очевидно, что новая политика не смогла бы укорениться, принять широкий размах, если бы не легла на подготовленную почву, не была бы обусловлена предшествующим ходом развития, достижениями и издержками.

Толчком к повороту к экономическим реформам на рубеже 70—80-х гг. в СРВ стало крайне сложное, предкризисное состояние в народном хозяйстве. Не оправдались первоначальные расчеты на быстрое восстановление экономики, резкий подъем уровня жизни в стране. Такую ситуацию определил целый ряд факторов, однако главным уроком тех трудных лет стало постепенное осознание невозможности преодолеть слаборазвитость, основываясь на концепции форсированного создания многих крупных объектов тяжелой промышленности, ускоренной ликвидации частного сектора, организации управления с помощью административных методов, прямого директивного регламентирования практически всех сторон деятельности хозяйственных единиц.

На наш взгляд, коренная причина непригодности такого пути развития в условиях Вьетнама состояла в том, что главная идея подобной модели — выкачивание средств из сельского хозяйства и уже существующих предприятий для строительства объектов тяжелой промышленности — не могла осуществиться прежде всего в силу отсутствия самих этих средств. Не было запаса в развитии аграрного сектора, не существовало сколько-нибудь развитого экспортного сектора как источника получения накоплений, такого резерва, как возможное сокращение уровня потребления населения.

Существовала и чисто психологическая невозможность побудить десятилетиями воевавших людей вновь смириться с тяжелыми условиями жизни ради будущего процветания.

Имевшийся негативный опыт и понимание необходимости поиска других, более гибких путей развития трансформировались на рубеже 70—80-х гг. в идею определения начального этапа перехода к социализму (закрепленную в решениях V съезда КПВ в марте 1982 г.), в практику экономических реформ; предполагающих выделение приоритетных отраслей и секторов, не требующих для первоначального подъема больших капиталовложений, существенное расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, кооперативов путем активизации товарно-денежных отношений и сужения сферы прямого директивного планирования, проведение политики использования неогосударственного сектора в интересах подъема производства и насыщения рынка.

Таким образом, первый этап послевоенного развития Вьетнама обнажил контуры общих процессов, под влиянием которых во многих менее развитых странах росло понимание необходимости новых путей развития, отличных от традиционных, корнями уходящих в упрощенческие, левацкие представления о социализме вообще и путях его строительства, в представления о политике форсированной индустриализации как универсальном пути развития с социалистической перспективой.

Для понимания стоящих перед СРВ проблем на современном этапе, выбираемых направлений их решения, а более широко — сути и содержания политики обновления и перестройки во Вьетнаме необходимо остановиться на итогах и опыте проведенных экономических реформ.

Социально-экономическая ситуация в СРВ в 80-е гг. характеризуется сложностью и нестабильностью. Производство важнейших видов продукции находится на низком уровне, а в исчислении на душу населения составляет минимально допустимые нормы или ниже их. По оценкам вьетнамских экономистов, минимальные потребности общества в тканях обеспечиваются примерно на 70 %, в готовой одежде и текстильных изделиях — на 50, в бумаге — на 60—70, в домашней утвари — на 45—47 %. Признается и то, что технологический уровень вьетнамских товаров широкого потребления отстает от общемирового на 20—50 лет¹. Поэтому даже в условиях ненасыщенности рынка отечественные товары не пользуются спросом, потребитель предпочитает им импортные товары, поступающие в страну по разным каналам, в том числе и контрабандным путем. Надо отметить, что проблема борьбы с контрабандой стоит во Вьетнаме остро, особенно на Юге. Ясно, что такая ситуация подрывает экономическую основу государства.

Другая сторона, на которую необходимо обратить внимание при анализе ситуации во Вьетнаме — роль различных секторов в достижении основных экономических показателей. По статистике, на государственный и кооперативный секторы экономики в целом приходится подавляющая доля в производстве валового общественного продукта (в 1986 г. — 68,9 %), национального дохода (67,2 %). Большой удельный вес занимают они в производстве сельскохозяйственной (52 %) и промышленной продукции (84,7 %), в товарообороте (54,4 %). В то же время ряд обстоятельств позволяет говорить о пока ограниченном значении государственного и кооперативного секторов.

С конца 70-х гг. был сделан шаг к признанию правомерности существования неогосударственного сектора. Однако в ходе реализации политики ускоренных преобразований по-прежнему ставилась задача быстрого достижения социально-экономической однородности общества на базе создания государственной и кооперативной форм собственности в подавляющей части производства и распределения. Эта двойственность отражалась и в постановке задачи завершения коллективизации сельского хозяйства южных районов до конца 1985 г.², и в отсутствии юридического закрепления права частного сектора на существование, и в призывах немедленно ликвидировать частную торговлю. Непоследовательность в политике создавала неопределенность, усложняла сотрудничество государства с частником, объективно приводила к росту спекуляции.

Одновременно принимались меры по расширению хозрасчетных начал в деятельности государственных предприятий. Первоначально это означало допущение некоторой самостоятельности предприятий в материально-техническом обеспечении (помимо государственных поставок, за счет прямой кооперации с другими предприятиями и

организациями всех секторов), а также в реализации сверхплановой продукции и распределении полученной на этой основе дополнительной прибыли. При этом стали шире применяться различные прогрессивные (подрядные) формы организации и оплаты труда. Вместе с тем отношения между государственными органами и предприятиями в рамках основного плана оставались прежними.

Жизнь показала, что сохранение прежней системы хозяйствования — фондируемое материально-техническое обеспечение, нормированное снабжение основными потребительскими товарами, затратное ценообразование (на основе фактически индивидуальной себестоимости плюс прибыль), централизованное закрепление основных поставщиков и потребителей продукции — сковывает развитие производства. Более успешно стало развиваться производство на тех предприятиях, которые сумели освободиться от излишней опеки министерств и других директивных органов, обновить оборудование, существенно повысить производительность труда и в итоге обеспечить своим рабочим более высокую зарплату. Таких предприятий, однако, немного, в основном они находятся на Юге страны.

С другой стороны, чрезмерный либерализм в политике цен, допущенный как на организованном, так и на свободном рынке, без необходимого увеличения объема производства, имел своим следствием жесткую инфляцию. В то же время нарастал товарный дефицит под влиянием сохраняющегося в условиях директивного планирования механизма «накачивания» излишних денег в оборот — за счет льготного, практически имеющего невозвратный характер кредитования, оплаты продукции предприятиям до ее практической реализации.

В сельском хозяйстве стала внедряться принципиально новая по сравнению с прежним порядком отношений государства с кооперативами и кооперативов с крестьянами система индивидуального и группового подряда на производство конечной продукции, фактически семейного подряда. Резко изменив прежнюю систему уравнительного распределения, она создала в первые годы значительные стимулы в развитии производства. Но уже через несколько лет эти стимулы были серьезно подорваны из-за неэквивалентных отношений между кооперативом и крестьянством. Внося лишь незначительный вклад в развитие производства, кооператив тем не менее оставляет крестьянской семье меньшую долю (максимум 15—20 %) урожая, собранного по плану подряда, и постоянно увеличивает этот план, сводя на нет усилия семьи, направленные на увеличение своих доходов.

Принципиальным шагом в реформах 80-х гг. стал отход от монополии Минвнешторга на весь внешнеторговый оборот и разрешение на установление прямых связей провинций с внешним рынком. Резко были расширены права местных органов в решении различных экономических, социальных и прочих проблем данного региона (в основном, провинций и городов центрального подчинения).

В целом для реформы хозяйственной системы в СРВ характерна опережающая практика, инициатива снизу. Важнейшие нововведения закреплялись сначала явочным порядком в решениях ряда местных органов (например, Хошимина, Хайфона, Дананга), и лишь потом, через год и более, принимались соответствующие директивы центра.

Таким образом, анализ содержания экономических реформ первой половины 80-х гг. показывает их сложность и противоречивость. Ситуация в СРВ подтверждает тот факт, что без политических преобразований, без изменения структуры, функций, механизма деятельности государственных и партийных органов демократические формы в экономике тормозятся и даже сводятся на нет. Поэтому курс на демократизацию общественно-политической жизни, гласность, принятый на VI съезде КПВ, явился крайне своевременным и объективно необходимым.

Одна из назревших проблем страны — борьба с негативными явлениями в обществе, партии и государственном аппарате, которая ведется с помощью инструментов демократизации и гласности. Тон этой борьбе задала «Нян зан», орган ЦК КПВ, публикацией серии выступлений Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен ван Линя, остро, нелицеприятно вскрывавших существующие недостатки, злоупотребления³. Вслед за этим 12 сентября 1987 г. было принято Постановление Политбюро ЦК КПВ о развертывании борьбы за очищение парторганизаций и государственного аппарата, повышение их боевитости, оздоровление общественных отношений⁴. В партийных организа-

циях страны развернулась работа по критике и самокритике, аттестации членов партии, упорядочению кадровой работы, укреплению организационных основ партии⁵.

Различные злоупотребления, использование служебного положения имеют место во всех областях жизни — экономической, политической, социальной — и на всех уровнях, включая высокопоставленных кадровых работников партии и государства. Борьба с негативными явлениями ведется не только путем выявления злоупотреблений и их конкретных носителей, но и методами, направленными на оздоровление экономической ситуации и активизацию всех элементов политической системы. Во Вьетнаме считают, что это возможно лишь на базе использования всех форм собственности, подбирая и воспитывая деловые, экономически грамотные кадры, способные возглавить предприятия государственного сектора и осуществлять макроуправление экономики с помощью экономических стимулов.

Накопленный в ходе первого этапа реформы положительный опыт увеличил число ее сторонников во Вьетнаме, усилил их позиции. Это обусловило тот факт, что общий дух решений VI съезда КПВ был направлен на продолжение и углубление реформы. Признание многоукладности в качестве неотъемлемой черты длительного переходного периода трансформируется в юридические и хозяйственные гарантии существования неогосударственного сектора. Были приняты специальные постановления Совета Министров СРВ, решения Политбюро ЦК КПВ. Ведется большая теоретическая и практическая работа по развитию хозрасчетных отношений в промышленности, торговле, материально-техническом снабжении.

Значительно активизировалась работа по преодолению возникающих и углубляющихся противоречий в практике подрядных отношений в сельском хозяйстве. Последний документ — Постановление Политбюро ЦК КПВ о совершенствовании управления сельским хозяйством (апрель 1988 г.)⁶ содержит ряд новых положений: закрепление земли, взятой на подряд, за крестьянским двором на 15 лет (ранее — до 5 лет), а нормы подряда — на 5 лет (ранее в среднем на 3 года). Изменяется порядок расчетов с крестьянами в рамках нормы подряда путем отчисления им доли продукции, пропорциональной фактически затраченным усилиям на выполнение различных технологических операций.

Более внимательно, чем прежде, учитываются тенденции, которые неизбежно возникают в обществе вследствие развития товарных отношений, изживается, хотя и не без труда, философия уравнительности в распределительных отношениях. Начинает пробивать дорогу понимание того, что развитие товарного производства неизбежно связано с повышением жизненного уровня части людей. Вот как говорил об этом применительно к сельскому хозяйству Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь в речи на I съезде Союза крестьян (март 1988 г.): «Мы поощряем крестьян использовать все имеющиеся и потенциальные возможности (рабочую силу, материалы, денежные средства) для развития производства, создания дополнительной продукции для общества, увеличения доходов семьи. В этой ситуации, очевидно, будут семьи зажиточные, имеющие более высокий уровень жизни по сравнению с другими. В общих интересах страны мы должны поддерживать эту политику обновления»⁷.

Внутриполитический курс на обновление сочетается в последние годы с повышением степени открытости внешней политики Вьетнама. В полной мере это относится к внешнеэкономической стратегии. Проявлением желания развивать связи со всеми государствами, используя новые формы и эффективные методы, стало принятие в декабре 1987 г. Закона об иностранных капиталовложениях⁸. В соответствии с его положениями разрешается и поощряется вклад во вьетнамскую экономику материальных и финансовых средств в самых различных формах: в виде иностранной валюты, оборудования, производственных сооружений, новых технологий.

Закон предусматривает разные виды инвестиций: и как доли в деловом сотрудничестве (совместные коммерческие операции, производственная кооперация и пр.), и в виде совместных предприятий (где доля иностранного капитала составляет не менее 30 %), а также предприятий, полностью финансируемых иностранными вкладчиками. Особые преимущества отдаются инвестициям в отрасли сельского хозяйства, в производство предметов народного потребления, в экспортное и импортзамещающее производство. Стимулируются вклады в отрасли производства, использующие передовую технологию, в производственную инфраструктуру, в различные виды услуг,

расчет за которые производится в иностранной валюте (туризм, ремонт судов, портовое обслуживание).

Закон вызвал большой интерес у зарубежных фирм. В 1988 г. резко увеличилось число делегаций, в том числе и вьетнамцев, проживающих в других странах, приезжающих во Вьетнам для изучения возможностей рынка. В стране ведется разработка конкретных нормативных актов, более детально регламентирующих деятельность иностранных вкладчиков, ведутся переговоры с заинтересованными компаниями Японии, Гонконга, Франции, Сингапура, Канады, Австралии и др. Есть и уже подписанные и реализуемые соглашения. Но в целом приток иностранных капиталовложений пока невелик. Сказываются существующие препятствия и трудности — нерешенность кампучийской проблемы, неразвитость внутренней инфраструктуры, сохранение бюрократических препон в деятельности органов, связанной с обеспечением инвестиций и контролем над ними. В дальнейшем, по мере устранения этих препятствий, а также при условии развития и углубления политики открытости внешнему миру, масштабы иностранных инвестиций могут, очевидно, возрасти.

Принятие в СРВ Закона об иностранных капиталовложениях, перестройка механизма внешнеэкономических связей в СССР открывают перспективы в развитии принципиально новых форм взаимодействия между двумя странами. В последнее время ученые и практики Вьетнама все чаще ставят вопрос о возможностях перестройки экспортной стратегии, развитии экспортных производств в новейших отраслях, с продукцией которых можно выйти на региональный рынок. Обсуждаются возможности углубления степени переработки продукции традиционных для Вьетнама отраслей экспортного производства и высказываются интересные идеи, касающиеся взаимодействия СССР и других соцстран с Вьетнамом для выхода на рынки АТР с наукоемкой продукцией¹.

Поиски новых путей, новых форм сотрудничества — отличительная черта современного этапа развития советско-вьетнамских связей, но не меньшее внимание уделяется при этом повышению эффективности технико-экономического содействия СССР Вьетнаму.

Уже стало привычным при характеристике содействия СССР Вьетнаму приводить данные о том, что на объектах, построенных с помощью Советского Союза, производится 47 % всей вырабатываемой в стране электроэнергии, 54 % олова, 86 % угля, около 30 % цемента, 100 % нефти, суперфосфата и т. д. Основные объемы нашего технического содействия направляются в топливно-энергетический комплекс — совместное предприятие Вьетсовпетро, на строительство ГЭС Хоабинь, Чиан, — то есть при помощи СССР создается топливно-энергетическая база страны, без которой, строго говоря, трудно всерьез говорить о перспективах промышленного развития страны. Но обратим внимание на такой факт: Советский Союз содействует Вьетнаму в развитии ресурсо-сырьевого, топливно-энергетического потенциала, а его реальное использование в СРВ пока малоэффективно.

В настоящее время ведется напряженная работа по преодолению слабых мест в советско-вьетнамском экономическом сотрудничестве. Речь идет о том, чтобы строже отбирать объекты в соответствии с их действительной необходимостью, с учетом перспектив развития будущего народно-хозяйственного комплекса Вьетнама и возможностей, которые существуют в стране. Необходимо перестраивать механизм помощи, усиливать его целевой характер, кооперацию с третьими странами — вот лишь некоторые из основных направлений перестройки в этой сфере. По-видимому, ряд проблем поддается более или менее быстрому решению, другие будут разрешаться по мере совершенствования хозяйственного механизма СССР и СРВ и отношений равноправного партнерства.

Анализ принимаемых после VI съезда КПВ практических мер по реализации его решений показывает решимость руководства СРВ углубить реформу, обновить политическую систему, идти по пути, реальной альтернативы которому нет. Но путь этот, очевидно, будет долгим и сложным, сопряженным с препятствиями и неизбежными во всяком большом деле трудностями.

¹ См.: «Куан дой нян зан», 5.III.1988.

² Одним из наглядных примеров того, как справедливые требования постепенности, поэтапности, гибкости в проведении преобразований нередко приносились в жертву желанию отпарировать как можно скорее о «завершении преобразований», является процесс кооперирования крестьянских хозяйств южных провинций Вьетнама, о котором очень откровенно пишет вьетнамская печать.

В мае 1985 г. в Хошимине было объявлено о завершении в основном кооперирования крестьянских хозяйств в пригородах. Это означало вовлечение в кооперативы и производственные бригады 83 % крестьянских дворов и обрабатываемых земель. Процесс кооперирования шел так: к 1983 г. в кооперативные формы производства было вовлечено около 45—50 % дворов; в 1984 г., после того как был выдвинут призыв завершить в основном преобразования, в одном из уездов, к примеру, процент кооперирования за 6 месяцев был поднят с 45 до 93 %, в другом уезде 7 общин, до этого не имевших ни одного кооператива, за 2 месяца «завершили» кооперирование (См.: «Нян зан», 10.VII.1987).

³ Выступая на пленуме Хошиминского горкома КПВ в феврале 1988 г., Нгуен Ван Линь говорил: «В последнее время я написал для рубрики «Следует сделать немедленно» несколько статей. Отдельные товарищи упрекнули меня в том, что я якобы бросаю тень на партию и социалистический строй. Однако я считаю, что о проблемах, касающихся нарушений законности в нашем обществе, о проступках и преступлениях чиновников надо писать в газетах, чтобы немедленно преодолевать негативные явления» («Сайгон зяй фонг», 3.II.1988).

⁴ См.: «Нян зан», 26.IX.1987.

⁵ Обследование кадровой и партийной ситуации в десятом районе, уезде Бинь Тянь и на ряде предприятий города Хошимина показало: 30—40 % членов партии — передовые, 50—60 % — средние, 7—10 % — слабые, в том числе и переродившиеся, подлежащие исключению из партии. Около 20 % кандидатов в члены КПВ не приняты в партию. Всего за 1987 г. из партии в Хошимине было исключено 300 человек, на тысячу были наложены партийные взыскания (См.: «Нян зан», 5.II.1988).

⁶ См.: «Нян зан», 12.IV.1988.

⁷ Там же, 29.III.1988.

⁸ См. там же. 12.I.1988.

⁹ Более подробное представление о предложениях советских и вьетнамских ученых по развитию новых направлений и форм сотрудничества можно получить из материалов советско-вьетнамской научной встречи, проходившей под девизом «Страны Индокитая: проблемы сотрудничества и развития», состоявшейся в мае 1987 г. в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (см.: Страны Индокитая (СРВ, ЛНДР, НРК): проблемы сотрудничества и развития. М., 1987).

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Модернизация статистики

*Л. И. МОЛОДЦОВА,
доктор экономических наук*

В ходе радикальной хозяйственной реформы в китайском обществе в корне изменилось отношение к статистике. В достоверной статистической информации сейчас нуждаются все: и ученые, и хозяйственные руководители, и рядовые труженики. Статистика выражает те конкретные экономические знания, без которых нельзя целенаправленно воздействовать на экономические процессы, внедрять принципы рентабельности, направлять и контролировать удовлетворение спроса населения на товары и услуги. В настоящих условиях статистика — это не только инструмент хозяйственных преобразований, но и один из наиболее важных объектов перестройки. Поставленная перед китайской статистикой задача модернизации предполагает проведение целого комплекса мероприятий, включая создание разветвленной сети статистических центров, укрепление материально-технической базы, формирование научно обоснованной системы статистических показателей.

Трудности претворения в жизнь этих планов велики. В конце «культурной революции», пройдя кампанию «революционизации» (ниспровержения существовавших научных канонов как «ревизионистских», а заодно и шельмования ведущих специалистов), китайская статистика фактически прекратила свое существование. В 1967—1969 гг. большинство работников этой области было либо репрессировано, либо направлено на трудовое «перевоспитание», статистические учреждения в массовом порядке закрывались, а публикация официальных статистических данных была прекращена. Участники варварских погромов государственных учреждений и научных заведений изъяли и уничтожили тысячи статистических документов¹. Несколько лет страна жила по существу «на ощупь», не располагая никакой социально-экономической информацией и теряя навыки ее получения и систематизации.

Первые попытки реанимации статистической службы относятся к 1970 г. Этим годом датированы решение о создании при Госплане КНР статистического управления, специальное распоряжение об организации системы статистической отчетности, охватывающей промышленность, сельское хозяйство, капитальное строительство, численность рабочих, общий фонд заработной платы, розничный товарооборот, а также постановление о возрождении практики годовых статистических отчетов в центре и на местах². Но конкретные действия стали предприниматься только в конце 1971 г., после проведения Всекитайского совещания по статистике. Потребовались немалые усилия, чтобы обеспечить экономические органы минимумом статистических данных, заполнить трехгодовую брешь в статистической отчетности.

Постепенно статистика стала выходить из кризисного состояния. Выдвижение курса «четыре модернизации» потребовало статистического обоснования. Отказ от политики «подготовки к войне» и расширение внешних контактов помогли расшевелить завесу сверхсекретности. В апреле и ноябре 1977 г. Статистическое управление при Госплане КНР провело два крупных совещания, посвященных проблеме упорядочения статистических организаций и оживления их деятельности, на которых была дана объективная оценка последствий «культурной революции».

В марте 1978 г. Статистическое управление было выведено из-под контроля Госплана и переведено на положение государственного комитета, подчиняющегося

непосредственно Госсовету КНР (Государственное статистическое управление — ГСУ). Это способствовало усилению централизованного контроля в статистической работе и борьбе со всякого рода нарушениями правил статистической отчетности.

Одним из самых серьезных препятствий на пути возрождения китайской статистики являлась колоссальная нехватка кадров, низкий уровень их профессиональной подготовки. В 1979 г. в статистических учреждениях выше административного уровня уездов (то есть в центральных, ведомственных, провинциальных и окружных) работало всего 11 тыс. человек (в ГСУ — 193 человека)³. 31 октября 1979 г. было принято специальное решение Госсовета «Об усилении статистической работы и полной укомплектации статистических учреждений». В течение 1980 г. статистические управления были созданы во всех крупных административных единицах (за исключением Тибета), при 23 министерствах. В 1981 г. в статистических органах выше уездного ранга работало уже 19 тыс. человек, а в ГСУ КНР — 230 человек, однако уровень 1965 г. (на кануне «культурной революции») был восстановлен позднее.

Особое внимание стало уделяться качеству статистической информации. Видный китайский экономист Сунь Ефан отмечал такие способы статистического приукрашивания действительности: «Для того чтобы отчитаться о достижении «высоких» урожаев, занижают пахотную площадь. Чтобы доложить о «высоких темпах» промышленного роста, включают в отчеты бракованную продукцию. Ради сокрытия слишком большой растянутости фронта капитального строительства не сообщается точное число строящихся объектов. Чтобы обойти установленный лимит рабочего персонала, из штатов исключаются временные рабочие. Чтобы выполнить установленные задания в области сокращения рождаемости, часть новорожденных не регистрируют. Для того чтобы «не пугать» истинными масштабами затоваривания продукции, уменьшают размеры складских запасов. Ради утаивания роста цен, не упоминается о тех товарах, на которые цены выросли и т. п.»⁴.

Об аналогичных искажениях отчетности писал в начале 80-х гг. и специалист-статистик Фоу Пин: «В настоящее время мы располагаем очень слабой статистической базой, некоторые важные статистические показатели не отличаются точностью, нет полного охвата в сфере статистического учета, методика составления статистической отчетности несовершенна. До сих пор односторонне акцентировалось внимание на темпах роста и валовой продукции, игнорировались вопросы экономической эффективности, не велись подсчеты чистой продукции. Больше писали о производственных итогах и меньше о жизненном уровне и культурно-бытовом обслуживании населения. Фиксировался объем производства и замалчивалось движение цен. Чаше говорили о предпринятиях общественной собственности и гораздо реже о предпринятиях коллективной собственности. Сейчас крайне трудно получить статистические данные, верно отражающие состояние народного хозяйства»⁵.

За годы шестой пятилетки (1980—1985) была задействована разветвленная система статистических органов, состоящая из трех основных звеньев: системы государственных статистических органов при народных правительствах различных ступеней (вплоть до уезда), возглавляемая Государственным статистическим управлением; ведомственной статистической службы, представленной соответствующими организациями при министерствах и ведомствах и подчиненными отделами в ведомственных управлениях на местах; статистических подразделений при первичных хозяйственных организациях и при волостных правительствах, ведущих текущую статистическую отчетность и выполняющих поручения административных и партийных учреждений.

Ведется работа по созданию сети справочно-информационных центров, обслуживающих все заинтересованные учреждения. В сентябре 1987 г. после полугодовой подготовительной работы был открыт Банк экономических данных. Сбор ведется по рубриктору с 40 тыс. наименований, по стране в целом и по крупным административным единицам, во временном разрезе — по годам, кварталам и месяцам⁶.

В последние годы развернулась большая работа по созданию правовой основы работы статистических учреждений, что создает благоприятные предпосылки для координации их деятельности, установления строгого контроля за надежностью и своевременностью поступления статистической информации, устранения вмешательства со стороны ведомственных и местных учреждений, продиктованного теми или иными антиобщественными интересами. Особенно большое значение имеет принятие

8 декабря 1983 г. на третьем заседании Постоянного комитета ВСНП шестого созыва «Статистического кодекса», установившего единый порядок предоставления, обработки и опубликования статистических данных. Новый закон определил круг ведомств и лиц, ответственных за организацию статистической работы, зафиксировал их права и обязанности, наметил стоящие перед ними задачи. Фальсификация статистических данных была расценена как уголовно наказуемое преступление. 19 января 1987 г. Госсовет КНР утвердил предложенные ГСУ «Уточнения к Статистическому кодексу», составленные с учетом трехлетнего внедрения в практику этого свода статистических норм и правил.

Регулярная отчетность специализированных статистических учреждений служит главным каналом получения статистической информации. Помимо этого, много важных сведений дают всеохватывающие и выборочные статистические наблюдения, проводимые по решениям Госсовета КНР. Богатый цифровой материал, столь необходимый для народнохозяйственного планирования, дали крупномасштабные статистические обследования: перепись рабочих и служащих на предприятиях государственной и коллективной собственности (1977), перепись объектов капитального строительства и технической реконструкции, выявление специалистов в области естественных и технических наук, обследование материальных запасов и состояния торговых учреждений (1978)⁷. Всенародный характер приобрела кампания по проведению всеобщей переписи населения в 1982 г., третьей по счету за всю историю КНР. В общей сложности к этой работе было привлечено более 5 млн. человек, в том числе 1,09 млн. официальных переписчиков. В организации переписи и в математической обработке ее материалов большую помощь оказывали органы ООН. Разработана сложная методика выборочных обследований с целью получения более представительных результатов (обследование ключевых объектов, типичных объектов и т. п.). В конце 1983 г. была организована перепроверка данных переписи населения с 10 %-ным охватом общего количества наблюдавшихся объектов. Ежегодно проводятся выборочные обследования положения в области рождаемости и смертности населения. Налаживаются выборочные обследования уровня жизни населения в городах и сельской местности.

Наиболее крупным мероприятием в плане статистических обследований последних лет можно считать всеобщую перепись промышленных предприятий по состоянию на первый квартал 1986 г., вторую же за всю историю существования КНР (первая перепись проводилась в 1950 г. сразу же после образования КНР). Опросные листы включали 360 видов сведений, сгруппированных в семь основных рубрик с целью выяснения: 1) полной картины процесса воспроизводства в промышленности; 2) структуры промышленного производства; 3) состояния основных производственных фондов; 4) уровня развития специализации и кооперации производства; 5) кадровой обеспеченности промышленности; 6) экономической эффективности производства; 7) движения цен и себестоимости продукции⁸. Материалы переписи, обработка которых шла в течение двух лет, были опубликованы в 1987 г.⁹

Значительное развитие получает научно-исследовательская работа в области статистики. В ноябре 1979 г. было учреждено научное общество по проблемам статистики, а в марте 1980 г. при ГСУ стал действовать Научно-исследовательский статистический институт. В мае 1985 г. в Пекине работал симпозиум по реформе статистики, на котором обсуждались многие важные методологические вопросы, в частности вопросы внедрения некоторых показателей системы национальных счетов, принятой в странах Запада. На этом совещании был также поставлен вопрос о создании «открытой статистики» в смысле ее доступности и гласности и обмена опытом с другими странами. Участники симпозиума обменялись мнениями относительно проекта реформы статистики и общего плана осуществления ее модернизации¹⁰.

С каждым годом нарастает поток статистической информации. Начало ему было положено официальным сообщением в июне 1979 г. об итогах выполнения народнохозяйственного плана 1978 г., что было сделано впервые после 18-летнего перерыва. С тех пор регулярно публикуются материалы сессий ВСНП, содержащие большое количество сведений о ходе выполнения пятилеток (шестой и текущей, седьмой). В мае 1980 г. было восстановлено издательство «Статистика», в планы которого входит публикация оригинальных и переводных работ по статистической тематике. В 1983 г., например, из печати вышло более 300 наименований книг по проблемам статистики. Это издательство взяло на себя огромный труд по подготовке к печати

статистических ежегодников (Чжунго тунши няньцзянь). Первый такой сборник увидел свет в 1981 г. (данные 1980 г.), последний — в 1986 г. (данные 1985 г.). От года к году содержание этих сборников становится все более полным.

В последнее время за публикацию статистических ежегодников взялись некоторые специализированные и местные издательства. Много ценной информации содержится в ежегодниках по сельскому хозяйству. В мае 1987 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила о появлении первого ежегодника по населению Китая (Чжунго жэнькоу няньцзянь), состоящего из 10 разделов. Издательство Общества по городской экономике приступило с 1986 г. к изданию ежегодника по городам Китая (Чжунго чэнши цзинцзи шэжуэй нянь-цзянь), в котором приводятся сведения по более чем 290 городам страны, включая данные по численности населения, объему промышленного производства, розничному товарообороту, средней заработной плате и т. д.¹¹

Согласно планам модернизации статистики, намечено проведение серии мероприятий по совершенствованию методологии статистических исследований: вводятся новые агрегированные показатели, ведется обсчет сферы нематериального производства, налаживается статистика цен, совершенствуются методы определения экономической эффективности. Основные показатели, которыми оперировали до сих пор статистики КНР, аналогичны тем, что приняты в социалистических странах. Это и неудивительно, поскольку становление китайской статистики в 50-е гг. происходило при помощи советских специалистов и при ориентации на опыт СССР в этой области.

Однако в последние годы набор статистических показателей начинает меняться. Сказывается желание добиться более адекватного отражения экономической действительности, конечных результатов работы предприятий, отраслей, территорий, стремление создать такую «статистику с китайской спецификой», которая помогла бы разработке противозатратного механизма хозяйствования, осуществлению прогрессивных структурных преобразований, а также обеспечивала бы взаимосвязку двух типов статистических систем, существующих в мире (системы национальных счетов и системы материальных балансов), расширяла бы диапазон экономических сопоставлений.

Критикуя систему статистических показателей, действующую в социалистических странах (система материальных балансов), китайские ученые отмечают следующие ее недостатки: неполный учет всех общественных затрат труда (исключение из сферы материального производства сферы услуг); зачисление в итоги выполнения плана нереализованной продукции, от которой тоже идет формирование доходов госбюджета; занижение общей величины вложений в основные фонды, в которые не включаются амортизационные отчисления¹².

В связи с пересмотром статистических показателей на экономических совещаниях и на страницах периодических изданий стал обсуждаться большой круг проблем как по методологии статистики, так и на стыке статистики и политэкономии. Широкий научный резонанс получила дискуссия о разграничении производительного и непроизводительного труда. При обсуждении этой проблемы на второй Всекитайской статистической конференции выявились три основных точки зрения.

Крупный китайский экономист Юй Гуаньюань предложил считать производительным любой труд, удовлетворяющий какую-либо потребность человека, и обосновал целесообразность выделения 6 производственных сфер: 1) материальное производство; 2) индивидуальные услуги; 3) производительные услуги; 4) духовная сфера; 5) подготовка рабочей силы; 6) защита окружающей среды. По мнению Юй Гуаньюаня, недооценка непромышленной и несельскохозяйственной сфер производства — лишнее свидетельство пренебрежения интеллигенцией, не включаемой ни в состав рабочего класса, ни в состав крестьянства и не считающейся участником процесса производства.

Вторую, «традиционную», точку зрения о том, что производительным является только труд в сфере материального производства, отстаивал корифей китайской экономической науки Сунь Ефан. Не соглашаясь с расширенным толкованием производительного труда, он ссылаясь на то, что такой подход смешивает базисные и надстроечные явления.

Третья точка зрения — «промежуточная», расширяющая понятие «производитель-

ный труд» только за счет производственных услуг. Эту позицию представлял Ян Цзяньбай, один из старейших китайских экономистов¹³.

Неоднозначную реакцию вызвало и предложение воспользоваться существующим в заданной науке делением отраслей материального и нематериального производства на три сектора: сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, сфера обращения и услуг. Против употребления понятия «третичный сектор» («третья индустрия») выступал, в частности, Сунь Ефан, называвший этот термин «буржуазным». Много возражений высказывалось против включения в третичный сектор правительственных учреждений, армии и органов госбезопасности, т. е. чисто надстроечных организаций. Одновременно выдвигались предложения четырехсекторной (выделение науки и образования) и даже пятисекторной классификации отраслей. Китайский экономист Тун Далинь относил к четвертому сектору информационную службу, науку, образование, здравоохранение, к пятому сектору — финансовые учреждения¹⁴.

Эта полемика дала аргументы в пользу пересмотра классификации отраслей приложения труда. В 50-е гг., согласно принятой в те годы классификации отраслей, помимо 5 отраслей материального производства (сельское хозяйство, промышленность, строительство, транспорт и торговля), выделялись 4 отрасли нематериального производства (финансы; обслуживание; культура, включая здравоохранение и образование; управление). В 1979 г. к ним была добавлена пятая отрасль — наука. В дальнейшем происходило разукрепление отраслей.

С 1 января 1985 г. была введена новая классификация отраслей, уточнившая разделение промышленности и сельского хозяйства. Что касается размежевания сферы материального и нематериального производства, то эта классификация не вносила ничего нового. Но уже в начале 1985 г. подход был принципиально изменен. В апреле 1985 г. специальным решением Госсовета КНР было одобрено выдвинутое ГСЦ предложение о новой классификации отраслей приложения труда с выделением первичного, вторичного и третичного секторов экономики. Первичный сектор охватывает сельское хозяйство (включая лесное дело, животноводство и рыболовство), вторичный сектор — промышленность и строительство (включая добывающую и обрабатывающую, а также водопроводную сеть, производство и транспортировку электроэнергии, горячей воды, пара и газа), третичный сектор (инфраструктура) — все остальные отрасли.

Третичный сектор в свою очередь подразделяется на 4 группы:

а) отрасли сферы обмена и распределения (транспорт, почта, телеграфное и телефонное сообщение, торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и складское хозяйство);

б) сфера услуг (финансовые и страховые учреждения, геологоразведочная служба, жилищное и коммунальное хозяйство, услуги населению, туристское обслуживание, информационно-пропагандистская служба и разного рода производственные услуги);

в) научно-культурные и здравоохранительные учреждения (учебные заведения, радио и телевидение, научно-исследовательские организации, учреждения культурно-просветительные и здравоохранения, спортивные организации и органы соцобеспечения);

г) сфера управления и обеспечения государственной безопасности (государственные, партийные и общественные организации, армия, служба внутренней и государственной безопасности).

В августе 1985 г. на совещании, посвященном проблемам развития «третичного сектора экономики», были выдвинуты следующие критерии, определяющие принадлежность к этому сектору: совмещение процесса производства и потребления; отсутствие продукта в натурально-вещественной форме; удовлетворение потребностей третьего порядка (вслед за сельским хозяйством и промышленностью); обслуживающий характер производства по отношению к первому и второму секторам экономики¹⁵.

Заслуживают внимание и новые, введенные с 1985 г. правила размежевания промышленного и сельскохозяйственного производства. Трудность этой операции коренится в натуральном характере сельскохозяйственного производства. Крестьянство всегда удовлетворяло значительную часть своих потребностей в орудиях труда и в

предметах потребления за счет собственного производства, не обращаясь к рынку. Многие виды занятий китайского крестьянина были несельскохозяйственными по своему характеру и в то же время не соответствовали представлениям о промышленном труде. В первые годы организации систематических статистических наблюдений в сельской местности к промышленной сфере относили только кустарные мастерские, работавшие на рынок. Другие виды сельских подсобных промыслов (сбор дикорастущих растений, охота и рыболовство, добыча некоторых видов полезных ископаемых, первичная обработка сельскохозяйственного сырья, ремесленное и домашнее производство нетоварного характера) учитывались в рамках сельскохозяйственного производства, и продукция их входила в валовую продукцию сельского хозяйства.

В годы «большого скачка» (1958—1960) в народных коммунах было создано большое количество карликовых предприятий, занятых выплавкой стали, добычей железной руды и угля, изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, первичной обработкой сельскохозяйственного сырья. Поставленная в повестку дня задача «индустриализации народных коммун» и поиски дополнительных источников финансовых поступлений из сельского хозяйства подтолкнули «узаконивание» сельской промышленности, к которой стали относить продукцию предприятий народных коммун и больших производственных бригад кустарного и полукустарного характера. В 1960 г. сельская промышленность была разделена на две части. В сфере промышленности с зачислением их продукции в валовую продукцию промышленности остались только самые большие предприятия, находившиеся в подчинении народных коммун, т. е. высшего звена установленной в сельском хозяйстве трехступенчатой системы собственности. Мастерские больших и малых производственных бригад (вторая и третья ступень) стали считаться частью сельских подсобных промыслов. При статистическом учете их продукции возникло серьезное противоречие. Продукция этих предприятий в натуральном исчислении включалась в промышленное производство, в стоимостном же исчислении она входила в валовую продукцию сельского хозяйства¹⁶.

До тех пор пока ареал «сельской промышленности» не приобрел внушительных размеров, такое разделение ее на две части выглядело вполне логично. Это позволяло расширить рамки промышленности, не слишком «загрязняя» ее валовую продукцию стоимостью продукции, выпускаемой мелкими сельскими предприятиями, гораздо более низкого качества и недостаточно точно обсчитываемой. С другой стороны, раздел «подсобные промыслы сельского хозяйства» более-менее отвечал своему названию. Однако постепенно доля промышленной продукции предприятий больших и малых производственных бригад значительно повысилась (с 2% от валовой продукции сельского хозяйства в 1960 г. до 6,4% в 1975 г. и 12,9% в 1983 г.), что вносило уже серьезные искажения в объем производства сельского хозяйства. В конце 1984 г. Госсовет КНР одобрил предложения ГСУ о новом порядке исчисления сельскохозяйственного общественного продукта и продукции сельской промышленности. К последней были отнесены все те организации, которые имеют организационную обособленность (отдельное местоположение, закрепленные за ними оборудование и штат рабочих), функционируют круглый год или более 3 месяцев в году, состоят на самостоятельном хозяйстве или ведут собственную финансовую отчетность, подчиняются вышестоящим инстанциям местного управления. При соблюдении этих четырех вышеперечисленных условий (в их полном объеме) предприятия получают статус промышленных объектов и их продукция зачисляется в валовую продукцию промышленности¹⁷.

С ликвидацией народных коммун (в том же 1984 г.) изменилось название отдельных компонентов сельской индустрии. Промышленность бывших народных коммун стала называться промышленностью волостей и поселков городского типа (поселково-волостная промышленность), а промышленность бывших больших и малых производственных бригад — деревенской. Впервые термин «поселково-волостная промышленность» был использован в циркуляре ЦК КПК от 18 марта 1984 г. «О создании новой обстановки на предприятиях, находящихся в ведении народных коммун».

Классификация промышленных отраслей также пережила в последние годы процесс усовершенствования. Начиная с 1978 г. список отраслей беспрерывно

уточнялся, причем эти уточнения касались главным образом деления промышленности не по видовому, а родовому признаку. Согласно сведениям автора монографии «Отраслевая структура промышленности Китая» Ли Юэ, в начале 80-х гг. промышленность была подразделена на 12 укрупненных отраслей, 44 отрасли и 155 подотраслей¹⁸. Накануне введения новой классификации в 1984 г. состав промышленных отраслей был следующим: 13 укрупненных отраслей, 75 отраслей, 310 подотраслей и 667 видов производства¹⁹.

Главное отличие новой классификации, введенной с 1 января 1985 г., состоит в выделении внутри тяжелой промышленности добывающих, сырьевых и перерабатывающих отраслей, что связано с перегруппировкой состава отраслей. Раньше добыча сырья была разделена на несколько частей с включением каждой в те отрасли, которые были заняты переработкой данного вида сырья. Химическое сырье относилось к химической промышленности, добыча неметаллических руд — к промышленности стройматериалов, добыча металлических руд — к металлургии. Теперь все виды сырья вместе с добычей топлива объединяются в рамках добывающей промышленности с соответствующей более дробной разбивкой. Входявшие прежде в лесную промышленность заготовки леса отнесены теперь в группу отраслей горнодобывающей промышленности. Деревообработка включена в перерабатывающую промышленность. Машиностроение отделено от металлообработки. Создана новая отрасль машиностроения, объединяющая электронное машиностроение, приборостроение; как отдельная отрасль машиностроения рассматривается также производство бытовых машин, металлоизделий бытового и производственного назначения²⁰.

Главным показателем оценки результатов производства остается пока стоимость валовой продукции. Однако этот показатель подвергается критике: 1) он неадекватно отражает экономическую ситуацию, так как в равной мере учитывает как реализованную, так и нереализованную продукцию и допускает значительный повторный счет из-за использования «заводского метода»; 2) этот показатель зависит от чисто организационных преобразований и в известной мере сдерживает процесс объединения предприятий; 3) не стимулирует экономию сырья и оборудования; его трудно подсчитывать, он не стыкуется с показателем чистой продукции при определении национального дохода.

В настоящее время показатель «валовая продукция» как общий объем производства продукции в денежном выражении сохраняет свое значение и используется главным образом для проведения сравнений в территориальном и временном разрезе, но из перечня планово-директивных показателей он постепенно исключается, вытесняясь чисто финансовыми показателями «валовой доход» и «прибыль»²¹. Наряду с «валовой продукцией» для показа промышленной динамики используется показатель чистой продукции, а в перспективе планируется все шире для этих же целей привлекать показатель «добавленной стоимости» (стоимости, добавленной обработкой).

Новый подход к понятиям производительного и непроизводительного труда лежит в обосновании принятого решения использовать одновременно несколько агрегированных показателей экономической динамики: «валовой общественный продукт», «национальный доход» и «валовой национальный продукт». Валовой общественный продукт представляет собой сумму продукции пяти отраслей материального производства: промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и торговли, включая общественное питание и материальное снабжение. Новым моментом является исчисление валового общественного продукта сельского хозяйства. В него входят продукция промышленности волостного подчинения, включая сельскую промышленность, но без промышленности поселков городского типа, стоимостная оценка работы транспорта, торговли (включая общественное питание), а также собственно сельскохозяйственное производство. Сюда не относятся заемные средства, государственные капиталовложения и личные вложения крестьян. Отличия валовой продукции сельского хозяйства и валового общественного продукта сельского хозяйства состоят в следующем: разная сфера учета — в валовую продукцию сельского хозяйства включается весь годичный результат производства, в валовой общественный продукт (валовой доход) входит только та часть годовой продукции, которая в том же году поступает в распределение (например, в валовую продукцию входит прирост древесины, прирост

живого веса скота, валовой общественный продукт сельского хозяйства эти приростные величины не учитывает); различия в системе цен. Валовая продукция подсчитывается в отпускных ценах (текущих или неизменных). Валовой общественный продукт (доход) сельского хозяйства определяется отдельно по товарной части продукции (в реальных отпускных ценах) и по части, идущей на собственное потребление (в закупочных ценах данной местности)²².

Валовой национальный продукт — новый показатель китайской статистики, денежное выражение конечного результата деятельности за определенный период времени всех отраслей материального производства и сферы услуг (стоимость произведенных благ и услуг за вычетом стоимости сырья и полуфабрикатов). При подсчете этого показателя по распределительному методу в него входят: доходы населения, налоги и прибыль предприятий, проценты по займам и амортизационные средства. Метод конечного использования исходит из суммирования фонда потребления, капитальных вложений, прироста складских запасов и чистого экспорта. В сферу услуг, помимо производственных и услуг населению, включается деятельность учреждений культуры, образования, здравоохранения, науки и финансово-страховой системы. Не включается сфера государственного управления, охраны государства и общественного порядка (государственные, партийные и правительственные учреждения, общественные организации, армия и органы внутренней и государственной безопасности). Такой подбор отраслей отличает китайский вариант валового национального продукта от ВВП, принятого в буржуазной статистике²³.

Отмечаемое сейчас в Китае повышение роли статистических органов в системе руководства народным хозяйством, улучшение статистического обеспечения хозяйственных мероприятий — свидетельство серьезного настроя на экономическую реформу и изучение ее последствий. В общем ключе реформы осуществляется и модернизация статистики, которая включает освоение новых форм статистической деятельности и придание ей нового содержания, отвечающего духу времени.

Опыт китайских статистиков представляет большой интерес для советских ученых. Вопрос о взаимном обмене научной информацией и о расширении контактов между специалистами, занятыми в этой сфере научной деятельности, обсуждался в ходе визита в КНР в августе 1986 г. представительной делегации ЦСУ СССР.

¹ См.: Краткая история народного хозяйства Китая. Пекин, 1985, с. 356 (на кит. яз.).

² См.: Очерк истории статистики нового Китая. Пекин, 1986, с. 185 (на кит. яз.).

³ См. Там же; «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 2, с. II—5 (на кит. яз.).

⁴ Сунь Ефан. Относительно некоторых предварительных условий составления сводного баланса. — «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 2, с. 16.

⁵ Фоу Пин. Усилить статистическую работу. — «Жэньминь жибао», 19.I.1981.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 17.IX.1987.

⁷ См.: Справочник по экономике и управлению Китая. Куньмин, 1986, с. 75 (на кит. яз.).

⁸ См.: «Тунцзи», 1985, № 5, с. 15.

⁹ См.: Материалы промышленной переписи КНР в 1985 г. Т. 1, 2. Пекин, 1987 (на кит. яз.).

¹⁰ См.: «Тунцзи», 1986, № 4, с. 1.

¹¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1987, № 3.

¹² См.: Чжань Юньцяо. Относительно реформы системы экономических показателей. — «Цзинцзи яньцзю», 1987, № 1, с. 30.

¹³ См.: «Гуанмин жибао», 15.VIII.1981.

¹⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 17.II.1985.

¹⁵ См.: Фронт экономической науки Китая. Пекин, 1986, с. 281 (на кит. яз.).

¹⁶ См.: «Тунцзи», 1985, № 3, с. 2.

¹⁷ См.: Чжунго тунцзи ниньцзянь. 1984, с. 134.

¹⁸ См. Ли Юэ. Отраслевая структура промышленности Китая. Пекин, 1983, с. 10 (на кит. яз.).

¹⁹ См.: «Тунцзи», 1985, № 1, с. 12.

²⁰ См. там же.

²¹ Так, в городе Уси решено с 1988 г. не включать валовую продукцию в число основных показателей, по которым оценивается работа промышленных предприятий. См.: «Цзинцзи яньцзю», 9.III. 1988.

²² См. Статистический ежегодник Китая, 1985, с. 664 (на кит. яз.).

²³ См.: Реформа экономической системы. Справочник. Пекин, 1987, с. 961 (на кит. яз.).

Теория и практика паевой экономики

Е. Ф. АВДОКУШИН,
кандидат экономических наук

Экономическая реформа в КНР ввела в хозяйственную практику новые формы экономических отношений. Одна из них — паевая (акционерная) экономика. Паевые формы организации производства имели место в КНР и ранее. Например, в ходе кооперирования китайского крестьянства в начале 50-х гг. осуществлялась паевая система объединения земельных наделов, трудовых ресурсов и др. Снабженческо-сбытовая кооперация также является паевой формой. Однако начиная с 80-х гг. паевая экономика в КНР получила новый импульс развития, расширилась сфера ее охвата, используются новые формы, в частности акционерная форма хозяйствования. Использование этих форм в хозяйственной жизни КНР выдвинуло целый ряд теоретических и практических вопросов, по которым идут широкие дискуссии.

Большинство китайских экономистов связывают акционерную экономику с расширением и углублением экономической реформы, с ее центральным звеном — оживлением деятельности крупных и средних предприятий общенародной собственности. Акционерная форма производства логично сопрягается с требованием «полного развития товарного хозяйствования», выдвинутом на XIII съезде КПК. Учреждение и развитие различных товарных рынков — средств производства, финансового, технического, сферы услуг, а также выпуск облигаций и акций, как отмечалось в докладе Чжао Цзяяна на съезде, оказались неизбежны как меры, сопутствующие развитию крупного обобщественного производства и товарного хозяйства¹.

Путь к официальному признанию этого тезиса был непростым. Он сопровождался довольно широкой дискуссией, материалы которой не только дают возможность проанализировать позиции китайских экономистов, но и представляют богатую информацию для осмысления и использования в условиях начавшейся апробации акционерных форм организации хозяйства в нашей стране².

Активное изучение проблем паевой экономики при социализме в специфических условиях Китая началось в середине 80-х гг. До этого осуществлялись отдельные попытки использования паевой (акционерной) формы организации производства как эффективной формы аккумуляции и централизации средств для реконструкции производства, нового строительства и др. Одновременно развернулось широкое обсуждение ее многочисленных проблем. Одна из них — выяснение объективных основ существования акционерной формы собственности, организация соответствующего производства при социализме, ее особенности, отличие от капиталистической формы.

Многие китайские экономисты считают, что акционерная экономика не является специфическим продуктом капитализма, а имеет давние исторические прецеденты и представляет собой порождение товарной экономики и обобщественного, основанного на сотрудничестве производства. По мнению ряда китайских политэкономов, акционерная форма организации производства не только разрешает противоречие между ограниченностью накопления средств отдельного индивида и безграничностью потребностей растущего производства в отношении фондов, но и ведет к «уничтожению частного хозяйства»³.

Раскрывая объективные основы существования акционерной экономики в различных социально-экономических условиях, ее сторонники исследуют причины, которые диктуют необходимость использования этой формы и при социализме. Общей основой, предпосылкой необходимости и возможности существования акционерной экономики при социализме большинство китайских экономистов называет товарное производство. По-

ложения о социалистической плановой товарной экономике, о том, что социалистический товаропроизводитель является относительно независимой, обособленной единицей, по мнению, например, Ши Цюмина, Гао Гуаньцзяна и др., в наибольшей степени соответствуют духу акционерной экономики⁴. В условиях развивающегося товарного производства банковский кредит, считает Ян Сымао, не может решить проблем расширенного воспроизводства предприятий. Поэтому акционерная форма организации производства становится важным способом аккумуляирования средств⁵.

Среди аргументов в пользу акционерной экономики при социализме называется также требование возмездности при распределении фондов, свойственное товарной экономике, и соответственно повышение эффективности социалистического производства, отказ от политики уравниловки.

Необходимость использования акционерной экономики, считают китайские авторы-теоретики, усиливается специфическими особенностями социализма в Китае: слабостью материально-технической базы, распыленностью финансово-материальных средств, широким использованием коллективной собственности, развитием процесса социалистического обобществления. Особо отмечается тот факт, что акционерная система позволяет наилучшим образом сочетать интересы государства, коллектива и личности, превращая их в сохозяев, берущих на себя в определенной степени риск предпринимательства⁶. В целом акционерная форма организации, акционерная собственность характеризуются многими теоретиками как формы, наиболее подходящие для начальной стадии социализма, на которой находится современный Китай⁷.

По мнению китайских теоретиков, акционерные формы организации производства при капитализме и социализме имеют сходство, которое состоит в том, что в обеих системах осуществляется централизация капиталов (средств, фондов), пайщики (акционеры) идут на совместный риск и их экономические интересы тесно взаимосвязаны с эффективным управлением паевым хозяйством. Ван Пин, например, считает, что акционерная система как экономическая категория, свойственная и капитализму, и социализму, имеет двойственное содержание: с точки зрения централизации средств она представляет особую форму кредита, но вместе с тем предстает и как организационная форма предприятия. В этих своих функциях акционерная система выступает как «единое целое и тесно связана с товарной экономикой»⁸. Ян Цзянь в свою очередь, ссылаясь на положения К. Маркса об акционерной собственности, делает вывод о том, что она представляет собой «общественную совместную собственность общества на средства производства». Это определение, как указывает китайский автор, отнюдь не означает, что средства производства акционерного предприятия принадлежат всему обществу. Оно лишь подчеркивает его широту, сложность, многоструктурность⁹.

Указывая на общие черты акционерной системы при капитализме и социализме, китайские экономисты одновременно критикуют традиционные взгляды на акционерную экономику как на атрибут капитализма, считают их «упрошенными, односторонними, не соответствующими практике», «чрезмерно наивными». Акции, облигации и другие формы аккумуляции финансовых средств, используемых капитализмом, вполне могут быть использованы и при социализме. При этом, однако, указывается, что в разных общественно-экономических системах цели и последствия использования этих форм весьма различны.

Использование акционерной системы при социализме, подчеркивают китайские экономисты, не меняет характера общественной собственности, также как при капитализме акционерные компании не меняют его эксплуататорской сущности. Акционерная система при капитализме используется в интересах буржуазии и укрепления капиталистической частной собственности. При социализме же акционерная собственность направлена на обеспечение интересов трудящихся и укрепление общественной собственности. Если при капитализме акционерная система ориентирована на получение предпринимателями наибольшей прибавочной стоимости, то при социализме цель акционерной системы — удовлетворение постоянно возрастающих материальных и культурных потребностей трудящихся.

Китайские ученые указывают и на различия в механизме экономического регулирования акционерной системой при капитализме и социализме. Если при капитализме он носит стихийный, анархический характер, то при социализме движение акционерной собственности управляется с помощью государственной политики, опи-

рающейся на объективные экономические законы и прежде всего на основной экономический закон социализма, позволяет избежать анархистских тенденций, народнохозяйственных диспропорций и т. п.

Особое внимание китайские экономисты уделяют различиям в принципах распределения на акционерных предприятиях при капитализме и социализме. При капитализме распределение осуществляется в соответствии с величиной капитала, вложенного в предприятие, в то время как при социализме основным принципом является распределение по труду, а получение дивиденда и тантьемы рассматривается как стимул для вкладчика средств в общественное предприятие. Участие трудящихся в прибылях в соответствии с трудовым вкладом значительно преобладает над его долей участия в распределении прибыли соответственно внесенному паю.

Особое внимание китайские теоретики уделяют формам акционерной экономики. Прежде всего выделяются получившие распространение и апробацию как в Китае, так и в других социалистических странах формы паевой экономики, представляющей собой ту или иную разновидность кооперативной экономики: снабженческо-сбытовая, кредитная кооперация, совместные предприятия государственной и кооперативной собственности, кооперативные связи в рамках горизонтальных связей государственной социалистической собственности, совместные предприятия с участием иностранного капитала и др. Паевые формы организации производства в названных случаях, как правило, не носят характера акционерных предприятий, и в них не возникает многих проблем собственно акционерной экономики.

Сравнительно широкое распространение акционерная форма организации получила в сфере коллективной собственности городских, волостных предприятий. Одной из форм, популяризируемой китайской печатью с начала 80-х гг., является использование индивидуальных паев, вкладов работников предприятия для осуществления расширенного воспроизводства, реконструкции этого предприятия.

Важное место во внедрении акционерной системы в Китае занимают наряду с теоретическими исследованиями и некоторые попытки акционеризации предприятий общенародной собственности. Если в отношении мелких предприятий общенародной собственности предложения об их акционеризации и попытки их реализации в основном не вызвали существенных возражений у специалистов, то призыв к акционеризации крупных и средних предприятий вызвал у них протест. Проблема акционеризации предприятий общенародной собственности получила широкую полемическую прессу во второй половине 80-х гг.

Ее сторонники рассматривают процесс акционеризации общенародной собственности как «центральное звено» всей экономической реформы¹⁰. Суть акционеризации государственной социалистической собственности, в трактовке многих китайских экономистов, состоит в том, чтобы государство, предприятия и отдельные рабочие и служащие перешли в положение «свободного участия в паях». В результате «общенародная собственность последовательно превращается в коллективную собственность акционеров»¹¹. При этом предполагается, что предприятие за счет своей прибыли выкупает у государства «пакет акций» (пай) на производственные фонды — основные и оборотные — и в конечном счете формирует свое акционерное имущество, фактически корпоративную форму собственности.

С акционеризацией социалистической собственности китайские экономисты связывают оживление деятельности крупных и средних предприятий, привитие чувства хозяина трудящимся, реализацию их долгосрочных интересов и др. Аргументируют свою позицию также тем, что акционерная форма собственности представляет собой наиболее подходящую форму, с помощью которой эффективнее реализуется социалистическая собственность, происходит разделение права собственности и права хозяйствования.

Ряд китайских экономистов выдвинул положение о том, что акционерная собственность является «целесообразным» способом разделения права собственности и права ведения хозяйства¹². Отвергая как ненаучное мнение о том, что предприятия, вводя акционерную собственность, дробят государственное имущество, осуществляют «капиталистический процесс», они доказывают, что акционерная система при социализме не означает коренного изменения характера собственности предприятия, а ведет лишь к изменению в организационной форме собственности и способах ее функционирования. «Акционеризация общенародной собственности, — указывал экономист из Гуанчжоу

Лан Сяньхун, — отнюдь не нарушает права собственности государства на имущество», а лишь через паевую форму организации регулирует право собственности и способствует ее конкретной реализации¹³.

По мнению экономиста Ли Дацзюня, основной акционерной системой страны должна стать система, основанная на паях отдельных предприятий, прежде всего средних и крупных предприятий общенародной собственности¹⁴. При этом он подчеркивает, что трудящиеся могут быть пайщиками одного или ряда предприятий.

Другой ряд акционерной организации формируется тогда, когда главным пайщиком, держателем основного пая, выступает государство. Эта форма, как считают многие экономисты, в наибольшей степени подходит для государственных предприятий, выпускающих продукцию общенародной значимости, базовых предприятий народного хозяйства.

Каковы реальные возможности акционеризации крупных и средних предприятий государственной собственности в КНР? Какими средствами обладают потенциальные держатели акций? По мнению этих теоретиков, неограниченными. Другие полагают, что возможность покупки акций рабочими и служащими Китая невелика, поскольку уровень зарплаты у них сравнительно низок. Для подтверждения этого вывода приводится следующий пример: стоимость основных фондов государственных промышленных предприятий составляет более 300 млрд. юаней, число работников — более 30 млн. человек, то есть на одного работника приходится 10 тыс. юаней стоимости фондов. Предположим, что рабочие и служащие приобретут 40 % акций. Для этого нужно 4 тыс. юаней каждому работнику¹⁵. Поскольку стоимость основных фондов крупных предприятий велика, рабочим и служащим довольно трудно завладеть сравнительно крупными долями пая. Так, в 1986 г. в стране было выпущено акций на 2,4 млрд. юаней, что составило лишь 20 % от акмулированных денежных средств населения — 12 млрд. юаней¹⁶.

Так, суммируя аргументы против введения акционерной системы — низкий уровень зарплаты, отсутствие значительных накоплений, риск вклада в акции, — экономист Хэ Цзяньчан делает вывод, что акционерная система в Китае «не имеет широких условий для осуществления» и не может стать направлением реформы собственности¹⁷. По его мнению, предпочтительнее использовать выпуск облигаций государством, компаниями, финансовыми международными организациями.

Как свидетельствует практика, наибольшим паем в действующих предприятиях акционерного типа КНР владеют не индивидуальные пайщики, а государственные организации, затем следуют предприятия и, наконец, отдельные работники. Например, пекинская компания пешеходных мостов, выпустив акций на 3 млн. юаней, разместила их следующим образом: государственный пай (основные и оборотные фонды) составил 50,97 %, пай торгово-промышленного банка — 25,89 %, доля 15 предприятий, вступивших в пай, составила 19,68 %, а пай отдельных работников не превышал 20 акций (каждая акция по 100 юаней), составив в итоге 103,8 тыс. юаней, то есть 3 % общей величины акционерного капитала¹⁸.

Пекинская кооперативная акционерная компания — завод по производству туристских машин — имеет совокупный капитал 50,61 млн. юаней. Из них 78,1 % приходится на долю коллективного пая, 19,7 % пая относится к общенародной собственности, и только 2,2 % составляет пай отдельных лиц¹⁹.

Теоретические выкладки китайских экономистов и имеющийся практический опыт в основном свидетельствуют о том, что в настоящее время перспективы широкой акционеризации китайской экономики являются проблематичными. По некоторым оценкам, высказываемым в китайской печати, только через 15 лет до 50 % промышленных предприятий страны будут иметь свои акции. Вместе с тем значительно возросший в последние годы жизненный уровень китайского населения и устойчивый рост его доходов свидетельствуют о расширяющихся возможностях накопления денежных средств и покупки ценных бумаг. Не следует сбрасывать со счетов и довольно значительные суммы денежных переводов в валюте зарубежных китайцев своим родственникам, проживающим в Китае²⁰.

Возникновение первых предприятий акционерного типа относится к началу 80-х гг. Вначале они появлялись спорадически, а к середине 80-х гг. число таких предприятий, выпуск ими акций росли довольно быстрыми темпами. До середины 80-х гг. наибольшее распространение получили предприятия, осуществлявшие централизацию средств через

долевое участие в том или ином производстве, горизонтальные связи между предприятиями на паевой основе, а также предприятия, основанные на смешанном капитале — китайском и зарубежном. Предприятий, основанных на акционерной собственности, с соответствующим правлением, выплатой дивиденда и танъемы акционерам было немного.

Одним из примеров начального периода экономической организации акционерного типа китайская печать называет сталелитейный завод «Тайгума» и еще четыре мелких предприятия провинции Шаньси, которые в 1982 г. выпустили акции, собрав средства для решения ряда внутренних хозяйственных вопросов²¹. Существенное развитие получили акционерные формы организации предприятий в системе коллективной собственности в ряде прибрежных районов Китая, особенно в провинции Фуцзянь. В городе Цюаньчжоу этой провинции различные виды акционерных предприятий были «взяты за основу» экономической организации производства. Опыт этого города получил в Китае название «цюаньчжоуской модели». Первое предприятие акционерного типа, учрежденное в районе Цюаньчжоу в уезде Цзиньцзян в 1983 г., имело капитал в несколько десятков тысяч юаней, собранный за счет индивидуальных паев и банковских кредитов. Через три года в районе Цюаньчжоу насчитывалось уже 15 071 таких предприятий — 69,27 % их общего числа. На них было занято 310 тыс. человек, или 70 % всей рабочей силы предприятий волости. В качестве налога волости было отчислено 49 тыс. юаней, или 63,4 % совокупного налога волости²².

В 1987 г. в Шэньяне насчитывалось 155 промышленных и 310 торговых предприятий, функционирующих на основе акционерной формы собственности. За 2 года, с 1985 г., в городе было выпущено акций на 200 млн. юаней. Акционерные предприятия Шэньяна представлены четырьмя видами: 1) рабочие и служащие вступают в пай своего предприятия (вносят денежные средства на счет предприятия); 2) акционерное предприятие, использующее различные формы вступления в пай. При этом право собственности отделено от риска хозяйствования. Это предприятие акционерной системы с ограниченным распределением дохода; 3) предприятие смешанной собственности, включающее паевые взносы своих работников и паевые взносы со стороны; 4) акционерные кооперативные предприятия, возникающие на основе объединения индивидуальных паев²³.

Опыт Шэньяна, как отмечает китайская печать, свидетельствует о том, что при акционерной системе рабочие и служащие действительно становятся хозяевами производства, осуществляется непосредственное соединение работников со средствами производства. В таких условиях распределение осуществляется по принципу «распределение по труду — главное, распределение в соответствии с величиной пая — дополнение». В условиях акционерной системы, как показывает опыт, работники гораздо активнее выникают в дела своих предприятий.

Активизация акционерной деятельности поставила вопрос об учреждении рынка ценных бумаг. В апреле 1985 г. на совещании управляющих Народного банка Китая было выдвинуто предложение открыть местные финансовые рынки купли-продажи ценных бумаг. В том же году в Шанхае была учреждена фондовая биржа, занимающаяся продажей ценных бумаг. Подобные биржи были учреждены в Пекине и других крупных городах. Там, как правило, можно только купить ценные бумаги, так называемый вторичный оборот отсутствует. Поэтому в условиях китайской фондовой биржи неприменимо такое понятие, как «курс акций», отсутствует биржевая спекуляция в ее классическом варианте.

В последнее время отмечается определенный рост выпуска акций предприятиями страны. В 1987 г. в Шанхае различными предприятиями были выпущены акции на сумму 870 млн. юаней²⁴. Развитие паевых форм организации производства привело к увеличению в стране числа акционерных компаний, особенно в торговом деле. Так, в конце 1987 г. в Шанхае на базе известных в стране Юйюаньских торговых рядов возникла акционерная компания. Она объединила в основном мелкие и средние торговые точки с регистрационным капиталом в 6,5 млн. юаней. Основой акционерной компании является общественная собственность на средства производства. Сразу после учреждения компания выпустила акции на сумму 13 тыс. юаней с номиналом 100 юаней каждая. Характерно, что владельцы акций имеют право только на танъемы, без получения дивиденда²⁵. В 1988 г. компания планирует выпустить «открытых для общества» акций на сумму 1,3 млн. юаней²⁶. При успешном хозяйствовании рабочие и служащие — держатели «постоянного пая» могут получить танъему в пределах 18 %, а дер-

жатели «срочного пая» — в пределах 15 %. За потери и убытки акционеры несут совместную ответственность²⁷. В октябре 1987 г. в городе Учане появился первый в стране банк с использованием акционерной собственности. Этот банк осуществляет операции как с юанями, так и с зарубежными валютными средствами. Предполагается, что в будущем он откроет свои отделения в центральных городах Китая и за границей.

Рост акционерных форм организации общественного производства привел к появлению многих сложных проблем. Одна из них — распределение доходов внутри акционерных предприятий. На ряде предприятий Шанхая годовой суммарный дивиденд и тантьема, выплаченные акционерам, достигли 30 % величины пая, а на некоторых даже сравнялись с ними. Складывалась ситуация, когда при убыточности предприятия акционеры не несли материальной ответственности, а потери покрывались за счет государственного имущества (пая государства на предприятии), за счет основных средств предприятия.

Актуальным вопросом является и ограничение величины паевого взноса. До тех пор пока необходимость в средствах остра, эта проблема представляется больше теоретической. Однако в процессе развития акционерной экономики этот вопрос, несомненно, станет весьма острым.

Еще одна проблема: в качестве пайщиков выступают государство, предприятие, группы рабочих и отдельные лица. Возникает вопрос, следует ли государству получать дивиденд и тантьему при условии, что оно взимает налог с предприятий? И не возникает ли в отсутствие или при ослаблении общегосударственной воли множества произвольных, несбалансированных решений акционерного предприятия?²⁸

Несмотря на предпринятые шаги в развитии акционерной системы в КНР в 80-е гг., она, по свидетельству печати, находится на «этапе зарождения». В настоящее время большинство паевых предприятий не выпускает собственных акций. Те предприятия, которые выпускают акции, сталкиваются с серьезными трудностями. Признается, что для здорового развития акционерной экономики необходимо к Закону о предприятии принять Закон об акционерных компаниях, Закон о рынке ценных бумаг и другие законоположения.

В апреле 1987 г. Госсовет КНР издал циркуляр, в соответствии с которым усиливается управление и контроль над выпуском акций и облигаций. Признавая «определенную роль» в оживлении экономики, в частности финансового рынка, горизонтальных связей, документ указывает на нездоровые явления — распыление капиталовложений и финансовых ресурсов, явления самостроя. Некоторые организации «осуществляют разверстку» на акции и облигации, «заставляя предприятия и массы испытывать трудности» и другие негативные явления. Во избежание этого циркуляр Госсовета КНР предписывает строгую регламентацию и контроль за выпуском акций и облигаций, предлагает ограничить их выпуск небольшим числом коллективных предприятий, накопить опыт²⁹.

Практика использования в Китае акционерной системы позволяет сделать вывод, что эта система продемонстрировала определенные достоинства. Акционерная система в известной степени способствовала разрешению проблемы привлечения средств для решения важных народнохозяйственных проблем, развитию связей между кооперативными, государственными предприятиями, сыграла заметную роль в прорыве имеющейся «блокады» между отдельными районами страны, отраслями. Ее использование, по свидетельству китайской печати, помогло улучшить качество продукции, внедрить новую технику, комплексно использовать совместные капиталовложения. Паевая организация производства стала одной из форм повышения эффективности реализации социалистической собственности. Ее использование, несомненно, продвинуло «процесс отделения права собственности от права хозяйствования», способствовало модификации функций управления экономикой различных государственных органов. По мнению известного китайского экономиста Гун Далиня, функционирование акционерных предприятий полностью «соответствует общественным потребностям и рыночной конкуренции». Акционерная система является «важным условием наивысшего развития товарной экономики» в стране. Ее использование, считает он, означает переход от управления материальными ресурсами к управления стоимостью³⁰.

Активное изучение китайскими экономистами теории и практики акционерной экономики, выделение многих подходов, тенденций в ее развитии дают богатый материал для научного анализа, использования в практике хозяйственной перестройки. Углубленное изучение сущности и особенностей акционерной экономики в различных социаль-

но-экономических условиях позволит советским экономистам уяснить и привлечь полезный материал для обновленного понимания социализма.

- ¹ См.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.
- ² См.: «Социалистическая индустрия», 15.1; 4.III.1988; «Экономическая газета», 1988, № 7; 1987, № 48 и др.
- ³ См.: «Цзянхань луньтань», 1984, № 8; «Цзинцзи кэсюэ», 1987, № 5.
- ⁴ См.: «Цзинцзи вэньти», 1985, № 4, с. 31.
- ⁵ См.: «Цзинцзи янюцзю», 1984, № 12, с. 34.
- ⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 4.I.1986.
- ⁷ См., напр.: «Гуанмин жибао», 20.II.1988.
- ⁸ Там же, 15.VI.1985.
- ⁹ См. там же, 20.II.1988.
- ¹⁰ См.: «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», 1987, № 1, с. 50.
- ¹¹ «Цзинцзи жибао», 2.XI.1985.
- ¹² См.: «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», 1987, № 1.
- ¹³ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 15.III.1987, с. 7.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ На конец 1987 г. вклады населения в сберегательных кассах составляли 307,5 млрд. юаней. По сравнению с 1986 г. рост накоплений равнялся 37,5%. — «Цзинцзи жибао», 24.II.1988. В 1987 г. сумма сбережений в среднем на 1 человека в Синьцзяне составила 433 юаня, более 6 млрд. юаней в целом. Жители этого района по числу сбережений находились в числе первых в стране. — «Жэньминь жибао», 2.II.1988.
- ¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 6.IV.1987.
- ¹⁷ См.: «Гуанмин жибао», 17.X.1987.
- ¹⁸ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 15.III.1987.
- ¹⁹ См.: «Цзинцзи жибао», 7.III.1988.
- ²⁰ См.: С. Н. Гончаров. Зарубежные китайцы и программа «четырёх модернизаций» КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3.
- ²¹ См.: «Цзинцзи вэньти», 1983, № 6.
- ²² «Чжунго цзинцзи вэньти», 1987, № 6, с. 23.
- ²³ См.: «Гуанжэнь жибао», 13.XI.1987.
- ²⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 26.XII.1987.
- ²⁵ См.: «Гунжэнь жибао», 11.XII.1987.
- ²⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 26.XII.1987.
- ²⁷ См.: «Гунжэнь жибао», 3.I.1988.
- ²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 13.II.1988.
- ²⁹ «Жэньминь жибао», 7.IV.1987.
- ³⁰ См. там же, 18.VIII.1986.

Развитие приморских районов

*В. Н. РЕМЫГА,
кандидат экономических наук*

*ЯН ИМИНЬ,
китайский экономист*

Одним из главных направлений экономической политики КНР является новая стратегия ускоренного экономического развития приморских районов. Сформулирована она как «ускорение темпов развития экономики приморских районов, ориентированной на внешний рынок, энергичное включение ее в международный обмен и международную конкуренцию... В полной мере использование преимуществ, обусловленных обилием людских ресурсов и низкой себестоимостью, осуществление принципа «двойной зарубежности», то есть работы предприятий за счет зарубежных источников сырья и сбыта продукции на внешние рынки». Эта стратегия рассматривается в тесной связи с развитием всей китайской экономики. Она призвана стимулировать развитие не только приморских, но и внутренних районов, а также всего народного хозяйства в целом. Более того, ее цель — «дать мощный импульс перестройке во всех областях»².

Новая стратегия является очередным шагом и логическим продолжением открытой внешнеэкономической деятельности КНР. Осенью 1986 г. во время поездки в приморские города Тяньцзинь, Циндао и др. Чжао Цзянь отметил: «В наших приморских районах, в особенности в открытых городах и районах надо уделить особое внимание развитию экономики, ориентированной на экспорт». При этом он подчеркнул, что «приморские районы должны заимствовать опыт некоторых азиатских стран и районов, развивать свою конкурентоспособность на международной арене»³.

Впервые в самом общем виде новая стратегия была сформулирована 32-летним научным сотрудником Научно-исследовательского экономического института при Госплане КНР Ван Цзянем в подготовленном им докладе «Понски приемлемой стратегии в условиях циклического развития мировой экономики»⁴.

Уже через месяц после XIII съезда КПК Чжао Цзянь дважды совершал инспекционные поездки в Шанхай, провинции Чжэцзян, Цзянсу и Фуцзянь, в итоге которых пришел к выводу, что «в приморских районах сложилась обстановка, благоприятная для реформы, расширения внешних связей и экономического строительства»⁵. Эти выводы легли в основу доклада, который был сделан Чжао Цзянем на заседании Политбюро ЦК КПК, где вопрос о новой стратегии рассматривался специально, и она получила всеобщую поддержку. Одновременно на страницах китайской центральной и провинциальной печати развернулось широкое обсуждение данной концепции и конкретного механизма ее реализации.

На первой сессии ВСНП седьмого созыва (апрель 1988 г.) данная стратегия внешнеэкономической деятельности была представлена как одно из главных направлений экономической политики КНР.

Необходимость осуществления новой стратегии ускоренного экономического развития приморских районов страны обусловлена рядом объективных факторов. Важнейшим из них является давление избыточной, с относительно низким научно-техническим уровнем рабочей силы, особенно в китайской деревне. В настоящее время избыточной считается около 1/3 рабочей силы в деревне. Частично проблема решается за счет создания сельских предприятий. За 9 лет со времени начала осуществления реформ около 85 млн. крестьян перешло из земледелия в сельскую

промышленность. Предполагается, что к концу века их численность составит 180—200 млн. человек⁶.

Однако потенциальные возможности развития сельской промышленности имеют свои границы: сказывается отсутствие или нехватка некоторых видов сырья и материалов, а также финансовых средств. Так, в настоящее время из-за нехватки электроэнергии в стране простаивает около 15 % оборудования⁷. Не хватает стали, проката, древесины, практически все виды сырья и материалов являются дефицитными.

Еще острее стоит проблема накопления денежных средств. Возможности привлечения денежных средств населения ограничены, а положение с государственным бюджетом остается очень напряженным. Новые проблемы возникают также в связи с увеличением дефицита платежного баланса как результата растущего разрыва между импортом и экспортом.

Особенно обострены эти проблемы в приморских районах. Именно здесь самые высокие в Китае плотность населения и избыточная рабочая сила. На узком участке прибрежной территории проживает около 200 млн. человек — $\frac{1}{5}$ часть населения страны.

Традиционно в этих районах наиболее развита обрабатывающая промышленность и в меньшей степени добывающая. В немалой степени это связано с недостатком сырьевых ресурсов и острым дефицитом пахотных земель, в результате чего рентабельность предприятий добывающей промышленности на единицу площади ниже, чем у земледелия. Поэтому в получении сырья и материалов приморские районы ориентируются на внутренние источники. Однако в условиях внедрения принципа самостоятельности предприятий внутренние районы страны сами испытывают нужду в сырье и материалах. Учитывая «ножницы цен» на продукцию сырьевых и обрабатывающих отраслей, становится все более невыгодно поставлять сырье и материалы приморским районам. В итоге приморские районы уже сейчас находятся «на голодном пайке». Кроме того, возникают трудности, связанные с насыщением рынка внутренних районов продукцией предприятий приморских районов. Зачастую внутренние районы производят более качественную продукцию, тем не менее население предпочитает покупать шанхайские или гуандунские товары, даже если цена на них заметно выше. Это ограничивает возможности развития внутренних районов. Старый порядок, при котором в приморских районах ведется преимущественно обработка, а получение сырья, материалов и сбыт продукции переносятся во внутренние районы, приводит к консервации отсталости последних.

Китайское руководство видит выход в том, чтобы перенести получение сырья и материалов, сбыт продукции из внутренних районов за рубеж, а приморские районы переориентировать на производство экспортной продукции, причем прежде всего трудоемкой. Предусматривается более активное включение ее в международный обмен и международную конкуренцию.

В настоящее время в китайской печати остро критикуется ошибочность «замкнутой политики», проводившейся в 60—70-е гг., и «игнорировавшей закономерности развития мирового хозяйства». Так, за 30 лет (1955—1985) общемировой объем импорта и экспорта увеличился соответственно в 36 и 37 раз, составив в среднем за год 12,6 и 12,7 %⁸ и превысил прирост материального производства. Причем прирост международного капитала оказался выше, чем международной торговли. Налицо тенденция интернационализации экономики. Большинство китайских экономистов считает, что страна может развиваться быстро лишь при условии, если она принимает участие в международном разделении труда. По подсчетам китайского ученого Ян Луцзюня, на протяжении последних 10 лет почти в 50 странах мира валовая продукция народного хозяйства увеличилась в 2 раза, а в 30 с лишним странах — в 4 раза. Среди них не было ни одной, которая проводила бы такую замкнутую политику, как Китай⁹.

Доля экспорта в валовой продукции народного хозяйства составляла в 1985 г.: Южная Корея — 35,1, Тайвань — 51, Гонконг — 88,2, Малайзия — 49,4, Таиланд — 26,6 %. В среднем для всех стран мира этот показатель составил 15,7 %. В Китае же — лишь 11,5 %¹⁰.

При этом дистанция между Китаем и развитыми странами заметно увеличивается. Так, если в 1960 г. валовая продукция США превышала аналогичный показатель КНР на 460 млрд. долл., то в 1985 г. — уже на 3680 млрд. долл.¹¹ Особенно заметно увеличивается разрыв между Китаем и Японией. Если в 1955 г. валовая продукция Китая составляла 4,7 % мирового производства, а Японии 2,4 % (в КНР почти в два ра-

за выше), то в 1980 г. — 2,5 и 9,5 % соответственно (почти в четыре раза ниже, чем Японии)¹².

Быстрое развитие экономики таких стран, как Япония, Бразилия, Южная Корея достигнуто прежде всего за счет ориентации на внешний рынок. Так, в первые десятилетия их успешного развития приток объема экспорта в этих странах составлял ежегодно соответственно 17, 16, 40 %¹³. Особенно привлекает китайских экономистов пример «4-х маленьких драконов Азии»: Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура. Так, если в 1965 г. общий объем экспорта Китая составлял 2,2, а «4-х маленьких драконов» — 2,4, то в 1985 г. — 27,3 и 99,6 млрд. долл. соответственно (разрыв в 3,65 раза)¹⁴.

Хотя причины переориентации на внешний рынок у этих стран были разные — Японии не хватало сырья и материалов, Южной Корее — денежных средств и т. п., однако тенденции налицо: они развивались более высокими темпами, чем другие страны. В настоящее время у них рост валовой продукции на душу населения, уровень образования, здравоохранения и т. п. значительно выше, чем у Китая¹⁵.

Китай не собирается копировать опыт этих стран. Существуют большие различия между Китаем и «4-мя маленькими драконами Азии». Это, во-первых, масштабы экономики, численность населения. Во-вторых, Китай — преимущественно континентальная страна и ему сложно, да и нет необходимости, полностью ориентироваться на внешний рынок, подобно островным государствам. В-третьих, фундамент развития промышленности, технологический уровень и уровень квалификации рабочих и служащих в настоящее время в КНР выше, чем в этих странах в 60—70-е гг. И самое существенное отличие в том, что Китай — социалистическая страна. Это, с одной стороны, в известной степени затрудняет проникновение его на мировой капиталистический рынок, а с другой, — позволяет более планомерно и целесообразно осуществлять нынешнюю стратегию. Кроме того, в силу очень емкого внутреннего рынка Китай имеет большие возможности сглаживать негативные влияния конъюнктуры мирового капиталистического рынка¹⁶.

Вместе с тем данные различия не означают, что в Китае не предполагают изучать и перенимать все полезное, что накоплено опытом развития «4-х маленьких драконов». Как считают китайские экономисты, в Китае существуют почти все те благоприятные условия которые были в каждой из этих стран в отдельности. Поэтому условия и механизмы их реализации необходимо изучать. Вместе с тем большое внимание в Китае намерены сосредоточить на использовании преимуществ, о которых говорилось выше.

По мнению китайских экономистов, общая закономерность осуществления индустриализации в слаборазвитых странах предполагает прохождение следующих этапов: трудоемкое производство — капиталоемкое — технико- и наукоемкое. Для стран с большим населением и недостатком земли и финансовых средств необходим сравнительно длительный этап развития трудоемкого производства. Об этом свидетельствует пример Японии, Тайваня, Южной Кореи. Те латиноамериканские страны, которые пытаются перескочить через этот этап, сталкиваются с большими трудностями¹⁷. В настоящее время развитые капиталистические страны в основном осуществляют технико- и наукоемкое производство, а развивающиеся — трудоемкое и капиталоемкое. В соответствии с закономерностями развития мировой экономики, трудоемкая промышленность перемещается туда, где наиболее низка стоимость рабочей силы. По мере развития трудоемкой промышленности повышается уровень производства, появляются накопления, растет стоимость рабочей силы и трудоемкое производство вновь перемещается туда, где к этому времени трудовые ресурсы наиболее дешевые. В 50-е г. трудоемкое производство переместилось из Европы и Америки в Японию, в 60—70-х гг. — в страны «4-х маленьких драконов», а в начале 80-х г. — в Таиланд и Малайзию.

Сейчас, как считают китайские экономисты, стоимость рабочей силы у «4-х маленьких драконов» существенно возросла, и они объективно уступают рынок трудоемкой продукции, который Таиланд и Малайзия не могут освоить полностью¹⁸. Поэтому возникает чрезвычайно благоприятный момент для проникновения Китая на мировой рынок. Причем, как подчеркивают ученые, этот шанс сам по себе уникален. Ранее Китай по разным причинам упускал подобные благоприятные обстоятельства. Высказывается мнение, что «если и на этот раз он упустит момент, то навсегда окажется за гранью возможности догнать развитые страны»¹⁹.

По мысли ученых-экономистов, подобное включение Китая в мировой рынок позво-

лит ему превратить проблему с избыточными трудовыми ресурсами в преимущество, привлечь недостающее сырье и материалы, финансовые средства (валюту) из-за рубежа, а также повысить технологический и управленческий уровень и тем самым ускоренными темпами пройти этап индустриализации, сократить разрыв с развитыми странами.

Реализация целей новой стратегии ускоренного развития приморских районов осуществляется через механизм внешнеэкономических связей. К началу 1988 г. этот механизм уже получил известное развитие. Объем экспорта Китая превысил 30 млрд. долл. В довольно широких масштабах привлекается зарубежный капитал, развиваются смешанные предприятия и специальные экономические зоны²⁰.

В авангарде этих преобразований находится провинция Гуандун, которая с 1986 г. занимает первое место в экспорте страны. К 1988 г. в этой провинции было создано более 10 тыс. смешанных предприятий и подписано более 80 тыс. контрактов. В 1986 г. доходы от обрабатывающей промышленности составили 400 млн. долл.²¹.

Однако нынешний механизм внешнеэкономических связей еще далеко не удовлетворяет требованиям новой стратегии развития. Поэтому предполагается провести реформу системы внешнеэкономических связей, отработать законодательство, искать новые более льготные для зарубежных предпринимателей формы привлечения иностранного капитала. По образному выражению одного из руководителей провинции Гуандун, «мы избрали для себя принцип: никогда не говорить иностранному предпринимателю «нет», а искать наиболее удобные и приемлемые для обеих сторон решения». В соответствии с этим принципом предусматривается проведение реформы всей системы внешнеэкономических связей. Как считают в Китае, одной из наиболее удобных форм организации производства в условиях новой стратегии являются сельские предприятия. Они достаточно естественно и просто могут использовать избыточную рабочую силу деревни, практически не требуют дополнительных средств на социальные нужды, более гибко могут перестраивать производство, причем нередко обладают большей конкурентоспособностью.

Так, в уезде Фэньюй провинции Гуандун после того как в 1987 г. иностранным предпринимателям было разрешено напрямую вести переговоры с сельскими предприятиями, они в среднем каждую неделю подписывали по 20 контрактов²². Сельское предприятие уезда Тунсянь под Пекином выполнило срочный заказ: за 2 дня изготовить 2 тыс. ювелирных изделий²³. И это при том, что сельские предприятия располагают менее квалифицированной рабочей силой, ограниченными возможностями развития современного производства.

Уже в плане экономического и социального развития на 1988 г. заложена задача приоритетного осуществления стратегии развития приморских районов. Планируется «в полной мере стабильно обеспечивать их топливом и энергией, а также сырьевыми материалами»²⁴. Соответствующие ведомства Госсовета КНР и местные правительства обязуются по единому плану регулировать структуру ввозимой и вывозимой продукции приморских районов, а также главные направления заимствования зарубежной техники и технологии и иностранных капиталовложений.

Решающее значение на этом этапе придается увеличению экспорта и притоку иностранной валюты, с тем чтобы уменьшить дефицит платежного баланса и накопить средства для импорта сырья из-за границы.

Намечаются меры, нацеленные на повышение научно-технического уровня экспортной продукции и привлечение с этой целью необходимых научно-технических кадров со всей страны в приморские районы, создание здесь льготных условий для быстрого внедрения научно-технических достижений в производство. Предусматривается более активно привлекать зарубежных предпринимателей, в том числе и для создания предприятий, полностью основанных на их собственном капитале, использовать иностранный капитал для реконструкции старых предприятий, чтобы заимствовать технику, технологию и опыт управления.

Большой интерес в Китае проявляют к такой форме хозяйствования, как подряд зарубежного предпринимателя на управление китайскими предприятиями. Впервые такой подряд взял австралийский менеджер Хайнс на небольшой филиал при Уханьском формовочном заводе. Контракт был подписан на 3 года. В соответствии с контрактом Хайнс полностью несет ответственность за работу филиала, имеет право нанимать и увольнять рабочих и служащих и определять им размер заработной

платы (правда, с разрешением собрания представителей рабочих и служащих). При этом филиал ежемесячно должен отчислять заводу прибыль в размере 10 тыс. юаней. Эта сумма ежегодно увеличивается на 8 %²⁵.

Подобная практика, по мнению китайского руководства, позволяет быстрее освободиться от пут старой системы и сложных взаимоотношений между людьми; директор-иностранец имеет больше возможностей для привлечения иностранного капитала и проникновения на мировой рынок, лучше знает его конъюнктуру с точки зрения качества и ассортимента продукции²⁶.

Другой новой формой привлечения иностранного капитала является возникший в провинции Ляонин метод — «две системы управления на одном предприятии». Суть его в том, что на одном и том же предприятии будут параллельно существовать и общепринятая в Китае система управления и характерная для смешанных предприятий, в том числе и такая, которую зарубежные предприниматели применяют в соответствии с международной практикой. Этот метод не требует больших капиталовложений, зато дает быструю отдачу: не нужно строить новые предприятия, упрощается процедура оформления. Он особенно привлекателен с точки зрения выхода крупных и средних предприятий на международный рынок. С апреля 1988 г. 100 крупных и средних предприятий провинции Ляонин используют эту форму привлечения иностранного капитала.

Новая стратегия ускоренного экономического развития приморских районов находится на первоначальной стадии осуществления. Только начинается разработка программы мероприятий, ведутся поиски механизма ее реализации. Но уже появился целый ряд серьезнейших проблем.

Главной проблемой, которая ныне особенно беспокоит китайских экономистов, являются взаимоотношения между приморскими и внутренними районами. Некоторые считают, что новая стратегия не только приведет к серьезному увеличению разрыва в уровнях их развития, но и будет сдерживать развитие внутренних районов и народного хозяйства в целом. При этом они указывают на проблемы, которые были связаны с нерациональной структурой размещения производительных сил старого Китая, когда приморские районы отвлекали сырье, материалы, квалификационную рабочую силу из внутренних районов и тем самым обрекали их на застой. С особой остротой эта обеспокоенность проявилась в выступлениях делегатов на первой сессии ВСНП седьмого созыва: «Зачем давать возможность еще больше богатеть богатым провинциям, в то время как будут беднеть бедные провинции».

Другой важной проблемой является конкурентоспособность на внешнем рынке. Для этого экспортная продукция должна удовлетворять как минимум двум требованиям: быть на достаточно высоком потребительском уровне, быть дешевле, чем аналогичная продукция конкурентов. Каждое в отдельности условие — это еще не гарантия высокой конкурентоспособности. По мнению китайских экспертов, в настоящее время китайская продукция вполне может удовлетворить этим требованиям: квалификация рабочих и ИТР в приморских районах достаточно высока, а стоимость их рабочей силы намного ниже, чем за рубежом.

Вместе с тем в Китае достаточно четко представляют себе, что «4-е маленького дракона Азии», плюс Япония, Малайзия, Таиланд и др. капиталистические страны не сдадут без боя свои позиции на мировом рынке. В их конкурентной борьбе большое значение придается предпринимателям из этих стран, которые, выгодно вкладывая капитал в КНР (учитывая фактор дешевой рабочей силы), и получая более высокую прибыль, чем внутри страны, «на своих плечах» выведут Китай на свои же рынки. Китайские теоретики полагают, что в нынешних благоприятных для Китая международных экономических условиях этот процесс будет носить взаимовыгодный характер.

За этими двумя основными проблемами выступает еще целый ряд других. Так, несмотря на ориентацию на внешний рынок, существует немало таких видов сырья и материалов (например, электроэнергия), которые довольно сложно получать из-за границы, поэтому необходимо будет по-прежнему отвлекать их от внутренних потребностей страны. Большие трудности связаны с неразвитостью инфраструктуры. Уже сейчас наряду со строительством крупных портов предполагается одновременно построить большое количество средних и малых причалов, чтобы иметь возможность перевозить небольшие партии сырья и материалов малыми судами. Но это также требует значитель-

ных капиталовложений и времени. Поэтому в докладе Ли Пэна на сессии ВСНП прямо говорится, что в осуществлении данной стратегии «не обойтись без духа длительного упорного первопрорыва, нельзя гнаться за скороспелыми успехами»²⁷.

В соответствии с первоначальными наметками для осуществления стратегии ускоренного экономического развития приморских районов и оптимизации всей структуры производства необходимо пройти три этапа.

На первом этапе, когда будут развиваться преимущественно приморские районы, в этих районах предполагается развивать прежде всего такие трудоемкие производства, как текстильная, пищевая, электронная промышленность и производство потребительских товаров длительного пользования. Развитие тяжелой промышленности на этом этапе будет сдержанным. Полученную валюту планируется направлять на приобретение новой техники и сырьевых материалов, а также на увеличение экспорта. Параллельно предполагается интенсивно вести строительство транспортной сети во внутренних районах, чтобы создавать условия для развития их экономики, ориентирующейся на внешний рынок. Предусматривается, что продукция внутренних районов будет направляться на внутренний рынок, повысится ее качество, снизятся затраты. Этот этап займет приблизительно 5—7 лет.

На втором этапе, которому также отводится 5—7 лет, предполагается, что продукция внутренних районов постепенно начнет поступать на мировой рынок. За счет этого заметно увеличатся валютные поступления, которые можно будет использовать для развития инфраструктуры и капиталоемкого производства.

Третий этап, который предполагается начать к концу девятой пятилетки, должен ознаменоваться развитием капиталоемкого и техноемкого производства. Его продукция будет направляться на внешний рынок, постепенно будет понижаться удельный вес трудоемкого производства.

¹ Доклад Ли Пэна на первой сессии ВСНП седьмого созыва 25.III.1988.— «Жэньминь жибао», 15.IV.1988.

² Доклад Яо Илия на первой сессии ВСНП седьмого созыва 26.III.1988.— «Жэньминь жибао», 17.IV.1988.

³ «Цзинцзи жибао», 11.II.1988.

⁴ В сокращенном виде этот доклад был опубликован в «Цзинцзи жибао», 5.I.1988.

⁵ «Жэньминь жибао», 23.I.1988.

⁶ «Цзинцзи жибао», 5.I.1988.

⁷ «Жэньминь жибао», 5.II.1988.

⁸ «Вэньхуэй бао», 8.I.1988.

⁹ Там же.

¹⁰ «Цзинцзи жибао», 12.II.1988.

¹¹ «Шицзе цзинцзи даобао», 15.II.1988.

¹² «Цзинцзи цанькао», 11.II.1988.

¹³ «Цзинцзи жибао», 5.I.1988.

¹⁴ «Цзинцзи цанькао», 11.II.1988. В том числе Южная Корея — 29,5 млрд. долл.; Тайвань — 30,7; Гонконг — 16,6; Сингапур — 22,8.

¹⁵ В 1986 г. ВНП на душу населения в Сингапуре составлял 6500 долл., Гонконге — 6277, Тайване — 3438. В Южной Корее за 20 лет он возрос с 87 до 2600 долл., то есть почти в 30 раз. В Китае же он лишь немногим превышает 300 долл.— «Цзинцзи жибао», 12.II.1988.

¹⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 12.II.1988.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ См.: там же, 11.II.1988.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 8.II.1988.

²¹ «Вэньхуэй бао», 8.I.1988.

²² См.: «Цзинцзи жибао», 15.I.1988.

²³ См.: там же.

²⁴ Доклад Яо Илия на первой сессии ВСНП седьмого созыва.— «Жэньминь жибао», 17.IV.1988.

²⁵ См.: «Бэйцзин жибао», 20.III.1988.

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 23.I.1988.

²⁷ Там же, 15.IV.1988.

Рынок технологий

Э. З. ИМАМОВ,
кандидат юридических наук

В начале 80-х гг. изменения, происходящие в сфере материального производства, определили новое направление развития процесса социализации результатов научно-технического творчества в Китае. В 1982 г. в тезисах ЦК КПК «О работе Госкомитета по науке и технике» была выдвинута задача интенсификации курса на осуществление возмездной передачи результатов духовного творчества в цепи наука — производство. Этот курс обусловил появление рынка технологий, куда научно-техническое достижение должно поступать в виде товара.

С этого времени в правовой и экономической науке КНР активизировались теоретические исследования, ставившие своей целью показать товарный характер идей и наличие в результатах духовного производства стоимостного содержания. Социальный фон этих исследований — расширяющаяся сфера товарного обращения, появившийся и набирающий силу рынок технологий, оказывающий стимулирующее воздействие на развитие связи науки с производством, — в известной мере предопределил их направленность, сориентировал их на выводы о товарности идей и наличии в них стоимостного содержания. «Необходимо на законодательном уровне четко установить право собственности предприятий и научно-исследовательских учреждений на служебный творческий результат... право собственности изобретателей, рационализаторов в отношении неслужебных творческих результатов. Только таким образом предприятия, научно-исследовательские учреждения, изобретатели и рационализаторы смогут появиться на рынке технологий как владельцы товаров для передачи своих научно-технических достижений»¹.

Говоря о товарности идей и пытаясь обособить эту группу товарной массы, китайские ученые отмечают, что «знания являются специфической собственностью, которую нельзя вырвать из рук другого человека»². Правовед Чжоу Давэй говорит о двух типах неодинаковых по сути товаров: «В плановой товарной экономике Китая существуют материальные и технологические товары, то есть два типа неодинаковых по сути товаров. Они сильно отличаются по сущности, формам, способам производства, обмена, а также по содержанию получаемых прав»³.

В связи с принятием Патентного закона КНР правовед Хуан Шэньи писал: «Технические изобретения — это продукт труда. Они воплощают в себе творческий умственный труд изобретателя, а во многих случаях и овеществленный труд в виде экспериментальных и исследовательских приборов, оборудования, экспериментальных материалов и некоторый вспомогательный физический труд. Однако решающую роль играет творческий умственный труд. Техническое изобретение при использовании его в производстве в конце концов может превратиться в производительную силу, дать экономический, технический и социальный эффект. Поэтому оно обладает стоимостью, потребительной стоимостью и должно защищаться как ценность. Поскольку в условиях социализма еще существует товарное производство, то для потребностей социалистической модернизации необходимо всемерно развивать производство и обмен этого товара — технического изобретения»⁴. По мнению Хуан Шэньи, принцип принадлежности изобретения государству в целом препятствует получению предприятием или изобретателем экономической выгоды от созданного изобретения, не способствует развитию творческой изобретательской активности широких масс и отдельных предприятий, вызывает скрытность в отношении создаваемых изобретений.

Стоимостное содержание в изобретении усматривает и Шэнь Юаньюань: «Изобретения являются результатами творческого труда, они есть сгустки человеческой мысли, физических усилий и поэтому обладают стоимостью. В то же время результат такого тру-

да при применении в производстве может изменить производительные силы, породить определенный экономический и социальный эффект, поэтому результат творческого труда обладает также и потребительной стоимостью»⁵.

В Постановлении Государственного совета КНР «О передаче технологии» от 10 января 1985 г. технология именуется товаром. Постановление предоставляет право передавать любую технологию, за исключением противоречащей политике государства и наносящей ущерб государственной безопасности.

Серьезные положения в пользу признания товарного характера идей содержатся в Постановлении ЦК КПК о реформе системы управления наукой и техникой. В этом чрезвычайно важном документе подробно говорится о социальном назначении рынка технологий, об идеях как товарных единицах, о необходимости всемерно реализовывать на практике курс товаризации идей, о внедрении в деятельность научно-исследовательских учреждений принципов полного хозрасчета, о новых формах оплаты труда научно-технического персонала, которая обеспечивается поступлениями от реализации идей на рынке.

В постановлении прямо говорится: «Наука и техника в основном являются продуктом умственного труда людей. Необходимо в полной мере познавать и оценивать стоимость, создаваемую умственным трудом. С развитием науки и техники все больше будет возрастать роль технологии в создании товарной стоимости общества, все больше технологии уже выступают товаром интеллектуального типа, существующим независимо, уже появилось новое интеллектуальное производство. Рынок технологий является важной составной частью социалистического товарного рынка Китая»⁶.

При установлении товарности идей постановление исходит из социальных свойств идеи удовлетворить определенные потребности людей, производства. Употреблением выражения «все больше» подчеркивается возможность превращения знаний в товар главным образом по мере их поступления на рынок. Таким образом, создание определенной технологии только ради науки, а не для конкретного потребителя не всегда может расцениваться в Китае как производство интеллектуального товара, поскольку в качестве главного свойства идеи, конституирующего ее как товар, выступает потребительная стоимость. Правовед Юй Дашэн пишет по этому поводу: «Одним из важнейших результатов исследований в области науки и техники является производство знаний, обладающих потребительной стоимостью. Их роль в экономическом обороте, так же как и материальных источников, значительна. Они могут выступать производительной силой, давать конкретный экономический и социальный эффект. Поэтому научно-технические знания начинают выступать в качестве независимых объектов экономического оборота»⁷. Аналогичного мнения придерживается и Хе Тяньшу. Он считает, что «научно-технические достижения, как результаты интеллектуального труда, сейчас признаны всеми в качестве интеллектуального товара. Поэтому права, получаемые на основе закона в отношении научно-технического результата как товара, его имущественная принадлежность определяются стоимостным содержанием научно-технического достижения»⁸.

Постановление ЦК КПК играет важную нормативно-регулятивную роль, его положения следует рассматривать в качестве источников основополагающих идей для соответствующей сферы правовой идеологии Китая. На их основе развиваются как общеправовые категории и понятия, так и институты и отдельные нормы различных отраслей права КНР. Правовед Мэн Юй пишет, что «появление на товарном рынке общества научно-технических знаний в качестве товара — это огромный прогресс Китая в области знаний о социалистическом товарном хозяйстве... способствующий развитию новых представлений в области права»⁹.

Рассуждая о конкретных вопросах нарушения правового режима идей, в частности о техническом грабеже, ученый затрагивает вопрос о праве собственности на знания. Так, анализируя уголовно-правовую категорию «объект преступного посягательства», он пишет: «Объектом посягательства при грабеже выступает монополия на технические знания, то есть технические знания являются специфической собственностью. ...Если технический результат научного подразделения или предприятия появился в журнале, то есть он выставляется на всеобщее обозрение, то его использование не означает технический грабеж»¹⁰. Технический грабеж, по мнению Мэн Юя, имеет место при заимствовании любых новых знаний без разрешения их владельцев, причем речь идет не о запатентованных знаниях, так как «технический грабеж — это грабеж монопольных технических

знаний, на которые не получены патентные права. Спор по поводу использования запатентованных знаний должен решаться на основе патентного законодательства»¹¹. Таким образом, китайский правовед весьма широко трактует перечень знаний, относящихся к собственности изобретателя, вынося их далеко за пределы запатентованных знаний, что практически ведет к отождествлению правового режима запатентованных и незапатентованных результатов духовного производства.

Более конкретно, на наш взгляд, решает вопрос разграничения правового положения запатентованного и незапатентованного в области знаний правовед Чжоу Давэй. Говоря о незапатентованной технологии, он пишет: «Любой человек, который законным путем получил технологию, является обладателем прав на ее использование и передачу. За исключением случаев, когда другой человек украл технический результат или возложил на себя не предусмотренную правом обязанность, любой человек, обладающий техническим результатом, не должен возражать против прав другого лица на использование и передачу технологии. Однако в таких случаях стороны на основе свободного волеизъявления обязаны определить круг лиц, обладающих правами пользования и передачи»¹². По мнению Чжоу Давэя, вопрос о правомочиях лиц, получающих доступ к незапатентованному техническому результату, должен решаться в каждом конкретном случае договаривающимися сторонами. Причем, если в договоре эти вопросы не получили отражения, то обе стороны имеют одинаковые права на технический результат¹³.

Как видно из приведенных рассуждений, право выдачи разрешений на использование технического результата этим автором тоже относится к компетенции его владельца, а не государства в лице какого-либо административного органа. Таким образом, Чжоу Давэй предлагает договорную форму передачи незапатентованных технологий, которая в условиях товарной экономики неизбежно будет осуществляться на возмездной основе.

Действующие нормативные акты КНР в области научно-технического прогресса прямо не устанавливают право интеллектуальной собственности как абсолютное право автора изобретения. В силу недостаточной разработанности вопросов о праве собственности в КНР маловероятно появление, во всяком случае в ближайшее время, такой новеллы в социалистическом праве Китая. Китайское законодательство пошло по пути включения в закон альтернативных положений, а акт возмездного отчуждения технологии стал обозначаться не при помощи термина «продажа», а термином «передача технологии».

Об изменениях в позиции китайского законодательства по этому вопросу свидетельствует и тот факт, что в «Правилах о вознаграждении за изобретения» в редакции 1978 г. прямо подчеркивалось, что изобретения являются собственностью государства. Вместе с тем, как отмечают китайские юристы, отсутствие общего законодательного акта об авторских правах ослабляет нормативную базу регулирования рассматриваемого круга проблем. «В настоящее время еще не опубликован закон об авторских правах, но в юридической практике Китая учитываются методы правового регулирования, применяемые в международных делах... В отношении служебного результата мы придерживаемся следующего принципа: авторские права на произведения литературы, искусства и науки принадлежат прежде всего авторам произведений... В определенных условиях государство тоже может стать субъектом авторских прав»¹⁴.

Закон КНР о технических договорах 1987 г. устанавливает, что право использования и передачи научно-технических результатов, полученных в данной организации, принадлежит этой организации. Такие же права закреплены и за отдельным лицом, самостоятельно получившим результат (статья 6). Но в статье 7 этого закона заложено положение, позволяющее государственным органам, «основываясь на требованиях государственных или общественных интересов», по своему усмотрению определять производство, где техническое новшество подлежит внедрению. При этом избранная производственная единица обязана выплатить автору идеи вознаграждение в соответствии с достигнутой между ними договоренностью.

Нормы закона, ограничивающие свободу усмотрения (диспозитивность) изобретателя, не свидетельствуют о непоследовательности или половинчатости законодательных решений. Сохранение за социалистическим государством возможности вмешаться в судьбу изобретения вполне обоснованно; эта мера направлена на его активное использование и противодействует монополизации идеи. Как правильно отмечает Чжэн Чэнсы,

«так называемое монопольное право в социалистическом государстве по своему характеру неодинаково с правом при капитализме, оно должно быть относительным правом, а отнюдь не абсолютным. Если мы в патентном праве запишем соответствующие положения, то избежим случаев «зажима» технических новинок на предприятиях, сможем устранить неблагоприятные факторы, которые могут мешать внедрению новой технологии и изобретений»¹⁵.

Новый важный социальный смысл заключен в первой части законодательной альтернативы — в нормах, предоставляющих автору изобретения право распоряжаться идеей вплоть до ее возмездного отчуждения. Очевидно, что речь идет здесь о праве интеллектуальной собственности гражданина, существующем на фоне прав государства, предъявление которых носит вероятностный характер.

Альтернативные решения заложены и в Патентном законе КНР 1985 г., в статье 14 которого предусматривается возможность властного вмешательства государства в вопросы использования запатентованного изобретения, имеющего общегосударственное и социальное значение. «Как правило, патентовладелец не обязан распространять свое изобретение; вопрос о том, передавать ли ему свое изобретение другим лицам для производства, использования или потребления всецело решается изобретателем. Но Китай является социалистическим государством... Поэтому Патентный закон установил, что китайские граждане — владельцы патентов обязаны использовать изобретение в плановом порядке и распространять изобретение в соответствии с указаниями государственных органов. ...Плановое распространение изобретения является государственной мерой, продиктованной приоритетом государственного плана, и отнюдь не является правовым последствием нарушения патентовладельцем обязанностей внедрить изобретение в течение определенного срока»¹⁶.

Такой порядок использования запатентованного изобретения распространяется только на граждан КНР. «Право иностранца на запатентованное в Китае изобретение является абсолютным, и только он сам решает вопрос о передаче изобретения или его внедрении»¹⁷.

Интересно отметить, в Правилах премирования за рационализаторские предложения, принятых в 1984 г., нет альтернативных решений вопроса о праве собственности. Из них со всей очевидностью вытекает положение о том, что автор обладает абсолютным правом интеллектуальной собственности. Видимо, законодатель не посчитал необходимым устанавливать право государственной собственности на рационализаторское предложение в силу его относительно небольшого социального значения. Поэтому в статье 17 Правил прямо говорится, что рационализаторские предложения, «экономический эффект которых очевиден», могут быть переданы на рынке технологий. По существу здесь речь идет о продаже рационализаторского предложения.

Таким образом, на законодательном уровне определена разновидность результатов интеллектуального труда, которая полностью принадлежит ее автору, обладает свойствами товара и поэтому может возмездно отчуждаться на рынке. Пока эта группа результатов включает в себя идеи небольшой социальной значимости, однако с учетом того, что на практике в товарный оборот вовлечены гораздо более значительные технические достижения и наблюдается устойчивая тенденция к развитию этого процесса, есть основания полагать, что китайский законодатель предпримет дополнительные шаги для дальнейшего распространения сферы действия права собственности на более широкий круг результатов интеллектуального труда.

О динамике товарооборота на рынке технологий за последние годы свидетельствуют следующие данные. В 1983 г. его объем составлял всего лишь 300 млн. юаней, в 1984 г., когда официально стал функционировать рынок, объем товарооборота возрос до 700 млн. юаней, в 1985 г. он достиг 20,6 млрд., а в 1986 г. — 23,7 млрд. юаней¹⁸. За три года наблюдается восьмикратное увеличение объема товарооборота рынка технологий. Немалую долю в этой массе товаров составляют чистые идеи, нематериализованные новые знания, имеющие непосредственное практическое значение, то есть параметры которых в большей степени соответствуют параметрам изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений. Реализация на рынке технологий идей дает научно-исследовательским подразделениям Китая существенный доход, «позволяющий им постепенно переходить на условия экономической самостоятельности». Только в 1985 г. от передачи идей они получили доход в сумме свыше 470 млн. юаней¹⁹.

Помимо указанных законодательных решений, которые пусть альтернативно, но все

же предоставляют автору идеи большие права на изобретения, в законах КНР имеются и другие положения, способствующие обособлению идеи в качестве товара и закрепляющие его за определенным лицом. К их числу относится, например, требование Закона о технических договорах о сохранении в тайне содержания договора, если того пожелает передающая технологию сторона (статьи 7, 15). Причина включения такого положения в закон состоит, видимо, в предоставлении автору технологии возможности многократной реализации идеи.

Расширению круга знаний, принадлежавших их авторам, способствуют особенности патентной системы КНР. Как известно, в Советском Союзе «патент получают иностранные граждане и фирмы, советские граждане — авторы изобретений получают авторские свидетельства»²⁰. По мнению правоведов КНР Ван Цзяфу и Ся Шухуа, «в Советском Союзе изобретателю, как правило, выдается авторское свидетельство, тогда как патент выдается иностранцам. Преимущество этой формы в том, что ликвидируется частная монополия на изобретение, а недостаток — эта форма не способствует повышению активности предприятий и изобретателей»²¹. Патентная система КНР такого избирательного подхода не придерживается и допускает патентование изобретений, полезных моделей и промышленных образцов как предприятий, так и отдельных лиц — граждан страны.

Патентный закон КНР вводит понятие «служебных» изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, которые создаются лицами при выполнении ими заданий предприятий и организаций, к которым они принадлежат, или же с использованием материальных средств этих предприятий или организаций. При таких условиях право подачи заявки на патент принадлежит указанным предприятиям и организациям. В остальных случаях, то есть при создании «неслужебных» изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, право на подачу заявки и получение патента принадлежит самим изобретателям.

Анализируя патентную систему КНР, советские ученые отмечали, что «передача права собственности на изобретения и другие результаты изобретательного творчества от государства в целом к отдельным предприятиям, организациям и лицам означает распространение отношений собственности на новую широкую область, где собственниками патентных прав могут быть не только китайские, но и иностранные юридические лица и субъекты права»²². В контексте наших рассуждений необходимо из сказанного выделить положение о распространении прав собственности именно на результаты творчества китайских физических и юридических лиц.

Со времени вступления в силу Патентного закона КНР, то есть с апреля 1985 г., по настоящее время в патентное ведомство страны было подано свыше 50 тыс. заявок, из которых 6800 запатентованы. Половину заявок подают отдельные граждане²³. 12 тыс. заявок поступило от представителей 50 государств²⁴.

Мы не располагаем конкретными данными о размерах материальной выгоды, получаемой отдельными изобретателями после использования ими своих запатентованных изобретений на производстве или продажи лицензий. Однако анализ положений патентного законодательства КНР свидетельствует о значительности этих сумм. «Правила по исполнению Патентного закона КНР», утвержденные Госсоветом страны в январе 1985 г., предусматривают уплату высоких пошлин. Так, сумма пошлин за подачу заявки на изобретение, поддержание его в силе в течение 3 лет, экспертизу заявки, получение патента и поддержание его в силе в течение 15 лет составляет около 15 тыс. юаней или примерно 5 тыс. ам. долл. Видимо, социализация результатов духовного производства в Китае дает авторам существенную материальную выгоду — в противном случае установление высоких пошлин за патентование оказалось бы делом бессмысленным. Как отмечает китайская печать, число заявок на патенты, поступающих от организаций и отдельных граждан, растет; оформление патентов задерживается из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных специалистов в области патентования, а также неотработанности самой патентной процедуры и юридического механизма всей патентной системы в целом»²⁵.

С дальнейшим развитием товаризации результатов духовного производства в Китае усиливается значение рыночного механизма ценообразования на технологические товары. О допустимости свободного определения цен на научно-технические достижения говорится в Постановлении ЦК КПК о реформе системы управления наукой и техникой,

а также во Временном постановлении Госсовета КНР о передаче технологий от 10 января 1985 г.

В целом сложившийся порядок установления цены на научно-технические достижения в Китае приводит к образованию на рынке особой группы идей-товаров, обладающих весьма высокой ценой. Получение дохода от реализации такого рода товаров ведет к экономическому обособлению их владельца, что закрепляет его права собственника и наполняет их новым содержанием. Хотя у государства имеется право на получение доли дохода в виде налога и возможность указать товаровладельцу конкретного покупателя, однако цена на идею и в этих случаях определяется свободным волеизъявлением сторон на основе принципов их равенства и взаимной выгоды.

Рассматривая соотношение запатентованных и незапатентованных изобретений, Шэнь Юаньюань выводит критерий разделения идей, относящихся к товарам, и идей, не являющихся таковыми. Он пишет: «В системах, предполагающих патентование изобретений, они являются товаром... А в системах, предполагающих применение вознаграждения за изобретения... изобретатель обязан передать права на свое изобретение государству, и любой человек может безвозмездно воспользоваться им. Здесь изобретение не является товаром»²⁶. Нетрудно заметить, что в основу отнесения научно-технических достижений к разряду товаров Шэнь Юаньюань положил формальный признак — патентование достижения. Если то или иное изобретение после рассмотрения в установленном процессуальном порядке будет зарегистрировано в патентном ведомстве и получит соответствующее удостоверение, оно признается товаром, в противном же случае — нет. При всей теоретической уязвимости предлагаемой методики следует, видимо, признать, что на данном этапе развития социалистической товарной экономики и, что самое главное, при существующем уровне его теоретического осмысления, эта методика может быть признана приемлемой, поскольку в результате ее применения решаются многие вопросы передачи технологии в многоукладной экономике, допускающей плюрализм форм собственности.

Принципиальные положения, конкретно и четко регламентирующие сферу правомочий собственника идей в Китае, заложены в Законе КНР о технических договорах. Практически во всех видах договоров, предусмотренных этим законодательным актом, выделяются и закрепляются права владельца идей, устанавливаются юридические меры их защиты, а также ответственность за их нарушение. Как мы уже отмечали, в статье 6 Закона говорится, что «право использования, передачи служебных технических результатов принадлежит организации, разработавшей технический результат», «право использования, передачи неслужебных технических результатов принадлежит лицу, их достигшему; это лицо вправе заключить технические договоры относительно неслужебных результатов». Указанная норма предоставляет широкие полномочия авторам технических результатов, строго разделяя при этом юридических и физических лиц — владельцев технических достижений.

Закон подробно решает и вопросы принадлежности новых технических результатов, полученных в ходе выполнения договорных работ по освоению, разработке технологии, по предоставлению технических консультаций. Во всех случаях приоритет в получении прав на эти результаты принадлежит организации, занимающейся освоением или консультациями.

Способы распределения права использования, права передачи незапатентованных технических результатов, достигнутых в ходе освоения технологии или сотрудничества в освоении, а также получаемой выгоды определяются сторонами в договоре. Если договором это не предусмотрено, стороны обладают равным правом использования, передачи. Однако сторона, проводящая разработку и освоение по поручению, не должна передавать результаты разработки и освоения техники третьей стороне прежде, чем предложит эти результаты получающей стороне.

Эти, а также ряд других положений Закона о технических договорах направлены на четкое определение круга собственников идей, защиту их прав, что в конечном счете создает юридические гарантии получения авторами научно-технических идей моральных и материальных выгод от реализации результатов своего интеллектуального труда. Очевидно, что такой организационно-правовой механизм заключения и исполнения технических договоров, строго учитывающий разнообразные интересы сторон, является сильнейшим стимулятором активности всех участников духовного производства.

Анализ механизма управления результатами научно-технического творчества в Ки-

тайской Народной Республике свидетельствует о серьезных достижениях в поиске принципиально новых подходов оптимизации отношений между наукой и производством. Выработка этих подходов обусловлена развитием товарной экономики, а также интенсификацией усилий господствующей правовой идеологии и китайского законодателя. Основополагающие идейно-теоретические документы и нормативные акты, выражающие потребности товарной экономики, удалось разработать достаточно быстро. При этом важно отметить, что правотворческий процесс в сфере управления результатами научно-технического творчества пошел не по пути закрепления в правовых нормах сложившихся на практике социальных связей, а преимущественно по нелегкому пути издания новых норм, способствующих зарождению и типизации социальных связей, в первую очередь необходимых для ускорения научно-технического прогресса.

Вместе с тем в силу новизны явлений, наблюдающихся в динамичной многоукладной экономике, законодателю не всегда удается выработать «единые масштабы» для адекватного опосредования общественных отношений. Как и в других правовых отраслях, в таких случаях приходится обращаться к возможностям традиционного нормативного регулирования, поскольку правовые нормы и институты, регулирующие общественные отношения по поводу различных форм собственности, часто не совпадают, и возникает необходимость регламентации отношений «на стыке». В связи с этим в китайской правовой идеологии появился тезис о «необходимости усилить моральное содержание социалистического рынка технологий»²⁷. Это обстоятельство представляется весьма интересным с точки зрения выявления новых социально-регулятивных функций моральных норм в сферах, недоступных пока в полной мере социалистическому праву. Товарищеская научно-технических достижений, предоставление авторам идей прав собственности, действие рыночных факторов ценообразования не получили еще в социалистическом праве соответствующего отражения и поэтому обращение к возможностям морали выглядит достаточно обоснованным.

Говоря о рыночных формах передачи технологии, необходимо учитывать, что рынок технологий в Китае по своим социальным функциям и структуре товарной массы неадекватен таковому в условиях капиталистической экономики. Он вторичен по отношению к системе государственного управления результатами науки и техники с ее единой плановой технической политикой. Поэтому китайское государство продолжает уделять первостепенное внимание государственному управлению, всемерно развивая формы морального и материального поощрения новаторов духовного производства.

Совершенствовать организационные структуры государственного управления научно-техническими результатами предполагается путем образования сети банков идей общегосударственного и провинциального уровня, отраслевого и межотраслевого характера. Эта система должна аккумулировать научно-технические достижения, отработать механизм поиска необходимой идеи, быть способной качественно и недорого удовлетворять запросы производства. В числе ее важнейших задач китайские специалисты усматривают создание обстановки доступности идей, не подрывая при этом их товарного характера, а реальный путь повышения эффективности деятельности этой системы видится в переводе ее на полный хозрасчет.

К настоящему времени в Китае в общей сложности действуют 22 общегосударственные премии в области науки и техники²⁸. Денежные части этих премий весьма высоки (до 20 тыс. юаней), в ряде случаев допускается присуждение высшей степени премий с индивидуальными денежными частями, сумма которых производна от достигнутого экономического эффекта от внедрения открытия. Особо следует отметить практические шаги государства, направленные на резкое расширение круга возможных соискателей государственных премий за научно-технический прогресс, последовавшие после выступления Чжао Цзыяна в октябре 1982 г. на заседании комиссии по присуждению премий. О необходимости дальнейшего углубления этого курса Чжао Цзыян говорил и на XIII съезде КПК в 1987 г. Как считают в Китае, с теоретической точки зрения присуждение денежной части премии является не только мерой материального стимулирования творчества, но и актом оплаты государством товарного содержания идеи и обращения ее тем самым на пользу всему обществу.

Помимо реализации курса на увеличение числа лиц, отмечаемых премиями, намечается также введение государственных премий более высоких категорий. О необходимости этой меры свидетельствует рост за последнее время числа открытий и изобретений китайских ученых и специалистов, относящихся к разряду выдающихся. Так, например,

в 1981 г. премии высшей степени была удостоена тема «Скрещивание заливного риса с рисом индийского типа». Полученный гибрид дал прирост урожайности риса в масштабах страны в размере 20 млн. т. В 1985 г. 20 работ из удостоенных государственной премии за научно-технический прогресс получили премии высшей степени.

Ближайшей перспективой правового обеспечения системы государственного управления достижениями духовного производства в Китае является разработка и принятие Закона КНР об управлении научно-техническими результатами, Закона КНР об оценке результатов научно-технического творчества, Закона КНР о премиях. В этих актах на законодательном уровне предполагается раскрыть содержание прав на открытие, усилить правовую регламентацию распространения, обмена и передачи изобретений.

¹ Ван Цзяфу, Су Цин. О научно-технических договорах.— «Фасюе яньцзю», 1985, № 3, с. 15.

² Мэн Юй. Технический грабеж, вызванный товаризацией технических достижений.— «Фасюе цзачжи», 1986, № 6, с. 19.

³ Чжоу Давэй. Относительно некоторых юридических вопросов технических договоров.— «Фасюе яньцзю», 1986, № 5, с. 44.

⁴ Хуан Шэньи. Относительно проекта патентного закона.— «Жэньминь жибао», 15.III.1984.

⁵ Шэнь Юаньюань. Право изобретений и открытий. Пекин, 1986, с. 25 (кит. яз.).

⁶ Относительно реформы системы науки и техники. Документы. Пекин, 1985, с. 5.

⁷ Юй Дашэн. Наука и право.— «Фасюе яньцзю», 1986, № 5, с. 4.

⁸ Там же.

⁹ Мэн Юй. Указ. соч., с. 19.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Чжоу Давэй. Указ. соч., с. 45.

¹³ См. там же, с. 46.

¹⁴ Лу Чуньтянь. Интеллектуальная собственность. Пекин, 1986, с. 14—15 (на кит. яз.).

¹⁵ Чжэн Чэнсы. Обсудим необходимость создания патентного права.— «Фасюе яньцзю», 1980, № 6, с. 28.

¹⁶ Ся Шухуа. Патентное право. Пекин, 1987, с. 48 (на кит. яз.).

¹⁷ Там же, с. 49.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 27.IX.1987.

¹⁹ См.: Белая книга по науке и технике. Пекин, 1986, с. 174 (на кит. яз.).

²⁰ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984, с. 243.

²¹ Ван Цзяфу, Ся Шухуа. Краткий очерк патентного права.— «Фасюе яньцзю», 1980, № 6, с. 20.

²² В. П. Поляков. Создание патентной системы в Китае.— «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 4, с. 114.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 5.X.1987.

²⁴ Там же, 9.X.1987.

²⁵ См. там же, 14.X.1987.

²⁶ Шэнь Юаньюань. Указ. соч., с. 24.

²⁷ Белая книга по науке и технике, с. 176.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1987.

Социалистическое товарное хозяйство в деревне*

ФАН КАНЪЮНЬ,
ВАН ШОУПЭН

От редакции:

Учитывая возросший интерес в нашей стране к изучению теории и практики экономической реформы в КНР, предлагаем вниманию читателей нашего журнала статью научных сотрудников Сельскохозяйственного института Китая Фан Канъюнь и Ван Шоупэна о проблемах социалистического товарного хозяйства в китайской деревне.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978) в сельской экономике Китая началась всесторонняя перестройка, в результате которой был совершен важный прорыв в теории социалистического товарного хозяйства деревни, а на практике имело место стремительное развитие производства. Предлагаемая статья представляет собой попытку разобраться в данной проблеме.

В «Постановлении ЦК КПК о реформе экономической системы», принятом 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (1984), четко указано, что «социалистическая экономика в Китае — это плановое товарное хозяйство, основанное на общественной собственности». Этот вывод имеет принципиальное значение не только для последующего социалистического строительства в Китае и реформы экономической системы, но и представляет собой важный вклад в теорию марксистской политической экономии. Практика функционирования сельской экономики Китая позволяет сформулировать следующие предпосылки существования и развития товарного хозяйства у нас в стране:

1. Основой социалистического товарного хозяйства является общественная собственность. Практика социалистических стран показывает, что на первоначальной стадии социализма существуют различные формы собственности при несомненном главенстве общественной. В Китае имеется шесть основных форм собственности: государственная (общенародная), коллективная, смешанная, индивидуальная, государственно-капиталистическая и частнокапиталистическая. Не только взаимные хозяйственные связи между этими формами собственности требуют товарного обмена, но и в самой общественной собственности заключена потребность следовать принципам эквивалентного обмена товарного хозяйства.

До вступления в высшую стадию социализма общественная собственность, где все средства производства принадлежат обществу, будет отличаться от государственной, существующей на современном этапе. Особенности последней выражаются в отношениях собственности двух слоев. Первый — это отношения между государством и предприятиями. Государство имеет право посредством плановых и хозяйственных, административных и юридических мер осуществлять в отношении предприятий необходимые руководство, контроль и регулирование. Второй слой — это право собственности, которое каждое предприятие в повседневной хозяйственной деятельности осуществляет от имени государства. Таким образом произошло разделение права собственности на средства производства и права хозяйствования каждого отдельного предприятия.

* Публикуется в сокращенном виде.

В хозяйственных связях между предприятиями отдельные из них противостоят друг другу в качестве различных обладателей собственности. Это определяет и различия, даже противоречия в экономических интересах. Отсюда — необходимость существования и развития товарного хозяйства при социализме.

2. Товарное хозяйство при социализме имеет целью реализацию коренной задачи социализма — развивать производительные силы общества.

3. Социалистическое товарное хозяйство, основанное на общественной собственности, существенно отличается от рыночной экономики, базирующейся на капиталистической частной собственности. Развитие социалистического товарного хозяйства и осуществление плановой экономики взаимосвязаны.

Единство плановой экономики и товарного хозяйства обеспечивает возможность в масштабе всего общества сознательно опираться на закон стоимости и применять его. Всестороннее развитие товарного хозяйства представляет собой этап, который невозможно миновать. Только при значительном развитии производительных сил, когда накопленное общественное богатство позволит полностью удовлетворять растущие материальные и культурные запросы народа, можно будет говорить о торжестве экономического строя социализма и постепенном переходе к коммунизму.

Сельское товарное хозяйство развивается на базе общественного разделения труда в деревне и имеет своей целью обмен. Его рамки и содержание обусловлены уровнем общественного разделения труда. Всемирное развитие социалистического товарного хозяйства в деревне, осуществление последовательного ее перехода от натурального и полунатурального хозяйства к товарному производству в широких масштабах и от традиционного хозяйства — к модернизированному являются проблемами стратегического значения в великом процессе преобразования китайской деревни, и одновременно — важнейшим условием модернизации социалистического сельского хозяйства.

Крестьянство Китая, составляющее 80 % населения страны, в 70-е годы в основном вело еще натуральное хозяйство. Уровень общественного разделения труда и специализации производства был крайне низок. Кустарное производство, переработка сельскохозяйственной продукции существовали как подсобная отрасль хозяйства, основой которого было производство зерновых. Удельный вес растениеводства в валовой стоимости сельскохозяйственного производства превышал 60 %. Процесс общественного разделения труда проходил крайне медленно. Господствовало преимущественное использование физического труда, тягловой силы, кустарных методов труда, что и определяло низкую производительность труда и товарность производства. Рацион питания многомиллионного крестьянства оставался скудным. Согласно данным Всекитайской переписи населения 1982 г., удельный вес занятых в сельском хозяйстве, скотоводстве и рыболовстве составлял 73,72 %, в том числе в зерновом производстве — 97,7 % от общего числа сельскохозяйственных труженников. Товарность зерновых в 1976—1977 гг. составляла примерно 25 %, а за вычетом возвратных поставок зерна в деревню — лишь 15 %.

Обеспечивалось только простое воспроизводство, а в некоторых районах и оно оказывалось невозможным. Экономическая эффективность сельского хозяйства была ничтожной.

Отсталыми оставались коммуникации и транспорт; из-за неразвитости рынка каналы товарного обращения фактически не функционировали; отношения между производством и потреблением не хватало гибкости.

По мере развития товарного хозяйства в деревне происходит возрастание роли таких производственных факторов, как деньги, трудовые ресурсы, техника. Упор постепенно переносится с производства зерновых на технические культуры, с растениеводства на животноводство и т. д. Это обеспечивает настоящий прорыв в рамках натурального хозяйства, содействующий развитию общественного разделения труда.

Развитие товарного хозяйства на селе содействует выявлению базисной роли сельского хозяйства в народном хозяйстве в целом с одной стороны, и является необходимым условием модернизации сельского хозяйства, — с другой, способствуя накоплению средств для такой модернизации. За последние годы крестьяне непрерывно увеличивали накопление средств для расширенного воспроизводства, среди них специализированные и опорные дворы занимали ведущее положение. Развитие товарного хозяйства в деревне способствует вовлечению в производство избыточных трудовых резервов села. В итоге сельскохозяйственные труженники «оставляя землю, не покидают

села». Их благосостояние улучшается. Это также отвечает требованиям модернизации, в частности способствует совершенствованию управления производством и при минимальных трудовых затратах позволяет добиваться максимальной экономической эффективности.

Развитие сельского товарного хозяйства является экономической необходимостью и предпосылкой для внедрения хозрасчета в производство, что имеет важное значение для укрепления и совершенствования социалистических производственных отношений, строительство новой социалистической деревни с китайской спецификой.

Как нам представляется, поворот от натурального хозяйства к социалистической товарной экономике — неперенный путь модернизации сельского хозяйства ранее отсталых стран. Однако конкретные пути осуществления этого поворота неизбежно характеризуются своими особенностями, в зависимости от социально-экономических условий и исторического опыта каждой страны.

Согласно общим закономерностям, переход от натурального к товарному хозяйству — историческая задача, которая должна быть решена в период становления капиталистического способа производства. В силу исторических причин этот процесс мог быть осуществлен в конкретных условиях Китая только при социализме. Поэтому для развития товарного хозяйства китайской деревни характерны свои особенности, своя специфика.

Это, во-первых, наличие системы производственной ответственности, увязывающей оплату труда с результатами производства, обеспечивающей соединение «единой и распыленной» форм хозяйствования, и в целом соответствующей нынешнему уровню развития товарного хозяйства в китайской деревне. При такой системе осуществляется децентрализованная подрядная форма хозяйствования, что способствует развитию активности и инициативы трудящихся. Она широко применима в таких жизненно важных отраслях, как растениеводство и животноводство, в целях полного раскрытия производственного потенциала, использования распыленных финансовых и материальных ресурсов, что ведет к снижению затрат труда в сельскохозяйственном товарном производстве. В целом единые формы хозяйствования через подрядный договор обеспечивают соединение разрозненного семейного хозяйствования с государственным планом и учет общественного спроса.

Это, далее, организация специализированного производства малых размеров. Развитие товарного хозяйства требует производственной специализации. В конкретных условиях нынешнего Китая сельское товарное производство прежде всего должно следовать по пути «малого и специализированного», основой которого является семейное хозяйствование. На нынешнем этапе развитие сельского хозяйства Китая характеризуют значительные различия естественных условий, большой разрыв в размерах пашни на душу населения между районами, избыток рабочей силы в сельском хозяйстве, низкий уровень технического оснащения, слабое применение достижений науки, низкий уровень хозяйствования и управления.

Такое малых размеров специализированное товарное хозяйство, основой которого является семейный подряд, соответствует фактическому состоянию нашей деревни, когда земля еще должна предоставляться по подряду равномерно в зависимости от уровня производства. С другой стороны, оно дает возможность в зависимости от местных условий развивать хозяйственные преимущества, добиваться на ограниченных земельных участках более интенсивного земледелия, более полного развертывания роли механизации, полумеханизации и кустарного производства, лучшего сочетания физического труда, тягловой силы и энергоресурсов. Такая форма хозяйствования в течение довольно длительного времени еще будет обладать значительными потенциями.

Это, в третьих, единство и нераздельность процессов развития товарного хозяйства и совершенствования кооперативной системы на селе, цель которых состоит во всемерном развитии производительных сил. Эти процессы способствуют специализации и повышению уровня обобществления производства, создают материальные предпосылки для развития крупного обобществленного производства в кооперативном секторе экономики, для ее укрепления и совершенствования. Вместе с тем развитие товарного хозяйства достигает такого уровня, когда совершается «прорыв» ограниченных рамок индивидуального хозяйства дворов. Возникает тенденция к объединению и кооперации прежде всего в таких звеньях, как снабжение и сбыт, пере-

работка, сфера обслуживания, расширению различных по форме кооперативных связей.

В-четвертых, нынешняя экономика деревни имеет ярко выраженный переходный характер от натурального и полунатурального к товарному хозяйству. В целом же большинство производителей в китайской деревне по-прежнему главным образом ведут семейное хозяйство, которое следует относить к категории мелкотоварного производства.

Товарное хозяйство деревни охватывает всю сельскую экономику, включая производство и товарообмен в собственно сельском хозяйстве, а также в различных отраслях производства — поселково-волостной промышленности, строительстве, транспорте и коммуникациях. С развитием общественного разделения труда и подъема производительных сил само понятие сельского хозяйства расширяется. Непрерывно появляются новые отрасли производства, отпочковавшиеся от сельского хозяйства. Формируется комплексная сельская экономика. В процессе изучения и обобщения закономерностей такого комплексного развития нащупываются пути развития товарного хозяйства деревни, которые пролегают через увеличение объема товарной массы и повышение уровня товарности как основы роста товарного хозяйства в деревне, через развитие общественного разделения труда в деревне как важного условия модернизации сельского хозяйства и предпосылки развития сельской товарной экономики, через преобразование производственной структуры сельской экономики, как ключевого фактора в развитии товарного хозяйства деревни, через стимулирование форм товарного производства, которые представлены специализированными дворами, волостными и поселковыми предприятиями.

Осуществление системы производственной ответственности в форме семейного подряда значительно способствовало оживлению товарного хозяйства в деревне. Тем не менее эти подрядные дворы, основой которых является самообеспечение, не могут отвечать потребностям дальнейшего развития товарного хозяйства. Необходимо шаг за шагом направлять развитие этих дворов к превращению их в хозяйства малых размеров и высокоспециализированные, то есть форму товарного хозяйства, которая соответствует нынешнему этапу развития страны. Эта форма хозяйствования с самого начала при малых капиталовложениях давала быструю отдачу, демонстрировала высокую товарность и оптимальную эффективность.

Волостные и поселковые предприятия — это новое явление, появившееся в процессе реформы структуры сельской экономики и развития товарного хозяйства деревни. Они включают главным образом кооперативные предприятия, индивидуальные и совместные предприятия промышленности, торговли, транспорта, строительства и других обслуживающих отраслей, функционирующих в волостях и поселках, и являють собой продукт общественного разделения труда и роста товарного хозяйства в китайской деревне. Польза таких предприятий, помимо накопления средств для модернизации сельского хозяйства, состоит также в том, что они позволяют использовать избыточную рабочую силу, высвобождающуюся из сельского хозяйства.

Следует отметить, что в сельскохозяйственном производстве Китая ныне отменено прямое директивное планирование. Сверху больше не спускаются плановые задания по посевным площадям, срокам, номенклатуре и т. п. Исключение составляют такие важные виды сельхозпродукции, как зерновые и растительные масла, в отношении которых государство осуществляет контрактные закупки установленного объема по плановым ценам. Вся остальная продукция сельскохозяйственного производства и подсобных промыслов переведена в сферу рыночного регулирования. Все большее развитие в деревне получает многоканальная система товарообращения, что позволяет теснее увязать производство и обмен. Роль государства все в большей мере сводится к косвенному управлению и контролю за рынком и ценами посредством экономических рычагов. В случае необходимости государство осуществляет административное вмешательство; в частности используются имеющиеся у государства запасы дефицитных и избыточных товаров для регулирования и стабилизации цен на рынке.

Плановое и рыночное регулирование являются основными составными элементами системы макрорегулирования экономики. Их органическое сочетание может быть достигнуто лишь путем создания современной целостной рыночной системы, которая включает рынок потребительских товаров, рынок средств производства, рынок ценных бумаг, техники, трудовых услуг, недвижимого имущества и т. д.

Для достижения косвенного макроконтроля за развитием товарного хозяйства дерев-

ни, необходимо полностью задействовать такие экономические рычаги, как цена, налог, кредит, прибыль.

Одним из важнейших экономических рычагов регулирования товарного производства в деревне являются цены. За последние годы в китайской деревне проводится курс на снятие государственного контроля над ценами. В отношении части закупаемых по контрактам основных сельхозпродуктов (зерновые, хлопок и другие) применяются твердые плановые цены. После выполнения контракта продукция реализуется хозяйством на свободном рынке. На часть местной и кустарной продукции, которую государство закупает на рынке, распространяются договорные и рыночные цены. Государство закупает продукцию по контрактам, в пределах которых применяются как плановые, так и сверхплановые твердые цены. Цены дифференцированы в зависимости от региона, сезона и качества продукции. Если рыночная цена падает ниже твердой закупочной, государство может производить закупку по плановым ценам, чтобы соблюсти хозяйственные интересы сельских товаропроизводителей.

В новых условиях хозяйствования китайской деревни значительно возросла роль экономического законодательства, которое формируется на основе сравнительно стабильных политических установок, принципов, систем и методов, разработанных и оформленных государством в виде утвержденных хозяйственных указов и положений, представляющих собой юридические нормы регулирования хозяйственных взаимоотношений между государством, предприятиями и организациями сельской экономики и сельскими товаропроизводителями. Они являются важной гарантией функционирования экономических рычагов и действенного административного контроля.

В целом практика развития товарного хозяйства в китайской деревне доказала, что социалистическое коллективное хозяйство, функционируя на базе общественной собственности на землю и основные средства производства, осуществило систему производственной ответственности в форме подряда, основу которого составляет семейное хозяйство. В результате широкие массы китайского крестьянства преодолели многовековую бедность, в основном разрешили проблему «одежды и питания» и идут по пути к зажиточной жизни. Став независимыми товаропроизводителями, они с большим воодушевлением включаются в борьбу за расширение и совершенствование производства. С 1985 г. началась реформа системы централизованных закупок и снабжения сельскохозяйственной продукцией. Деревня вступила в новый этап развития планового товарного хозяйства. По мере проведения реформы сельской экономической системы, изменений производственной структуры деревни, быстрого расширения рынка многие крестьянские дворы от одноотраслевого подряда в области полеводства, лесоводства, скотоводства и рыболовства перешли к комплексному сочетанию его с промышленным производством, торговлей, услугами транспорта и связи, сферой социального обслуживания и т. д. Одновременно получили значительное развитие волостные и поселковые предприятия. В результате наметился быстрый рост товарного хозяйства деревни. В 1987 г. товарность продукции сельской экономики превысила 70 %. В материальной и культурной жизни широких слоев крестьянства произошли заметные улучшения. Производительные силы сельской экономики стали развиваться ускоренными темпами. В целом обстановка в китайской деревне характеризуется устойчивостью и динамизмом.

Перевод с китайского Б. К. Чижова

Новое поколение предпринимателей

ТО ЧЖЭНЬ*

3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (зима 1978 г.) ознаменовал вступление реформ в Китае во второе десятилетие. Во многих районах обширной китайской территории стали появляться смелые, знающие, наделенные соответствующими правами, энергичные предприниматели. В их руках уже 15 млн. поселково-волостных, свыше 400 тыс. государственных, несколько миллионов мелких торговых предприятий. Среди них есть выдающиеся люди. Например, директор Шицзячжуанской бумажной фабрики Ма Шэнли, управляющий промсельхозторгобъединения Дацючжуан в районе города Тяньцзинь Цзо Минь, руководитель металлургического комбината Шоуду Чжоу Гуань, заместитель управляющего Аньшаньского металлургического комбината — Ван Цзэну, прозванный «противоречивой личностью», «управляющий арендой» в торговой системе города Бэньси провинции Ляонин Гуань Гуанмэй...

В начале 80-х гг. на литературной ниве Китая появился наделавший шуму рассказ, который назывался «Записки о вступлении в должность директора завода Цяо». Хотя в рассказе образ директора, по мысли автора Цзян Цыдуна, является собирательным, все в Китае считают его реальной фигурой. От рабочих и служащих многих предприятий стали поступать письма руководству завода с просьбой направить к ним директора Цяо, чтобы помочь «изменить отсталый облик предприятия». Почему? Потому что в Китае повсеместно ощущается острая нехватка настоящих предпринимателей.

Китайский экономист Цзян Ивэй так описывает положение в городах Китая в сфере экономики к началу 80-х гг.: «Вся страна как бы напоминала крупное предприятие: премьер — управляющий, Госплан — плановый отдел, Госэкономкомиссия — производственный отдел, Министерство финансов — финансовый отдел, Министерство труда — отдел труда и зарплаты, промышленные министерства — крупные цехи, подведомственные предприятия — бригады и станки в этом огромном цеху..., предприятия страны были охвачены депрессией».

В то же время китайская деревня не бездействовала. После внедрения системы производственной ответственности «на основе подворного подряда» крестьяне помимо собственно сельского труда стали выполнять и другую работу — создавать предприятия. Появилась первая группа крестьян-предпринимателей. В поселке Шатучжэнь в городе Хэцзэ провинции Шаньдун на должность директора винокуренного завода был назначен Ли Фаньцзун, с которого совсем недавно сняли ярлык «контрреволюционный элемент». Имея под своим началом человек десять, вложив примерно 20 юаней первоначального капитала, он создал на базе мастерской «крупное семейное предприятие» с 5 отделениями, с числом рабочих и служащих свыше 600 человек, с основным капиталом, превышающим 6800 тыс. юаней. Предприятие стало выпускать в год продукции на сумму 20 млн. юаней. Эта продукция — свежайший соевый соус марки «Подсолнух», который был удостоен серебряной государственной премии и превзошел по качеству марочные соусы из Швейцарии и Японии и ныне экспортируется в 16 стран Европы, Азии и Африки. Он принес стране валюты на сумму более 5 млн. ам. долл.

В волости Бэйку уезда Уцзян провинции Цзянсу живет искусный, хотя и мало известный плотник Лю Шуйчэнь. В 70-е гг. во время «культурной революции» ему

* Корреспондент китайской газеты «Цзинцзи жибао» (Экономическая газета). Статья написана специально для журнала «Проблемы Дальнего Востока».

навесили ярлык «эксплуататора наёмного труда» из-за того, что у него было несколько учеников, постоянно критиковали и довели до полного отчаяния. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва он организовал обувную мастерскую. Персонал состоял из 18 молодых парней и девушек, капитал — 5 тыс. юаней. 8 швейных машин были размещены в старых помещениях. Таково было это предприятие. Теперь Лю крепко стал на ноги: обувь марки «Дашэн» из Бэйку находит хороший спрос в трех крупных городах — Пекине, Тяньцзине и Шанхае, она идет нарасхват в магазинах высокого и среднего класса 20 с лишним провинций и городов страны. Лю Шуйчэнь стал знаменит как «король обуви», как «лучший среди предпринимателей из крестьян».

Деревня Дацючжуан в районе города Тяньцзинь существует еще со времен династии Мин и никогда не была в числе зажиточных. Жители соседних деревень видели, что в Дацючжуане живет одна голь перекатная и даже сложили куплет: «Лучше 3 года отрубями питаться, чем отдать дочь замуж за дацючжуанца». Секретарь деревенской партиячейки Цзо Минь решил: надо энергично браться за дело! Через некоторое время он стал управляющим промсельхозторгобъединения. Занимались повсюду деньги, но объединение создали. Один за другим были введены в строй 107 предприятий, общая стоимость выпускаемой продукции превысила 100 млн. юаней!

Руководители Китая понимают: если бы в китайских городах для предприятий не были созданы необходимые условия, то было бы трудно ожидать появления нового поколения предпринимателей. Предприятия, являющиеся опорой народного хозяйства, не могли бы развиваться. В июле 1981 г. и в марте 1982 г. Госсовет утвердил проведение в порядке эксперимента в городах Шаши и Чанчжоу комплексной реформы. В феврале 1983 г. ЦК КПК и Госсовет приняли решение о проведении в порядке эксперимента комплексной реформы в Чунцине. В начале 1984 г. ЦК КПК и Госсовет приняли еще одно решение: о введении в порядке эксперимента в двух городах — Даляне и Чанчжоу — системы ответственности директора на государственных предприятиях. В мае того же года Госсовет опубликовал положение из 10 пунктов о расширении самостоятельности предприятий. Затем число городов, где проводилась в опытным порядке комплексная реформа, возросло: прибавились Ухань, Шэньян, Циндао, Нинбо и др. На базе эксперимента в одной трети уездов страны введена новая структура руководства уездами, происходит слияние товарной экономики города и деревни. В целях оживления деятельности предприятий с апреля 1987 г. постепенно стали расширяться масштабы введения подрядной и арендной системы на промышленных предприятиях. На ряде предприятий осуществляются паевая система и залоговая система индивидуальной ответственности, а также другие формы хозяйствования. ЦК КПК и Госсовет призвали предприятия «включить механизм состязательности», чтобы директора предприятий больше не полагались только на приказы сверху. Отныне они могут действовать на основе свободного соревнования. Для того чтобы были обеспечены юридические гарантии хозяйственной деятельности предприятия, в Китае приняты «Закон о предприятии», «Закон о банкротстве предприятия», «Положения о подряде», «Положения об аренде». Все это создало благоприятную обстановку для появления в Китае целой плеяды предпринимателей.

В городе Шинцячжуане Ма Шэнли взял подряд и добился больших успехов в ведении хозяйства, превратив убыточное предприятие в прибыльное. Однако это вызвало немало нареканий. Ма Шэнли говорит: «Мне непонятно: в 1979 г. на заводе 7 суток был аврал, и никто не жаловался. Завод, на котором работает почти 1 тыс. человек, много лет подряд был убыточным, не давал государству ни фэня, и никто к нему иска не предъявлял. За последние два года получена прибыль, которая соответствует сумме прибыли за прошедшие 20 лет... А вот теперь от людей поступают жалобы... Каждый должен честно трудиться и отвечать за свою работу...»

Методы работы заместителя управляющего по информации на Аньшаньском металлургическом комбинате Ван Цэпу отличаются от общепринятых. Многие одобряют их, но немало и таких, которые выступают против него. В беседе, опубликованной в журнале «Китайский предприниматель», Ван Цэпу говорит: «Хотя директором завода быть нелегко, я все-таки предпочитаю им быть. Именно потому, что директором быть трудно, а работа полна риска, стоит пытаться стать хорошим директором». В уезде Хайянь провинции Чжэцзян есть фабрика сорочек. Бывшего директора фабрики зовут Бу Цзиньшэн. Он был утвержден государством на эту должность уже после пуска фабрики. Бу Цзиньшэн широко знакомил с опытом фабрики всех,

кто приезжал из разных районов страны. Но впоследствии по различным причинам фабрика стала убыточной и сам Бу Цзиньшэн переехал в Шанхай и стал работать в компании «Шэньцзя» заместителем генерального управляющего. Он считает, что работе предприятия не всегда помогает «попутный ветер». Надо активно продолжать движение вперед. В городе Бэньси провинции Ляонин живет одна «бойкая» женщина по имени Гуань Гуанмэй. Она одна взяла в аренду несколько убыточных магазинов и вступила в состязание с государственными магазинами. Вокруг ее деятельности возникли споры. Некоторые говорили, что это капиталистическая деятельность. Однако партия и правительство страны все же одобрили действия Гуань Гуанмэй, ее избрали делегатом XIII съезда КПК.

Товарищ Дэн Сяопин однажды сказал, что успех реформы зависит от того, удастся ли выдвинуть достойные кадры. Чжао Цзыян в конце 1984 г., будучи премьером, приезжал на Пекинскую набивную фабрику и на встрече с директором Сюй Сяочунем произнес слова, имевшие глубокий смысл: «Мне кажется, самое главное — это прежде всего подобрать директора, который соответствовал бы требованиям. Во-вторых, надо наделить его правом подбора кадров. При наличии этих двух условий можно изменить облик предприятий».

В Цанчжоу провинции Хэбэй одно село организовало предприятие упаковочных машин. Под руководством директора Ван Юнжэня, который более 20 лет является секретарем сельской партиячейки, это предприятие развивалось успешнее, чем крупные государственные и коллективные заводы. Теперь оно экспортирует продукцию на мировой рынок.

В феврале 1985 г. известные директора и управляющие были приглашены в Чжуннаньхай — рабочую резиденцию китайских руководителей. На встрече лидеры и предприниматели обменялись крепкими рукопожатиями. Китайский руководитель сказал предпринимателям: «Нам нужно очень много таких кадров, как вы. Желаем вам еще больших успехов! Нам недостаточно одного миллиона, нам нужны десятки, сотни миллионов таких людей!» 6 сентября 1987 г. премьер Чжао Цзыян пригласил десять самых умелых предпринимателей из крестьян на беседу в Чжуннаньхай. Премьер назвал их маяками сельской товарной экономики...

В Кайфэне провинции Хэнань директором завода электродвигателей работает Чжэн Чжун. После установления на предприятии системы ответственности директора Чжэн стал активно и настойчиво проводить реформу, прямая показатель производства пошла вверх. Только за один год прибыль завода составила сумму, равную прибыли, полученной со времени ввода завода в эксплуатацию в 1981 г.

Китайской реформе 10 лет. Обстановка в области предпринимательства сегодня уже не та, что была вчера. За это десятилетие многие предприниматели были удостоены чести подняться на трибуну Тяньаньмэнь, более 300 из них награждены орденом Трудового 1 мая, многие директора и управляющие стали настоящими «звездами», героями журнальных репортажей, радиоочерков, телепередач.

За эти годы значительная группа предпринимателей выезжала за границу для расширения кругозора, пополнения знаний и повышения квалификации, а затем с новыми идеями и планами специалисты возвращались на свои предприятия, чтобы вносить свой вклад в индустриальный и научно-технический потенциал родины. Самым опытным и энергичным из них доверены руководящие посты в государственных органах по руководству экономикой страны.

В истекшие 10 лет родилась многочисленная семья предпринимателей, усилиями которых созданы «Научно-исследовательское общество по изучению работы китайских директоров (управляющих)», «Ассоциация китайских женщин-предпринимателей», «Ассоциация китайских крестьян-предпринимателей», «Ассоциация молодых предпринимателей Китая», «Клуб шанхайских предпринимателей», «Клуб столичных предпринимателей»... Число специальных изданий и журналов в стране, обслуживающих предпринимателей, превысило 70. Произошли большие изменения в системе подготовки предпринимателей, вплоть до волостей и поселков. Они проходят заочное обучение по почте, учатся на различных курсах.

Предпринимательство в Китае не просто новое «явление». Оно представляет бизнес, хотя и сопряженный с риском, но чрезвычайно важный и полезный родине.

Перевод с китайского Б. К. Чижова

Л. С. ПЕРЕЛОМОВ,
доктор исторических наук

С этого номера журнал открывает новую рубрику — «Клуб Конфуция». Это будет своего рода «клуб мудрецов», трибуна, где наши и зарубежные ученые будут раскрывать перед читателем сокровищницу восточной мудрости, вести дискуссии, обсуждать актуальные вопросы традиционной культуры, связи дня сегодняшнего с опытом прошлого. В наших планах — знакомство с выдающимися мыслителями Востока, чьи воззрения, идейное наследие, оказали огромное воздействие на развитие общественно-политической мысли.

Начинаем мы рассказом о Конфуции и его учении, ставшем основой духовной культуры Китая, других народов Азии, неотъемлемой частью общечеловеческой культуры.

В будущем году Китай отметит знаменательную дату — 2540-ю годовщину со дня рождения великого мыслителя. Живы не только философия, учение Конфуция, здравствует и прямой его потомок в семьдесят седьмом колене Кун Дэмао, избранная членом Политического консультативного совета Китая.

В конце 70-х гг. в духовной жизни КНР возникло новое явление, масштабы которого охватили сегодня все социальные слои и возрастные категории общества. Наблюдается стабильный, все возрастающий интерес к жизни и творчеству Конфуция (551—479 гг. до н. э.). Канули в Лету призывы времен «культурной революции» «бить Конфуция как крысу, перебегающую улицу», бытовавшие в период пресловутой кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972—1976).

В сентябре 1986 г. на Всекитайской научной конференции «О роли культурного наследия в модернизации страны»¹, в работе которой мне довелось участвовать, Конфуций был назван «великим педагогом», «мудрым Учителем», оказавшим огромное влияние на формирование традиционной китайской культуры, ставшим подлинным «символом китайской нации». Не так давно массовым тиражом вышла фундаментальная монография профессора Куан Ямина: «Жизнь и творчество Конфуция». Публикации, освещающие различные эпизоды из жизни Учителя, как по давней традиции называют Конфуция, или анализирующие отдельные его суждения исчисляются многими сотнями.

Создан и активно функционирует общественный «Фонд Конфуция», к руководству им привлечен цвет интеллектуальной элиты Китая. Фонд проводит ежегодные международные конференции с участием ученых многих стран.

Концепция Конфуция об идеальном государственном устройстве (общество «Малого благоденствия») взята в качестве символа построения социализма с китайской спецификой. Объявлено, что в 1989 г. страна торжественно отметит 2540-ю годовщину со дня рождения Конфуция.

Место и роль Конфуция в духовной жизни Китая трудно переоценить. Бесспорно, что именно Конфуций сформулировал те гуманистические принципы, которые легли в основу мировоззренческой мысли китайской культуры. Критерии ценности личности, выработанные им, сыграли существенную роль в формировании национального характера китайцев. Его авторитет, особенно в крестьянской среде — непререкаем, а ведь крестьяне и поныне составляют 80 % населения страны.

Воздействие учения Конфуция не ограничилось только Китаем и влиянием на формирование культур Корей, Японии, Вьетнама, других соседей Китая. Выдающиеся деятели западной культуры также неоднократно обращались к его философии. Пропагандируя просвещенный абсолютизм, Вольтер широко использовал аргументы Конфуция. По словам самого писателя, его драма «Китайская сирота» — мораль Конфуция, развернутая в пяти актах.

Лучшие представители русской культуры, прежде всего А. С. Пушкин, нередко обращались к китайским критериям ценности человека². Обдумывая тему исторического образования Онегина, которая представлена в VI строфе I главы «Евгения Онегина», А. С. Пушкин намеревался ввести в текст романа китайские мотивы, в частности кое-что из ценностных ориентиров Конфуция, о чем свидетельствуют черновые записи поэта:

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать —
От заблуждений охраняя
Не торопиться осуждать
Она одна дает надежды...

Эти стихи, хотя и не вошли в поэму, все же принадлежат перу Пушкина...

Источником «зачеркнутого упоминания Конфуция» являлись «Беседы и суждения» («Лунь юй») — главный труд китайского мыслителя. Обладая соответствующими его эпохе знаниями о Китае, пушкинский гений интуитивно почувствовал наличие общности в понимании критериев ценности человека. Не исключено, что именно желанием углубить свое представление о китайской культуре, прежде всего об учении Конфуция, и объясняется стремление Пушкина посетить Китай³.

Тенденция поиска общечеловеческих критериев оценки личности не угасала в русской культуре. Ее активно продолжил Л. Н. Толстой, увлечение которого духовной культурой Китая широко известно. Подчас он прямо использовал отдельные положения конфуцианства и даосизма для подтверждения своих воззрений. Нас в данном случае интересует то, что Л. Н. Толстой считал главным в учении Конфуция и как он представлял себе его методы воспитания, то есть какие ценностные ориентиры ставил он на первое место. Приведем начальный абзац из «Изложения китайского учения Конфуция Львом Николаевичем Толстым» в том виде, как оно было заимствовано П. А. Буланже из черновых бумаг Толстого:

«Сущность китайского учения такая: Истинное (великое) учение научает людей высшему добру — обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того, чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того, чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того, чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. (Ибо где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше.) Для того, чтобы сердце было чисто, исправлено, нужна 5) правдивость, сознательность мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того, чтобы была высшая степень

знания, нужно 7) изучение самого себя (как объясняет один комментатор)»⁴.

Толстой правильно уловил суть учения Конфуция — процесс самовоспитания начинается с «очищения сердца». Вспомним, какое значение придавал «сердцу» ближайший последователь Конфуция — Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.): «Лишенный соболезнающего и сострадающего сердца, — поучал Мэн-цзы, — не человек; лишенный стыдящегося [своих собственных недостатков] и негодующего [на недостатки других] сердца — не человек; лишенный [стоящего] за правду и [выступающего] против неправды сердца — не человек». Главными задачами воспитания, выполнение которых и формирует настоящую личность, является достижение «высшего добра» и «высшей степени знания».

За две с половиной тысячи лет авторитет Конфуция настолько укрепился в национальном сознании, что каждое его суждение стало поистине бесценным. Краткость, афористичность, порой кажущаяся противоречивость его высказываний и по сей день порождают при расшифровке много споров среди исследователей.

В китайской культуре можно выделить два подхода в интерпретации учения Конфуция: один — официальный, поставленный на службу императорской администрации, использовавшей авторитет Конфуция в сугубо прагматических целях. Второй — относительно свободное толкование учения прогрессивными мыслителями, черпавшими в нем элементы гуманизма для развития духовных ценностей отечественной культуры.

Один из основателей КПК, автор ряда работ по истории общественно-политической мысли Китая Ли Дачжао призывал к объективному, научному осмыслению учения Конфуция, которого он называл «стержнем общества», «мудрым гением своей эпохи»⁵. Эту традицию продолжил Лю Шаоци, ставший впоследствии Председателем КНР. Свои лекции о «Самовоспитании коммуниста», прочитанные впервые в июле 1939 г. в Янаньском институте марксизма-ленинизма, Лю Шаоци в основном строил на раннеконфуцианской концепции личности, обильно цитируя «Беседы и суждения» и ближайшего последователя Конфуция — Мэн-цзы. Образ «совершенного человека» («цзюнь цзы») был использован им как пример для образцового коммуниста. Сотни тысяч китайских коммунистов воспитывались на этих лекциях, не раз издававшихся отдельной книгой. В начальный период «культурной революции» автор «Самовоспитания коммуниста» был репрессирован, а его труд объявлен «черной книгой». Тогда же начались гонения и на Конфуция, достигшие апогея на завершающем этапе «культурной революции» в период политической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Присутствие истории в современной политике — одна из характерных черт политической культуры КНР. Будучи взаимосвязаны история и политика образуют своеобразный институт, самостоятельную политическую традицию. Степень насыщенности текущей политики историческими реминисценциями, аллегорией, аллюзиями и т. п. может быть разной, так, например, в 1972—1976 гг. такого рода «история» заполнила политику более чем на 90 %⁶.

Период VI—III вв. до н. э. был как бы спроецирован на Китай 1972—1976 гг. Себя и своих сторонников правившая тогда в Китае «четверка» объявила продолжателями дела легистов, противники же были зачислены в стан конфуцианцев.

Обращение именно к этой эпохе объяснялось не только традиционным для китайской культуры вообще ассоциативным мышлением, но в данном случае конкретным приемом политической борьбы с соперниками. Организаторы кампании преследовали еще одну немаловажную цель — авторитет Конфуция прочно вошедший в генофонд национального самосознания реально препятствовал «четверке» в навязывании угодных ей моральных ценностей.

Нужно отдать должное изощренности «четверки» в стремлении ниспровергнуть авторитет Конфуция. Кампания была задумана в два этапа: на первом ученые должны были с позиций «марксизма-ленинизма» доказать реакционность учения Конфуция; на втором — с помощью активного прессинга органов массовой информации, находившихся в их руках, привлечения заранее подготовленных из молодежи «отрядов народных теоретиков» внедрить эту точку зрения в сознание народа.

Одновременно была проделана обширная текстологическая работа над «Беседами и суждениями» с целью дискредитировать наследие великого мыслителя. Именно тогда и появился призыв «бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу». В Цюйфу (провинция Шаньдун) на родине Конфуция хунвэйбины надругались над его могилой.

Арест «банды четырех» и публичный суд над ней прервал эту кампанию. Трудно определить степень нравственных потерь, несомненно, что она была значительна и в большей мере коснулась подрастающего поколения. После 1976 г. страна стала активно восстанавливать духовные потери. Началась планомерная работа по восстановлению подлинной сути учения и образа самого Конфуция.

Для того, чтобы стали более понятными причины растущего внимания к Конфуцию полезно, хотя бы фрагментарно, ознакомиться с основными положениями его учения и прежде всего теми, которые ныне становятся особенно популярными в КНР. В центре учения — морально-этические проблемы, связанные с воспитанием человека, его поведением в семье, обществе и системе управления государством. Выделим три аспекта учения — воззрения на человека, общество и государство. Основным источником является запись «Бесед и суждений» Конфуция, составленная ближайшими учениками на рубеже V—IV вв. до н. э.

Конфуций о человеке и обществе

В отличие от легистов и представителей других философских школ древнего Китая, Конфуций как бы уклонялся от высказываний о природе человека, избегая крайних оценок. Считая, что в становлении личности решающую роль играют воспитание и личный пример, он создает образ совершенного человека.

Рассмотрим, какими же нравственными качествами наделяет его Конфуций. Высказывания о нем довольно многочисленны, приведем лишь некоторые⁷:

«Совершенный человек всегда исходит из чувства справедливости, которое выражается в том, что в делах он следует правилам поведения [ли], в речах сдержан, при завершении дел правдив. Именно таков совершенный человек».

«Совершенный человек думает о девяти [вещах]: о том, чтобы видеть ясно; слышать четко; чтобы лицо его было приветливым; чтобы его поступки были почтительными; чтобы речь его была искренней; чтобы действия его были осторожными; о необходимости спрашивать других, когда появляются сомнения; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу».

«Совершенный человек чувствует отвращение к тем, кто не хочет говорить о своих (истинных) намерениях, а непременно хитрит, выдвигает [всевозможные] объяснения».

«Совершенный человек выдвигает людей не за их слова, но он и не отбрасывает [хорошие] слова, если они сказаны [низким] человеком».

Совершенному человеку «отвратительны те, кто плохо говорит о людях. Он испытывает отвращение к тем, кто, будучи внязу, клеветает на вышестоящих. Ему отвратительны те, кто обладая смелостью, не соблюдают ритуала. Он испытывает отвращение к тем, кто, будучи решителен, действует не думая».

Приведенные суждения дают представление Конфуция о нравственном критерии совершенного человека. Он наделил его такими чертами, как справедливость, скромность, приветливость, почтительность, искренность, осторожность, умение сдерживать свои желания, отвращение к клеветникам, бездумным и т. п. Он никогда не успокаивается на достигнутом, постоянно занимается самосовершенствованием.

Перечень моральных достоинств совершенного человека был бы далеко не полным, если не коснуться двух важнейших понятий в учении Конфуция: «жэнь» (человечность, гуманность) и «вэнь» (знание, культура). Человек лишенный гуманности и культуры — не совершенный человек.

«Если совершенный человек утратил человечность, гуманность, то какое право имеет он носить столь высокое имя?», — говорил Конфуций. Приведем несколько его суждений на этот счет.

...Чжун Гун спросил: «Что такое гуманность?» Учитель ответил: «Выйдя за ворота, (отнесись к людям) словно принимаешь дорогих гостей. Используй народ так, словно совершаешь большое жертвоприношение. Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье».

«Фань Чи спросил: «Что такое гуманность?» Учитель ответил: «Всегда будь почтителен. Исполняя работу, проявляй уважение. В отношениях с людьми проявляй преданность. Когда отправляешься к варварам не отказывайся [от этих правил]».

«Цзы Чжан спросил: «Что такое гуманность?» Учитель ответил: «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять [качеств] является обладателем гуманности». [Цзы Чжан] спросил о них. Учитель ответил: «Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успехов. Если человек добр, он может использовать других».

«Фань Чи спросил: «Что такое гуманность?». Учитель ответил: «Это значит любить людей».

Перечень суждений Конфуция о понятии человечности, гуманности можно продолжить, они встречаются в «Беседах и суждениях» 109 раз. Приведенного, думается, достаточно, чтобы читатель убедился в многозначности этого понятия. Однако основное его содержание — человеческое начало в человеке, любовь к человеку. «Когда молодой человек дома почтителен к родителям, а вне его проявляет уважение к старшим; когда он скромен и правдив; когда он с любовью относится к людям — он этим всем приближается к человеческому началу в себе. И если у него еще останутся силы, он изучает вэнь». Но в то же время Конфуций предостерегал от одностороннего увлечения знаниями: «Когда в человеке одерживает верх инстинкт, получается дикарство; когда же одерживает верх образованность, получается одна ученость». Он понимал, что человеку, посвятившему все силы изучению культуры, накоплению знаний, будет трудно жить среди обычных людей с их естественными стремлениями и страстями; он потеряет жизнеспособность. Понимал он также и то, что нормально функционирующее общество не может состоять из одних книжников. Человек должен уметь сочетать в себе природные качества и приобретенные знания, но это дано не каждому; этого

может добиться лишь идеальная личность: «Вот когда и естественные свойства, и приобретенная культурность в человеке сочетаются, получается совершенный человек».

Такова модель идеальной личности по Конфуцию.

В противовес понятию «совершенный человек» Конфуций вводит еще одно новое понятие — «ся жэнь» — «маленький человек»⁸. Если совершенный человек наделен всеми лучшими качествами, то в маленьком человеке сочетается все отрицательное. Помыслы его сосредоточены лишь на самом себе, на удовлетворении [любыми способами] тех стремлений, которые по мнению Конфуция, присущи человеку от природы, а именно на «стремлении к знатности и богатству». Поэтому одной из характерных черт, если не самой главной, присущих такому человеку, является стремление к выгоде.

«Совершенный человек помышляет лишь о справедливости, маленький человек помышляет лишь о выгоде».

Маленький человек несдержан, заносчив, легко зазнается, он не способен «жить в согласии с другими людьми».

Образ маленького человека, которого характеризуют лишь отрицательные черты, понадобился Конфуцию, чтобы показать, кем может стать человек, если он отдастся власти инстинктов, мелких интересов, когда достижение личной выгоды становится главным. В морально-этическом облике такого человека заложена Конфуцием еще одна идея: человек должен постоянно заниматься самоусовершенствованием, как бы нравственно очищаясь от природных желаний. Не обязательно каждому быть совершенным человеком, но долг каждого вступить на путь нравственного и культурного совершенствования. «В стремлении к образованию, — поучал Конфуций, — не должно быть никаких различий в происхождении». Если же не стремиться к знаниям, то остановишься в своем развитии, будешь отброшен назад и превратишься в конце концов в презираемого человека. Именно такая интерпретация маленького человека прочно вошла в китайскую культуру, термин этот употребляют в Китае и в наши дни.

Конфуций понимал, что одних суждений о разных типах личности еще недостаточно, для воспитания человека. Надлежало научить людей общаться друг с другом — нужны нормы общежития. Свод этих норм был перечислен им в беседе со своими ближайшими учениками.

«Старшие должны жить в покое, друзья должны быть правдивыми, младшие должны проявлять заботу [о старших]».

Такая забота о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях, проходит красной нитью через все учение Конфуция об идеальном обществе. Он разрабатывает и пропагандирует понятие сыновней почтительности, которое должно сыграть ведущую роль в устанавливаемых им нормах поведения людей. Исполнение прижизненных желаний отца, неукоснительное следование его пути в течение длительного времени вплоть до смерти сына должно было установить прочную связь, прежде всего духовную, между поколениями, связь с традициями предков. Идея преемственности поколений, уважения к традициям семьи, через нее и культурных традиций всего китайского этноса — главная функциональная значимость понятия сыновней почтительности. Поэтому так часто Конфуций говорит об этом в «Беседах и суждениях».

Разрабатывая понятие о сыновней почтительности, Конфуций столкнулся с проблемой доносов, которые тогдашние аристократы внедряли в качестве одного из эффективных методов правления. Шэ-гун сказал, обращаясь к Конфуцию: «В моей общине есть честный человек. Когда его отец украл барана, то сын сообщил [властям] об этом». Кун-цзы ответил: «Честные люди моей

общины отличаются от ваших: отцы укрывают детей, дети укрывают отцов — в этом именно и заключается честность». Конфуций отказывается признать поступок, означающий по существу донос на родителя, проявлением честности. Это его суждение окажет впоследствии огромное воздействие на судебную практику и развитие законодательства императорского Китая. Будет издана серия законов, юридически закрепляющих позицию Конфуция: всякий, кто донесет на родителей или родственников, будет подвергаться суровому наказанию. Чем ближе родственные узы тем суровее кара⁹.

В своих воззрениях на человека и общество Конфуций не обошел стороной и отношение к природе. «Учитель,— говорится в «Беседах и суждениях»,— всегда ловил рыбу удочкой и не ловил неводом; стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую».

Конфуций о государстве

Конфуций, подобно основателям других философских и этико-политических школ древнего Китая, не представлял себе иной формы правления, кроме как авторитарной во главе с всемогущим монархом. Но принципы устройства и механизм управления в его учении в корне отличались от других школ, в частности легистской. Роль закона у него выполнял принцип ли (ритуал, правила, этика), которому неукоснительно должны были следовать все, включая и самого правителя.

Говоря о конфуцианской модели государственного устройства, в нашей литературе принято делать упор на строжайшей социальной стратификации общества, не допускающей каких-либо вертикальных перемещений, особенно в верхние страты¹⁰. Наиболее четко это представление сформулировано в монографии «Древнекитайская философия», в разделе «Философия древнего Китая».

В качестве доказательства именно такого объяснения учения Конфуция о государственном устройстве обычно ссылаются на два конфуцианских принципа: «исправление имен» и «правитель должен быть правителем...».

Суждения Конфуция нелегко поддаются расшифровке. Здесь недостаточно одного лишь знания древнекитайского языка. Поскольку многие из них возникали в связи с определенным событием или поводом, необходимо установить: когда, при каких обстоятельствах, в беседе с кем именно было высказано данное суждение. И, наконец, что представлял собой сам вопрошавший? Только такой комплексный подход в сочетании с филологическим анализом, учитывающим мнения современных китайских текстологов, может дать ключ к пониманию подлинного, изначального смысла.

Рассмотрим вначале второе суждение Конфуция, ибо оно относится к более раннему периоду. Беседа с Цзин-гуном — правителем соседнего с родиной Конфуция царства Ци — состоялась в 515 г. до н. э. Конфуцию в то время было 37 лет, он только что прибыл в Ци в свите луского царя, вынужденного бежать из своего царства, поскольку власть там оказалась в руках двух соперничавших аристократических родов. В самом царстве Ци, как удалось выяснить Конфуцию, обстановка при дворе оставляла желать лучшего. Аристократ Янь Ин контролировал положение в столице и оказывал определяющее воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства. Цзин-гун в поисках умных советников обратился к пришельцу с просьбой поделиться соображениями о «сути истинного правления».

Известны два ответа Конфуция. Смысл первого ответа, пространного, заключается в том, что каждое из перечисленных Конфуцием лиц должно по-настоящему выполнять свои обязанности: правитель должен быть *истинным*

правителем, сановник — *истинным* сановником, отец — *истинным* отцом, сын — *истинным* сыном. То есть довольно прозрачно намекал, что в Ци как и в Лу еще не достигли «сути истинного правления» — власть еще не сосредоточена в руках царя, сановники превысили свои полномочия, а все это не может не влиять на нравственные принципы взаимоотношения отцов и детей. Именно такой трактовки придерживаются современные китайские ученые. На другой день Цзин-гун пригласил Конфуция для продолжения беседы и услышал следующий более краткий ответ: «Истинное правление заключается в бережном отношении к (государственным) ценностям». Под ценностями Конфуций имел в виду все богатства государства — и природные, и людские ресурсы. Политик, в чьих руках оказывается право распоряжаться этим богатством должен быть очень внимателен и расчетлив; ни в коем случае не допускать перерасхода государственных средств.

В этом ответе заключено кредо Конфуция об экономической функции государства. В дальнейшем в беседе с учениками он разовьет свою мысль: «При управлении государством в 1000 колесниц¹¹ уделяй самое серьезное внимание политическим делам, слова, которые произносишь, должны честно исполняться; следи за бережным расходом основных средств, люби людей; используй народ сообразно времени». Последняя фраза «сообразно времени» нуждается в пояснении. Во времена Конфуция основную массу народа составляли крестьяне, и Конфуций предостерегал правивших не отрывать понапрасну крестьян от сельскохозяйственных работ. Их можно использовать на войне или строительстве дворцов лишь в свободное от страды время.

Естественно, что ответы Конфуция понравились Цзин-гуну и он решил присвоить мудрецу высокий чин и дать территорию в управление. Однако всесильный Янь Ин разрушил его намерения и Конфуцию пришлось спешно покинуть государство Ци.

«Исправление имен» — одно из важнейших положений Конфуция о принципах управления государством и организации общества. Впервые он заговорил об этом в беседе с учеником Цзы Лу в 488 г. до н. э.

На двенадцатом году странствий Конфуция на чужбине судьба ниспослала ему наконец осуществление долгожданной мечты — высший чиновничий пост. Но взамен вежливо намекнули о желательности пересмотра одного из основных принципов государственного устройства. 64-летнему проповеднику предстояло как бы пройти еще один публичный экзамен на нравственную прочность. Первый он успешно выдержал ровно двенадцать лет назад, когда в знак протеста против нарушения луским правителем своих основных обязанностей, демонстративно отказался от службы и покинул родные края. Небо словно вопрошало, а как поведет себя он ныне после стольких лет горьких скитаний, не стал ли более податлив?

Самые ранние и достоверные сведения об этом содержатся в 13-й главе «Бесед и суждений»:

«Цзы Лу спросил: «Вэйский правитель намерен привлечь Вас к управлению государством. С чего Вы собираетесь прежде всего начать?» «Начать необходимо с упорядочения названий [чжэн мин], которые не соответствуют сути!»

Цзы Лу спросил: «Неужто Вы вновь будете настаивать на своем! Зачем непременно нужно упорядочение?».

Учитель ответил: «Как же ты невоспитан. Совершенный человек острожен к тому что не понимает. Если названия не соответствуют сущности, то и со словами неблагополучно. Если со словами неблагополучно, то дела не будут ладиться. А когда дела не ладятся, то ритуал и музыка не действительны. Если ритуал и музыка не действительны, то наказания не дости-

гают своей истинной цели. А когда наказания не достигают своей истинной цели, народ не знает как с пользой распорядиться силой своих рук и ног. Поэтому совершенный человек, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах совершенного человека не должно быть и тени неточного».

Сокровенную суть суждения «правитель — должен быть правителем...» можно понять только в сочетании с термином «упорядочение названий», ибо оба эти понятия отражают главную мысль Конфуция о принципе «истинного правления». Большинство современных китайских исследователей, как правило, рассматривают их вместе.

В модели идеального государства, созданной Конфуцием, заложена еще одна крайне важная принципиальная установка, которую замалчивали в период императорского Китая. Конфуций считал, что управляющие не только должны поддерживать постоянные контакты с народом, но и добиваться такого положения, чтобы народ поверил в искренность провозглашенной правителем политики, а для этого она должна быть нравственной.

Конфуций неоднократно обращал внимание учеников именно на этот аспект правления, введя его в одну из обязательных функций государства¹².

Будучи тонким психологом, Конфуций понимал, что «истинное правление» осуществить не так-то просто. Поэтому наступление эры «истинного правления» он относил к далекому будущему (беря его из прошлого), когда будет построено «Да тун» — общество «Великого единения». На пути к нему необходимо построить в обозримом будущем еще одно как бы промежуточное общество, где уже будут частично реализованы цели общества «Великого единения». Это общество Конфуций назвал «Сяо кан» — общество «Малого благоденствия». В нем осуществлено «упорядочение названий» — каждый соответствует занимаемому посту и положению. Все жители этого государства строго придерживаются «правил» гуманности, искренности, честности. Ликвидованы войны, исчезли заговоры и интриги.

Утопия об обществе «Малого благоденствия» прочно вошла в генофонд национального сознания, политическую культуру Китая, как многовековая мечта о счастливом обществе. Прогрессивные мыслители страны неоднократно обращались к ней, обосновывая необходимость реформ. Одним из видных последователей создания такого общества был известный реформатор Кан Ювэй, живший в конце XIX — начале XX вв. Вскоре после знаменитого 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего кардинальные изменения в методы строительства социализма, вдохновитель и руководитель реформ Дэн Сяопин в 1979 г. провозгласил, что целью социализма с китайской спецификой является достижение к 2000 г. «уровня общества Малого благоденствия»¹³. К тому времени, по мнению Дэн Сяопина, подушный национальный доход должен составлять 800 долл. В марте 1987 г. Дэн Сяопин в беседе с президентом Замбии Каундой внес уточнение: «Построение социализма с китайской спецификой означает, что мы к концу этого века достигнем такого «уровня общества Малого благоденствия», когда подушный национальный доход будет равен 1 тыс. ам. долл.»

Обращение к обществу «Малого благоденствия» не случайно. Когда один из признанных лидеров КПК, руководитель реформ сознательно связывает модель социализма с китайской спецификой с учением Конфуция, то он как бы берет от лица партии перед китайским народом и китайской историей обязательство — реализовать эту национальную мечту, четко упорядочив ее реальные возможности. XIII съезд КПК принял действенную программу достижения намеченной цели.

...В феврале 1987 г. у входа в мемориал Конфуция, что в окрестностях

города Цюйфу, толпа торговцев предлагала разнообразные сувениры, воспроизводящие эпизоды из жизни Конфуция или отдельные его изречения. Был ясный весенний день. Холм, покрытый пожухлой травой, перед ним стела, извещающая что здесь покоится прах Совершенномудрого. За два часа, проведенные мной здесь, прошло 326 человек (из них 34 иностранца), а это был обычный день недели. Экскурсанты прибывали на автобусах, многие приходили пешком. Люди, судя по внешнему виду, самые разные: служащие, рабочие, военные, крестьяне, пенсионеры, интеллигенты. Почти никто не уходил с пустыми руками, многие покупали популярное издание «Бесед и суждений», изложенное современным китайским языком.

Сочетание традиционного и современного в духовной жизни, которое наблюдается на примере отношения к Конфуцию в период после «культурной революции», уже дает свои плоды. По данным шанхайских социологов, опрошенных свыше 3 тыс. горожан, 65,97 % высказались в пользу применения принципа «сыновней почтительности»; 6,43 % отнеслись негативно; остальные полагают, что необходимо более конкретно проанализировать его применение¹⁴. Следует отметить, что если бы аналогичный социологический опрос провести в деревне, то процент приверженцев этого принципа, модернизированного в современных условиях, несомненно был бы выше.

Сегодня можно утверждать, что в КНР восстановлено бывшее уважение к Конфуцию, которое присутствовало в глубине национального сознания. Многие воззрения Совершенномудрого, особенно его критерии ценности личности необходимы современному китайскому обществу в качестве ориентира. Этическое и деловое формирование репрезентативного типа личности, с которым в КНР связывают надежды на успешную модернизацию возможно лишь при синтезе не только китайского и западного, но и традиционного с современным, когда национальное ядро формируется за счет традиционных духовных ценностей.

Наблюдаемый ныне в мире повышенный интерес к человеку не может успешно развиваться без более углубленного взаимопознания духовных культур каждого народа. Знакомство с воззрениями Конфуция, стоявшего у истоков духовной китайской культуры, может внести свою лепту в этот процесс.

¹ Знаменательно, что конференция проводилась в храме Конфуция в Пекине.

² Пушкин перечитал едва ли не все, что было издано о Китае во Франции и России, почерпнул многие ценные для себя сведения из дружеских бесед с Н. Я. Бичуриним (монахом Иакинфом) — лучшим по тогдашним временам знатоком древнекитайского языка и китайской культуры. См. М. П. Алексеев «Пушкин и Китай». — В. кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. статей. М., 1979. с. 75—76.

³ Прощение на имя императора о поездке в Китай было подано 17 января 1830 г. См.: Пушкин в странах зарубежного Востока, с. 80.

⁴ См.: Мудрость народов Востока. Вып. I. Жизнь и учение Конфуция. Составил П. А. Буланже. Со статьей Л. Н. Толстого «Изложение китайского учения». М., 1903, с. 35.

⁵ Ли Да ч ж а о. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 54—55.

⁶ «Банде четырех» (так называют в Китае группу активных проповедников «казарменного социализма») — Цзян Цин, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня и Чжан Чуньцяо — необходимо было расправиться со своими политическими противниками в лице таких испытанных лидеров КПК как Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Открыто тогда выступить они не могли, поэтому использовали испытанный традиционный прием — обратились к истории. Выбор периода Чуньцю-Чжаньго («Весны и осени» — «Сражающихся царств») был вполне логичен. В VI—III вв. до н. э. острая политическая борьба за объединение Китая сопровождалась не менее ожесточенными теоретическими схватками двух полярных этико-политических школ — легистской (дословно «законников» — «фа цзя») и конфуцианской. Борьба закончилась победой легистов и созданием империи Цинь. Первый ее правитель Цин Шихуан сжег в 212 г. до н. э. всю конфуцианскую литературу, находившуюся в частном пользовании и приказал заживо закопать 460 наиболее активных конфуцианцев — противников режима. «Четверка» сочла разумным апеллировать именно к этой эпохе.

⁷ Переводы приводятся по кн.: Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 66—107.

⁸ У Л. Н. Толстого «сяожэнь» переводится как «темный человек».

⁹ «Всякий. — говорилось в средневековом своде законов, — кто донес на деда, бабу, отца или мать, подлежит удавлению». Подробнее см.: Е. И. Кычанов. Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). М., 1986, с. 74, 105.

¹⁰ «К концу «Чуньцю» немало бывших аристократов лишилось своих прежних привилегий, что не могло не вызвать возмущение Конфуция, так как это было подрывом авторитета аристократии. Поэтому Конфуций выдвинул требование об «исправлении имен» (*чжэнь мин*) как важнейшей политической принцип. Когда циский Цзин-гун спросил у Конфуция об управлении, Конфуций ответил: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном». Конфуций ставил перед собой двоякую цель:

— упорядочить отношения родства среди самой родовой знати, упорядочить ее взаимоотношения, сплотить родовую рабовладельческую аристократию перед лицом нависшей угрозы потери ею власти и захвата ее «низшими» людьми — новыми землевладельцами, торговцами и крестьянами; — обосновать идеологически привилегированное положение родовой знати, показать ее «право» на знатность и господство, сгладить недовольство низов господством родовой аристократии. Таковы были задачи, за которые взялся Конфуций». — Древнекитайская философия. М., 1972, т. I, с. 34—35.

Представляется, что термин «чжэнь мин» возможно переводить и как «упорядочение названий».

¹¹ В древнем Китае могущество государства определялось количеством боевых колесниц, которое оно могло выставить во время войны. В данном случае имеется в виду большое государство.

¹² Отвечая на вопрос одного из ближайших учеников — Цзы Гуна о сущности истинного правления, он сказал: «Должно быть достаточно продовольствия, достаточно вооружения и народ должен верить [управляющим]». Цзы Гун спросил: «В случае крайней нужды чем из этих трех [положений] можно пожертвовать прежде всего?». Учитель ответил: «Можно отказаться от вооружения». Цзы Гун спросил: «В случае крайней нужды чем из этих двух [положений] можно пожертвовать прежде всего?». Учитель ответил: «Можно отказаться от продовольствия. С древности еще никому не удавалось избежать смерти. Но если народ перестанет верить [управляющим], то государству не устоять».

¹³ То есть «Сяо кан шуй пин». Агентство Синьхуа переводит это понятие как «уровень среднезажиточной жизни».

¹⁴ См.: Хуан Вэйхэ, Шэн Цзунфань, Ван Чуаньгуй. Как современники относятся к традиционной морали. — «Шэхуэй», 1987, № 1, с. 13.

ЧЖАН СИНЬСИНЬ,
САН Е

Интерес к документальной литературе в различных ее разновидностях — репортаж, хроника, мемуары, интервью и т. д. — отмечен за последние годы во всем мире. Не остался в стороне и Китай. Книгу «Китайцы. Сто рассказов рядовых людей о себе», из которой мы предлагаем вниманию читателей несколько интервью, представляющих не только литературный, но и социологический интерес, издательство аттестует как «первый в Китае образец устной документальной литературы, повествующей о жизни простых людей и образе их мыслей». Она создавалась на протяжении 1984—1985 гг., публиковалась в журналах, а в августе 1986 г. вышла отдельным изданием.

Авторы книги — писательница Чжан Синьсинь и журналист Сан Е — выбрали людей, представляющих различные слои современного китайского общества, людей разных поколений, порой причудливых судеб, и записали их рассказы о самих себе, о пережитом и передуманном, о своих надеждах и разочарованиях, о достижениях и утратах.

Китайское название книги («Бэйцзинжэнь») можно перевести и как «Обитатели Пекина» и как «Синантропы». Однако более точным переводом было бы, пожалуй, «Потомки синантропа», так как авторы хотели подчеркнуть, что хотя речь идет о людях сегодняшнего Китая, они тысячами нитей связаны с историей страны, ее традициями и культурой. Это придает книге широкую панорамность, помогает осознать в той или иной мере корни и мотивы происходивших в КНР событий. Но, конечно, главный интерес книги — в той конкретности, непосредственности, правдивости, с какой ведется рассказ о событиях и поворотах судеб людей, в приметах обновления страны, пробивающего себе дорогу в непростых условиях, в сложной борьбе.

Перед читателем проходят разнообразные типажы, каждый на свой лад раскрывает себя и высказывает свое отношение к происходящему вокруг. Сто таких рассказов составили книгу объемом в шестьсот с лишним страниц. Здесь, естественно, могут быть представлены лишь некоторые из них (в более полном объеме они будут опубликованы в приложении к журналу «Иностранная литература»). Отметим, что книга Чжан Синьсинь и Сан Е вызвала большой резонанс не только в Китае, но и далеко за его пределами. Уже вышли полные или частичные переводы на английском, немецком и других языках. Можно надеяться, что и нашим читателям будет интересно встретиться с ее персонажами.

*В. Ф. Сорокин,
доктор филологических наук*

Исповедь хунвэйбинки

Читателям ни к чему мое имя, да им и неинтересно. У тех, что на сцене — свое амплуа. Дирижируют толпой — смейтесь! Над собой ведь смеетесь! А те, кто вокруг сцены, хохочут еще неистовей.

А что потом? Потом — представление окончено, сняла театральный костюм, вернулась домой к кастрюлям, поужинала с мужем, ребенком и свекровью, вместе смеемся. Иногда от души хохочем, над другими.

Нет уж, давайте я буду как умею рассказывать. Обойдусь без ваших пояснений и наводящих вопросов. Я знаю, вы хотите написать историю повзрослевшей хунвэйбинки, но не надейтесь услышать от меня покаянную исповедь со слезами и соплями. Я кое-что читала из ваших «Пекинцев», как-то наткнулась, перелистывая журналы. Понравилась Ли Сяохан из очерка «Аттестат». Но по-моему неправдоподобно. Что за истерику она и ее приятели закатили во время сдачи экзаменов экстерном! Из-за чего реветь-то? Ведь она сдала экзамен на социальную зрелость. Чего плакать? По сравнению со мной она еще очень молода.

Отрицайте «культурную революцию», только не осыпайте проклятиями. Ругать ее бессмысленно. Нам, и особенно тем, кто испытал все на своей шкуре, полезней холодный анализ и беспристрастная критика.

Период с июня 1966 по январь 1967 г. можно назвать высшим подъемом «хунвэйбиновщины». 18 августа 1966 г. Мао Цзэдун позволил Сун Линлинь надеть ему нарукавную повязку с надписью «хунвэйбин» — «красный защитник» — и предложил отныне называть эту девочку Сун Боевитая. Так он узаконил хунвэйбинов не только как массовую организацию бунтарей, но и именно это ее название — «красные защитники». Ведь до того отряды назывались по-разному: и «красные защитники», и «красная смена», и «босоногие защитники», и «бунтари», но как только Мао Цзэдун надел эту самую нарукавную повязку, они все стали зваться хунвэйбинами. Однако хунвэйбиновское движение родилось задолго до 18 августа. Мне представляется, что после того, как «группы по изучению произведений Мао Цзэдуна» вышли из аудиторий и общежитий на улицы, они и стали прообразом и ростками этого движения. Накануне 18 августа Мао Цзэдун направил ответное письмо нам, «хунвэйбинам средней школы при университете Цинхуа», где заявил: «Я поддерживаю вас, ваш бунт против реакционной группировки справедлив». Не знаю, чем сейчас занимается Сун Линлинь, но если только она узнает о существовании книги «Пекинцы», наверняка свяжется с вами. В то время Председатель Мао сказал: «Надо бороться». Она и стала Боевитой. Зато я знаю, что стало с хунвэйбином, который надел такую же нарукавную повязку, с Лю Шаоци. Он сейчас профессор университета в Париже, написал много книг, но никогда не занимается о своем прошлом периода «культурной революции». Ведь он надевал красную хунвэйбиновскую повязку Председателю Республики в то время, когда того еще не свалили, но уже переместили на 7—8 место в списках руководителей страны — за это парень здорово пострадал в разгар движения. Впоследствии он стал специалистом по тайваньской литературе. Прямо сюжет для романа.

Как и в предшествующих революционных движениях, авангардом и опорой в «культурной революции» была молодая интеллигенция, хунвэйбины изначально были организацией учащихся средних школ и вузов. Но, к несчастью, сама эта революция была очень не похожа на предшествующие. А хунвэйбины, едва подняв голову, еще находясь в процессе становления, уже выполнили свою миссию. Сейчас, когда оглядываюсь назад, период до января 1967 г. представляется мне наивысшим расцветом. Но, конечно, в то время мы на многое смотрели другими глазами. Мы так мечтали полнее воплотить едва зародившиеся грандиозные идеи переустройства общества! В январе 1967 г. взяли власть в Шанхае, создали Шанхайскую коммуну и осуществляли партийное и административное руководство. Вслед за этим захватили власть в других городах, там действовали комитеты «красная власть», «временные комитеты». А вскоре прозвучало: «Революционные комитеты — это хорошо», и все органы стали называться «ревкомками». Это было очень похоже на то, как унифицировали названия разнородных групп бунтарей. К тому времени хунвэйбины уже сыграли свою роль. Организация раскололась, начался разброд и сумятица. Не знали, кого защищать, кого низвергать. Хотя все заявляли, что поддерживают ЦК партии, группу ЦК

по «культурной революции», но в душе многие были просто увлечены политическими играми. Борьба во что бы то ни стало!

В Пекине развернули борьбу, пожалуй, в последнюю очередь, удар нанесли только к концу 67-го. В других местах начали гораздо раньше, и беспорядку было больше. После года кровопролитий, отряды маленьких генералов, выполнив свою историческую миссию, сцепились друг с другом прямо на исторической арене. В итоге отряды окончательно развалились. 27 июля 1968 г. надстройкой занялись пропагандистские отряды идей Мао Цзэдуна из рабочих и воинов НОАК. Они вошли в Университет Цинхуа, чтобы погасить пламя борьбы, многих вышибли, страсти улеглись лишь на следующий день. Тем не менее именно 27 июля было названо торжественным днем, когда удалось «овладеть всеми этажами надстройки». Его отмечали в течение нескольких лет. Прибрать к рукам среднюю школу при Цинхуа удалось только к 3 сентября; к тому времени «плоды манго», присланные Председателем Мао в дар пропагандистским отрядам, после церемонии торжественной встречи были выставлены на всеобщее обозрение.

Созданные вместо комсомола, но впоследствии продолжавшие существовать параллельно с ним и подчиняющиеся ему отряды хунвэйбинов, в средних школах продержались вплоть до разгрома контрреволюционной группировки Цзян Цин. Только после 1968 г. они выродились в какие-то игрушки-побрякушки.

Все хунвэйбины первых лет проделали один и тот же путь — тот же, что и отряды средней школы при Цинхуа, — взлет, развитие, затухание, приблизительно по такой схеме.

В прошлом году я ездила на юбилей этой школы. Конечно, никаких следов хунвэйбиновского движения там не осталось. Только мы, первые хунвэйбины, еще могли кое-что углядеть. Да нет, не в том смысле, что нашли классы, в которых шли митинги, или там, где кто с собой покончил, — все эти бередящие душу приметы прошлого. Я имею в виду следы борьбы и разрушений. Их только мы могли разглядеть, а уже ребята из предыдущих и последующих выпусков ни за что бы не разобрали, что разрушилось от времени, а где — ущерб, принесенный «культурной революцией».

Я откололась еще в период борьбы. Прагматическое отношение к «изречениям Председателя Мао», выпячивание лозунга «Вооруженная критика», да тут еще цзянциновское «Нападать словом, защищаться оружием», «Если ты пощадншь его, он не пощадит тебя» — все это заставило хунвэйбинов скакнуть в средневековье, это противоречило всем моим представлениям. Я просто не могла допустить, чтобы мне продолжали пудрить мозги. Довести «культурную революцию» до конца — для меня ведь это было не просто «высочайшее указание», но и сокровенная мечта. Но я не только не увидела ее осуществления, я не могла понять значения событий, происходивших на моих глазах — они не соответствовали всем моим представлениям. Даже вы пришли бы в растерянность. Ну, а что потом? Привычка — вторая натура. Я начала бродяжничать, вызубрила, так сказать, очередную главу кодекса оболванивания — о любви. Ли Сяохан из «Аттестата» говорит, что такие, как мы не могут не следовать «моральному кодексу», не должны вступать в добрачные связи. Ну, это как сказать. У меня, например, были, и не с одним. Теперь уже что, можно сказать, на это и не требуется особого мужества. По сравнению с тем мужеством, которое нужно сейчас, чтобы оглянуться на свое верноподданническое хунвэйбиновское прошлое, рассказ о моей личной жизни — это такая мелочь. Мне тогда исполнилось пятнадцать лет, и я закончила неполную среднюю школу. В самом начале революция выглядела как научная дискуссия, Яо Вэньюань* опубликовал статью о пьесе «Разжалование Хай Жюя», она появилась в шанхайской печати, а затем была перепечатана в пекинской.

Мы тогда не очень-то во всем этом разбирались. Я твердо стояла на том, что следует начать борьбу. Сперва все считали, что речь идет о противопоставлении честных чиновников казнокрадам. Помню я тогда была весьма недовольна Яо Вэньюанем, мне казалось, что критиковать честных чиновников это все равно, что призывать всех равняться на казнокрадов. Верно? При любом строе честные и справедливые

* В те годы главный редактор шанхайской газеты «Цзефанцзюнь бао», член группы по делам «культурной революции». После 1976 г. осужден как один из членов «банды четырех».

люди лучше, чем корыстолюбивые мерзавцы, ведь кроме социальных последствий есть еще и чисто человеческие проблемы, правда? Сторонники Яо Вэньюаня возражали мне: «Честные чиновники» гораздо опаснее!» Только спорам нашим скоро пришел конец. С мая мы начали готовиться к переводным экзаменам во вторую ступень средней школы, и свободного времени не оставалось ни минуты. Очень скоро я поняла, что поднимается революционное движение, что суть статьи заключена в слове «разжалование». И не дожидаясь конца семестра, включилась в борьбу.

Еще до того, как «Жэньминь жибао» заявила: «Квинтэссенция «Разжалования Хай Жюя» — это разжалование и требование реабилитации», я уже кое-что узнала по «беспроволочному телеграфу». Узнала я и о том, что предстоит еще более ожесточенная борьба, чем отставка Пэн Дэхуая. Мне представляется, что «культурная революция» распространялась по двум направлениям: с одной стороны — «научные дискуссии», с другой — «беспроволочный телеграф», ибо не следовало пренебрегать слухами, которые приносили дети кадровых работников. В то время любые вести, не основанные на официальной информации, считались слухами. Если захотите заполнить анкету на тех, кто предводительствовал бунтарями в «культурную революцию», знаете, что это окажутся за люди? Таких, как Куай Дафу, было немного, вслед за ними выплыли карьеристы. Так уж истари ведется.

Да, я знаю, что все это беспредметные разговоры, тем не менее не могу не вернуться к оценке «культурной революции». Она была ошибкой от начала до конца. Нечего выискивать, на сколько процентов она оправдалась. Этот взрыв был спровоцирован противоречиями внутри ЦК партии, он явился также порождением «партии вне партии и группировок внутри партии», а попросту сказать — так уж истари повелось». На последнем ее этапе она лопнула. А вот на первом? Действительно, так ведь и было задумано — свергнуть определенную группу лиц, а те, кто внизу — тогда были не те, что сейчас. Сейчас все жаждут покоя, а тогда народ жаждал смуты, жаждал свершить чего-то, что в мирное время обычно не совершают — по крайней мере некоторые так были настроены. Ну к примеру, если вам хочется нанести удар по местным властям, то здесь дело не в одном лишь революционном энтузиазме, а в желании отомстить за все накопившиеся за долгие годы обиды. Председатель Мао много лет искал способ расчитаться с ними, наконец нашел: «Великая пролетарская культурная революция» — это великая правда. Председатель Мао опасался «реставрации капитализма», опасался, что «народ снова будет страдать», что «негодяи захватят власть на разных уровнях руководства», но добрые намерения породили дурные дела, потом захотели остановить поезд — да поздно, карьеристы прибрали все к рукам. Линь Бяо превозносил Председателя до небес, чтобы пробраться в «замы», Цзян Цин топнула ножкой: «Доведем до конца революцию!» Остановить ее было нельзя. Во всяком случае, это моя личная точка зрения.

Когда я была в садике и воспитательница спрашивала меня: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», мне было очень легко ответить на этот вопрос. Сейчас же другое дело. Нет, не скажу. Много чего хочется, но прежде всего хочется стать самой собой. Наше поколение много лет так воспитывали, что мы превратились в людей, «безгранично любящих, безгранично верящих, безгранично почитающих» и еще что-то там четвертое. А, вспомнила, «безгранично преданных». Поэтому мы и старались, как говорится, кровь из носу. С позиции «левых» все вокруг представлялось «правым». После формирования отрядов хунвэйбинов я участвовала в избиении помещиков, правых, в конфискации имущества — эти действия мне казались единственно революционными, «революция — это не посиделки с друзьями». А тогда что же? Избиение ремнями вражеских элементов. Потом мы вышли на улицы, сбивали таблички со старыми названиями улиц, неоновые лампы. По нашим представлениям все это не соответствовало принципам социализма. Взамен этого — лозунги и изречения, красный океан. Сколько было затрачено физических и душевных сил, легче отсидживать на уроках.

В те годы мы горячо спорили по нескольким ключевым проблемам. Вопрос о классах. Мы полагали, что помимо «новой буржуазии» классовое происхождение в социалистическом обществе определяется «классовым клеймом». Отсюда деление на «пять категорий красных», «пять категорий черных», которые впоследствии разрослись до «семи категорий». Помимо названных, мы выделяли еще «пять красных вне категорий» — выходцы из городской бедноты и прочих мелкобуржуазных слоев. А прин-

ципы были очень простые — при социализме существует разделение труда, поэтому нельзя всех занимающихся физическим трудом зачислять в «пролетариат», а умственным — в «буржуазию». Но происхождение у этих трудящихся все же разное, хотя мы не принимали точку зрения одного из лидеров хунвэйбинов Тань Лифу: «Герой отец — сын молодец, контра отец — сынок подлец». Это метафизика и догматизм. Потом моей семье тоже досталось. После того как я скатилась от дочери «кадровых революционеров» в категорию «детей, нуждающихся в перевоспитании», я подвергла переоценке свои жизненные ценности и у меня возникла мысль — поистине «пожелай другому, чего сам себе не желаешь». И тут я ясно осознала, как же должны были ненавидеть нас все эти «семь категорий черных». «Дети, нуждающиеся в перевоспитании» — это слова Председателя Мао, из чего ясно, что людей дурного происхождения можно перевоспитать.

Вторая проблема, вокруг которой кипели страсти, — это «маоцзедунизм». Мы считали, что идеи Мао Цзэдуна уже сложились в целостную систему и не называются «измом» лишь по причине интриг «буржуазного штаба», пользующегося великой скромностью Председателя Мао. Мы поддержали это предложение и употребляли слово «маоцзедунизм». Но тут встряла Цзян Цин и заявила, что Председатель недоволен, и вместо «отряды хунвэйбинов маоцзедунизма» стали писать «отряды идей Мао Цзэдуна» — тем и кончилось. В то время мы верили Цзян Цин. И наконец, наши споры разгорелись вокруг того, в каком направлении должны двигаться колонны во время парада на площади Тяньаньмэнь. Мы предлагали, чтобы с запада на восток, ибо в противном случае получается, что они идут от света к тьме. Оппоненты заявляли: «А если они пойдут с другой стороны, то дула винтовок наших воинов будут обращены к правительственным трибунам — это контра». Так этот спор ничем и кончился. Ну и конечно, споры вокруг формулировок: «утвердить общественное, разрушить личное» или «разрушить личное, утвердить общественное». Одни предлагали «сначала разрушить, потом утверждать», «не разрушив, не утвердишь», призывали на помощь авторитет великого главнокомандующего; другие зывали: «прежде всего общественное», «общественное всему голова». Очень серьезно относились к порядку слов.

И все в том же роде. Помимо того, что мы громили, писали дацзыбао, лозунги, мы еще дискутировали. До чего же славно мы балдели! Когда разворачивали «культурную революцию», вовсе не думали поручать нам такие вещи.

Что до «революционных связей», то сначала была задача повсеместно разжечь огонь революции, направить маленьких генералов из Пекина в разные города, поднять бунт. Но к тому времени, когда иногородние хунвэйбины появились в Пекин, мы уже разгулялись. Эти ребята тоже приехали развлекаться, ведь с них не брали денег ни за проезд, ни за еду, ни за жилье. Точно так и было. А чего? Приехали поглазеть, повеселиться. Чем плохо? Я-то, когда в первый раз поехала устанавливать «революционные связи», всем сердцем мечтала делать революцию. В Шанхае, в Ханчжоу — я повсюду призывала подняться на борьбу с «реакционной буржуазной линией», разъясняла всем, что великая пролетарская «культурная революция» осуществляется не только для того, чтобы свергнуть Лю Шаоци, Дэн Сяопина, но и для того, чтобы вычистить из государственного аппарата всех идущих по капиталистическому пути. Вернувшись в Пекин, я обнаружила там множество иногородних хунвэйбинов. Все они ждали встречи с Председателем Мао, мечтали увидеть его своими глазами. Мы сцепились с хунвэйбинами из Северо-Восточного Китая. Причина? Они посмели сказать: не «встретиться с Председателем Мао», а «встретить Председателя Мао». Это же контра! Ну и драка была! Мы сцепились им в волосы. Они предложили формулировку: «Получить аудиенцию у Председателя Мао». Но мы не сдавались, говорили, что это «феодалная» формулировка! Так я впервые участвовала в драке хунвэйбиновских отрядов между собой.

Впоследствии мы организовали хунвэйбиновские патрули — это все равно, что «передовые отряды». Но у хунвэйбинов никогда не было единой организации, поэтому они не сыграли важной роли. Патрули свирепствовали, забивали людей до смерти — а как же иначе? А то ни власти, ни пользы. Потом патрули попали в лапы общественной безопасности — это, конечно, дело Цзян Цин. Через пару месяцев открывалось большое совещание, и их отпустили, заявив, что «маленькие генералы совершили ошибки», — тоже по приказу Цзян Цин! К тому времени столкновения

внутри хунвэйбинов обострились. После разброда и раздела они разбились на две крупные враждующие группировки.

После схватки с хунвэйбинами с Северо-Востока я снова отправилась устанавливать революционные связи, на сей раз исключительно ради собственного удовольствия. Побывала в Гуанси, Гуандуне, Чжэцзяне, Фуцзяни, Хунани. Я впервые испытала тревогу и недоумение. В Хунани я увидела мать с семилетней девчушкой, они просили подавание, девочка пела. Она крепко прижимала к груди «драгоценную красную книжечку» изречений и пела: «Как люблю я труды Председателя Мао, тысячу раз прочитаю, и все мне мало...» и еще: «Солнце золотое встает на востоке, озаряя все вокруг... народы Китая счастливы безгранично». А мать приговаривала: «Боевые друзья из пролетарских революционных отрядов, пожалейте нас...» Я ничего не придумываю. Когда вспоминаешь о странностях и жестокостях «культурной революции», и не требуется ничего выдумывать.

Я не смела, да и не могла усомниться в «культурной революции», но меня смущали схватки между отдельными группировками. В ходе установления «революционных связей» всю дорогу возникали заварушки между представителями группировок из разных районов. Летом 1967 г. Цзян Цин бросила клич: «Нападать словом, защищать оружием». Вот тут-то и начались побоища. Я поначалу хотела скакать на Северо-Восток, но до меня дошли вести, что в Чанчуне уличные бои, а в Шэньяне в ход пошли даже самолеты, я и передумала.

На войне за что борются? За существование, за землю. Борьба может возникнуть на религиозной почве, когда сражаются за веру. Второй раз я участвовала в драке, когда вернулась домой в Пекин. Отец, от которого я еще раньше отмежевалась, возмутился и заявил мне: «Шла бы лучше учиться!» Разразился скандал, я упиралась. На следующий день нашла записку: «Гиньэр! Спор между святым Хойнэном и патриархом Шэньсю в итоге шел за наследование атрибута власти*. Отец». В этой знакомой с детства истории я вдруг увидела совершенно неожиданный подтекст. Все эти побоища на самом деле велись ради того, чтобы доказать, кто является самым преданным учеником.

«Великая пролетарская культурная революция» в конце концов вторглась в человеческие отношения, в отношении отца и дочери таким необычным путем. После того как у нас конфисковали имущество, я вообще потеряла всякий интерес к движению. Молодость легко меняет убеждения! Я бродяжничала еще несколько месяцев, но когда прозвучал призыв: «Возобновив занятия, вести революцию», — я вернулась в школу. Но там шли драки, и я перебралась домой. Теперь для меня главным было развлечение, любовь.

В 1968 г. молодежь призвали в деревню, вернее, принудили туда ехать. Кое-кто из одноклассников совершенно искренне мечтал «слиться с массами, всю жизнь делать революцию», а я уже остыла, в марксизме ведь много всяких положений, все зависит от того, за какое ухватиться. По крайней мере тогда я так думала. В деревне — это уезд Яньгуань — я пробыла восемь лет и только в конце 1976 г. вернулась в Пекин, пошла работать на завод.

Были, конечно, такие, кто вкалывал, а я не особенно старалась, я не из тех, кто «пускает корни губоко в землю». Время от времени я сбегала на полгода, на год в Пекин. Это было связано с моей неналаженной личной жизнью, а не только с хаосом «культурной революции». Мой первый парень не поехал в деревню, в 1968 г. его взяли в армию, и мы расстались. Потом у меня были другие, но все как-то не кленлось. Я вышла замуж только в 1977 г., родилась дочь. Трудно сказать, что с нею будет. Вот она вырастет и тоже влипнет в какое-нибудь событие. Ну, конечно, если произойдет что-то значительное.

Правильно, что всех разделили по «трем категориям», пусть каждый за свое ответит.

Сейчас у меня четвертый разряд, живу тихо-мирно, я самая обычная работница. В свободное время читаю, ни в каких там вечерних или телеуниверситетах не учусь.

* Речь идет о танском монахе Хойнэне, который столь искусно перетолковал священные книги, что учитель передал ему атрибуты святого.

Диплома у меня нет, но я и не собираюсь никуда лезть, с меня хватит. Вот и все, пожалуйте, а вы уж там пишете, как знаете.

Мне все книги про «культурную революцию» что-то не очень по душе. Вот только одна понравилась — «История Амади». Написал ее Ху Сяоху, я никаких его других вещей не встречала, его не знаю, но взгляды у нас с ним одинаковые — я имею в виду «культурную революцию». Ох, и редела я, когда читала, себя оплакивала. И не одна я. Здорово написано! Другие книги читаю и думаю, что писатель совсем забыл, какая она была, эта «культурная революция». По крайней мере у меня такое ощущение.

Я вот тоже хочу вас кое о чем спросить. Я заметила, что среди нынешних молодых писателей очень много выпускников той самой средней школы при университете Цинхуа. Отчего это?

Случайное совпадение?

Перевод с китайского Н. Е. Боровской

Дар

В объявлении о сборе пожертвований пекинского отделения общества «Любите наш Китай, восстановим Великую стену» говорится: имена тех, кто пожертвовал свыше 500 юаней, будут выбиты на стелах возле Великой стены в Бадалине... Уже сейчас в фонде накоплены солидные суммы пожертвований.

Она одета в белую шелковую кофточку, голубые брюки. Очки в белой пластмассовой оправе на носу говорили о близорукости хозяйки. Итак, она вышла из канцелярии фонда «Любите наш Китай, восстановим Великую стену».

Да, я только что внесла вклад — 500 юаней на восстановление Великой стены. Мне особенно нечего сказать по этому поводу, я только знаю, что Великая стена — это наша национальная гордость, и я от всей души вношу деньги на ее реставрацию. К тому же, у меня есть такая возможность.

Нет-нет, я ни о чем не хочу говорить, я ведь не готовилась. Что тут говорить?

Впрочем... ладно, немного побеседуем, но только пусть это будет не интервью, а просто дружеская беседа. Нет, не то, чтобы я чего-то опасалась, а тем более боялась нажать неприятности, но мне кажется, что прежде надо было бы посоветоваться с кем повыше. А поскольку мы с вами запросто разговариваем, то и не записывайте мой имя и фамилию, ладно? Простите!

В последние несколько лет жизнь везде входит в нормальную колею, возросли общественные пожертвования и вклады, это отрадно и позволяет всему обществу проявить внимание к тем вопросам, которые давно требуют этого. Возьмем к примеру восстановление Великой стены. То, что инициатором стала организация, которая горячо взялась за сохранение культурного наследия нашей страны, по крайней мере говорит о том, что имеет воспитательное значение для всего народа. Нас миллиард, а много ли найдется тех, кто сможет внести свой вклад? Я думаю, не так уж много. Слишком велика первоначальная сумма взноса: увековечивают только имена тех, кто внес больше 500 юаней, а такую сумму большинство рабочих, крестьян, солдат, студентов и торговцев не могут себе позволить; но это движение по меньшей мере может достичь одной цели — сберечь Великую стену... Самым широким слоям народа понятно, что Великая стена не должна пострадать, а уж тем более, раз на ее восстановление собираются и государственные средства, и частные взносы — то она будет стоять вечно.

Как мне кажется, все наше поколение находится в долгу перед Великой стеной. А уж если должен, то долг надо возвращать как можешь — деньгами или помощью.

Когда в 1977 г. моя дочь поступила в университет, я отправилась в пригородный район Губэйкоу, чтобы забрать ее в город — она там находилась 6 лет в бригаде. Когда я добралась до деревни, где она жила, я остолбенева: дома, свинарники, уборные — словом, все кирпичные постройки были возведены из кирпича Великой стены! Ах, так это и есть их почин «опоры на собственные силы», «учета местных условий»! Я поняла, почему на всем протяжении Великая стена оказалась будто выведенной. А дочь говорит: «В деревне еще что. Если не веришь, поезжай в бригаду, там рабочие и солдаты вынимают из стены кирпичи и увозят целыми машинами». Вы только послушайте — кирпичи из Великой стены! В их глазах стена из символа нации превратилась лишь в строительный материал. Да, тогда на это смотрели как на кирпичи, которые можно использовать... С политической точки зрения лозунг «разрушать Великую стену» оказался величайшим преступлением, а реально на разбор стены тогда смотрели как на самую нормальную «революционную деятельность».

Великая стена — это один из тех памятников старины, который нуждается в охране государством. А сколько в течение 10 лет, с 1966 по 1976 г., погибло достойных людей, которым была необходима защита государства! И разве не низвергали даже тех, кто всю свою жизнь был предан символическому Председателю страны, не измывались над ними до смерти? А что уж говорить о стене!

Мы, китайцы, всегда смотрим вперед, поэтому мы нация, которая живет надеждами. Но мы слишком любим «крушить до конца», как будто без всего можно обойтись, и стоит лишь жить сегодняшним днем. У нас есть чувство собственного предназначения, но недостает чувства ответственности. Вот почему я от всего сердца приветствую восстановление Великой стены и то, что имена тех, кто внес деньги на это, останутся высеченными на века. Я верю, что наступит такой день, когда наши потомки смогут сказать: «Некоторые из наших предков, живших в XX веке, разрушали Великую стену, зато другие восстанавливали ее. Имена разрушителей уже давно стерты историей, так давайте навсегда запоем тех, кто ее восстановил!» К тому времени эта стена, воздвигнутая в Бадалине, вероятно тоже станет памятником старины, и ее не смогут повредить. Нет, только не подумайте, что я гонюсь за быстрым успехом, хотела бы увековечить свое имя и только поэтому внесла 500 юаней. Это деньги моего покойного мужа. Мы с дочерью всю ночь обсуждали и решили отдать эти сбережения на восстановление Великой стены, чтобы и его имя осталось записанным на стене. К тому же мы это сделали по велению сердца.

Нет, не знаю, поступил бы он так же, если бы был жив. Конечно, если бы я могла вам сказать: «Он поступил бы так же». — это прозвучало бы красиво. Однако, я думаю, если бы он остался жив, то маловероятно, чтобы отдал эти деньги на Великую стену. Нет, не потому, что он не патриот, и не потому, что не любил Великую стену, а потому, что у нас не было денег... Эти 500 юаней — все, что ему удалось заработать, кроме основной зарплаты, за всю жизнь! Премии, гонорары, доплаты на летний период составили 523 юаня, и ни фэня из них он не тронул! К тому же, узнав, на что пойдут эти деньги, он, вероятно, сказал бы: «Они ломали стену, а почему я теперь должен расплачиваться?» Мы вместе учились, потом вместе работали, всю жизнь были учителями, самым большим событием для мужа было, когда в «Жэньминь жибао» была напечатана его статья. У него был рак печени. Незадолго до смерти, когда уже началась водянка, он то терял сознание, то приходил в себя, от сильной боли весь покрывался потом. Только тогда он вымолвил: «Я хочу взглянуть на это». Я знала, что ему была необходима статья «Основы исследования преподавания «Голоса осени». Он чувствовал, только это останется после его смерти. Только этот номер газеты свидетельствовал, что он жил и старательно трудился на этой земле... Поэтому, когда я вчера вечером разыскала дочь — она тоже преподаватель, мы все в семье преподаватели средней школы, — я ей сказала: «Пусть имя отца будет увековечено на Великой стене». Это все, что мы можем сделать для Великой стены, для умершего, для Родины.

Кто я? Училась в университете еще до освобождения. Наша семья родом из села Баоди под Тяньцзинем. Потом отец переехал в город, работал на одну иностранную фирму — был «компрадором», то есть посредником. Нет, дед был очень беден, ночной сторож в церкви, но только благодаря ему были созданы все условия для учебы отца, чтобы он стал торговым агентом. Мои родители были верующими людьми, а точнее — католиками. Поэтому после окончания начальной и средней школы я поступила

в университет Фужэнь в Пекине. Это был миссионерский университет католической общины, где я училась на факультете китайского языка. В то время я тоже была верующей. Это потом потеряла веру в бога. Религия ведь держится только на вере. Первый раз моя вера была поколеблена, когда я еще училась на третьем курсе и принимала участие в демонстрации против голода и гражданской войны. Это были так называемые «события 20 мая». Второго июня гоминьдановцы ворвались в наш университет и стали хватать людей, а всем этим побоищем заправлял, оказывается, провокатор из университета по имени Сюй Цзыле. Боже! Твой агнец превратился в волка! А уж окончательно веру я потеряла, когда накануне выпуска мы принимали участие в движении за аграрную реформу. Это было вскоре после освобождения всей страны, во главе со старым ректором Чэнь Юанем мы все прибыли на Юго-Запад. И вот когда контрреволюционеры расправились с нашими однокурсниками Чэн Минжу и Чжан Кунем, я утратила веру в бога. Бог не спасает людей. Чтобы их спасти, надо надеяться на себя, на Коммунистическую партию. (Называть имена людей, она аккуратно записала их фамилии в нашем блокноте, говоря: «Ни в коем случае не ошибитесь, эти имена не должны быть забыты».)

После окончания университета меня распределили в среднюю школу преподавать язык, и так я проработала 33 года, пока в прошлом году не ушла на пенсию. Мне тогда исполнилось 57 лет, проработала лишних два года.

Университета Фужэнь уже давно нет, его слили с другим. Девизом нашего университета было: «Литература помогает найти друзей, а друзья делают человека гуманнее». Первым ректором был американец Оутур, членами попечительного совета — Чэнь Юань, который умер в Пекине, и Ин Цяньли, умерший на Тайване. Это были прекрасные высокообразованные преподаватели. Нас учили, что «на первом месте — моральные качества, на втором — здоровье, а на третьем — эрудиция». Нас призывали «не заниматься пустыми делами, не проводить время в неумеренных развлечениях» — это и есть Фужэнь, то есть «поддержание добродетели». Не знаю, сохранилось ли это в современном университете Фужэнь на Тайване. Ну вот, как вспомнила об университете, то сразу вон сколько наговорила... В действительности существует такое высказывание: «Руководствуйся в своих поступках добродетелью, пусть гуманность будет опорой». Это очень верно...

Когда начала преподавать, зарплата была 52 юаня. До установления системы зарплат был еще период «натуральной оплаты», потом мне положили 62 юаня, и, наконец, 78 юаней. И после этого зарплата уже не прибавлялась. 78 юаней — это в средней школе считается высоким окладом. Мы с мужем были однокурсниками, потом коллегами и даже одинаковые зарплаты получали. Нам приходилось содержать стариков — главным образом его семью, у моей семьи были деньги — и растить детей, но в общем сводили концы с концами. После «великой культурной революции» дети подросли, и жизнь стала лучше. Но денег все равно никогда не было: накопили — купили телевизор, еще накопили — приобрели стиральную машину, а еще подкопили — заболел муж... До самой его кончины я не знала, что у него были припрятаны эти 523 юаня.

Эх, кое-что из-за разницы в опыте и возрасте вам не совсем понятно. Это так же, как в преподавании. Нельзя изо дня в день талдычить прописные истины, а надо говорить полезные, актуальные вещи, которые отражают суть действительности. Итак, сначала я была католичкой, верила в бога, потом поверила в коммунизм. Все-таки оставалась верующей, но только верила я не в дело коммунизма, а поклонялась нашему Председателю как богу. «Великая культурная революция» все перевернула, я снова стала верить в бога, искала душевную опору. После разгрома «банды четырех» я снова стала верить в партию и народ, и это уже была вера без божества. Мы, наше поколение, уже больше не верим в отдельную личность, а верим в то, что интересы Родины превыше всего, верим в партию. Пусть даже партия и допускала ошибки и далеко не всегда была права, однако только она может спасти Китай... По-моему, в этой вере — суть китайца, его душа.

Вклад на восстановление Великой стены был самым большим в моей жизни. Несколько лет назад мы устраивали вечер встречи школьных друзей. Не сговариваясь, внесли с мужем по 10 юаней, так и не зная, для чего. На раненых сдали 1 юань, еще 1 юань — в пионерский фонд, 10 фэней сдали на сохранение бамбуковых медведей. На это не хотела сдавать, но школьники ходили за мной по пятам,

я и дала, чтоб только отстали. Я не люблю животных, хотя и знаю, что это «национальное богатство», связано с экологическим равновесием, но все равно не люблю. И хотя я была верующей, считаю, что мир таков, что некоторым животным все равно не выжить, и чем раньше они вымрут — тем лучше. Нет, больше всего мне надоели различные птицы.

Больше у меня денег нет, а если бы и были, внесла бы еще на восстановление Великой стены. Хочется узнать, на сколько же километров она простирается. До сегодняшнего дня известна только приблизительная длина, точной цифры нет. Да, денег у меня не много, многого я и не смогу сделать. А среди ваших читателей найдутся желающие внести деньги для точного определения длины стены? Правда, я не знаю, сколько на это потребуется, ну да не мне об этом говорить, не мне голову ломать... Извините, это разговор уже особый.

Перевод с китайского И. Б. Кульчицкой

Доктор Ян

Квартира в стандартном панельном доме. Ванная, кухня, узенький коридор и на две стороны комнаты. Общая площадь — тридцать семь метров. В большей комнате живет заместитель заведующего урологическим отделением Ян Вэньчи и его супруга, в меньшей — двое их сыновей.

Операционная на пятом этаже; за день я поднимаюсь туда несколько раз, взлетаю одним махом, лифтом не пользуюсь. Никакой одышки, натренировался бегом. Ректор нашего медицинского института устраивает соревнования по бегу, два года я держал первенство в группе пожилых. Стареть нельзя. Постареешь — руки начнут дрожать, не сможешь оперировать. Сосуды в органах такие тоненькие, малейшее неточное движение — и лишишь их жизненной силы. Потому-то я тренирую ноги, поясницу. Как почувствую, где что сдает — сразу за тренировки. На днях за операционным столом руку судорогой свело, пришлось усилить тренировки. Сейчас мне пятьдесят восемь, думаю работать до шестидесяти пяти.

Я делаю операции по поводу почечнокаменной болезни, простатита — это основная работа урологов. Кроме того, делаю операции в связи с планированием рождаемости, в основном перетягивание семенных канальцев — это один из способов стерилизации мужчин. Планирование рождаемости — политика нашего государства, а в медицине такой специальности нет, есть гинекология и урология. Наш скальпель маленький, быстрый, точный, не оставляет следов. Моя методика операций была предложена к внедрению на всекитайском специальном совещании. У нас в Китае методы планирования рождаемости распространяются удивительно быстро. Сейчас во многих местах уже применяют метод инъекций — более прогрессивный, чем перетягивание. А другой, еще более прогрессивный метод проходит испытания. Но перетягивание тоже широко применяется, несколько не устарело. Я в составе бригады медиков ездил в Сишуйанбаньна. Вели там и пропаганду планирования рождаемости. Среди населения районов нацменьшинств нельзя действовать строгими ограничениями, надо всячески разъяснять, внедрять методы, а иначе ничего не получится. В тех краях в каждой деревне по-своему решают «планирование» — где мужчин стерилизуют, где женщин. В одном селе пилюли глотают, в другом — презервативами пользуются. Это не экспериментальные участки, а просто о чем раньше узнали, во что поверили, то и берут на вооружение. В одной деревне первым стерилизовали мужчину, и все убеждены, что стерилизация пилюли — дело хорошее; в другой деревне какая-нибудь женщина начала принимать пилюли — и все считают, что именно этот способ наилучший. Увидев, как прост наш метод стерилизации мужчин, руководитель гинекологической группы нашей бригады надумала перенять мой опыт, перейти на операции по стерилизации мужчин. Но я сказал ей: «Не выйдет. Вы, конечно, со всей душой, но люди не примут этого». Вообще-то

женщины оперируют мужчин, но когда речь идет о половых органах, хе-хе, тут уж, будьте любезны, делайте каждый свою работу.

Ходят слухи, что со следующего года разрешат рожать второго ребенка. Пустая болтовня. Это абсолютно невозможно! Данные прошлогодней переписи населения показывают лишь одну сторону дела, а у нас имеются свои данные, проанализированные с точки зрения специалистов. И вывод только один: в нашей стране народу слишком много. Сорок с лишним лет назад в Пекине было всего миллион с небольшим. А сейчас? Восемь миллионов, девять, десять? Это и называется демографический взрыв. Сколько уж лет наше государство и призывает, и применяет административные меры к тому, чтобы рожали только одного ребенка! А до сих пор вон сколько женщин второго рожают! Да и пятого! Задача эта сложная и не скоро решается. Кроме всех этих проблем, мне еще приходится улаживать семейные конфликты. Вполне серьезно, не смейтесь.

В Китае довольно много семей, несчастливых из-за половых проблем. Если бы мы провели обследование... подобное тому, которое проводилось в сороковых годах в Америке, то данные по Китаю оказались бы потрясающими. При рассмотрении разводов в суде они мотивируются только политическими или экономическими причинами. А знаете ли вы, сколько разводов происходит из-за разлада половых отношений? Думаете, супруги ссорятся только из-за еды или дров? Вовсе нет! Просто скрывают истинную причину. А очень многие даже не знают ее. Им только кажется, что они знают, а на самом деле ссоры возникают из-за полного невежества в вопросах пола. А некоторые, хоть и понимают, в чем дело, помалкивают, берегут семейный покой.

Был у меня один пациент. Долгое время у него с женой не было детей. Осмотрел его, обследовал — никакой патологии, а детей нет. В разговоре выяснилось, что он не знает элементарнейших вещей половой жизни! И это человек с высшим образованием! Пригласил жену, поговорил с ней, очень осторожно кое-что разъяснил. Ох, хоть показательный урок на месте устраивай! Молодежь тоже ничего не знает. Тут молодые жены одни на второй день поссорились, а через две недели жена уже потребовала развода — муж, мол, больной. Отец парня заволновался, обратился к доктору из нашего института, своей дальней родственнице. Ну, стали полегоньку выспрашивать, он стесняется, краснеет. Короче говоря, оказалось — просто неумение. Пришлось растолковывать ему, как дело поправить, каким бережным, ласковым надо быть с девочкой. Ведь она жена ему! Потом все наладилось, приходили ко мне с ребенком. Однажды та женщина-доктор, что приводила ко мне парня — не могу вам сказать, какая у нее специальность, речь сейчас не о том, — разговорившись со мной, призналась, что для нее это всегда было только постылой обязанностью: наступает вечер, как лягут — давай. Кончил, что ли?.. Меня это расстроило. Ведь она же любит своего мужа, всю жизнь вот так. Увы! Половая холодность — чаще всего результат незнания.

У нас в стране очень слабо ведется половое воспитание. За границей, на мой взгляд, его начинают слишком рано и чересчур широко — через общественные каналы и средства информации, через иллюстрированные издания, обнажающие сокровенное. Но у нас-то вообще ничего не делается! Молодые супруги, оказывается, думают, что если полежать рядом, родятся дети. И даже аспиранты! Ну куда же это годится? Слышал, что недавно начали понемногу вводить уроки физиологической гигиены в средней школе. Несколько лет назад при переиздании книжки «Сведения о полах» что-то сократили, а взамен добавили раздел о планировании рождаемости. Тоненькая такая брошюрка, автор — мой старый приятель. При встрече я поблагодарил его, а он замахал руками: «Что ты! От читателей получаю горы писем, некогда отвечать». Книжку в момент раскупили, а на черном рынке продают втридорога. Готовятся к выпуску еще несколько таких книг, можно только порадоваться.

Конечно, это все уже за стенами моей амбулатории или клиники. Речь тут не только о проблеме пола, но и об общечеловеческой, огромной проблеме отношений между людьми. Из-за незнания нет лада в семье. Столько ненужных ссор, скандалов, обид! Молоденькие женщины, забеременев вне брака, кончают жизнь самоубийством, боясь взыскания. Какая бессмыслица! А иные люди ведут себя безобразно. Знаю одного человека: с женой отношения плохие, живет с ней под одной крышей много лет, а интимных отношений не поддерживает и развода не дает. Он на государственной службе, а живет нехорошо, безнравственно. Висшие это, правда, никак не проявляется. Как со стороны увидеть? Таким людям я советую развестись.

Недавно я ездил на три месяца в Японию по линии научного обмена. Мне всегда казалось, что в Китае высокий ритм жизни, но то, что я увидел там, — страшное дело. При переходе улицы на зеленый свет люди несутся, как боевые колесницы. Многие женщины носят брюки в обтяжку, туфли на высоченных каблуках, а ходят очень быстро. Я попытался было идти с ними наравне, незаметно, конечно, чтобы люди чего доброго не подумали, что человек в годах ведет себя неприлично — гоняется за дамочками. Да где там, не угнался! Япония, разумеется, произвела на меня прекрасное впечатление. Побывал в Токио, Осака — операции, доклады, множество встреч, носился, как студент. Вообще мы, китайцы, выносливы и вовсе не глупы. Я вот поездил и пришел к выводу, что нет в мире наций, которые могли бы столько вынести. Конечно, со мной случай несколько особый, я упрямо бегаю на длинные дистанции, сохраняю форму.

По моему разумению, многим нашим начинаниям недостает научного подхода и планомерности, поэтому-то мы отстаем от других. Ну, например, вы приходите в Японию на супермаркет; цены на овощи умопомрачительные, не подступись. Но люди покупают полкочана капусты, пару луковок. Нам в Китае такое даже в голову не придет. Овощи тщательно вымыты, завернуты в пластиковые пакеты. Красота! А у нас? Покупают лук — десятками цзиней, капусту — сотнями, картошку, шпинат — корзинами, вязанками. Считается, что так экономнее, выгоднее. А на деле? Значительная часть листьев выбрасывается — сгнившие, недоодежные. Взять, например, капусту: от поля до продажи в городе она огромный путь проходит. А сколько труда и денег это стоит! Да еще с землей привезут. По-моему, выгоднее вымыть и продать поменьше. Наверное, разница между количеством выращиваемых у нас овощей и съедаемых в конечном счете горожанами огромна. А какая напрасная трата средств!

Это, конечно, никак не связано с моей профессией, но поразмышлять над некоторыми вещами очень даже стоит. Ну вот, например, нашему институту полагаются автомашины. Раньше их было всего две, но они всегда были наготове к вызову. Сейчас добавили еще несколько, а приходится брать машины со стороны. Вроде бы и машин и шоферов хватает, но у них такое мелочное разделение труда! Машина есть, но шофер уже ушел, отработав свою смену; у второго шофера машина в ремонте. Казалось бы, он может работать на другой машине? Ан нет, не положено. «Это не моя машина, а вдруг что случится? А если у закрепленного за ней шофера будут претензии, отвечать вы будете?» Одним словом, бездельничает. С этим даже ректор института ничего не может поделать, потому что он сам установил «систему персональной ответственности». Приходится заказывать машину на стороне, и она приезжает, когда надо. Люди со стороны оказывают начальнику уважение. Как же! Ректор медицинского института, ответственное лицо! Но в своем институте это ему несколько не помогает.

Раз дело касается большого политического мероприятия, его надо очень тщательно обдумать. Вот говорят, что «рожать только одного» — это самая эффективная мера. Теоретически через полстолетия население Китая сократится на семьдесят процентов. Но вряд ли это можно осуществить за пятьдесят лет. Полстолетия — это сколько поколений? Два. Значит, в течение жизни двух поколений должны произойти огромные изменения в структуре семьи и общества: не будет ни сестер, ни братьев, родных и двоюродных — все это останется в прошлом. Но все же это не будет общество, лишенное родственных связей, ведь будут тещи и тесты, свекоры и свекрови! Обдумывая формы и содержание нашей пропаганды в этом вопросе, я от души поддерживаю другой недавний лозунг: «Рожать одного, а потом эти единственные дети, создав семью, смогут иметь уже двоих детей». Если не дать людям хоть немного надежды на будущее, нечего и толковать, что мы, китайцы, ценим, мол, человечность.

Прежде чем поехать за рубеж, я полгода с отрывом от работы занимался английским, знаю основы японского. Мы с женой закончили институт в начале пятидесятых годов, чтение и использование материалов на английском языке для нас не составляет труда. А вот понимать речь и говорить самим пришлось учиться заново. Это совсем не трудно, но надо учиться! Я же говорю вам, китайцы очень даже неглупы, ума хватает. Вот только на что его употребить?

Из газет я больше всего люблю читать «Бюллетень информации». Зашел я как-то в комиссионный, купил большое увеличительное стекло, сделал подставку и поставил перед бюллетенем. Маленькая информация превратилась в большую — в информацию

больших иероглифов. Несколько дней назад отмечали юбилей медицинского института, но выпускников собралось немного, большинство не знали о праздновании. Я сказал в парткоме: «Почему вы поместили извещение о юбилее в большой газете? Большие газеты мало кто внимательно читает. Надо было в «Бюллетень информации» поместить. Увидели бы, сколько народу пришло! Мозгами шевелить надо!»

Я не сплю после обеда — привык, когда ездил с бригадой. Там было не до сна. Возвращаюсь в клинику, нахожу себе какое-нибудь дело в обеденный перерыв. И так уже десять с лишним лет!

На Первомайские праздники каждое отделение получило по несколько билетов на народное гулянье. Сыновьям не дали, жена всю неделю была очень занята и в выходной никуда не захотела идти, все жаловалась на усталость. Я отправился один. Сел на велосипед, и через сорок пять минут я был во дворце культуры трудящихся. Послушал, как поют самодеятельные певцы — некоторые пели вполне прилично. Полюбопытствовал, как сделаны игровые электронные автоматы. Не играл, только изучал. Группа молодежи танцевала под проигрыватель, танцевали из рук вон плохо, в вальсе зад не повернут, плечами не поведут. Я? Я-то умею. Я завзятый танцор. В начале пятидесятих годов я очень увлекался танцами, мог кружиться по сто раз и больше. За вечер менял несколько рубашек, не хотел, чтобы девушки почувствовали запах пота. Это называется соблюдать приличие. Учить? Куда мне! Разве послушают меня молодые люди? А танцевать все же хочется, у любителя танцевать нередко ноги так и чешутся. Не танцую! Подчиняюсь законам природы, мое солнце уже на закате, поезд ушел.

Меня часто приглашают в другие клиники на особо сложные операции, но я совершенно отчетливо сознаю, что в науке мне далеко до моего отца, до его глубины, тщательности и старания. Он был ректором медицинского института в Даляне, потом в Кайлуанском районе, сейчас уже на пенсии. Ему восемьдесят девять лет, он ведет очень размеренный образ жизни: утром рано встает, читает, после обеда спит, потом работает — пишет книгу. Он занимается теорией. Покупает старые книги по клинической медицине на английском, французском языках, кряхтя и отдуваясь приносит их домой и усаживается читать. Он не преследует никаких корыстных целей, и это очень не просто. На меня он смотрит несколько свысока и снисходительно, а я преклоняюсь перед его умением довольствоваться малым и отдаваться чистой науке. Такой убежденности и вере в свою правоту научиться очень трудно.

В сравнении с отцовской убежденностью о моей вере в себя надо говорить, употребляя сравнительные степени прилагательных, как в английском языке. Бывают случаи, конечно, когда без твердой уверенности не обойтись. В Сишуанбаньна у нескольких человек из медицинской бригады вдруг поднялась температура, сильнее всего лихорадило меня. Провели обследование, сделали анализ крови. Ничего не нашли, а жар держится. Решили, что это какая-то реакция на непривычные местные условия. Товарищи по бригаде беспокоились за меня, предлагали сделать укол сильнодействующего жаропонижающего средства, но я отказался и принимал только аспирин. Того жаропонижающего было совсем немного. Если его изведут на меня, чем же тогда других лечить? В такой ситуации самое главное не поддаваться панике, не страшить самого себя догадками, а не рак ли это, не тропическая ли лихорадка.

Слышите, барабанят в дверь. Это, наверное, мой ожидающий работы отпрыск вернулся, пойду открою.

Младший сын. Учиться не хочет, в институт не прошел, мечтает только об одном — выучиться на шофера грузовика. Мне это не нравится — водить машину. А если, не дай бог, авария? Он говорит, что сам за себя отвечает, да несерьезно это. Он еще ребенок, и отвечаю за него пока что я!

Перевод с китайского Т. Н. Сорокиной

Маленький предприниматель

В конце рабочего дня в вагоне метро давка. Лишнюю толчею создает прислонившийся ко входу мальчишка с черным от угольной пыли лицом, сгибающийся под коромыслом, которое намного длиннее его самого. На коромысле с одной стороны укреплены машинка для изготовления кукурузных хлопьев и жаровня, с другой — кузнечные мехи в повину человеческого роста. «Ты куда это собрался?» — от нашего вопроса он расплылся в улыбке, обнажив белоснежные зубы.

Куда? В Бабаошань! (Вагон взрывается от смеха. Бабаошань — самое крупное в Пекине кладбище с похоронным бюро и крематорием). Ну и что тут смешного? Вам бы, в городе, все смеяться. Вам все хи-хи да ха-ха. Я живу в доме для приезжих при Бабаошани, спим в комнате вповалку человек двадцать, зато с каждого — только по 70 фэней.

Мне уже тринадцать, я из провинции Аньхой, живу в деревне Фуян. И приехал я не один, со мной еще старший брат и четверо из нашей деревни. И у каждого своя такая машинка, днем ходим повсюду, продаем хлопья, а вечером встречаемся в доме для приезжих. Каждый сам по себе, у всех свой счет.

Учился, закончил четыре класса. Когда семья взяла подряд, поле поделили. Отец говорит: «Кончилась твоя учеба, малыш, будешь работать в поле». А я и так не любил учиться. Какой в этом прок? В семье у нас 8 человек: бабушка, папа, мама, два старших брата, я, да после меня еще брат и маленькая сестренка. В деревне дворов тридцать, все работают в поле. И даже когда уходят в армию, то все равно после службы возвращаются в деревню. Вот еще недавно в армии было здорово, можно было вступить в партию и потом вернуться в деревню и стать «властью»: попасть в партячейку или стать чиновником, заправлять делами либо управлять людьми. Все кругом уважали бы! А сейчас уже не то. У каждого своя земля, свой подряд, наплевать на другого. И в армии сейчас служить без толку. А мне бы только денег подработать — у бедняка на уме только деньги. Конечно, деньги — чешуя, но уж больно хочется получить «навар».

Ого! Вы ничего не знаете! У нас в прошлом году был неурожай, и все зерно с подрядных полей и даже то, которое надо было сдать государству — все пришлось съесть, и этого-то не хватило. Поэтому, знаете, сколько наших пришло в этом году промышлять в город? Конечно, нам оказали помощь зерном, одежду прислали из провинции, и все бесплатно. Но это все временно, от бедности не спасет. С голоду умереть не дали, но, понятно, достатка не прибавилось. Правительство решило, спасение — в развитии производства, значит и нам можно отправляться на приработку в город. Ну, и мужчины, кто умеет делать хлопья, стали отправляться в Бэнбу, а кто в Хэфэй — на строительный подряд. Это вместо того, чтобы работать на государственной стройке. А женщины подались в город в услужение. Никто с протянутой рукой ходить не стал. В деревне таких нет — это зазорно, да и правительство не разрешает. К тому же можно спокойно жить на то зерно, что государство присылает. А в город все отправились, чтобы подзаработать. А милостыней много зарабатываете?

Отец и старший брат остались работать в поле. А мы с другим старшим братом отправились в город. Знаете, какая это дорогая машина — 80 юаней. Моим пришлось для этого взять ссуду. Но сжав зубы купили, а деньги потом понемногу вернем. Это не так сложно, крестьянам в районах бедствия ссуду дают не под проценты. Сколько взял — столько и возвращай. Мы взяли ссуду в 200 юаней. Две машины, считай, 160 юаней, остальное — на дорожные расходы.

Когда уходили из деревни, то зерно на следующий срок еще не давали. Весна для деревни — беспокойное время, а если двумя ртами меньше — семье легче. Почему непонятно? Хлеб раздают по числу едоков. В прошлом году записали, что у нас в семье 8 человек. Каждый раз и будут выдавать на восемь, так что нашим останется две лишние доли. И вот мы из Фуяна вшестером добрались до Хэфэя. Мы аж скрючились — до того машинки и мехи тяжелые. Шутка ли, это 50—60 цзиней. Я самый младший, и одному мне бы такую тяжесть не утащить, если бы брат не помог. Остальные? Они и то могли сделать лишь несколько шагов. А когда пере-

распределили груз, мне стало под силу. Спасибо, что они меня с собой в компанию взяли. У нас есть вожак, не раз бывал в Пекине, все дороги знает. Сперва мы были с неделей в Хэфэе, а как заработали на билет до Пекина — айда сюда. В больших городах заработать легче.

Хэфэй мне не понравился — народу полно, и все хотят подкалывать. Таких, как мы, пруд пруди. Как слышишь «бу-бух!» — понятно, не суйся, там уже другой. Кто такие «взрывники»? Так это мы себя так называем. Когда открываешь машинку с готовой порцией, слышно буханье, похожее на взрыв. Отсюда и название. С нас за эту машинку, заразу, как только приехали в Пекин, уже содрали штраф. Мы не знали, думали, раз заплатили за билет, то достаточно, а за нее, оказывается, надо было доплатить как за багаж. Выкладывай деньги за превышенные веса. Дали квитанцию, а на кой она нам? Я же не чинуша какой-нибудь там, чтобы мне оплатили багаж. А бумажку эту, чтоб ей пусто было, порвал.

Вышли с вокзала, наскребли в карманах горсть мелочи — хватило как раз каждому по две миски лапши. А уж после еды принялись «взрывать». За вторую половину дня каждый заработал по два с лишним юаня, пошли устраиваться на ночь. Расходы на ночлег тоже записываются на счет. Но та, первая гостиница была очень дорогая — полтора юаня за ночь. Потом прослышали про дом для приезжих рядом с кладбищем, узнали, что здесь недорого, и переехали сюда. И правда, совсем неплохо, да и дешево. А то, что далеко от города — совсем не страшно: есть метро, 10 фэней — и ты в городе.

Мы в Пекине уже больше 20 дней, в день набегают 2 юаня с лишним, а если повезет, то и больше четырех. Тащишь машинку на плече, подходишь к дому и кричишь: «Кому хлопья!» А стоит одному спуститься, как уже собирается толпа. Хлопнем да крикнем — и всем ясно, что это мы пожаловали. Сами несут зерна, я же только слежу за машинкой и с каждого беру по 20 фэней. За эти деньги я беру мешочек кукурузы, и получается намного дешевле, чем покупать готовые хлопья у государства. А иногда денег не беру, а прошу: «Дай мне карточку на 5 фунтов хлеба, я бесплатно сделаю». И им хорошо. Ведь у городских талонов навалом. А мне они нужны, чтобы питаться, иначе бы мне еда обходилась дороже. Миска лапши стоит ведь 5 фэней! Иногда я выпрашиваю себе уголь — это у ребятни. Прошу их из дома утащить несколько кусочков, а за это им дарю по большой пригоршне хлопьев. Все равно дома уголь никто не считает. А так у меня и уголь для жаровни есть. Городские власти в Пекине на все ввели ограничения, даже с углем строгости. А ежели ты издалека, да еще без карточки — пиши пропало. Ну, а мне дети из дома таскают.

Судя по сборам, я бы еще промышлял до осеннего урожая. В день из выручки откладываю больше юаня, в месяц это за 40 юаней, а на эти деньги можно купить 400 цзиней грубого зерна (то есть необмолоченного). Вот это сила!

Это я уже почувствовал. Дети кадровых работников зазнаистые! Я с ними не связываюсь, у них отцы вон какие! Обзываются, говорят, что я «деревенский кулачок». Я раньше не понимал, что это значит, а теперь знаю. Ну насмешники, любят позубоскалить, заразы, а я же больше похож на «взрывника». Доведись бы Пекину пережить то, что нам пришлось, небось сами себя не прокормили бы. Ну нет, к нам бы прибежали, деревенским, за помощью. А больше всего ненавижу, когда начинают про высокие материи разговаривать. Тут я их начинаю донимать. Поспрашивают-поспрашают, а потом начинают изрекать истины — мол, я не хочу в школу, это очень серьезно, какая-то там, черт дери, общественная социальная проблема. Вот, заразы, при чем тут общество и какие тут проблемы? У меня и рекомендательное письмо от производственной бригады есть, казенная печать на нем. Я ведь приехал не потому, что с голоду умираю, а подзаработать. А учеба... Захочу — пойду учиться, а не захочу — не пойду. Кому какое дело? Имею право! Сказать по совести, после курса партии на подряд стало жить легче. Если чувствуешь в себе силы — зарабатывай. Ведь каждому свое: кому богатство и слава, а кому бедность и нищета. Вот ужас-то был, когда произошло бедствие. Если бы не это, мы бы уже построили новый дом. Поэтому мне и надо денег подзаработать. Отец сказал, если в этом году все будет хорошо, то по весне на следующий год все равно будем строить новый дом, а как поставим — красота! Старший брат женится, второй брат объявит о помолвке, повезем невесте свадебные подарки. Хоть бы весна не запоздала, тогда будут надежды на

будущее. Мне кажется, за городскими за всю жизнь не угнаться. Уж они транжирят деньги! Как посмотришь, будто не знают, что такое бедность.

Я уж теперь наловчился — хлопья делаю не только из кукурузы, но и праздничные, из смеси. А уж новогодние — язык проглотишь! В деревне хлопья просят делать цветные и сладкие: красные, зеленые, пальчики оближешь. А эти пекинцы — чудные. Ну что они понимают! Едят только белые, говорят, что от краски и сахара может быть рак. Вот чепуху несут! Откуда же ему быть, если я добавляю корни и семена цветов и трав! После обеда не разрешают шуметь, чтобы не потревожить сон кадровых работников. Пекинцы, уж они о себе заботятся, они себя холят. Ну, а мне-то что! И я, черт меня подери, могу прикорнуть где-нибудь под деревом ненадолго.

Кроме площади Тяньаньмэнь я ничего в Пекине не видел. А вот уж накоплю денег, справлю себе новую одежду, чисто вымоюсь и погуляю несколько дней перед возвращением домой. Вернусь и своим в деревне наплету до небес. Тогда и машину свою продам. За сколько купил — за столько и продам. В Пекине таких не делают. Меня ведь все время спрашивают, не хочу ли я ее продать. А по-научному эта машина называется «переносной агрегат по производству воздушных хлопьев для всех видов зерновых». Высший класс!

А налоговые инспекторы в Пекине намного лучше, чем в Хэфэе. Они не обращают внимания на наш грохот, не берут с нас налогов. А в провинции с нас драли по 50 фэней в день. Позавчера наткнулся на одного налогового инспектора, он и спроси меня про налог. Так я отвечаю: «А я не знаю, как это делается». Прикинулся дурачком. Ну, он стал выпрашивать, откуда я, сколько мне лет, а потом и говорит: «Ну ладно, ты из пострадавшего района». А еще добавил: «Рано тебе работать, как вернешься, иди в школу, ведь тебе только 13». Какое там учиться, мне денег надо подработать. За машину, за билет надо деньги вернуть, да еще чистыми привезти 200 юаней. Так было решено перед отъездом из дома. Но и когда вернусь, учиться не пойду. Буду работать в поле, хочется разбогатеть. А если снова случится бедствие, снова буду «взрывать». И только это. Слышал, что в Пекине мусорщики больше зарабатывают, чем мы, «взрывники». Но я вам скажу, я бы не стал таким позорным способом зарабатывать деньги. Я имею дело с техникой. А чтобы я в мусорщики пошел!

Не, не скажу. Вы хотите знать мое имя? Конечно, оно записано в рекомендательном письме, а письмо оставлено под залог в гостинице. Мы сейчас ночуем, а расплачиваться будем потом. А если бы мы не оставили письмо, в гостинице бы думали, что мы сбежим... Конечно, может когда и встретимся. Я целыми днями «грохочу» по городу, можем увидеться. А потом, как я сказал, если снова будет бедствие, опять приеду в Пекин подзаработать...

Перевод с китайского И. Б. Кульчицкой

«Мотылек в бутылке», вот что я такое

«Цзиньлин» — только что отстроенная гостиница высшей категории в Нанкине, похоже, пока она пустует. Десять часов вечера, швейцар клюет носом, говорит: «Хотите спокойно поговорить — идите в «Победу», там в кафе свободный вход». Неожиданно на его усталом лице появляется улыбка: «Сходите обязательно, там вся шикарная публика собирается».

В кафе «Победа» можно выпить и пива. Между столиками танцующие, плата за вход один юань.

Ло Бинь, 19 лет, потягивает пиво и курит нижонские сигареты.

Сами-то не из Нанкина? То-то же, гляжу, вы ничего не смыслите! Кафе в Цзиньлине — экстра-класс, там даже пол вращается, а нас туда не пускают! Во всем Нанкине, мать его, нам только здесь и разрешают повеселиться. Магазин «Дружба» с нами-то не дружит, китайцы, видишь, не допускаются! И «Цзиньлин» туда же! Взять бы его да расколошматить!

Да я знаю, скажете, у нас слабая материальная база, мы нуждаемся в иностранной валюте, необходимо создать условия для иностранных гостей — сто раз слышал! У вас своя правда, у меня — своя, нам с вами не по пути! А что — слабо записать, что я говорю, и напечатать! Вот пусть люди рассудят: почему в Китае жителям Нанкина запрещен вход туда, где иностранцы? Никуда ходу нет — ни в Диншань, ни в Шуэньмэньлоу, ни в тот же Цзиньлин. Даже в этом чертовом магазине, где торгуют предметами искусства, надпись «Обслуживаем иностранцев». Жителям города запрещен вход в магазин для зарубежных китайцев, а те немногие, кого туда пускают, не имеют права покупать в магазине «Дружба», а вот иностранцы куда хочешь ходят. Разве это справедливо? Мой отец, между прочим, партийный. Я его спросил: «Это что, в духе марксизма-ленинизма, который ты исповедуешь?» Притворился, что не слышит.

Верно, верно, есть районы, куда иностранцев не пускают, да ведь туда и я не попаду! Иностранцам, к примеру, не разрешают фотографировать с парохода Нанкинский мост через Янцзы, так ведь и мне запрещено. Да у меня и аппарата-то нет!

Я отношусь к ожидающим работу. Только я в это свой смысл вкладываю. Поставить лоток и получить лицензию на торговлю — это не значит коротать время в ожидании работы, у этих людей есть свое дело. А я вообще ничего не делаю, сижу на шее у своих. Пару дней назад одна иностранка меня спросила: «Ожидающий работы это то же, что безработный?» По-китайски здорово шпарила, совсем без акцента. Прикидывалась, паразитка, все она прекрасно понимает. Я ей говорю: «Безработный — это человек, который потерял работу, а ожидающий работы — это человек, который должен получить работу, разве это одно и то же?» Она и говорит: «Складно отвечаешь». А я ей: «Так вы складно спрашиваете!» Не хотелось связываться. Я про себя подумал: «Жена ты мне, что ли, всякую ерунду тут с тобой обсуждать!» Ну, на лице улыбочка, все как положено, и разговор любезный. Я, мать вашу, соображаю, одни иностранцы к нам едут с дружескими чувствами, другие — шпионить, выведывать секреты. Большинство повеселятся, кой-чего разнюхают смеха ради — и домой. А дома сразу за писанину, и в газеты корей, чтобы билет окупить. И развлеклись бесплатно, и прославились. Что, не так? Именно так. Но вы-то ни в чем со мной не соглашаетесь! Разная у нас правда. Вы, писатели, кучу денег гребете, потому у вас на уме одно, на языке другое! Оттого правда у нас разная! Да, кто две строчки нацарапает, тот и писатель, и уже выше меня. Только плевал я на них, эта шайка только людей морочит. По мне, так Лю Биньянь, может, единственный честный писатель из всех. Не сердитесь, не о вас речь, черт возьми, сами же просили меня повиноваться велению души и сердца. Что значит, откуда у меня такие выражения? По телеку в рекламе каждый день твердят: «Велит душа и сердце твое, покупай электронику фирмы Санъё». Так наслушался, что от зубов отскакивает, по привычке, черт подери, вставляю. Ругнуться я не дурак, привычка у меня такая. А кто не любит ругаться? Такого, небось, во всем мире не сыщешь.

Это как взглянуть. У нас в стране сейчас ожидающей работу молодежи хуже всех приходится. А что я? Я из них самый горемычный, дошел до ручки. Есть, конечно, и хорошие ребята, учатся, мечтают выйти в люди, служат обществу и все такое. А я из другой породы. В этом мире нельзя быть слишком хорошим или даже просто хорошим, хорошие люди всегда в дураках. Не следует, конечно, и закон нарушать, того не стоит сидеть в тюрьме, есть там всякую дрянь. А я, черт побери, живу себе — не тужу.

Ха-ха-ха! Это вы в точку попали, отсталый я элемент.

Честно говоря, я хочу работать, мне вовсе не нравится такое бессмысленное существование. Только я нигде не нужен. Если бы я мог пристроиться, я бы не слонялся без дела. Но всем этим чертовым конторам подавай студентов. Кому нужен такой, как я? У меня даже аттестата полной средней школы нет, я из семи

экзаменов шесть завалил. Физкультуру сдал, да кому это дерьмо нужно! Так что живется мне несладко! Болтаюсь без дела, негде разрядиться, поэтому и пришел сюда. Потанцевать, выпить, потрепаться со знакомыми и незнакомыми. Привык, уже не могу жить по-другому, даже если приходится деньги одалживать. Представляете, отец дает мне в месяц 10 юаней, на сигареты — и то не хватает, где по-вашему я могу достать денег на развлечения? Не бойтесь, я не краду и не убиваю. Просто я кое-что смыслю в перекупке, ясно? Никакой контрабанды, чистая перепродажа. К примеру, местные джинсы продаю как импортные. В Гуанчжоу ими торгуют по 4 юаня за пару, приятели привезут несколько дюжин, а я здесь толкну по десятке. Кое-кому нравится, когда их водят за нос, и поделом им. Спекуляция? Есть маленько. Я эти дела держу в тайне, даже отец не знает. Он же партийный, как вол вкальвает для народа. Я бы тоже стал волон, да где, мать ее, телега? Где земля? Нет, я дикий буйвол.

Кто, я? Конечно, верю в коммунизм. Не надо путать разные вещи, с коммунизмом все в порядке. Лично я полностью за старика Дэна, не будь его, нас бы давным-давно отправили к черту на рога в горы и леса! А благодаря реформе крестьяне всю землю разобрали в аренду и с отправкой молодежи в деревню на поселение покончено. Пусть я голь перекатная, а все не поехал бы в эту проклятую деревню вкальвать. К тому же жизнь у нас стала лучше, открытая политика — все благодаря Дэну. Великий он человек!

Моя фамилия Лю, родился в 1964, в этом году 20 исполнится, в следующем месяце день рождения. В школе я был как все, ничего особенного. С сентября 1982-го жду работы, скоро два года будет, мало радости, черт побери. Уличный комитет направил меня на временную работу кипятить титан. Я через два месяца смотался — неинтересно и платят мало — 50 юаней в месяц. Да вы не понимаете — с этой работы сразу на постоянную не перейдешь. И вообще, такой ерундой заниматься — все тебя презирать будут, лучше уж подождать. Я просил друзей что-нибудь подыскать, но ничего не вышло. У меня ни положения, ни денег. Отец — кадровый работник низшего звена, даже до начальника отдела не дослужился. Кому я нужен? Угораздило меня родиться в такой занюханной семейке. Пусть бы отец хоть рабочим был. Вышел на пенсию, а я, как принято, его место бы занял. Так он на мою голову номенклатурой оказался!

Так-то так, только на себя и приходится рассчитывать. Много ли таких у нас найдется? Все связи ищут! Ну что, опять не согласны? Разная у нас правда! Слыхали, как говорят: «Или власть, или деньги есть, драгоценностей не счастье, руль крутить имеет честь; проводник иль продавец, управленец-молодец, есть в жил-быте две руки, на Тайване старики». Такие все ходы-выходы знают. Последняя категория привилегированных — те, у которых «на Тайване старики», появились недавно. А я мелкая сошка. Мое положение еще хуже, чем всех этих девиц-замарашек. Такая выскочит за одного из привилегированных и за одну ночь из щипаной курицы в лебедушку превратится.

У меня-то такой возможности нет.

Мне ничего не светит. Одна надежда, что государство разбогатеет — тогда и моя жизнь лучше станет. Мне нечем гордиться, кроме того, что я китаец. У меня есть гражданские права, могу участвовать в выборах. Не выношу, когда китайцы перед иностранцами расстилаются. Вы только загляните во все эти магазины «Дружба».

Если бы я стал начальником, перво-наперво позакрывал бы все эти «Дружбы», «Цзиньлины» вместе с этим кафе — здесь ведь нет ни одного порядочного человека. Я считаюсь еще самым приличным. Только мне не светит выйти в начальники, разнорабочим — и то не пристроюсь.

В детстве, черт подери, такие были светлые мечты, очень хотел стать танкистом. Во дурак! Теперь, правда, я тоже не прочь поюевать, поучаствовать в мировой войне. Отдать жизнь за родной дом, за отчизну. Вот-вот, почему все о мире мечтают, а я о войне? А мне все осточертело, сыт по горло.

Я часто представляю себя мотыльком в бутылке — кругом светло, а выхода нет, и никто ту бутылку не разобьет. За два года такого здесь понабрался, черт подери, что, может, я и на заводе не смогу как следует работать.

Перевод с китайского Н. Е. Боревской

*Б. А. ГИЛЕНСОН,
доктор филологических наук,
профессор*

Военная проблематика, занимающая столь значительное место в творчестве Хемингуэя, выростала из его личного опыта. Еще в 1927 г. он писал в письме к Ф. Скотту Фицджеральду, что «война — благодарная тема. В ней концентрируется максимум материала, действие ускоряется, случаются разнообразнейшие события; чтобы накопить их в обычных обстоятельствах, потребуется целая жизнь»¹. Этот опыт Хемингуэй выстрадал.

Совсем еще юношей он стал участником первой мировой войны, где получил тяжелое ранение; позднее пережитое и увиденное нашло отзвук в романе «Прощай, оружие», во многих очерках и рассказах. Он был корреспондентом на четырех войнах. Сначала на греко-турецкой (1921—1922), откуда посылал репортажи в «Торонто стар». Потом стал свидетелем национально-освободительной войны в Испании, ставшей взлетом Хемингуэя — писателя, антифашиста и гуманиста. Два испанских года (1937—1938) Хемингуэя получили яркое отражение и в ряде таких репортажей и рассказов, как «Старик у моста», «Мадридские шоферы», «Американцам, павшим за Испанию», в сценарии «Испанская земля», в пьесе «Пятая колонна» и в великолепном романе «По ком звонит колокол». Был он корреспондентом и на второй мировой войне, вместе с союзниками высаживался во Франции в июне 1944 г., входил в освобожденный от нацистов Париж.

А до этого был Китай — поездка на китайско-японский театр военных действий в феврале — июне 1941 г.

Критическая литература о Хемингуэе необозрима. И все же в наследии Хемингуэя, да и в его биографии остаются малоизученные и недостаточно оцененные страницы. К ним относится прежде всего «китайский эпизод» в жизни Хемингуэя — его пребывание в Китае и написанные в это время статьи и репортажи². Поездка эта бегло освещалась в советской критике³, а публицистика, ей посвященная, не переводилась и не анализировалась⁴.

Накануне

Во второй половине ноября 1938 г. вместе с отступающими в Каталонии республиканскими частями Хемингуэй переходит французскую границу. Вернувшись на родину, он переселяется на Кубу, где неподалеку от Гаваны покупает старую усадьбу Финку Вихия. Живя попеременно то на Кубе, то на Западе США, он начинает энергично работать над романом «По ком звонит колокол», который был опубликован в октябре 1940 г. и встречен с энтузиазмом. Довольно быстро его тираж на английском языке превысил миллион экземпляров. Роман был признан лучшей книгой года и еще более укрепил высокую

литературную репутацию автора. Происходит и важное событие в личной жизни писателя: он разводится с Полин Пфейфер и женится на Марте Геллхорн⁵, американской журналистке, с которой познакомился в Испании, где она тоже работала корреспондентом. Марта была энергична, умна, независима; Хемингуэй отзывался о ней как о «самой честолюбивой женщине», с которой ему довелось встречаться. Их брак, длившийся около четырех лет, не был особенно счастливым.

В начале 1941 г., когда Хемингуэй отправился в поездку по Китаю, обстановка там и на Дальнем Востоке оставалась чрезвычайно сложной и противоречивой⁶, Япония уже четвертый год осуществляла широкую агрессию против Китая, захватив обширные густонаселенные районы на востоке страны, но затем ее наступление затормозилось. В марте 1940 г. в Нанкине было создано марионеточное правительство во главе с Ван Цзинвэем, под эгидой которого формировались войска для наступления в основном на север страны. В условиях японской агрессии гоминьдан вынужден был пойти на создание национального фронта с коммунистами против агрессоров, но союз этот был весьма непрочен из-за провокаций чанкайшистов. В январе 1941 г. в очередной раз коммунистические войска на севере подверглись нападению сил Центрального правительства⁷.

Поражение Франции в мае 1940 г. и успехи Германии вдохновляли японских империалистов на осуществление крупномасштабной агрессии в регионе. В сентябре японцы вторглись в Индокитай и начали угрожать английским и голландским владениям в Юго-Восточной Азии. В конце сентября 1940 г. Япония присоединилась к военному союзу с Германией и Италией. В начале 1941 г. на переговорах в Берлине гитлеровцы настойчиво подталкивали Японию к вступлению в большую войну на Востоке, в том числе против Советского Союза. Но японцы пока выжидали. 13 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. В то же время японцы усиливали свой квантунскую армию, которая сковывала советские силы на Дальнем Востоке. В этих сложных условиях Советский Союз продолжал оказывать помощь Китаю в его борьбе с агрессором.

В течение всего 1941 г. шли напряженные переговоры японцев с американцами; при этом определенные круги в США хотели бы в «мюнхенском» духе умиротворить японцев за счет Китая или направить их агрессию на Север⁸. Японцы же под покровом переговоров накапливали силы и ждали удобного момента. Готовился Пирл-Харбор. Сложными были и американо-китайские отношения. Долгое время помощь США в борьбе с японцами была явно недостаточной, она несколько усилилась с лета 1941 г.

Хемингуэй предстояло разобраться в сложном клубке проблем и противоречий, от разрешения которых зависели судьбы Дальнего Востока. В чем-то ситуация в Китае напоминала Хемингуэю Испанию, где он был свидетелем иностранной военной агрессии и внутренней гражданской войны.

Отправляясь в Китай, Хемингуэй хотел сменить обстановку, передохнуть после напряженной работы над «Колоколом». Писатель питал интерес к Востоку, одной из его любимых книг был роман Андре Мальро «Условия человеческого существования» (1933), в котором идет речь о Шанхайском восстании 1927 г. В 30-е гг. в США были популярны романы Перл Бак о Китае, принесшие ей в 1938 г. Нобелевскую премию⁹. Известностью пользовались и свидетельства о Китае таких журналистов, как Эдгар Сноу¹⁰ и Агнес Смедли¹¹.

Отправляясь в поездку, Хемингуэй заключил контракт с либеральной нью-йоркской газетой «Пост меридиан» («П. М.»), которая специализировалась на освещении и комментариях текущих политических событий. Редактор Ингерсолл ценил Хемингуэя не только за его мастерство журналиста, но и как

эксперта по военным вопросам. Было оговорено, что, если во время пребывания Хемингуэя на Востоке разразится война, он останется в качестве специального корреспондента, будет ежедневно посылать сообщения с фронта. Марта Геллхорн должна была освещать поездку в журнале «Кольерс», в котором начала сотрудничать как иностранный корреспондент ещё в 1937 г. в Испании. Редактор «П. М.» поставил перед Хемингуэем ряд проблем, интересовавших журнал. Как протекает война Чан Кайши с японцами? Грозит ли Китаю гражданская война? Каковы возможные последствия советско-японского пакта? Как сказывается происходящая война на американских торговых и, шире, политических интересах на Востоке?

Поездка Хемингуэя продолжалась с февраля по июнь 1941 г. По возвращении на родину он опубликовал в «П. М.» между 9 и 18 июня 1941 г. серию из восьми материалов: одно интервью, данное Ральфу Ингерсоллу, и семь очерков и статей. В них сказались характерные черты, присущие Хемингуэю-журналисту: наблюдательность, остроумие, сочетание живых зарисовок и впечатлений с аналитическим материалом и комментарием. В отличие от работы в «Торонто стар», от корреспонденций из Испании Хемингуэй впервые должен был анализировать вопросы мировой политики и даже формулировать свои рекомендации. В этом была новизна задачи. И надо отдать ему должное — его главные выводы и прогнозы оказались в основном верными и проницательными¹².

Гонконг

Их трудное путешествие длиной в 30 тыс. миль началось в Сан-Франциско 1 февраля 1941 г. Хемингуэй и Марта Геллхорн выехали на пароходе «Мэтсо-ниа» и добрались до Гонолулу. Проведя некоторое время на Гавайях, они вылетели самолетом сначала на остров Гуам, откуда взяли курс на Гонконг и прибыли сюда в конце февраля. Первый месяц своей китайской поездки Хемингуэй провел в Гонконге в фешенебельном отеле на берегу моря в английском секторе города. Хотя война продолжалась уже четыре года и над городом все время висела опасность, его жители явно к ней привыкли. Благодаря своему международному статусу Гонконг являл собой, по словам Марты Геллхорн, странный калейдоскоп, «цирк»: в нем находились и китайцы, сторонники Чан Кайши, и китайские коммунисты, и японцы, которые позволяли себе демонстративно праздновать день рождения императора, западные бизнесмены и т. д. Жизнь в городе была, как говорил Хемингуэй, «веселой», «моральный дух жителей — высок», зато «мораль — невысока».

В своей автобиографической книге «Путешествие с самим собой и еще с одним человеком» (1979) Марта Геллхорн пишет о Хемингуэе: «Он научился разговаривать на кули инглиш, языке, близком к западноафриканскому пиджин и карибскому инглиш, и его можно было видеть веселящимся в компании официантов, рикш и уличных торговцев, которые явно получали удовольствие друг от друга. Ему нравилась китайская пища, и он обычно возвращался с застолий вместе со своими сомнительными китайскими друзьями и божился, что их обслуживали гейши, и принимался расписывать меню, пока я не умоляла его прекратить, ибо это могло вызвать у меня тошноту. Он был готов дегустировать все что угодно, включая змеиную водку: змея, предварительно свернутая в кольцо, мариновалась на дне кувшина... Он считал, что гонконгские китайцы, увлекающиеся карточной игрой, рисовой водкой и хлопушками, понимают толк в жизненных удовольствиях»¹³. В одном из интервью Хемингуэй заявил, что змеиная водка полезна в медицинских целях как средство от выпадения волос;

эта проблема начинала его волновать. Он захватил несколько бутылок для своих друзей.

В Гонконге Хемингуэй завязал несколько интересных знакомств, в том числе с генералом Моррисом Абрахамом Коэном, выходцем из лондонского Ист-Сайда, который приехал в Китай в 20-е гг., где служил в личной охране Сунь Ятсена. Позднее он состоял начальником полиции в Кантоне, пока в 1938 г. город не был захвачен японцами. Это был эксцентричный, полный человек с неизменным пистолетом в кобуре, владеющий несколькими китайскими диалектами. Коэн отлично разбирался в ситуации в Китае и охотно рассказывал писателю о Чан Кайши, которого недолюбливал, а также познакомил его с Сун Цинлин, вдовой Сунь Ятсена. В Гонконге он выполнял функции секретного агента для одного из китайских военачальников. Коэн, фигура колоритная, понравился писателю, и он, иногда серьезно, а иногда шутя, говорил, что неплохо бы написать о нем книгу.

В упоминавшемся интервью Ингерсоллу Хемингуэй рассказывал: «В Гонконге по крайней мере 500 китайских миллионеров; в стране слишком много воюют, а Шанхай слишком подвержен терроризму, чтобы это нравилось миллионерам. Присутствие 500 миллионеров привело к скоплению иного рода, к появлению 500 красивых девушек со всего Китая. Они принадлежат 500 миллионерам. Положение же менее красивых девиц очень плохое, потому что, согласно английской версии, проституции здесь нет и, следовательно, контроль над ней не является проблемой. В Гонконге 50 000 проституток. Они толпятся по ночам на улицах, что является характерной приметой военного времени»¹⁴.

Хемингуэй сообщил также Ингерсоллу о количестве войск в Гонконге, но цифра эта не была опубликована, так как считалась военным секретом. Писатель заявил, что, по его мнению, город «отлично укреплен» и что в случае нападения главной проблемой станет, как прокормить его полуторамильонное население. Другой проблемой могла бы стать скверная канализационная система и отсутствие очистных сооружений, поскольку отбросы собирали по ночам кули и отдавали крестьянам. В случае осады города немедленно могла разразиться эпидемия¹⁵. Высказывания в интервью о том, что Гонконг хорошо укреплен, на самом деле не отражали точки зрения Хемингуэя и были скорее тактическим ходом «для прессы». В частных же беседах со своим другом Рамоном Лавалем писатель говорил, что положение английского гарнизона в Гонконге в случае войны безнадежно и что англичане «погибнут как крысы в западне»¹⁶.

На фронте

25 марта Хемингуэй и Марта Геллхорн вылетели из Гонконга, поднявшись с аэродрома, стиснутого со всех сторон горами. Полет продолжался около полутора часов над горной цепью и японскими позициями, что представляло немалую опасность. Наконец они приземлились в городе Наймынь, находившемся в 7-й военной зоне гоминьдановских войск, откуда отправились в штаб, расположенный в Шайгуане. В это время фронт был разделен на девять военных зон. По словам Хемингуэя, он «захотел заняться интенсивным изучением того, что такое типичная китайская военная зона, а 7-я представляла возможности для крупного наступления». В течение двух недель журналисты находились на Кантонском фронте. Передвигаться приходилось по воде и суше, пользуясь то автомобилем, то сампаном и лошадью. Дорога на Шайгуань являла собой «реки грязи, рытвины, колдобины, колени, заваленные камнями». Во время пребывания на фронте начался сезон дождей: вода лилась не переставая 12 дней. Все это время Хемингуэй и Марта практически не могли сменить

влажное белье; к тому же не было нормальной питьевой воды, а в гостиницах свирепствовали клопы. Хемингуэй стоически переносил эти бытовые трудности, а также жалобы Марты, которая не уставала поражаться долготерпению китайцев: «Они принимают безропотно все, что ни случается: голод, усталость, холод, жажду, опасность. Они самые выносливые люди, которых можно себе представить...»¹⁷

В 7-й зоне им удалось посетить местный монастырь, отобедать с губернатором провинции и иметь содержательную беседу с командующим зоной. В итоге Хемингуэй получил представление об организации военной зоны, начиная с ее штаба и вплоть до корпусов, дивизий, бригад, полков и войск первого эшелона. До того времени Агнес Смедли и Эдгар Сноу посещала районы, занятые коммунистическими частями. Теперь американский корреспондент описывал ситуацию, находясь в регулярных гоминьдановских войсках. Хемингуэй так разъяснял общее положение на фронте: «Китайская армия состоит из 300 дивизий, 200 из которых — дивизии первого класса, а 100 — резервные. Из этих 300 три дивизии — коммунистические. Районы, которые они занимают, имеют важное значение, и эти дивизии отлично себя показали в бою. Но остальные 297 дивизий до сих пор никем не посещались. В то время как коммунисты охотно принимали корреспондентов, в регулярной китайской армии практиковалась строгая цензура. Пропуск было невозможно получить, корреспондентов не допускали на передовые позиции»¹⁸. В своем очерке, посвященном Кантонскому фронту, Марта Геллхорн конкретизировала наблюдения Хемингуэя, приводя много интересных подробностей, касающихся быта китайских солдат, вызывавших у нее чувство глубокого уважения и симпатии. Она писала о том, что ни у кого из пяти миллионов солдат нет хорошей обуви, но зато они знают, как надо воевать.

Во время пребывания Хемингуэя на фронте царило затишье. Японские и китайские окопы были вырыты на горных склонах и удачно замаскированы. В честь приезда Хемингуэя на передовую один из китайских генералов приказал провести артналет по предполагаемым позициям противника, но, видимо, операция прошла без всякого эффекта.

Тяжелые фронтовые впечатления смягчались иногда комическими эпизодами, связанными с переводчиком, мистером Ма, который, имея дипломы двух американских университетов, мало что понимал в военном деле. Однажды Марта Геллхорн обратила его внимание на то, что склон горы выжжен. «А это сделано для того, чтобы избавиться от тигров,— простодушно объяснил мистер Ма.— Вы знаете, тигры питаются нежными корнями растений, и когда их выжигают, тигры, гонимые голодом, уходят»¹⁹. Журналистам приходилось слышать от мистера Ма и немало другой информации в духе «вегетарианцев тигров».

В Чунцине

После пребывания на фронте журналисты отправились во внутренние районы Китая. Почти двое суток они добирались по реке на сампане, на автобусе и поезде до города Гуйлинь. Для Хемингуэя это было «самое красивое место в Китае» из всего, что ему довелось увидеть. «Тысячи миниатюрных сопок, напоминавших горную цепь, на самом деле имели не более 300 футов в высоту,— говорил Хемингуэй Ингерсоллу.— Многочисленные симпатичные пейзажи, с которыми вы привыкли сталкиваться на китайских гравюрах и картинах и которые, как вы полагаете, являются плодом воображения художника, на самом деле обладают почти фотографическим сходством с Гуйлинем.

Здесь также имеется знаменитая пещера, используемая как убежище во время авиационных налетов. В ней могут укрыться 30 тыс. человек»²⁰.

Из Гуйлиня журналисты взяли курс на Чунцин, временную столицу Китая, куда добирались на грузовом «Дугласе», совершавшем рейс с оригинальным багажом: на сиденьях лежали мешки с денежными банкнотами. Свои впечатления от столицы Хемингуэй изложил лаконично: «Город серый, бесформенный, всюду грязь, скопление скверных построек из цемента и лачуг, самое приятное место — оживленный рынок. Японцы бомбили город, когда только пожелали, но не во время нашего там пребывания»²¹. Последнее объяснялось прежде всего тем, что была зима, нелетная погода и плохая видимость²².

Хемингуэй нашел, что в Чунцине отличные гостиницы с горячей водой, неплохое питание. В своих корреспонденциях из Китая он сообщал, что положение с продовольствием в стране в целом удовлетворительной, в частности в деревнях, если вспомнить, что война идет уже четвертый год. Правда, цены на продукты были высокими, сказывалась инфляция. Но в отличие от некоторых корреспондентов, приехавших из Европы и Америки, он не склонен был считать экономическую ситуацию катастрофической: «Инфляция здесь отнюдь не хуже, чем она может быть в любой другой стране, воюющей четвертый год. После четырех лет войны в Европе ни одна из стран не находилась в лучшем положении»²³.

Между прочим, в Чунцине с Хемингуэем произошел забавный эпизод. В доке на реке Янцзы он познакомился с американским морским офицером, неким Уильямом Ледерером, который только что приобрел два ящика виски, купленных на «черном рынке». Он не прикасался к своим сокровищам, которые хранил для прощального ужина. Хемингуэй тут же заметил ему, что это крайне близорукий подход. «Никогда не откладывайте поцелуй красивой девушки и распития бутылки виски,— поучал он своего знакомого.— Я дам вам все, что хотите, за полдюжины». Ледерер недолго раздумывал: «О'кей,— сказал он.— Я вручаю вам шесть бутылок за шесть уроков писательского мастерства».

После каждого из уроков Ледерер мысленно поздравлял себя с тем, что обменял несколько бутылок алкоголя на «добытые тяжким трудом литературные секреты лучшего американского писателя». По завершению шестого урока Хемингуэй дал ему прощальный совет: «Билл, прежде чем вы начнете писать о каких-то людях, вы должны стать культурным человеком. Для того чтобы сделаться таковым, вам необходимо обладать двумя качествами: состраданием и способностью отменить неприятности. Никогда не смейтесь над чужой бедой. Если у вас неприятность, не пытайтесь с ней бороться. Отрешитесь от нее, как будто ее нет». Затем на прощанье он посоветовал Ледереру поспешить домой и отведать виски.

Достав из бара одну из бутылок, Ледерер обнаружил, что она была наполнена чаем. Таким же было содержимое других бутылок. Торговец оказался мошенником. Хемингуэй догадывался об этом, но ни разу не посмеялся над потерпевшим и не уклонился от выполнения договора. Ледерер же хранил историю почти двадцать лет, чтобы рассказать биографу Хемингуэя. С той поры Хемингуэй всегда оставался для него примером культурного человека²⁴.

Основное внимание в Чунцине Хемингуэй уделял изучению политической ситуации. Он дважды встречался с генералиссимусом Чан Кайши, жена которого, Сун Мэйлин, выступала как переводчица. Речь шла о военных, политических и экономических вопросах, отношениях с коммунистами, которые, как заметил Хемингуэй, вызывали у Чан Кайши больший страх, чем японцы. Свои впечатления от встречи с ним, «худым, прямым, невозмутимым, в простом сером френче, напоминающим набальзамированную мумию», Хемингуэй сумми-

ровал следующим образом: «Генералиссимус — военный лидер, который постепенно, шаг за шагом, превращается в государственного деятеля. Это важно. Гитлер — государственный деятель, полагающийся на военную силу. Муссолини — государственный деятель, который не может делать ставку на военную силу. Цели генералиссимуса всегда военные. В течение десяти лет задачей Чан Кайши было уничтожение коммунистов. Он был вынужден под влиянием коммунистов прекратить с ними борьбу и вести войну с японцами. С этого момента его целью стало поражение Японии. Он никогда от этого не отходил. Я думаю, что где-то подспудно он не оставляет и другой своей цели. Когда вы говорите, что этот человек военный, а не государственный деятель, то все его речи служат доказательством вашей неправоты. Теперь же мы знаем, что речи государственных деятелей часто пишутся отнюдь не государственными мужами»²⁵.

В Чунцине писатель также встречался с китайскими министрами — военным, финансов, образования и транспорта. Марта Геллхорн, присутствовавшая на двух встречах с супругами Чан Кайши, свидетельствует, что из опасения быть неблагодарной за гостеприимство она не хотела бы говорить о том, что она о них думает. Но за внешним лоском генералиссимуса она заметила «жажду власти и жестокость». «Представление о том, что Китай стал демократией при генералиссимусе,— писала Геллхорн,— является шуткой, изобретенной политиками и подхваченной журналистами»²⁶.

Самым значительным моментом этой поездки во внутренний Китай явилась тайная встреча журналистов с Чжоу Эньлаем, который находился в Чунцине в подполье, в постоянной опасности. Чжоу Эньлай был дружен с Йорисом Ивенсом, прогрессивным голландским кинорежиссером, антифашистом, с которым Хемингуэй встречался в Испании, где они сделали документальную ленту «Испанская земля». По словам Марты Геллхорн, Чжоу Эньлай был «единственным достойным человеком из всех, кого мы встречали в Китае»²⁷. Вернувшись на родину, во время короткой встречи с журналистами в Вашингтоне Хемингуэй предсказал, что после войны к власти в Китае придут коммунисты.

Первая корреспонденция

Пребывание Хемингуэя в Чунцине совпало с подписанием 13 апреля 1941 г. в Москве советско-японского пакта о нейтралитете. Этой теме была посвящена первая из корреспонденций, отправленных писателем из Китая. В ней Хемингуэй рассказал о беседе за обедом у советского посла в Чунцине А. С. Панюшкина, на котором также присутствовал Кун Сянси, премьер и министр финансов Китая, зять генералиссимуса. На вопрос премьера, какое влияние окажет пакт на советскую помощь Китаю, посол ответил, что никакой. Когда Кун поинтересовался, будут ли советские войска отведены от маньчжурской границы, последовал ответ посла: «Мы усилим наши дивизии в этом районе». Находившийся за столом глава советских военных советников в чине генерал-лейтенанта подтвердил эти слова. Этим генералом был В. И. Чуйков, впоследствии герой Сталинграда.

Замечания посла отнюдь не были проявлением дипломатической вежливости или нежелания сообщать за столом дурных вестей. Вскоре Хемингуэю пришлось услышать и от доктора Куна и от мадам Чан Кайши, которая пригласила писателя на завтрак в день подписания пакта, что советская военная помощь продолжает поступать систематически, а военные советники и авиационные инструкторы отнюдь не намерены покидать китайскую армию. Позднее Хемингуэй получил специальное письмо от Сун Мэйлин, в котором излагалась

«реакция генералиссимуса на пакт о нейтралитете между СССР и Японией». В письме сообщалось, что пакт «не оказал ни малейшего влияния на решимость Китая продолжать национальное сопротивление» и что нет «никаких свидетельств того, что СССР выведет военных советников из Китая или прекратит отpravку нам военных материалов»²⁸.

Советский Союз был верен своей позиции поддержать освободительную и антифашистскую борьбу²⁹. В статье Хемингуэя мы читаем: «Советская Россия помогла Китаю больше, чем какая-либо другая страна. Она предоставляла самолеты, пилотов, грузовики, некоторое число артиллерийских орудий, газولين, военных инструкторов и штабных офицеров, которые действовали как военные советники. Она выделила правительству Чан Кайши помощь на сумму, превышающую 200 млн. долл. Большая часть этого огромного займа была предоставлена в обмен на торговые поставки чая, вольфрама и других продуктов. Отношения между китайскими коммунистами и Центральным правительством остаются столь напряженными, что я был немало удивлен, зная о стабильном характере советской помощи и встречая советских штабных офицеров, выполняющих функции советников в армиях Чан Кайши. Во время моего пребывания на фронте в войсках Центрального правительства я сталкивался с советскими офицерами и видел продолжавшие поступать новые русские самолеты, как бомбардировщики, так и истребители. В офицерском клубе в Чэнду в провинции Северная Чжэцзян, где я жил, объявления в номерах были на русском языке, а различные деликатесы на завтрак, включая какао и баночное масло, прибыли прямым маршрутом из Владивостока и Читы»³⁰.

Обычно иностранным визитерам не разрешали общаться с русскими военными советниками, но Хемингуэю довелось познакомиться сразу с тремя русскими штабными офицерами на одной из прифронтовых дорог, когда транспорт застрял в грязи. Писатель обратился к одному из них: «Как дела, товарищи?» После этой встречи было решено, что скрывать факт присутствия русских бессмысленно, и на эту тему с ним говорили открыто.

Хемингуэй обстоятельно обсуждал военные проблемы с китайскими генералами, которые проявляли откровенность, когда видели, что имеют дело с понимающим человеком. Свой первый очерк, присланный из Китая, Хемингуэй заканчивал жанровой зарисовкой.

«Один китайский генерал спросил меня, что думают о них англичане в Гонконге. Мы проехали с ним на лошадях двое суток, не выходя за рамки формальных любезностей. Мы выпили бесчисленное количество бутылок рисовой водки и допоздна засиделись над картой.

— Действительно ли генералу хочется узнать, что они думают?

— Конечно.

— А это не обидит генерала?

— Ни в коем случае.

— Да, мы невысокого мнения о китайцах, как вы знаете. С Джонни все в порядке, он отличный парень и все такое. Но как вы знаете, он совершенно беспомощен в наступлении. У нас нет никакой надежды на него, когда он наступает. Абсолютно никакой. Нет. Все очень плохо. Нам нельзя полагаться на Джонни.

— Джонни? — переспросил генерал.

— Джонни-китайца, — ответил я.

— Очень интересно, — заметил генерал. — Очень интересно. — Затем он взял слово. — Начнем с того, что, как вам известно, у нас нет артиллерии. Нет самолетов. А если есть, то очень мало. Вы это, конечно, знаете. Неужели вы считаете, что англичане пойдут когда-нибудь, где-нибудь в наступление

без артиллерийской и авиационной поддержки? Нет. Разрешите рассказать вам одну китайскую историю. Новую китайскую историю. Отнюдь не старую. Вы знаете, почему британский офицер-штабист носит монокль в одном глазу?

— Нет, — сказал я.

— О, — заметил он. — Это самый свежий китайский анекдот. Он носит монокль в одном глазу, потому что не может видеть больше того, что доступно его пониманию.

— Я сообщу об этом тому офицеру при встрече, — пообещал я.

— Отлично, — сказал генерал. — Скажите ему, что это и есть краткое послание от Джонни».³¹

Анализ военной ситуации

Восемь дней пребывания Хемингуэя в Чунцине были насыщены встречами, обедами и беседами с ведущими представителями китайского правительства. Затем, оставив Марту Геллхорн на некоторое время в столице, Хемингуэй совершил поездку в город Чэнду, где смог ознакомиться с постановкой обучения в военной академии, этом «китайском Вест-Пойнте», центре подготовки кадетов и офицеров. Кроме того, он посетил летную школу и был свидетелем строительства нового аэродрома, что дополнило и углубило его представления о характере китайской армии, помимо тех, что он накопил на Кантонском фронте. Этих вопросов он касался в таких своих статьях, как «Американская помощь Китаю», «Положение японцев в Китае» и «Китай нуждается в авиации». Статьи Хемингуэя были ценными потому, что из Китая поступала самая противоречивая военная информация и американская общественность нуждалась в серьезных и трезвых оценках.

Как подчеркивал Хемингуэй, на первых порах Япония имела военные успехи, что позволило ей захватить значительные территории в равнинной части Китая, опираясь при этом на свое превосходство в авиации, артиллерии и мотомехчастях. Когда боевые действия переместились в горные местности, японцам стало уже труднее использовать преимущество в технике; фронт в основном стабилизировался, наступление агрессоров было остановлено.

По мнению писателя, Китай располагал огромными людскими ресурсами, пехота была оснащена в достаточном количестве стрелковым оружием собственного производства. Касаясь этого вопроса в беседе с Ингерсоллом, писатель заметил: «Я посетил арсеналы неподалеку от Чунцина и видел, как там производится легкое вооружение и амуниция, причем в достаточном количестве. Более того, много материалов доставлялось через японские позиции. Партизаны переправляют грузовики через линию фронта, предварительно полностью их разобрав, спрятав в укромном месте, и переносят на руках. В Гонконге американский представитель фирмы по продаже моторов осуществляет контрабанду грузовиков через японские линии на территорию свободного Китая, получая по 450 долл. комиссионных за каждую такую закупку»³². Хемингуэй был неплохо информирован о деятельности партизан; с некоторыми из них он встречался во время пребывания в Гонконге.

Касаясь положения в гомиьндановской армии, Хемингуэй отметил, что без влияния немецких советников там реализуется «прусская модель», в основе которой жесткая дисциплина: за целый ряд провинностей полагается смертная казнь, иногда репрессиям подвергаются целые подразделения, проявившие трусость в бою. Солдат знает, что смерть ожидает его не только впереди, но и, в случае уклонения от боя, сзади. От Хемингуэя не укрылись и серьезные недостатки китайской армии. Один из них — слабая постановка

медицинской службы. Военные врачи, как правило, находятся на очень большом расстоянии от передовой. Это связано, как считает писатель, с тем, что врачей вообще не хватает, а их подготовка стоит очень больших денег. Поэтому пребывание медиков там, где их может подстеречь пуля или снаряд, считается неоправданным риском. В итоге пока раненый доставляется на пункт первой помощи, он уже нередко оказывается в безнадежном состоянии. Ощущается нехватка хорошо обученных пилотов. В Китае имеется до 4000 хорошо подготовленных офицеров-артиллеристов, но многие из них работают в штабах, потому что на фронте недостаток орудий.

Возможно, из-за цензуры и по тактическим соображениям, исходя из необходимости срочного увеличения военной помощи Китаю, Хемингуэй смягчал характеристики и все же не мог не сказать об ошибках и просчетах гоминьдановцев. В своих статьях он упоминает о капитулянтских настроениях в верхнем эшелоне власти, о тех, кто готов пойти на сговор с японцами. Говорит он и о том, что в Китае постоянно можно слышать рассказы о лихоимстве, взяточничестве крупных чиновников, достоверные свидетельства о неумелости руководства. Отмечает он и другую особенность, подчеркивающую то, как глубоко поразила коррупция все сферы жизни в гоминьдановском Китае. В делах, непосредственно связанных с деньгами, постоянно проявляются злоупотребления. Писателю приходилось наблюдать, как на Бирманской дороге водители грузовиков продавали частным лицам государственный бензин, как выбрасывали на свалку грузы, а в машины подсаживали пассажиров, как с грузовиков переносили на обочины шины, которые, видимо, подбирались сообщниками.

В беседе с Ингерсоллом, касаясь функционирования стратегической, жизненно важной Бирманской дороги, Хемингуэй приходил к такому выводу: «Если задержки по вине японцев принять за единицу, то задержки как следствие неумелости, взяточничества и бюрократизма нужно было бы определить цифрой пять. Это означает, что на всем пути от Рангуна до Чунцина некомпетентность, взяточничество и бюрократизм причиняют в пять раз больше вреда, чем японские бомбардировки»³⁴.

К сказанному Хемингуэем надо добавить и свидетельства Марты Геллхорн, которая в двух своих очерках, посвященных Китаю, особенно акцентирует внимание на тяжелом положении масс, лишениях, выпадающих на их долю. Она откровенно пишет о несчастной доле того, кто родился китайцем, если ему не выпал «золотой шанс» оказаться в числе той тысячной доли процента населения, у кого — «власть, деньги и привилегии».

Но не только грязь, нищета, жестокость диктатуры генералиссимуса увидели американские журналисты в Китае. Как и обычно, путешествуя, наблюдая, Хемингуэй стремился понять чужой народ, уловить его национальные черты и особенности. Что его поразило, так это исключительное трудолюбие китайцев, их умение работать быстро, дисциплинированно, не щадя себя. Об этом убедительно рассказано им в одном из наиболее интересных очерков, написанных за время его поездки. Он назывался: «Китайцы строят аэродром».

«Китай может сделать то, что он захочет сделать»

Свой очерк Хемингуэй начинает с описания встречи с американским послом в Чунцине Нельсоном Джонсоном, долго прожившим в этой стране и неплохо знавшим ее традиции, обычаи и условия. Выйдя на балкон посольства и задумчиво глядя на воды Янцзы, текущие под ним, посол сказал фразу, крепко запомнившуюся писателю: «Китай может сделать то, что он

захочет сделать». Поначалу она удивила американского журналиста. Он никогда не видел Великой Китайской стены, но зато думал о многих насущных проблемах. Каковы наступательные возможности китайской армии? Могут ли быть сглажены противоречия между гоминьданом и коммунистами в интересах антияпонской борьбы? Сколько нужно самолетов, чтобы китайцы перешли в наступление, и кто будет их пилотировать? «Когда мистер Джонсон произнес это замечание, плод его глубоких познаний, я был, мягко говоря, изумлен,— читаем у Хемингуэя.— Оно, как мне показалось, в малой степени могло помочь в решении многочисленных и насущных проблем. Два дня спустя я вылетел в Чэнду, в провинцию Северная Чжэцзян,— туда, куда спускаются с Тибета караваны и где вы встречаете одетых в желтое и красное лам на покрытых густой пылью улицах старинного города, окруженного высокими стенами. Пыль, гонимая ветром с высоких снежных вершин, клубилась серыми облаками, и когда мимо проходил караван, нам надо было укрываться в лавчонках, занимающихся выделкой серебряных изделий. К северу от города я обнаружил то, что имел в виду мистер Джонсон»³⁴.

Он увидел многолюдную стройку, столь необычную и впечатляющую, что она напомнила ему далекую древность, возведение пирамид в пустынях в эпоху фараонов.

Это было строительство аэродрома, предназначенного для базирования американских «летающих крепостей». Аэродром строился в пустынной местности в сжатые сроки, для чего было мобилизовано 100 тыс. рабочих из десяти районов провинции. Рабочие образовывали отряды по 800 человек. Иные должны были пройти пешком из дома путь, на который потратили две недели. Все огромное пространство аэродрома расчищалось вручную, более миллиона кубических метров земли было вынесено в корзинах на расстояние в полмили. Взлетная полоса возводилась длиной более километра и почти 150 ярдов шириной. Практически все работы, включая дренажные и трамбовочные, осуществлялись вручную. Взлетная полоса укреплялась с помощью 150 катков весом от трех с половиной до десяти тонн. Их катили люди. По словам Хемингуэя, он никогда не наблюдал более удивительного зрелища.

Панорама, открывшаяся писателю, была незабываема: «Впервые я увидел рабочих в облаке пыли, марширующих по дороге, одетых в грубую, рваную одежду, армию босоногих людей с изрытыми оспой лицами, движущихся с пением песен и с развевающимися на ветру, похожими на лохмотья флагами.

Мы проехали мимо еще одного отряда, располагавшегося в деревне. Солдаты пели, были заняты приготовлением ужина перед ночлегом. Проснувшись с восходом солнца, мы увидели летное поле.

Когда мы рассматривали огромное, расчищенное и выравненное пространство, оно напомнило поле какого-то древнего сражения с играющими знаменами и столбами пыли там, где трудились 80 тыс. человек. Затем можно было различить длиной в милю с лишним, сверкающую цементом взлетную полосу и команды по сто человек в каждой, которые трамбовали и гладили ее, передвигая десятитонные катки»³⁵.

Строительство аэродрома было начато 8 января. Он должен был быть закончен к 30 марта. В «противном случае»... Но для начальника строительства этого «в противном случае» не существовало, стройка шла с полным напряжением сил, в соответствии со сроками, чтобы аэродром мог принять «летающие крепости».

И Хемингуэй заканчивал свой очерк зарисовкой, может быть, уникальной для его публицистики. У него, не любившего патетики, прозвучала хвала труду.

«Сквозь пыль, скрежет разрушающегося камня, удары молотков слышалось равномерное, негромкое звучание песни, напоминающее шум волны, разбивающейся о высокий риф.

— Что это за песня? — спросил я.

— Это то, что они поют, — ответил мне инженер. — Это песня, которая делает их счастливыми.

— И о чем она?

— В ней говорится, что они работают весь день и всю ночь, чтобы это сделать. Они работают весь день и всю ночь. Скала велика. Они сделают ее маленькой. Земля мягкая. Они делают ее твердой.

— Продолжайте, — попросил я.

— Земля была неровной, а они ее выравнивают. Они делают взлетную полосу гладкой как металл, и катки для них не тяжелы. Каток — невесом, потому что катят все вместе.

— О чем они поют теперь?

— Теперь они сделали то, что должны были сделать. Теперь прилетят «летающие крепости». Они поют: «Теперь — мы — сделали — то — что можем сделать! Теперь — прилетят — летающие — крепости!»

— Вы можете направить кого-то, кто может их пилотировать, — сказал инженер.

Он был человеком практическим, привыкшим строить аэродромы без необходимых орудий труда, свободный от ложных иллюзий.

— Вы видите, — он посмотрел на это славное, овеванное ветрами поле, над которым звучала песня, подобно нарастающей волне. — Имеются некоторые вещи, которые мы можем делать сами.

Близился крайний срок окончания работ, и поле должно было быть готово к тому времени, которое планировалось³⁶.

А вот что писала Марта Геллхорн: «Японцы никогда не смогут победить Китай с помощью силы. Народ, который трижды переносил свою столицу, перемещает фабричные машины и университетское оборудование и укрывает их в горах, снабжает фронт с помощью сампанов и носильщиков кули, устраивает убежища в скалах и выдерживает бесконечные бомбежки, строит аэродром в тысячу акров без помощи машин в течение ста дней. — такой народ вынесет все до конца»³⁷.

Возвращение

Вернувшись из Чэнду в Чунцин, Хемингуэй вместе с Мартой Геллхорн вылетели на самолете в южном направлении, сделав остановку в Куньмине — конечном пункте на стратегической Бирманской дороге, по которой доставлялись военные грузы из Бирмы и Индии. В Куньмин журналисты приехали вскоре после очередного японского налета. Полумиллионное население города, лишенного бомбоубежищ, оказалось беззащитным. Некоторые люди после сигнала воздушной тревоги искали спасения в окрестных полях. Куньмин, в котором был разрушен газопровод, оставлял тяжелое впечатление. Марта Геллхорн свидетельствовала: «В разбомбленной части города не было света... Мы вдыхали пыль и дым разрушенных кирпичных домов и горящих зданий, в то время как толпа на улице все прибывала. Рикши ехали медленно, потому что камни на мостовой были покорежены и разбросаны, а на дороге лежали порванные телефонные провода»³⁸.

Позднее, отвечая на вопрос Ральфа Ингерсолла, верны ли сообщения, что японские бомбежки блокировали Бирманскую дорогу, Хемингуэй говорил: «Некоторые мосты были разрушены, но у китайцев имеется очень эффективная

паромная система, способная их заменить. Дорогу бомбят регулярно, Куньмин же практически каждый день. Но бомбежка мостов неэффективна — частично из-за того, что они быстро восстанавливаются³⁹.

Добравшись на самолете до города Ласяо, Хемингуэй и Марта пересели в автомобиль, на котором проследовали до Мандалая, а оттуда уже поездом до Рангуна. Все это время писатель самым внимательным образом изучал как положение на Бирманской дороге, так и другие пути поступления грузов в Китай с юга. Он весьма подробно обсуждал потом эти вопросы с Ингерсоллом, однако избежал развернутых публикаций на эту тему, дабы не давать японцам полезной информации. Но Хемингуэй напомнил, что в условиях налетов на Бирманскую дорогу возрастает роль тех путей, по которым идут грузы из Советского Союза.

Минуя Мандалай, когда-то воспетый его любимым писателем Киплингом, Хемингуэй добрался до Рангуна, в котором пробыл неделю. Но в городе не только в дневное, но и в ночное время стояла такая жара, что все местные экзотические достопримечательности — храмы и пагоды — не произвели на него особого впечатления. В Рангуне журналисты расстались: Марта отправилась в Джакарту, а Хемингуэй вернулся в Гонконг, где пробыл несколько дней.

В Гонконге произошла неожиданная для него встреча с Рамоном Лавалем, с которым Хемингуэй познакомился в Мадриде во время гражданской войны. У Рамона были сын и четырехлетняя девочка, названная Гвендолин Пассионария. Увидев ее в первый раз, Хемингуэй сразу же проникся к ней теплым чувством и говорил отцу, что очень сожалеет, что у него только сыновья и нет дочери. Позднее он узнал, что во время японского штурма города девочка погибла.

Стойкий антифашист Рамон Лаваль в течение трех лет помогал китайцам, организовав нелегальный провоз грузов в глубь страны через занятый японцами Кантон. Это достигалось при помощи подкупа японских охранников, падких на шотландское виски. Во время пребывания в Гонконге Хемингуэй сопровождал Лавала в одной из таких его тайных операций. В течение нескольких часов писатель находился на территории, оккупированной японцами, и виделся с группой китайских партизан.

Последние дни в Гонконге были насыщены: он беседовал с мадам Кун, женой премьер-министра, затем с Джеймсом Рузвельтом, сыном президента, а главное, «отписывался» за свою командировку, завершив три из шести планируемых статей. Он напечатал их на тонкой бумаге и спрятал в ботинках, чтобы избежать цензуры. Находясь в Китае, Хемингуэй никому не писал. Единственное письмо было отправлено из Гонконга 29 апреля 1941 г. его другу и редактору Максвеллу Перкинсу. В нем Хемингуэй касался своих издательских дел и между прочим скупко сообщал: «Я пролетел 18 тыс. миль с тех пор, как видел вас в последний раз, и должен буду пролететь больше 12 тыс., прежде чем увижу вас снова... Вернусь в конце мая. С пользой провел время на фронте с китайскими солдатами. Поездка трудная, но интересная. Рад вернуться домой. Хочу написать несколько рассказов»⁴⁰.

6 мая Хемингуэй вылетел на самолете в Манилу, где в его честь был устроен банкет Ассоциацией филиппинских писателей. Пробыв несколько дней в филиппинской столице, он совершил перелет на остров Гуам, где виделся с летчиком Бернтом Белченом, занимавшимся перегонкой самолетов в Китай. Затем последовали перелеты с остановками на острове Мидуэй и в Гонолулу, пока наконец в конце мая он не сошел с трапа самолета в Сан-Франциско.

Писатель предостерегает

В Нью-Йорке он в течение нескольких часов в присутствии секретаря-стенографиста давал уже упоминавшееся интервью Ральфу Ингерсоллу. Его суждения были взвешенными, опирались на цифры и факты. На полу расстелили карты Китая, Бирмы, Индокитая, привезенные писателем из командировки.

Отвечая на вопросы, поставленные Ингерсоллом, Хемингуэй показал себя проницательным политиком. В это время обозреватели гадали, в каком направлении, северном или южном, будет направлена японская агрессия. Хемингуэй склонялся к тому, что она будет устремлена на юг. Он был убежден, что Япония развяжет войну и что вопрос в том, какой подходящий, удобный для себя момент она для этого изберет. Проникновение японцев в Индокитай указывало на то, что они готовятся к захвату нефтяных и каучуковых месторождений в Малайе, на Яве и Суматре. Другой целью Японии могла быть попытка разгромить Китай, в частности путем перехвата путей подвоза военных материалов, например, по Бирманской дороге. Из анализа, проделанного Хемингуэем, вытекало, что в любом случае американцам необходимо всячески усиливать помощь Китаю. Укрепление его армии, его способности к сопротивлению приведут к сковыванию японских сил, к истощению японских ресурсов, а следовательно, ослабят натиск Японии в южном направлении. Это улучшит позиции США, а также Англии в их, по-видимому, неизбежном столкновении с Японией.

Статьи Хемингуэя, пронизанные ощущением того, что в этом районе скоро должны разразиться новые грозные события, к которым надо быть готовым, были объективно направлены против американских изоляционистов и «мюнхенцев», не оставлявших надежды сговориться с японским агрессором то за счет Китая, то за счет СССР. «Америка предоставляет Китаю кредиты на сумму в один млрд. долл. и в то же время продает нефть злейшему врагу Китая. Что же все это значит?» — возмущенно спрашивал он в интервью⁴¹. Он советовал соотечественникам использовать время для укрепления своей обороны, ибо от японцев можно ждать неожиданного удара.

События последующих месяцев, горький урок Пирл-Харбора показали, что в США имелись круги, которые не вняли предостережениям, в том числе и тем, которые были высказаны Хемингуэем.

Последняя «китайская» статья писателя в «П. М.» была напечатана 18 июня 1941 г. Через 4 дня Гитлер совершил нападение на СССР. Это внесло новые моменты, еще более обострило ситуацию на Дальнем Востоке. Еще через пять дней, 27 июня, Хемингуэй отправил в Москву телеграмму: «На все сто процентов солидаризируюсь с Советским Союзом в его военном отпоре фашистской агрессии. Народы Советского Союза своей борьбой защищают все народы, сопротивляющиеся фашистскому порабощению»⁴².

Как в Испании, так и в Китае и в последующие годы второй мировой войны Хемингуэй заявил о себе как твердый и последовательный антифашист. Сразу после окончания войны, через месяц после Хиросимы, в сентябре 1945 г., Хемингуэй написал предисловие к антологии «Сокровища свободного мира». Он закончил его такими словами: «Агрессивная война — это великое преступление против всего доброго на Земле... я никогда не соглашусь с тем, что война, вне зависимости от ее необходимости, как бы ее ни оправдывали, может не быть преступной. Спросите об этом у пехоты, спросите об этом у мертвых.

Мы вели эту войну и мы ее выиграли. Давайте не будем ханжами, не будем лицемерами, не будем мстительными и не будем твердолобыми. Давайте

сделаем наших врагов неспособными когда-либо начать против нас войну; давайте сами научимся жить в условиях мира и справедливости со всеми государствами и всеми народами на этой планете. Для этого мы должны воспитывать и перевоспитывать. Но прежде всего мы должны воспитывать самих себя»⁴³. Не сформулировано ли здесь то, что мы сегодня называем новым мышлением?!

¹ Ernest Hemingway on Writing. N. Y., 1984, p. 24—25.

² Некоторый фактический материал содержится в наиболее полных биографиях Хемингуэя К. Бейкера (С. Baker. Ernest Hemingway. A Life Story. L., 1972, p. 545—554), и Дж. Майерса (J. Meyers. Hemingway. A Biography. N. Y., 1986, p. 356—361). Что касается китайских репортажей Хемингуэя, то они, как и вообще его публицистика, слабо изучены. В работе Р. Стеффенса (R. O. Stephens. Hemingway's Nonfiction. Univ. of Carolina Press, 1968), на этот счет имеются лишь отдельные замечания.

³ В большинстве работ о Хемингуэе вообще отсутствуют даже упоминания об этой странице его творчества. В биографии писателя Б. Грибанов крайне бегло говорит об этой поездке. Трудно согласиться с его мнением, что корреспонденции, отправленные в «Пост Меридиан», «отличались сухостью, в них не было никаких личных впечатлений» (Б. Т. Грибанов. Хемингуэй. М., 1971, с. 344).

⁴ Они не представлены и в сборнике репортажей (Э. Хемингуэй. Старый газетчик пишет... М., 1983).

⁵ Марта Геллхорн (р. 1908) была иностранным корреспондентом «Кольерса» в 1937—1945 гг., где публиковала свои репортажи из Испании, Финляндии, Китая, с европейского театра войны; они собраны в ее книге «Лицо войны» (1959). В 1945 г. на Эльбе была свидетельницей встречи советских и американских солдат, о чем рассказала в очерке «Русские». О бедствующих безработных в пору депрессии написала роман «Горе, которая я видела» (1936) с предисловием Герберта Уэллса. Автор нескольких сборников повестей, романа «И у маленьких деревьев есть вершины» (1969), автобиографической книги «Путешествие с самим собой и еще с одним человеком» (1979).

⁶ См.: История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти тт. Т. 3. М., 1974, с. 172—187; А. М. Самсонов. Вторая мировая война. М., 1985, с. 129—144; История войны на Тихом океане. В пяти томах. Т. 3. М., 1958.

⁷ См.: Б. Г. Сапожников. Китай в огне войны. 1931—1950. М., 1977; Новейшая история Китая. 1928—1949. М., 1984.

⁸ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). М., 1956; В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кушakov. Дипломатия агрессоров. М., 1967.

⁹ В 1931 г. роман Перл Бак о Китае «Земля» возглавлял список наиболее покупаемых книг в США. По свидетельству ряда критиков, Перл Бак открыла миллионам американцев почти неизвестный им континент. См.: Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 3. М., 1979, с. 524.

¹⁰ Эдгар Сноу (1905—1972) — известный журналист и очеркист. Несколько лет провел в Китае в качестве корреспондента американских и английских газет и журналов, посещал освобожденные районы, где встречался с Мао Цзэдуном, брал у него интервью. События классовой и гражданской войны в Китае нашли отражение в его книгах «Красная звезда над Китаем» (1938), «Битва за Азию» (1941). В 1942—1944 гг. находился в СССР как корреспондент «Сэтерди ивинг пост». (См.: Дорога на Смоленск М., 1985).

¹¹ Агнес Смедли (1894—1950) — заметная фигура литературы «красных тридцатых» в США, несколько лет провела в освобожденных районах Китая. На русский язык в 30-е гг. переводились такие ее произведения, как сборник рассказов и очерков «Китайские судьбы» (1934), «Рассказы о Китае» (1934), «Рассказы о китайской Красной Армии» (1935), «Герои советского Китая» (1936), а также многочисленные газетно-журнальные публикации.

¹² В газете «П. М.» были напечатаны следующие материалы Хемингуэя, снабженные подзаголовками: «Хемингуэй интервьюирует Ральф Ингерсолл. Рассказ Эрнеста Хемингуэя о его поездке на Дальний Восток с тем, чтобы выяснить для себя, неизбежна ли война с Японией» (9 июня); «Русско-японский пакт. Эрнест Хемингуэй говорит, что русско-японский пакт не заставил Советов прекратить помощь Китаю» (11 июня); «Запасы каучука в Голландской Вест-Индии. Эрнест Хемингуэй говорит, что мы не можем позволить Японии грабить наши каучуковые плантации в Голландской Вест-Индии» (11 июня); «Япония должна сокрушить Китай. Эрнест Хемингуэй говорит, что Япония должна сокрушить Китай или выполнить требования СССР, прежде чем устремиться на юг» (13 июня); «Помощь США Китаю. Эрнест Хемингуэй говорит, что помощь США Китаю равна для американского второго флота сохранению одного линкора» (15 июня); «Положение японцев в Китае. После четырех лет войны японцы захватили лишь территории в равнинной части страны» (16 июня); «Китай нуждается в авиации. Эрнест Хемингуэй говорит, что Китай нуждается в пилотах, равно как и самолетах, для того чтобы одолеть японцев в воздухе» (17 июня); «Китайцы строят аэродром. Эрнест Хемингуэй рассказывает, как 100 000 китайцев день и ночь строили аэродром для бомбардировщиков» (18 июня). Эти публикации включены в сборник, по которому они и цитируются: Ernest Hemingway. *By-Line. Selected articles and dispatches of four decades.* L., 1950.

¹³ M. Gellhorn. *Travels with my self and Another.* N. Y., 1978, p. 30, 32.

¹⁴ Ernest Hemingway. *Op. cit.*, p. 287.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Японцы захватили Гонконг вскоре после начала боевых действий 25 декабря 1941 г., гарнизон капитулировал.

¹⁷ M. Gellhorn. *The Face of War.* L., 1958, p. 100.

¹⁸ Ernest Hemingway. *Op. cit.*, p. 288. Согласно новейшим данным, к середине 1940 г. китайская армия состояла из 280 пехотных и 12 кавалерийских дивизий, 49 пехотных, 8 кавалерийских бригад и 32 артиллерийских полков общей численностью в 6 млн. 200 тыс. человек. В это число входили войска КПК, 500 тыс. партизан, 1 млн. нерегулярных войск провинции, 1 млн. человек запаса. В 1940 г. возросла боевая мощь 8-й и 4-й армий, руководимых коммунистами: они составили соответственно 400 и 100 тыс. человек. (См.: История второй мировой войны. Т. 3. М., 1974, с. 173—174).

¹⁹ M. Gellhorn. *The Face of War*, p. 100.

²⁰ Ernest Hemingway. *Op. cit.*, p. 289.

²¹ J. Meyers. *Hemingway. A biography.* N. Y., 1986, p. 360.

²² С начала мая по сентябрь 1941 г. Чунцин стал вновь подвергаться сильным налетам японской авиации.

²³ Ernest Hemingway. *Op. cit.*, p. 290—291.

²⁴ In: C. Baker. *Ernest Hemingway.* L., 1972, p. 550—551.

²⁵ *Ibid.*, p. 305. Оценка Чан Кайши Хемингуэем во многом близка той, которую дает польский историк С. Гломбиньский, когда пишет: «Чан Кайши порой кажется человеком не нашей эпохи. По всей вероятности, это последний китайский «варлорд» (т. е. феодальный властелин, военный диктатор), верящий в то, что он стоит над законом и что законом может быть только сила» (С. Гломбиньский. *Китай и США.* М., 1975, с. 54). Автор приводит слова американского исследователя Стюарта Шрама об этом диктаторе, политические концепции которого «опирались только на принцип использования силы и насилия».

²⁶ M. Gellhorn. *The Face of War*, p. 76.

²⁷ J. Meyers. *Op. cit.*, p. 360. Чжоу Эньлай прибыл в Чунцин в июне 1940 г. по приглашению Чан Кайши, чтобы вести переговоры с Центральным правительством для решения спорных вопросов с КПК. 24 июля Чжоу Эньлай выехал в Северную Шаньси с текстом соглашения, а в августе вновь вернулся в столицу.

²⁸ Ernest Hemingway. *Op. cit.*, p. 297. В. И. Чуйков свидетельствует о том, что Чан Кайши и его жена в это время демонстративно стремились показать себя друзьями Советского Союза, тайно надеясь на то, что сумеют вызвать его конфликт с Японией. Они говорили о помощи СССР Китаю, давая понять, что это нарушает договор, в то же время распространяли слухи об усилении японской армии в Маньчжурии, чтобы посеять у нас недоверие к японцам. В это время западные дипломаты уже знали о подготовке японцами плацдарма для наступления на юг и стремились пойти на некоторые уступки агрессору. (См.: В. И. Чуйков. *Миссия в Китае.* М., 1981, с. 190—193).

²⁹ Оказывая помощь Китаю, Советское правительство следило за тем, чтобы она не использовалась против освобожденных районов, выступало за укрепление антияпонского, национального фронта. Всего в Китай было направлено более 1000 самолетов, 1600 орудий, а также пулеметы, винтовки, тягачи, запчасти и т. д. Более 200 советских летчиков отдали жизни, сражаясь в небе Китая. Среди советских советников были известные военачальники (помимо уже упоминавшегося В. И. Чуйкова): П. Ф. Батицкий, А. Я. Калягин, М. И. Дратвин и др. Их деятельность широко освещена в мемуарной литературе. См.: А. Я. Калягин. *По незнакомым дорогам.* (Записки военного советника в Китае). М., 1979; А. И. Черепанов. *Записки военного советника в Китае.* М., 1976; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев.

1925—1945. М., 1977; В небе Китая, 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980.

³⁰ Ernest Hemingway. Op. cit., p. 297.

³¹ Ibid., p. 298—299.

³² Ibid., p. 294—295.

³³ Ibid., p. 293.

³⁴ Ibid., p. 311.

³⁵ Ibid., p. 313.

³⁶ Ibid., p. 314.

³⁷ M. Gellhorn. The Face of War, p. 104.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ernest Hemingway. Op. cit., p. 295.

⁴⁰ E. Hemingway. Selected Letters, 1917—1961. N. Y., 1981, p. 522—523.

⁴¹ Ernest Hemingway. Op. cit., p. 295.

⁴² Э. Хемингуэй. Старый газетчик пишет... М., 1983, с. 158.

⁴³ E. Hemingway. Introduction.— Treasury for the free World. N. Y., 1946, p. XV.

А. Е. САНДРОВ

Народная Республика Кампучия последовательно претворяет в жизнь провозглашенный в августе—октябре 1987 г. курс на национальное примирение и политическое урегулирование кампучийской проблемы. Правительство НРК искренне стремится положить конец братоубийственному конфликту, добиться объединения всех патриотических сил страны во имя «построения в Кампучии прогрессивного, равноправного и справедливого общества». Движимое чувством исторической ответственности за судьбу родины правительство НРК выразило готовность вступить в конструктивный диалог о путях национального примирения со всеми противостоящими кхмерскими группировками и их лидерами, «исключая лишь Пол Пота и некоторых наиболее близких его пособников, запятнавших себя преступлениями против собственного народа».

Кто же эти сравнительно малоизвестные люди, входившие в близкое окружение пресловутого Пол Пота и ставшие его опорой в проведении в Кампучии в 1975—1978 гг. политики тотального геноцида? Какая доля ответственности лежит лично на них в кампучийской трагедии?

* * *

В марте 1985 г. в своей квартире в Париже был убит вместе с женой выходец из Кампучии, 40-летний профессор химии Чи Менг Хуот. Как сообщила полиция, совершившие покушение оставили наспех набросанную записку: «Пережившие кампучийский геноцид». По просочившимся во французскую печать сведениям, Чи Менг Хуот был высокопоставленным сотрудником могущественной службы безопасности полпотовского режима, работавшим незадолго до краха режима в печально знаменитой политической тюрьме Туолсленг в Пномпене.

Деятельность полпотовской службы безопасности с ее отлаженной организационной структурой, специальными вооруженными формированиями, обладавшей практически неограниченными правами и подчинявшейся непосредственно «ангке» — полпотовскому руководству партии (ККП), кровью вписана в историю Кампучии. Наиболее зловещая сторона ее деятельности связана с функционированием тюрьмы Туолсленг, где были уничтожены тысячи людей. Однако только этим карательные функции службы, естественно, не ограничивались — неисчислимые преступления совершались ее местными подразделениями, подчинявшимися руководству зон и районов.

В первые месяцы после освобождения Кампучии от марионеточного режима Лон Нола (17 апреля 1975 г.) работа службы безопасности была, в основном, направлена на розыск лиц, так или иначе связанных с деятельностью этого режима. Хотя в решениях ЦК ККП, принятых накануне победы, отмечалось, что немедленному уничтожению должны подвергаться «лишь» высшие офицеры и чиновники лонноловского режима, «местная инициатива» руководства ряда зон способствовала распространению расправ и на другие слои населения, прежде всего на представителей интеллигенции, на старых пар-

тийцев-интернационалистов, а затем и на всех потенциально инакомыслящих. Вместе с тем весьма вероятно, что массовые репрессии лишь «списывались» на местные органы, поскольку Пол Пот предпочитал на первых порах мажорировать и не брать ответственность на себя.

Специальный отдел службы безопасности под кодовым наименованием «С-21», предназначенный для координации действий центральных и местных сил безопасности, был учрежден в Пномпене в июне—августе 1975 г. Номинально этот отдел входил в структуру министерства обороны «Демократической Кампучии»¹, однако на практике все его основные документы и отчеты отправлялись лично Пол Поту.

Австралийский ученый С. Хэдэр, исследующий генезис полпотовщины, писал, что кампучийцы в беседах с ним для обозначения сил безопасности зон и районов употребляли слово «Сантесок», а центральный аппарат называли «Сантебал»².

Силы «Сантесок», предтечей которых послужили, судя по всему, отряды «Секретной гвардии» — военизированные формирования, созданные в 1963 г., — существовали повсеместно в годы борьбы против проимпериалистического режима Лон Нола (1970—1975), действуя строго в границах своих зон и районов. Наличие ответственного за вопросы безопасности было обязательно в каждом партийном комитете на всех уровнях, исключая лишь волости и сельскохозяйственные «коммуны». Что касается низших звеньев администрации, то руководителям волостей и «коммун» вменялось в обязанность информировать службу «Сантесок» о всех «сомнительных» случаях, для чего использовались группы осведомителей, доносивших о противниках режима, действительных или мнимых, или принимать меры самостоятельно³.

Подобная организационная структура вовсе не гарантировала полную лояльность службы безопасности местным партийным комитетам. Происходило скорее обратное — очень часто силы «Сантесок» использовались центральным аппаратом, находившимся под прямым контролем группировки Пол Пота, против местных руководителей, если они были заподозрены в оппозиционных настроениях. Так, в годы борьбы против режима Лон Нола во главе службы безопасности Восточной зоны⁴, руководство которой последовательно выступало за тесный союз и сотрудничество с Вьетнамом, стоял некий Тем (был репрессирован в 1978 г.). По многочисленным свидетельствам, силы безопасности этой зоны не принимали участия в развернувшихся в те годы репрессиях в отношении партийных кадров, которые после подписания Женевских соглашений по Индокитаю в 1954 г. были вынуждены выехать во Вьетнам и вернулись на родину только после 1970 г. Однако в начале 1975 г. силы безопасности Восточной зоны были расформированы и воссозданы лишь в 1977 г. на основе частей, прибывших из Центральной зоны⁵. Тогда-то в Восточной зоне, как и в других, начались массовые репрессии.

До апреля 1975 г. арест силами «Сантесок» еще не означал, что арестованный не имеет шансов на освобождение. При аресте же силами «Сантебал» заключенному в соответствии с имевшимися инструкциями сразу давали понять, что выхода у него нет и во избежание чудовищных пыток от него требуются «правдивые ответы» и признание «собственной вины». Так, в 1973 г. силами безопасности 24-го района Восточной зоны был арестован, но затем освобожден командующий войсками этого района Чан Саман, который был близок к Чуку, секретарю парткома 24-го района. Последний тоже был арестован в 1976 г., но уже силами «Сантебал», и отправлен в Туолсленг. В свою очередь и Чан Саман в 1978 г. вновь был подвергнут аресту и уничтожен в ходе начавшихся репрессий в отношении партийных работников Восточной зоны⁶.

По мере обострения внутрипартийной борьбы и укрепления центрального

аппарата службы безопасности, последний все больше превращался в организацию, находившуюся под полным контролем группировки Пол Пота. Механизм получения нужных показаний и определения «состава преступления» был чрезвычайно прост. Главный смысл допросов заключался в том, чтобы любыми способами заставить арестованных «признаться», что они работали на Вьетнам, ЦРУ или КГБ, причем первое обладало в «признаниях» арестованных ветеранов партии, а два последних чаще всего можно обнаружить в «признаниях» представителей интеллигенции, не являвшихся членами ККП. Порой допрашивающие, зная на основе полученных сверху указаний, что от них требуется, просто принуждали заключенных к составлению длинного списка имен «предателей, находящихся на службе» у иностранных разведок, и, не утруждая себя проверкой, отправляли полученные «признания» руководству. Подобные действия иногда подвергались критике со стороны руководства службы безопасности. В одном из документов совещания «С-21», посвященного методике ведения допросов, сообщалось, в частности, об имеющихся недостатках и приводился план «правильного и четкого» составления досье на заключенных⁷.

По мнению американского исследователя М. Веккери, руководители «Демократической Кампучии» были твердо убеждены, что существование различных взглядов в рядах партии является результатом деятельности иностранной агентуры⁸. Поэтому любой человек, имя которого фигурировало в «признаниях» арестованных, немедленно репрессировался. В зависимости от должности и «уровня вины» он подвергался допросу на месте или в Туолсленге. Таким образом, получался своего рода бесперебойный конвейер уничтожения в большинстве своем невинных людей.

Эту работу служба безопасности вела в полной тайне. Практически не существовало публичных или внутривластных обличений жертв чистки, не было внешних признаков того, что в партии что-то происходит. Потенциальные жертвы репрессий просто вызывались на «деловые консультации», «курсы повышения квалификации», «срочные совещания» или «празднования» и после допросов, которые могли продолжаться по нескольку месяцев, уничтожались. О произведенных арестах, выдвинутых обвинениях и о результатах расследования почти никогда не сообщалось⁹.

Даже исчезновения высокопоставленных деятелей режима никак официально не комментировались, что способствовало зарождению многочисленных слухов о таинственных перемещениях и конфликтах в верхах руководства. Внешний мир мог только догадываться о происшедшем, когда имя того или иного политического деятеля режима вдруг исчезало из информационных выпусков пномпеньского радио¹⁰.

Так, арест и казнь видного деятеля кампучийской революции Ху Юна, в течение определенного времени близкого к Пол Поту, стали очередным шагом в этом негласном терроре в партии уже на уровне ее руководства. Ху Юн был одним из наиболее известных деятелей партии в 60—70-е гг., его роль политического трибуна подтверждается документально¹¹. В период освободительной борьбы он неоднократно выступал с обращениями к членам партии и населению страны. Его позиции среди партийных «интеллектуалов» были общепризнанными¹². Однако в конце апреля 1975 г. Ху Юн неожиданно исчез с политической арены. Никто в партии не был официально оповещен о его аресте и гибели. Показательно, что некоторое время ходили слухи, будто Ху Юн убит во время артобстрела Пномпеня незадолго до его взятия¹³ или изгнан из партии по «моральным причинам»¹⁴.

Судьбу Ху Юна в 1975—1978 гг. разделили еще примерно полтора десятка руководящих деятелей режима, занимавших ключевые позиции в ККП,

правительстве и государственном аппарате «Демократической Кампучии». Имена этих людей одно за другим исчезали из информационных программ пномпеньского радио и появлялись в досье Туолсленга.

Всевластным шефом службы безопасности полпотовского режима и непосредственно тюрьмы Туолсленг был Кенг Ек Иеу, больше известный под «революционным псевдонимом» Доть. Сын рыбака из Кампонгтхома, сельский учитель, отсидевший в 1968—1970 гг. в тюрьме за политическую деятельность против режима Н. Снанука¹⁵, Доть был далек как от партийных «интеллектуалов», учившихся в начале 50-х гг. в Париже, так и от ветеранов Компартии Индокитая, которая до 1951 г. объединяла коммунистов Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Он принадлежал к числу тех левацки настроенных деятелей, выходцев главным образом из Юго-Западной зоны, которые составили надежную опору притязаниям Пол Пота на высшую власть. Политически малограмотного Дотю влекла в революцию ненависть к феодально-буржуазной элите Кампучии. Большое число молодых кампучийцев одинакового с Дотем происхождения примкнули к революции по тем же соображениям, однако многие из них впоследствии сами стали жертвами возглавлявшейся им службы безопасности. Поэтому одним только происхождением, как справедливо указывает М. Виккери, феномен Дотю объяснить нельзя¹⁶. Но, с другой стороны, очевидно, что именно выходцы из подобной среды, обладавшие весьма ограниченным кругозором и жизненным опытом и вступившие в политическую борьбу с середины 60-х гг., составили наиболее преданное окружение Пол Пота.

Мимолетные впечатления о Доте содержатся в воспоминаниях Франсуа Бизо, французского этнолога, в 1970 г. захваченного на территории Кампучии партизанами, которые продержали его в плену семь месяцев. Допрашивал его лично Доть, правда без пыток. Ф. Бизо, которому удалось убедить своих пленителей, что он не шпион, был в конце концов отпущен. Он обнаружил, что Доть, который сам избивал арестованных, если те не говорили ему «правды», считал, что все кампучийцы, придерживающиеся иных политических взглядов, чем он, предатели или лжецы¹⁷. Нетрудно заметить, что эта точка зрения полностью соответствовала будущей официальной линии руководителей «Демократической Кампучии».

Туолсленг — самая крупная из политических тюрем полпотовского режима — «центр допросов «С-21»», как ее официально именовали, располагалась в бывшем лицее Понья Ят, переоборудованном и отгороженном от города стеной с колючей проволокой. Туолсленг был избран местом дислокации и центрального аппарата службы безопасности («Сантебал»), хотя некоторое время после своего создания отдел «С-21» размещался в другом месте. Бывший охранник, а затем следователь Туолсленга Неу Кантха, который позже и сам оказался за решеткой, в «признаниях» утверждал, что был приписан к «С-21» в сентябре 1975 г., но лишь в июне 1976 г. направлен в Туолсленг, который был еще не до конца переоборудован. Полностью отдел «С-21» был переведен в Туолсленг в июле 1977 г.¹⁸

Неу Кантха упоминает также три других «центра», над которыми «С-21» осуществлял контроль. Они располагались в зданиях управления национальной полиции в Пномпене и в бывших лицеях Деккарт и Сангкум¹⁹. Существовали и провинциальные «центры», находившиеся в ведении службы «Сантесок», в частности в Сиемреапе, Кампонгтяме, Баттамбанге. Среди них выделяют «центр» в Такео, шефом которого был некий «товарищ Ан». Судя по докладам, посланным им в Пномпень, в Такео было уничтожено около 1,5 тыс. человек. При этом, в отличие от Туолсленга, где несколькими заклю-

ценным удалось уцелеть, «товарищ Ан» не оставил в живых ни одного свидетеля²⁰.

В Туолсленг службой «Сантесок» направлялись обычно «наиболее опасные враги» режима. Все заключенные делились на три категории. В первую входили высокопоставленные партийные и государственные деятели; во вторую — представители среднего и высшего звена военного командования; в третью — рабочие, крестьяне, солдаты и интеллигенты. Представители третьей категории обычно уничтожались после двух месяцев заключения, первой и второй — после шести²¹. Кроме того, в Туолсленге были казнены несколько десятков иностранцев — выходцев из Индии, Пакистана, арабских стран, Вьетнама.

Для обеспечения своей деятельности «Сантебал» располагал целой дивизией, один полк которой (под номером 703) — более 1 тыс. человек — был непосредственно приписан к Туолсленгу. Этот полк был разделен на команды связи, допросов, пыток и казни, дактилографии, безопасности и охраны, в которых служило немало 12—15-летних подростков²².

В тюрьме велся педантичный учет арестованных, составлялись анкеты с указанием их возраста, профессии, образования, даты ареста, списки вновь прибывших и казненных. Если арестованный отрицал предъявленные ему обвинения, к нему применяли пытки, которые подразделялись на несколько «уровней устрашения» и становились все более изощренными по мере упорства обвиняемого. «Признание» означало для арестованного лишь одно — смерть²³.

В камерах третьего этажа, где содержались рабочие, крестьяне, солдаты и представители интеллигенции, ютилось по 40—60 человек. Всего же в среднем ежедневно в Туолсленге находилось от одной до полутора тысяч заключенных. В 1975 г. было уничтожено 154 человека, в 1976 г. — 2250, в 1977 г. — 6330, в первой половине 1978 г. — 5765 человек²⁴. Число ежедневно отправляемых на казнь в 1977—1978 гг. возросло до 100—150 человек. Списки казненных подписывались лично Дотем и порой включали несколько сотен имен: 20 июня 1977 г. — 256, 18 октября 1977 г. — 179, 9 декабря 1977 г. — 301 человек²⁵.

Известный австралийский журналист А. Бэрнетт обнаружил в архивах Туолсленга «предсмертные признания» видного деятеля ККП Ху Нима, также когда-то близкого к Пол Поту²⁶. «Признания» содержат подробную автобиографию, много места в них посвящено истории партии, отношениям в высшем руководстве. Заставили, видимо, Ху Нима дать показания и на устраненного к тому моменту Ху Юна. Указывая на инкриминированные тому «ошибки», Ху Ним писал: «Ху Юн прямо и открыто выступал с критикой партийной линии (то есть линии группировки Пол Пота. — А. С.) до и после освобождения. Будучи индивидуалистом, он не проявлял уважения к партии и никого не слушался. После лонноловского переворота 1970 г. Ху Юн настаивал на том, чтобы обратиться к вьетнамцам с просьбой о помощи в освобождении восточного берега Меконга... После освобождения, когда партия приняла решение о ликвидации денег и рынков и об эвакуации жителей из городов, Ху Юн опять выступил против партийной линии»²⁷.

Всего в архивах Туолсленга сохранилось более 10 тыс. «дел» казненных руководящих работников партийного и государственного аппарата, армии. Среди них есть и «признания» упоминавшегося выше Чхука (Суах Нан), старого партийца-интернационалиста, одного из руководителей Восточной зоны, арестованного и казненного в Туолсленге в числе первых, и большое досье на Кой Тхуона, секретаря парткома Северной зоны, близкого по своим взглядам к Ху Ниму. Весьма характерны обвинения, предъявленные Кой Тхуону: после победы в 1975 г. он, несмотря на противодействие со стороны командующего войсками Северной зоны Ке Паока, попытался открыть в своей зоне рынки и ежедневные школы для детей²⁸.

Туолсленг был превращен в настоящий механизм по планомерному уничтожению действительных и мнимых противников полпотовского режима. Во время открытого процесса над главарями антинародной клики Пол Потом и Иенг Сари, который состоялся в Пномпене в августе 1979 г., был представлен документ, включающий имена 242 руководящих кадровых работников полпотовского режима, казненных в Туолсленге в период с 1976 по апрель 1978 г. В их числе 6 министров и 4 заместителя министров «Демократической Кампучии», 2 секретаря парткомитетов зон, 15 секретарей партийных комитетов районов, 8 политкомиссаров и 7 заместителей политкомиссаров дивизий, 8 членов дивизионных штабов, 5 политкомиссаров полков²⁹.

Инженер Унг Петь, один из восьми человек, кому посчастливилось остаться в живых в Туолсленге³⁰, выступил на процессе в числе главных свидетелей обвинения. Он сообщил ряд важных сведений об организационной структуре тюрьмы, порядке допросов и казней, об известных ему сотрудниках службы безопасности, работавших в аппарате «С-21».

Во время своего заточения в Туолсленге Унг Петь случайно встретился с известным деятелем партии Сиенг Посе. Последний включился в революционную борьбу с начала 60-х гг., а после апреля 1975 г. возглавил один из отделов министерства общественных работ. Именно от него Унг Петь узнал, что многие из видных деятелей кампучийского революционного движения уже уничтожены. Кроме того, по словам Сиенг Посе, были убиты более 600 представителей интеллигенции и студентов, которые вернулись из-за границы, откликнувшись на призывы полпотовской пропаганды «принять участие в социалистическом строительстве»³¹.

Австралийский журналист У. Бэрчетт считает, что из примерно тысячи вернувшихся в Кампучию в 1975—1978 гг. уцелело лишь 85 человек³², хотя судя по имеющимся сегодня материалам, оставшихся в живых, возможно, было больше. Первые несколько сотен человек возвратились в Пномпень уже в конце 1975 г. В течение последующих лет о них никто ничего не слышал, считалось, что всех их убили прямо в аэропорту по прибытии. Сейчас достоверно известно лишь, что сразу были уничтожены в основном бывшие офицеры лонноловского режима, проходившие военную подготовку за рубежом, главным образом в США. Значительную же часть вновь прибывших полпотовцы направляли в один из двух «центров политической переподготовки». Так, «центр Бынг Трабек», в южных пригородах столицы, предназначался для кампучийцев, работавших в 1970—1975 гг. в представительствах Национального единого фронта Кампучии за рубежом или обучавшихся в социалистических странах. Остальные направлялись в другой центр, разместившийся в здании бывшего Высшего технического института³³.

Окончивших курсы «переподготовки» отправляли в сельскохозяйственные «коммуны» для «трудового перевоспитания». Среди тех, кто вынужден был доказывать свою лояльность режиму, фигурировали даже такие лица, как Тьон Мумм — один из идеологов «красных кхмеров» и вдохновителей их «парижской группы» еще в 50-х гг., и его брат Тьон Чхум — ныне видный деятель «красных кхмеров», ведающий распределением продовольствия в лагерях кампучийских беженцев на территории Таиланда³⁴. Причем в те же годы, когда они отбывали трудовую повинность, их брат Тьон Тьен являлся министром здравоохранения «Демократической Кампучии».

Профессор Чи Менг Хуот, о котором шла речь выше, в числе других вернулся на родину в 1975—1976 гг. После «политического и трудового перевоспитания» он был назначен одним из руководителей специального комитета по «переподготовке» представителей интеллигенции. Встречавшиеся с Чи Менг Хуотом описывают его как яркого «фанатика». По указанию началь-

ства он составлял досье о политической благонадежности вернувшихся на родину интеллигентов. Многие из них после этого бесследно исчезли, а после краха режима их досье были обнаружены в архивах Туолсленга³⁵.

Непрекращавшаяся внутренняя борьба в полпотовской Кампучии не могла не затронуть и службу безопасности. 8 апреля 1977 г. был взят под стражу Мар Кхем Нуон (Пхун), заместитель Дотя. В списке репрессированных руководителей фигурируют имена еще пяти ответственных сотрудников службы «Сантесок», работавших в зонах, где в различные периоды возникла оппозиция группировке Пол Пота: Чап Ном — глава службы безопасности 23-го района Восточной зоны (арестован 29.VII.1977); Йонг Пао — глава службы безопасности 106-го Специального района Сиенреап (1.III.1977); Чан Пхат — глава службы безопасности Северной зоны (26.X.1977); Бан Сарин — его преемник на этом посту (9.I.1978); Ем Нут — заместитель начальника службы безопасности Северо-Западной зоны (16.I.1978)³⁶.

Однако самая массовая чистка среди сотрудников службы безопасности последовала за провалом выступления Вон Вета, который осенью 1978 г., по некоторым данным, попытался организовать мятеж против Пол Пота. Член Политбюро ЦК ККП и заместитель премьер-министра по вопросам экономики Вон Вет принадлежал к наиболее влиятельным лидерам режима. До 1976 г. он являлся заместителем министра внутренних дел, отвечая непосредственно за вопросы безопасности, и одновременно секретарем парткома и командующим войсками в важной Специальной зоне, примыкавшей к Пномпеню. Можно предположить, что он был связан с центральным аппаратом службы безопасности и попытался опереться на ее вооруженные формирования, которые в последние месяцы существования режима оставались, пожалуй, единственной надежной силой в распоряжении последнего.

Существует много версий относительно того, чего добивался Вон Вет, и как происходила сама попытка мятежа. Однако кроме мимолежного замечания правой руки Пол Пота — Иенг Сари о том, что «Вон Вет покончил жизнь самоубийством»³⁷, руководители «Демократической Кампучии» не дали объяснения неожиданному исчезновению в 1978 г. одного из «столпов» режима.

Во второй половине 1978 г. становилось все более очевидным, что антинародный экстремистский курс Пол Пота завел его режим в тупик. То там, то здесь вспыхивали народные выступления, грозившие вылиться в массовое восстание. Даже в среде политических деятелей, входивших в группировку Пол Пота, зрели мысли о необходимости изменения внутри- и внешнеполитического курса, прекращения пограничной войны с Вьетнамом, установления более широких контактов с другими странами.

В этих условиях всеобщее внимание привлекло к себе убийство 22 декабря 1978 г. в Пномпене профессора Манчестерского университета М. Колдуэлла. Этот английский ученый в сопровождении двух журналистов посетил 11 провинций Кампучии, проделав около 1 тыс. миль по опустошенной и разоренной стране. Самой страшной оказалась их последняя ночь в темном, безмолвном Пномпене, в пустынной гостинице. Подвергшийся нападению тайных убийц, раненный в грудь и живот, Колдуэлл умер на полу своей спальни. Лишь чудом его спутникам Элизабет Беккер и Ричарду Дадмэну удалось спастись, забаррикадовавшись в своих комнатах. Позднее представитель полпотовского МИД сообщил им, что один из покушавшихся якобы убит, другой застрелился, третий — схвачен³⁸. Жестокое убийство известного ученого, симпатизировавшего кампучийской революции, было сразу расценено зарубежными наблюдателями как «удар в спину Пол Пота», как стремление определенной части высокопоставленных деятелей режима привлечь внимание мирового

общественного мнения к ненормальной обстановке в «Демократической Кампучии»³⁹.

В 1981 г. японским журналистом в архивах Туолсленга были обнаружены показания одного из соучастников этого преступления, который назвал имя его организатора — Ни Кона, брата Сон Сена, нынешнего главнокомандующего полпотовскими вооруженными формированиями. В 1975—1978 гг. Ни Кон являлся начальником протокольного отдела МИД «Демократической Кампучии», ныне — командующий 320-й полпотовской «дивизией»⁴⁰. В этом же документе содержатся сведения о планах убийства членов японской делегации, находившейся в «Демократической Кампучии» примерно в одно время с М. Колдуэллом⁴¹.

* * *

7 января 1979 г. полпотовский режим рухнул, просуществовав немногим более трех с половиной лет. Однако главарю преступной клики Пол Пота и его ближайшим подручным удалось спастись от народного возмездия, укрывшись на территории Таиланда. Виновные в кровавых преступлениях против собственного народа, они и сегодня продолжают выступать на первых ролях в непрекращающейся вооруженной борьбе против НРК.

Создание в июне 1982 г. за пределами страны «коалиционного правительства Демократической Кампучии», в которое наряду с эмигрантскими кхмерскими группировками Нородома Сианука и Сон Санна вошли и полпотовцы, ставило целью не только объединить усилия противников НРК, но и попытаться реабилитировать полпотовцев в глазах мировой общественности. Эту же цель преследовали официально объявленные роспуск полпотовской партии (1981) и уход Пол Пота (1985) в отставку с поста «верховного главнокомандующего». В 1985 г. было также объявлено о роспуске Высшего военного комитета партии, который долгое время возглавлялся Пол Потом и включал Та Мока, Сон Сена и Ке Паока. Главнокомандующим полпотовских вооруженных формирований был назначен Сон Сен. На деле же и полпотовская партия, и ее военный комитет продолжают действовать, а Пол Пот, по свидетельству бывших членов его банд, перешедших на сторону НРК, остается их негласным руководителем, хотя его имя сейчас практически нигде не упоминается.

Наиболее экстремистски настроенным военным деятелем в высшем руководстве полпотовской группировки является ныне Та Мок, в августе 1985 г. открыто выразивший несогласие с назначением Сон Сена на пост главнокомандующего⁴². В 1980 г. в печати была впервые опубликована фотография Та Мока. Тогда же после бесед с беженцами из разных районов Кампучии журналистам удалось установить, что таинственный заместитель председателя Высшего военного комитета ККП Тхиен Чхит, жестокий руководитель Юго-Западной зоны Та Мок, заместитель генсека партии и заместитель председателя Постоянного комитета Собрания народных представителей «Демократической Кампучии» Нгоун Канг — один и тот же человек. Тогда-то и стала ясна действительная роль Та Мока в кампучийской трагедии, в чудовищных репрессиях против мирного населения и в жестоких расправах над партийными деятелями, выступавшими против линии группировки Пол Пота. Принц Нородом Сианук, сам жестоко пострадавший вместе со своей семьей от полпотовцев, как-то сравнил Пол Пота и его заместителя Та Мока с Гитлером и Гиммлером⁴³, хотя и заметил при этом, что когда «вы беседуете с Пол Потом, вы забываете, что он чудовище. Это человек, который улыбается, ласково говорит и внешне совершенно не похож на данный ему образ

второго Гитлера»⁴⁴. Та Мок же, лишенный качеств политика и дипломата, и внешне производит отталкивающее впечатление.

В декабре 1983 г. Та Мок потерял ногу в результате взрыва мины. По некоторым предположениям, это была попытка покушения⁴⁵. Однако, несмотря на это, он по-прежнему остается наиболее влиятельным военачальником в окружении Пол Пота. На сегодняшний день вооруженные формирования, непосредственно подчиняющиеся Та Моку, составляют более трети всех сил «красных кхмеров».

По имеющимся сведениям, Та Мок действует в тесном контакте с Дотем, который продолжает отвечать в полпотовской группировке за вопросы безопасности. Малейшее проявление недовольства, попытка высказать несогласие и тем более протест немедленно и жестоко наказываются. Деятельность службы безопасности включает в себя прежде всего запугивание населения во внутренних районах Кампучии, принуждение крестьян под страхом смерти оказывать помощь отрядам полпотовцев, а также расправы над представителями местных органов власти, членами НРПК, над всеми, кто выступает в поддержку политики правительства НРК. Беспощадные меры принимаются и против тех, кто, осознав что ведет борьбу против собственного народа, решился порвать с полпотовцами и перейти на сторону народной власти. А число таких людей, как и мирных жителей, насильно угнанных полпотовцами в Таиланд, а теперь возвращающихся на родину, год от года растет.

Действует служба безопасности Дотя и в лагерях кампучийских беженцев, расположенных на территории Таиланда вдоль кампучийско-тайландской границы⁴⁶. Влачащие нищенское и бесправное существование, кампучийцы живут там в обстановке жесткого контроля со стороны лагерных властей, постоянного страха быть объявленными «предателями», «проповедниками идей врагов», «пособниками вьетнамцев». Главная задача полпотовской службы безопасности — во что бы то ни стало удержать людей в лагерях, ведь именно из их числа формируются новые банды для вооруженной борьбы против народной Кампучии.

* * *

Провозглашенная правительством НРК политика национального примирения открывает реальные перспективы мирного урегулирования кампучийской проблемы в интересах народа Кампучии, дела мира, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом.

Как новый важный успех политики национального примирения расценила мировая общественность состоявшая в июле 1988 г. в Индонезии неформальную встречу четырех кампучийских сторон. Переговоры явились определенным этапом в деле поиска путей урегулирования кампучийского конфликта политическими средствами. Все это не может не вызывать удовлетворения у тех, кто действительно стремится к скорейшей ликвидации конфликтной ситуации в Кампучии и вокруг нее. И напротив, достойны осуждения те силы, которые и сейчас всячески пытаются сорвать начавшийся процесс, противодействовать законному стремлению кампучийского народа к национальному примирению. Правда о преступлениях палачей кампучийского народа — Пол Пота и его ближайших пособников, — становясь достоянием международной общественности, является важным оружием в руках подлинных кампучийских патриотов в их справедливой борьбе за установление мира и согласия на древней земле Ангора.

¹ См.: Материалы Народно-революционного трибунала над кликой Пол Пота — Иенг Сарн. Пномпень, август 1979 г., документ № 2.4.10.

² In: S. Heder. From Pol Pot to Pen Sovan to the Villages. (Доклад, представленный на международном симпозиуме по проблемам безопасности и стабильности в Юго-Восточной Азии, состоявшемся 19—21 июня 1980 г. в Чулалонгкорском университете в Бангкоке).

³ См.: Ю. П. Деметьев. Кампучия: крах маонистского эксперимента. М., 1979, с. 37.

⁴ По новому административному делению, оформленному еще в период войны 1970—1975 гг., в «Демократической Кампучии» вместо традиционных провинций учреждались зоны и районы.

⁵ In: B. Kiernan. Farm Chikens & Cormorants.— Revolution and its Aftermath in Kampuchea. New Haven, 1983, p. 206.

⁶ Ibid., p. 176—177.

⁷ См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.5.27.

⁸ In: M. Vickery. Cambodia: 1975—1982. Sydney, 1984, p. 151.

⁹ In: S. Heder. Op. cit.

¹⁰ Подобная таинственность приводила иногда к курьезным ситуациям. Когда в апреле 1976 г. было объявлено, что премьер-министром «Демократической Кампучии» назначен Пол Пот, это вызвало удивление у зарубежных наблюдателей, так как человек с таким именем до этого не фигурировал на политическом небосклоне Кампучии. Настоящее же имя Пол Пота — Салот Сар — не упоминалось в передачах радио Пномпеня уже ровно год, и создалось впечатление, что Салот Сар не является больше генеральным секретарем партии. Долгое время высказывались предположения о том, кто такой Пол Пот на самом деле? Одни считали, что это Рат Самын, учившийся вместе с Салот Саром в Париже, вернувшийся в Кампучию и после этого бесследно исчезнувший. Косвенные сведения, поступавшие из «Демократической Кампучии», также давали основание считать, что Пол Пот и Салот Сар — это два разных деятеля. (См.: «Far Eastern Economic Review» (FEER), 29.X.1976, 21.X.1977). И только в сентябре 1977 г. во время первого официального визита Пол Пота в зарубежную страну стало ясно, что глава правительства «Демократической Кампучии» Пол Пот и таинственный генеральный секретарь ЦК ККП Салот Сар — одно и то же лицо.

Небезынтересно отметить, что сам Пол Пот так официально и не признал, что он бывший Салот Сар. Не случайно в марте 1978 г. один из югославских журналистов, взявший интервью у премьер-министра «Демократической Кампучии», прямо поставил вопрос: «Кто же вы, товарищ Пол Пот?»

¹¹ In: T. Carney. Communist Party Power in Kampuchea. N. Y., 1977, p. 35.

¹² In: A. Vaguelh. Democratic Kampuchea: A Highly Centralized Dictatorship.— Revolution and its Aftermath in Kampuchea, p. 216.

¹³ In: J. Maurice. Cambodge: du sourire a l'horreur. P., 1977, p. 392.

¹⁴ In: A. Vaguelh. Op. cit., p. 217.

¹⁵ См.: «Азия и Африка сегодня», 1985, № 3.

¹⁶ In: M. J. Vickery. Op. cit., p. 152.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid., p. 151.

¹⁹ См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.4.10.

²⁰ In: "Southeast Asia Chronicle", № 77, February 1981, p. 28.

²¹ См.: Д. В. Мосяков. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». М., 1986, с. 123—124.

²² См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.4.10.

²³ М. Виккери насчитал всего три случая, когда арестованный, выстоявший на допросах всех «уровней устрашения», был признан невиновным.— In: M. Vickery. Op. cit., p. 126, 321.

²⁴ In: "New Statesman", 2.V.1980.

²⁵ См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.4.10.

²⁶ Об аресте Ху Нима, как обычно, сообщено не было, а на посту министра информации он был заменен Юн Ят, женой Сон Сена, в декабре 1977 г. Последний раз Ху Ним упоминался в январе 1977 г. в числе присутствовавших на банкете в честь делегации КНР.

²⁷ Peasants and Politics in Kampuchea. L., 1982, p. 390.

²⁸ In: M. Vickery. Democratic Kampuchea — Themes & Variations.— Revolution and its Aftermath in Kampuchea, p. 125.

²⁹ См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.5.24.

³⁰ Среди этих восьми — четверо детей, самому старшему из которых 10 лет. Остальные: Руй Нэакоинг, стюард, арестован 21 марта 1977 г.; Йем Чан, скульптор, работал в музее в Сиенреап, арестован в начале 1978 г.; Вонг Пхеан, бывший командир охранников Туолсленга, арестован в январе 1977 г.; Унг Петь, инженер, арестован в апреле 1977 г.— См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.4.10.

³¹ Там же, документ № 2.1.1.01.

³² In: W. Burchett. The China Cambodia Vietnam Triangle. L., 1981, p. 130.

³³ In: M. Vickery. Op. cit., p. 163.

- ³⁴ In: FEER, 9.XI.1979.
³⁵ Ibid., 16.V.1985.
³⁶ См.: Материалы Народно-революционного трибунала..., документ № 2.5.24. Обращает на себя внимание молодость этих деятелей. Все они примкнули к революции лишь в конце 60-х — начале 70-х гг.
³⁷ "Monde", 2.VI.1979.
³⁸ In: "Asiaweek", 12.I.1979.
³⁹ In: S. Thion, B. Kierpian. Khmers rouges. P., 1981, p. 25.
⁴⁰ In: FEER, 6.VI.1985.
⁴¹ Ibid., 16.VII.1982.
⁴² Ibid., 6.III.1986.
⁴³ Ibid., 5.XI.1986.
⁴⁴ "The Daily Telegraph", 15.VII.1985.
⁴⁵ In: FEER, 6.III.1986.
⁴⁶ См.: «Правда», 14.IX.1987.

23—25 июня с. г. в Алма-Ате состоялся советско-американский симпозиум по проблемам мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке. В ходе диалога была обстоятельно обсуждена обстановка на Корейском полуострове и приняты предложения, подготовленные советскими и американскими экспертами в рамках «Программы укрепления безопасности и снижения риска войны в азиатско-тихоокеанском регионе», разработанной ИДВ АН СССР и Международным институтом стратегических исследований при Стэнфордском университете (США).

Публикуя совместный материал, подписанный директором ИДВ АН СССР М. Л. Титаренко и руководителем Международного института стратегических исследований при Стэнфордском университете Дж. В. Льюнсом, мы имели в виду пригласить ученых и политических деятелей заинтересованных стран к продолжению работы по совершенствованию предлагаемых рекомендаций и претворению их в жизнь.

Существующие в Азии и на Тихом океане проблемы при всем их разнообразии имеют одну общую черту — для их решения необходимы поддержка и сотрудничество СССР, США и других ведущих азиатско-тихоокеанских держав. При том, что процесс урегулирования отдельных ситуаций может быть болезненным, он тем не менее в случае успешного решения почти наверняка приведет к созданию более здоровой международной атмосферы в Азии и к более конструктивному взаимодействию ведущих держав региона. Опыт советско-американского сотрудничества в решении подобных вопросов может вывести отношения между СССР и США, а в некоторых случаях и между двумя главными социально-экономическими системами в АТР, на новый уровень. Примером такого вероятного развития ситуации может стать Корея.

Корейский полуостров — одна из зон острой политической нестабильности и конфликтов в АТР. Это в частичной, но отнюдь не в полной мере, обусловлено нерешенностью проблем взаимоотношений между двумя частями страны. Международная обстановка смогла бы в большей степени способствовать межкорейскому диалогу, если бы СССР, США и другие великие державы региона, избегая какого-либо вмешательства во внутренние дела корейского народа, смогли бы создать более благоприятные условия для урегулирования корейской проблемы, исходя при этом из того, что главные, внутренние аспекты данной проблемы должны быть решены самими двумя корейскими сторонами.

В заявлении, принятом в результате московской встречи на высшем уровне (29 мая — 1 июня 1988 г.) между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и президентом США Р. Рейганом, отмечалось, что оба лидера наряду с другими региональными вопросами обсудили положение на Корейском полуострове. Признав, что имеются серьезные расхождения в оценке причин региональной напряженности и средств ее преодоления, лидеры двух стран согласились в том, что эти расхождения не должны стать препятствием к конструктивному взаимодействию между СССР и США. Они вновь подтвердили свое намерение продолжать на всех уровнях советско-американские дискуссии, нацеленные на то, чтобы помочь сторонам, участвующим в региональных конфликтах, найти мирные решения, которые укрепляли бы их независимость, свободу и безопасность.

Участники симпозиума выразили мнение, что СССР и США могут пойти на параллельные или скоординированные действия для решения некоторых между-

народных аспектов корейской проблемы. Это способствовало бы развитию диалога между КНДР и Южной Кореей, представляющими фактически две различные системы внутри одной нации. Советские и американские участники алма-атинского симпозиума отмечали, что новая форма межсистемных отношений в Корее и вокруг нее способствовала бы укреплению мира и стабильности на полуострове и стимулировала бы движение к объединению Кореи. При этом неизменно подчеркивалось, что объединение Кореи является внутренним делом корейского народа.

Соединенным Штатам и Советскому Союзу целесообразно придерживаться общего курса, направленного на ликвидацию взрывоопасной ситуации в Корее путем прекращения там политической конфронтации, снижения уровня военной конфронтации и превращения военного перемирия в прочный мир. Им следует активно поддерживать мирное объединение корейского народа, поощряя нормализацию отношений между двумя частями страны, установление контактов и связей между ними и их постепенное сближение. Этот процесс должен включать в себя расширение торгового и культурного взаимодействия и Севера, и Юга Кореи с международным сообществом. Таким образом, США и СССР должны поддерживать усилия каждого из корейских правительств, направленные на то, чтобы положить начало процессу снижения напряженности и нормализации обстановки на полуострове, ибо в конечном итоге сами корейцы несут ответственность за создание атмосферы и механизмов, способных привести к мирному воссоединению корейской нации. Соединенным Штатам и Советскому Союзу следует добиваться поддержки такого курса со стороны других заинтересованных стран, в частности КНР и Японии.

Соединенным Штатам и Советскому Союзу необходимо поддерживать программу установления доверия в Корее, признавая при этом, что такого рода меры должны предлагаться, обсуждаться и определяться Северной и Южной Кореей. Эти действия могут включать такие основные меры, как установление контактов между людьми, а также другие меры, имеющие политический характер. Основная цель состоит в том, чтобы подтвердить возможное наличие более конкретных и существенных вопросов для обсуждения. В качестве первых шагов на пути к более комплексным переговорам можно было бы предпринять следующие меры:

— организация регулярных встреч с открытой повесткой дня между министрами по проблемам объединения Северной и Южной Кореи или другими высокопоставленными представителями правительств;

— взаимные заявления об отказе от угрозы силой или применения силы в соответствии с Уставом ООН и провозглашение обязательства о невмешательстве во внутренние дела друг друга;

— развитие сотрудничества на основе уважения, независимости и взаимной выгоды, в том числе решение всех спорных вопросов и противоречий мирными средствами;

— взятие обязательств о создании специальных двусторонних каналов для обсуждения и решения всех спорных вопросов;

— усовершенствование системы телекоммуникаций между Пхеньяном и Сеулом.

Этот перечень имеет целью лишь определить характер первых шагов по установлению доверия, которые могли бы стимулировать процесс сближения между Севером и Югом. Точное содержание, формы и условия принятия таких мер должны быть определены Севером и Югом в их двусторонних консультациях.

Наряду с принятием предложений по краткосрочным мерам доверия или сразу же за этим можно было бы обсудить и принять меры, направленные на ликвидацию источников напряженности и способных снизить риск вооруженного конфликта на Корейском полуострове. В этих целях в качестве основы для дискуссии между государствами, вооруженные силы которых размещены на Корейском полуострове, можно было бы использовать некоторые меры доверия, одобренные в Стокгольмском документе от сентября 1986 г. Разумеется, при разработке конкретного содержания этих мер необходимо будет в полной мере учитывать обстоятельства, сложившиеся на Корейском полуострове.

Если бы в конечном итоге дискуссии привели к каким-то согласованным договоренностям на двустороннем или ином уровне, то они могли бы быть закреплены в документе, который касался бы нескольких главных действующих лиц в Северо-Восточной Азии. Совещание министров иностранных дел заинтересованных стран могло бы

одобрить, принять к сведению или осуществить меры, согласованные в результате переговоров. На таком совещании можно было бы также рассмотреть долгосрочные международные гарантии мира и безопасности в Корее.

Принятие некоторых других мер, влияющих на уровень вооруженных сил и вооружений, помогло бы снизить интенсивность военной конфронтации в Корее. Демилитаризованная зона (ДМЗ) на Корейском полуострове создает особые возможности в плане первых шагов к реализации этой цели. Поэтому при обсуждении вопроса об ограничении и снижении уровня вооруженных сил в первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, каким образом можно сделать демилитаризованную зону и прилегающие к ней районы менее подверженными напряженности и конфликтности.

Вопрос об уровнях вооруженных сил Севера и Юга, равно как и об общем уровне иностранных вооруженных сил в Корее, должен стать предметом переговоров. Европейский опыт предполагает, что сухопутные боевые соединения и определенные виды вооружений подлежат четкому определению в соглашениях по сокращению вооружений. Например, предметом переговоров могут стать танки, артиллерия, а также воинские соединения, которым приданы такие вооружения. Конечно, это сложный вопрос, и его следует тщательно изучить применительно к типам и уровням вооружений, подлежащих включению в любое соглашение по сокращению вооружений.

Необходимо также рассмотреть вопрос о ядерных вооружениях. Если бы было достигнуто соглашение о выводе ядерного оружия, оно предусматривало бы в будущем отказ от размещения ядерного оружия как в Северной, так и в Южной Корее. Все ядерные державы, имеющие отношение к ситуации в Корее, должны представить на этот счет соответствующие совместные гарантии.

Помимо ограничения уровней и типов сил, подлежащих включению в соглашение, будет необходимо ограничить доставку вооружений в Корею, а также ограничить уровни и виды оружия, которое может производиться на месте. Например, если бы можно было достичь соглашения о количестве танков на Корейском полуострове, поставщики танков пришли бы к пониманию недопустимости превышения предусмотренных пределов. Если бы удалось договориться о сокращении или в некоторых случаях ликвидации конкретных видов вооружений, то предприятия, выпускающие такие вооружения, сократили бы производство, были бы переведены на выпуск другой продукции или демонтированы.

Данные предложения имеют целью подвести к мирным изменениям, ведущим к возобновлению нормальных и естественных человеческих и государственных отношений между всеми частями Северо-Восточной Азии. Корейский полуостров являет собой наиболее яркий пример того, как народ, в течение веков единый в этническом, культурном и языковом отношениях, оказался сейчас трагически разделенным на две враждующие части. Если данная или примерно такая программа получит поддержку двух корейских сторон и всех ведущих держав региона, то могут быть созданы условия, необходимые для целенаправленного обсуждения более долгосрочных политических задач, в том числе задач объединения страны и прогрессивного решения существующих политических проблем. Более того, применение изложенных в данном документе мер в тщательно рассчитанной последовательности может послужить интересам всех ведущих держав. Снижение напряженности в Корее и укрепление здесь мира и безопасности облегчит решение других проблем безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

Таковы долговременные возможности, которые могут открыться даже на самом первоначальном этапе обсуждения проблем стабильности, безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

Расширяется сеть ЭВМ

А. В. НЕМЕЦ

Широкое использование ЭВМ в Китае началось примерно на 20 лет позже, чем в развитых капиталистических странах. До начала 80-х гг. сфера использования ЭВМ практически была ограничена научными и военными организациями. Следует отметить, что процесс распространения ЭВМ в КНР приобрел особую интенсивность в ходе хозяйственной реформы в городах.

Положение с использованием ЭВМ особенно резко изменилось к середине 80-х гг. Если в 1981—1983 гг. в КНР было изготовлено всего 7500 микроЭВМ, то в 1984 — 27 тыс., в 1985 — 35 тыс. Кроме того, в 1984—1985 гг. около 70 тыс. микроЭВМ было импортировано. На конец 1985 г. общее число микроЭВМ, используемых в стране, превысило 130 тыс.; больших, средних и миниЭВМ насчитывалось 7 тыс. (против соответственно 600 и 2900 на конец 1980 г.)¹.

В 1985 г. на китайском рынке ЭВМ (в первую очередь, микроЭВМ) возник острый кризис сбыта, который в свою очередь привел к значительному сокращению производства и почти полному прекращению импорта вычислительной техники. Главной причиной кризиса стало отсутствие необходимой для массового внедрения ЭВМ инфраструктуры, нехватка квалифицированных программистов и операторов, неподготовленность ремонтной базы. В результате дорогостоящая техника использовалась очень слабо. Положение еще более ухудшилось в результате мер, принятых правительством КНР в 1985 г. для уменьшения «перегрева» экономики, — таких, как сокращение госбюджетных капиталовложений в основные фонды и банковских кредитов.

В июне 1986 г. в Пекине состоялось Всекитайское рабочее совещание по применению ЭВМ. В ходе совещания был обобщен накопленный в данной области опыт, выработаны меры для преодоления кризиса сбыта и принят план широкомасштабного внедрения ЭВМ на 1986—1990 гг. В частности, было намечено к 1990 г. расширить парк микроЭВМ до 800 тыс. штук; поставлена задача, используя возможности ВУЗов и специализированных курсов, увеличить число квалифицированных пользователей ЭВМ со 110 тыс. единиц в 1985 г. до 610 тыс. в 1990 г.

Пекинское совещание по ЭВМ приняло решение о создании в 1986—1990 гг. следующих крупномасштабных систем управляемых ЭВМ: 1) системы почтово-телеграфной связи; 2) общегосударственной системы экономической информации; 3) системы управления банками; 4) контроля электросетей; 5) управления железными дорогами; 6) прогноза погоды; 7) обслуживания гражданской авиации; 8) поиска научно-технической информации и др.

Канторская автоматизация финансовой сферы

К началу 1987 г. в банковских учреждениях КНР действовало примерно 5800 микроЭВМ в составе нескольких сетевых систем обработки данных, опытная эксплуатация которых началась во второй половине 1986 г. В 1987 г. они были приняты в постоянную эксплуатацию. Эти сети соединяют большинство крупных городов по всей КНР.

Промышленно-торговый банк КНР, финансирующий промышленные и торговые предприятия, к концу 1986 г. установил в своих отделениях по всей КНР 110 микроЭВМ и соединил их с помощью линий телекной связи. В результате была частично автоматизирована канторская работа не только в главных отделениях банка в каждой провинции, но и в части отделений среднего уровня².

Всего к концу 1986 г. микроЭВМ были установлены примерно в 300 отделениях этого банка в 30—40 крупных городах КНР. В Пекине создается особо широкая сеть ЭВМ, которая к 1990 г. соединит 3 ВЦ банка, 73 отделения и 322 сберкассы по всему

городу (к концу 1986 г. она охватывала не более 10 отделений). В первой половине 1987 г. Промышленно-торговый банк установил еще 2000 микроЭВМ, причем 600 единиц — в отделениях нижнего уровня и сберкассах; к середине 1987 г. банк, совместно с Шанхайским заводом ЭВМ, разработал модели микроЭВМ, предназначенные для массового выпуска и последующей установки в своих сберкассах, число которых составляет по всей КНР до 20 тыс.³

Банк Китая, осуществляющий операции с валютой, начал использовать ЭВМ еще в семидесятых годах. В последующие годы масштабы операций банка возросли в десятки раз, но за счет широкого использования ЭВМ число занятых в банке увеличилось лишь на 50 %. В специальной экономической зоне Шэньчжэнь на границе с Гонконгом, где валютные операции осуществляются особенно интенсивно, к концу 1986 г. была создана сеть ЭВМ, охватывающая все отделения и сберкассы банка.

Сельскохозяйственный банк КНР начал использовать ЭВМ в 1984 г., в 1985 г. создал сеть ЭВМ, включающую 20 отделений банка в крупнейших городах, а в 1986 г. расширил ее до 35 отделений.

В первой половине 1987 г. предполагалось создать четырехуровневую сеть: центр, главные отделения в крупнейших городах, отделения среднего уровня, низовые организации (сберкассы). Новая система выполняет 8 основных видов банковской конторской работы и в первую очередь составляет подробные статистические сводки.

Китайский Народный банк в 1986 г. купил у японской фирмы «Хитати» 15 больших и средних ЭВМ с целью создать сеть ЭВМ, соединяющую Пекин и главные местные отделения банка⁴.

Банковская система КНР планирует охватить сетью ЭВМ все финансовые учреждения до сберкасс включительно. По мнению китайских экономистов, это является необходимым условием быстрого развития товарного хозяйства в стране.

Автоматизация административно-управленческих работ в промышленности

В КНР пропагандируется опыт внедрения ЭВМ на заводе горношахтного оборудования в Лояне (провинция Хэнань). Этот завод с целью модернизации управления затратил 1,8 млн. юаней на закупку и установку 30 микроЭВМ и одной миниЭВМ. В результате в начальной степени реализован перевод на ЭВМ конторской работы в области кадров, финансов, материалов, планирования. Это позволило значительно повысить скорость оборота капитала, резко увеличить прибыль завода и экспорт продукции⁵.

Всего в КНР действует более 8 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, которые в 1986 г. дали примерно на 500 млрд. юаней продукции (валовое промышленное производство КНР составило в 1986 г. 900 млрд. юаней). В среднем каждый из этих заводов в 1986 г. выпустил продукции на 60—70 млн. юаней и, исходя из обычных для КНР пропорций, израсходовал 5—6 млн. юаней на техническую реконструкцию⁶.

После Всекитайского рабочего совещания по применению ЭВМ Госсовет КНР принял решение, позволяющее промышленным предприятиям использовать 3—5 % средств, расходуемых на техническую реконструкцию, для закупки ЭВМ⁷. Таким образом, уже в 1986 г. каждое из больших и средних предприятий должно было израсходовать на закупку ЭВМ в среднем до 300 тыс. юаней (фактически было израсходовано меньше), что на тот момент соответствовало стоимости 10 изготовленных в КНР микроЭВМ высокого уровня.

К концу 1986 г. от 1 до 10 микроЭВМ были установлены и использовались для конторской автоматизации на 60—70 % больших и средних предприятий провинций Цзянсу, Ляонин, городов Шанхая, Тяньцзиня, то есть наиболее промышленно развитых районов. В целом по КНР этот показатель можно оценить в 50 % и выше. Даже в такой китайской «глубинке», как провинция Сычуань, еще в 1985 г. на 587 больших и средних предприятиях действовало 2080 ЭВМ всех типов⁸.

Особо интенсивно перевод на ЭВМ конторского труда происходит в черной металлургии, угольной и нефтяной промышленности. На крупнейших нефтепромыслах (Дацин в провинции Хэйлунцзян, Шэнли в провинции Шаньдун, Ляохэ в провинции Ляонин, Чжунъюань в провинции Хэнань), дающих 80 % всей нефтедобычи в КНР,

для этой цели используются как микро- и миниЭВМ, так и большие импортные ЭВМ. В черной металлургии системы конторской автоматизации высокого уровня действуют на 10—20 комбинатах мощностью в 1 млн. т стали в год и выше; на нескольких десятках местных предприятий мощностью в 100—500 тыс. т стали в год (в провинциях Шаньдун, Цзянсу, Шаньси) к концу 1986 г. для этой цели было установлено от 2 до 10 микроЭВМ.

К концу 1986 г. конторская автоматизация была частично внедрена на нескольких тысячах больших, средних и малых государственных машиностроительных предприятиях (только в Шанхае таких предприятий было 300—400). В 1985—1986 гг. на одном из машиностроительных заводов в Чунцине (провинция Сычуань) с помощью Пекинского промышленного университета на базе микроЭВМ была реализована «система полного управления информацией» (кадры, финансы, производственный план и его выполнение, склады деталей и готовой продукции, производственное оборудование) в масштабах одного цеха. Распространение этой системы может резко ускорить внедрение микроЭВМ в промышленности КНР.

В 1985—1986 гг. автоматизация конторского труда осуществлялась также на малых государственных и коллективных предприятиях. В 1986 г. началась массовая подготовка квалифицированных пользователей ПЭВМ (персональных ЭВМ) для сельских предприятий, общее число которых превышает 12 млн.

Автоматизация административно-управленческих работ в государственных учреждениях и перспективы создания общекитайской сети ЭВМ

К началу 1987 г. все министерства и комитеты Госсовета КНР в различной степени использовали ЭВМ в конторской работе. Распространению ЭВМ способствует деятельность в этих городах многочисленных научно-технических корпораций коллективного типа. Например, формально подчиненная АН КНР Пекинская корпорация ЭВМ «Кэхай» оснастила системой конторской автоматизации ряд правительственных учреждений КНР⁹.

Другая коллективная организация — Шанхайская корпорация развития информационной техники «Сюаньдао» — в 1986 г. создала систему конторской автоматизации большого типа, которая к началу 1987 г. успешно использовалась в более чем 200 организациях, включая канцелярию ЦК КПК, Шанхайское городское правительство, ряд промышленных предприятий¹⁰.

В государственных учреждениях КНР ЭВМ используются не только для обработки текстов, хранения документов, выдачи сводок, но и для многих других целей. Министерство космической промышленности, ГКНТ КНР независимо друг от друга разработали программное обеспечение для оценки кадровых работников (работоспособность, знания, моральный уровень, успехи в работе) на основе опросов общественного мнения. Осенью 1986 г. в Пекинском университете впервые в КНР была создана программная система работы со сводом законов (база данных, содержащая большой объем информации о законах КНР), предназначенная для юридической сферы.

Ведется работа по распространению конторской автоматизации в учреждениях уездного уровня (всего в КНР 2 тыс. уездов). В декабре 1986 г. НИИ ЭВТ провинции Хунань и народное правительство одного из уездов провинции совместно создали «конторскую систему микроЭВМ для начальника уезда (т. е. председателя уездного совета народных представителей)». Она разрабатывалась под руководством ГКНТ КНР и комитета по науке и технике провинции Хунань.

Это первая в КНР многоцелевая система конторской автоматизации для административных организаций уездного уровня. В ней соединены теория систем, прикладная математика, общественные науки и новые информационные технологии. Она реализует функции редактирования документов, обработки сводок, прогноза и оценки экономических показателей, поддержки принятия решений, анализа динамики населения. Система резко упрощает работу руководства уезда. По мнению китайских специалистов, ее следует широко распространить в КНР¹¹.

Создаются и системы для решения частных задач на уровне провинции и уезда. Например, в Вэйфане (провинция Шаньдун) летом 1986 г. прошла аттестацию система конторской автоматизации для налогового ведомства нижнего уровня (уве-

личению поступлений в госбюджет и борьбе с недоплатой налогов в КНР прида-ется очень большое значение). Осенью 1986 г. финансовое управление Чунцина (провинция Сычуань) внедрило систему из 6 микроЭВМ, разработанную Чунцинским НИИ средств автоматизации. Судя по всему, к концу 1986 г. системы конторской автоматизации уже использовались во многих финансовых учреждениях на периферии. В Гуанчжоу и Нанкине в 1986 г. широко использовались системы оценки кадровых работников, аналогичные вышеуказанным.

В целом к 1987 г. ПЭВМ получили определенное распространение в административных организациях по всей территории КНР, включая Синьцзян.

В январе 1987 г. в Пекине был создан Государственный центр экономической информации. Он будет выполнять следующие обязанности: обеспечение своевременного, точного, находящегося на современном уровне информационного обслуживания для организаций экономического управления всех уровней в центре и на местах; предоставление необходимых для управления экономикой консультаций по всем вопросам.

Этот центр является составной частью общекитайской государственной системы экономической информации, которая к началу 1987 г. включала 37 ВЦ с 52 большими и средними ЭВМ и 1500 мини- и микроЭВМ. В этой системе работает 4 тыс. специалистов в области ЭВМ и управления экономикой, она представляет собой одну из крупнейших сетей ЭВМ в КНР¹².

Шанхайский городской центр экономической информации был создан через несколько дней после государственного центра. С сентября 1986 г. начались занятия в Уханьском (провинция Хубэй) государственном учебном центре систем экономической информации. Он был создан на средства Госплана и местных средств с целью подготовки технического персонала среднего и высокого уровня для работы с ЭВМ. В ноябре 1986 г. в Юньнани (один из наиболее отсталых районов КНР) вступила в эксплуатацию первая в КНР провинциальная сеть микроЭВМ для обмена экономическими данными.

Таким образом, к началу 1987 г. широко развернулась работа по созданию общекитайской многоуровневой системы сбора, обмена и накопления экономической информации; в основе системы — сеть ЭВМ, которая охватит всю территорию КНР.

Создание государственной системы экономической информации является одной из важнейших задач седьмой пятилетки (1986—1990) КНР. Этой работой руководит Госплан и Государственное статистическое управление страны. Система будет реализована на базе 4-уровневой сети ЭВМ: 1) государство (центр), 2) отрасли (министерства) и провинциальные центры, 3) главные города (около 300), 4) уезды (примерно 2 тыс.) и большие и средние предприятия (более 8 тыс. на начало 1986 г. только в промышленности).

На создание данной системы до середины 90-х гг. планируется израсходовать 6—7 млрд. юаней. Можно сделать вывод, что она будет включать несколько сот тысяч микроЭВМ высокого уровня. В ее состав, очевидно, войдут банковская, железнодорожная и другие сети ЭВМ.

Председатель Госплана КНР Сун Пин в январе 1987 г. заявил, что стране для реализации в течение предстоящих нескольких десятилетий плана модернизации совершенно необходимо иметь общекитайскую информационную систему, оснащенную ЭВМ.

Нехватка быстрой, точной и полной информации создает в последние годы многочисленные проблемы для экономики страны. В настоящее время различные министерства Госсовета собирают собственные данные из различных источников и составляют свою собственную статистику. В результате часто появляются отличающиеся друг от друга сообщения об одних и тех же объектах; создается больше помех, чем полезной информации.

В этих условиях руководители страны вынуждены тратить перед принятием решений в области экономической политики много сил и времени на анализ этой часто недостоверной информации. В частности, это приводит к большим потерям в капитальном строительстве. Поэтому, как подчеркивал Сун Пин, в КНР необходимо создать современную, совершенную информационную сеть¹³.

Ряд провинций активно ведет работы по созданию такой системы. Так, в Шэньяне, центре провинции Ляонин, одной из важнейших промышленных баз страны,

18 августа состоялось совещание относительно проектирования провинциальной системы экономической информации. В седьмой пятилетке предстоит частично сформировать единую провинциальную систему сбора, обработки, хранения и передачи экономической информации, которая будет охватывать 80—90 % работы, выполняемой в провинциях в данной сфере.

Предстоит создать 3-уровневую систему экономической информации: 1) провинция (провинциальные центры экономической информации); 2) города (центры экономической информации в 13 крупнейших городах — Шэньян, Далянь, Аньшань и др.); 3) уезд (20 уездных центров экономической информации). К системе будут подсоединены 10 подсистем провинциального уровня (планирование, статистика, финансы), а к 1990 г. — примерно 100 больших предприятий.

Государственный центр экономической информации, вошедший в строй в январе 1987 г., продолжает быстро расширяться. В сентябре здесь были созданы первая в КНР макроэкономическая база данных и прикладная система на ее основе. База данных содержит более 40 тыс. плановых и экономических показателей по 20 отраслям народного хозяйства, в ней накоплено 2,5 млн. различных данных¹⁴.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 5.VI.1986; «Никкэй электроникс» (яп.). 12.I.1987, с. 265; «Никкэй компьютер» (яп.), 9.VI.1986, с. 87.

² См.: «Жэньминь жибао», 28.II.1987.

³ См.: «Вэньхойбао», 8.VII.1987; In: "China daily", 25.IX.1986; 6.IX.1987; 27.VI.1986.

⁴ In: "Asian Electronic Union", 1986, № 4, p. 8.

⁵ См.: «Цзицзи жибао», 18.VII.1986.

⁶ См.: «Чжунго тунцзи юэбао», 1987, № 3, с. 46.

⁷ In: "Beijing Review", 21.VII.1986.

⁸ См.: «Сычуань жибао», 14.VI.1987; «Жэньминь жибао», 1.II.1987.

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 24.XII.1986.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 9.I.1987.

¹¹ См.: «Гуанмин жибао», 15.XII.1987.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 25.I.1987.

¹³ In: "China daily", 26.I.1987.

¹⁴ См.: «Гуанмин жибао», 23.IX.1987.

А. А. ДОЛИН,
кандидат филологических наук

II. В огне сражений

Почти тридцать лет бушевала над Китаем гроза крестьянской войны. В 907 г. рухнула обескровленная династия Тан, и еще полвека в стране продолжались междоусобицы. Тем временем на Севере наращивало силы государство киданей-кочевников — империя Ляо. От Великой стены орды степняков неуклонно продвигались в центральные районы, преодолевая упорное сопротивление разрозненных китайских армий, сея на своем пути смерть и разрушения. В 946 г. пал Кайфын. Гибель Поднебесной предсказывали астрологи.

В 959 г. в поход против киданей выступила армия царства Позднее Чжоу во главе с императором Чай Жуном. Добившись некоторых успехов и освободив часть провинции Хэбэй, император внезапно заболел и умер. Руководство войсками перешло к прославленному полководцу Чжао Куаниню, который был провозглашен первым императором династии Сун и принял тронное имя Тайцзу (Великий предок). Недолгий срок правления этого энергичного военачальника (960—976) был ознаменован рядом реформ, направленных на укрепление централизованной власти и бюрократического административно-чиновничьего аппарата.

До конца своих дней император Тайцзу не забывал ушу, воинских искусств, в которых он был большой мастер. Еще будучи просто воеводой Чжао, он основал школу кулачного боя, которой дал название «Длинные кулаки» (чанцюань). Придя к власти, Тайцзу учредил многочисленную гвардию, так называемые отряды запретного города. В гвардии изучение приемов рукопашного боя без оружия считалось обязательным и приравнивалось к прочим видам воинских искусств. Состязания по ушу включались в программу турниров, широко практиковавшихся при дворе, и победители пользовались особым расположением Сына Неба.

Школа «Длинные кулаки» явилась переходным звеном от эзотерического монастырского стиля к массовому, доступному в первую очередь воинскому сословию. Сам Тайцзу в молодости обучался кулачному бою (цюаньшу) у одного из хранителей традиций Шаолиня. Видя недостатки косной системы рукопашного боя, издревле укоренившейся в армии, он попытался адаптировать сложный монастырский комплекс и приспособить его к реальным возможностям среднего солдата. Хотя придворные панегиристы и называли императора спасителем школы Шаолиня, его стиль не отличался оригинальностью, во многом уступая по эффективности классическому монастырскому ушу. В основу 32 приемов школы «Длинные кулаки» был положен принцип боя на

дальней дистанции со стремительным передвижением по прямой. Использовались главным образом проникающие удары кулаком, «подушечкой» стопы и пяткой в ограниченных комбинациях. Из императорской гвардии новый стиль ушу, сравнительно простой в усвоении и не требовавший обязательных для монаха запретов на мясо, вино и женщин, вскоре перекочевал в гушу кайфынского простого люда, а оттуда разошелся по всей стране. Однако чанцюань на протяжении веков оставался излюбленным стилем армейской элиты. Еще дальние потомки Тайцзу, оказывавшие героическое сопротивление монголам в XIII в., были известны как мастера чанцюань. Не только офицеры и солдаты, но и многие отпрыски родовитых семейств, придворные аристократы, усердно упражнялись в кулачном бое, рассматривая свои занятия как средство для продвижения в чинах. Известно, что при сунском императоре Шэньцзуне в монастырях, еще хранивших секреты Шаолиня, устраивались специальные курсы по обучению воинским искусствам, в первую очередь ушу, для перспективных молодых военных. Преподавание велось по сокращенной программе школы «Длинные кулаки».

Страстными ревнителями светского ушу были и странствующие рыцари, искатели приключений, число которых неизменно возрастало после разного рода смут, мятежей и военных кампаний. Образ рыцаря-бродяги в высокой шляпе, с длинным мечом и крепкими кулаками не менее популярен в китайской литературе, чем соответствующий персонаж в европейских средневековых балладах и повестях. Этот благородный скиталец, всегда готовый вступить за слабого и покарать несправедливость, совмещающий в себе черты Ланселота и Робин Гуда, до самого недавнего времени оставался любимым героем народных рассказчиков и не сходил со страниц авантюрных романов. Больше всего, конечно, китайский рыцарь любил побаловаться с оружием. Рассказы о чудесах владения мечом или копьем, проявленных витязем при тех или иных обстоятельствах, занимают в фондах китайской классики несколько объемистых томов. Однако многие легендарные защитники правого дела отличались и другими необычайными физическими способностями. Например, герой средневекового романа Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых» Чжань Чжао не только прекрасно фехтовал и стрелял из лука, но и умел ловко взбираться на гладкий столб, прыгать с высокой башни, в мгновение ока подняться на крышу. За столь выдающиеся качества император лично пожаловал Чжань Чжао прозвище Придворный Кот. Еще один герой романа по прозвищу Золотоволосая Мышь обладал способностью пролезать в звериные норы, слуховые оконца и прочие отверстия, куда нормальный человек с трудом мог просунуть голову. Каким образом совершались подобные чудеса ловкости?

Странствующие рыцари, чаще всего с детства обучавшиеся премудростям военного дела у наставников — даосов или чаньских монахов, — были в буквальном смысле слова профессионалами. Но уже в эпоху Сун, принимая активное участие в народных восстаниях, они охотно делились опытом со всеми желающими. Крестьянские армии, собиравшие под свои знамена сотни тысяч воинов, зачастую не уступали в выучке карательным отрядам. Организованному обучению приемам рукопашного боя, в особенности ушу, немало способствовала и деятельность влиятельных тайных обществ, носивших религиозную окраску. Уже в XIII в. они слились в одну секту под названием «Белый лотос».

Общим для всех сект, инспираторов могучих антифеодалных выступлений, было учение о грядущем мессии, будде Майтрейе (Милэ). Все они, вне зависимости от преобладания тех или иных религиозных влияний (буддизма с примесью даосизма, манихейства, местных языческих верований и т. п.), проповедовали идею изначального равенства людей как детей единой «Нерожденной старой матери» (ушэн лаому). Согласно легенде, она некогда разгнева-

лась на порочный род человеческий и вознамерилась его уничтожить. Затем, однако, владычица сменила гнев на милость и оставила людям путь к спасению, к достижению нирваны. Кроме того, в дальнейшем она пообещала приход на землю спасителя (Майтрейи) для свершения «божьего суда» и установления царства справедливости. В противоположность характерной для классического буддизма концепции пассивности члены секты выдвигали идею активной подготовки к грядущему блаженству. При этом в среде крестьян и бедных горожан, не слишком искушенных в проблемах теологии, особое значение придавалось физическому аспекту самосовершенствования, и прежде всего овладению приемами самообороны.

В XII—XIII вв. сформировавшееся на основе секты тайное общество Минцзяо подготовило и возглавило несколько восстаний на юго-востоке Китая, из которых крупнейшим было выступление крестьян под руководством Фань Ла в 1120—1122 гг. Одновременно на севере — в Хэнане, Шаньдуне и Цзянсу — ширилось восстание под руководством народного героя Сун Цзяна, воспетое в знаменитой средневековой эпопее Ши Найяня «Речные заводи». В первых рядах восставших шли участники общества «Белый лотос».

Тайные общества такого типа, имевшие подчас многовековую историю, были своего рода религиозно-политическими объединениями, игравшими не последнюю роль в классовой и национально-освободительной борьбе китайского народа.

Члены общества верили, что карму человека в его земной жизни можно изменить тренировкой тела и бесчисленным повторением заклинаний-мантр, воплощающих квинтэссенцию всего учения. Так, у членов общества «Белый лотос» основной мантрой служил такой «текст»: «Абсолютная пустота — родина, извечное — матушка, прошлое — настоящее, Милэ — грядет».

При обучении цюаньшу в лоне буддийских сект мантрам уделялось большое внимание как вспомогательному средству для достижения экстатического транса при тренировках или для сосредоточения внимания, «настройки на единую волну» при групповой медитации. Роль мантры могли играть изречения древних мудрецов, фрагменты из наставлений отца-основателя школы, из старинных трактатов по воинским искусствам, соответствующие места из канонических сутр, а иногда — и народные боевые песни. Непосредственной целью использования мантр при тренировках было пробуждение жизненной энергии (ци). Поскольку произнесение определенной мантры в сознании человека прочно ассоциировалось со всем комплексом сложных упражнений, требующих мобилизации воли, духовных и физических сил всего организма, то со временем выработывался своего рода условный рефлекс. Одним лишь произнесением мантры (а иногда в сочетании со священным жестом — мудрой) мастер мог привести себя в состояние боевой готовности, а при необходимости — и в состояние полного транса.

Общество «Белый лотос» дало название и широко распространенной школе ушу, сочетавшей особенности монастырской и светской систем самообороны. Хотя учение о приходе Майтрейи, в сущности, не соотносилось с постулатами Чань, руководители заговорщиков немало позаимствовали из практики чаньских монастырей в плане духовной и физической обработки неофитов. Боевое ядро общества свято соблюдало принципы жесткой дисциплины, верности наставнику (вождю), преданности идее. Устав общества и провозглашенные им моральные заповеди имели немало общего с монастырским уставом Шаолиня. С другой стороны, хотя Чань всегда оставался религией интровертной, обращенной исключительно на внутреннюю жизнь и чуждой политике, монахи сочувственно относились к деятельности общества и нередко оказывали поддержку повстанцам или укрывали их от преследования. Здесь играли роли и чисто

формальные моменты, например то, что Майтрейя считался покровителем индийской секты йогачар, к которой, как мы знаем, принадлежал и родоначальник Чань, Бодхидхарма. Случалось, что чаньские монахи, в том числе и прошедшие курс военного обучения, покинув свою обитель, становились активными членами общества «Белый лотос» и делились своими познаниями в ушу.

Среди важнейших положений программы «Белого лотоса» значились требования общности имущества, отмены сословий, равенства мужчины и женщины. Последнее, как это ни странно, наложило заметный отпечаток на технику школы общества, а в дальнейшем — и на ряд более поздних школ. Поскольку женщины везде и всюду тренировались наравне с мужчинами, необходимо было выработать какой-то модифицированный вариант шаолиньского курса ушу. Значительно уступая мужчинам в мускульной силе, женщины больше полагались на хлесткие удары ногами в голову, нырки, уклоны и уходы переворотом. Вместо блока, сдерживающего всю мощь натиска противника, стали применяться мягкие, приостанавливающие или отводящие блоки. Естественно, эти нововведения со временем стали также успешно использоваться мужчинами. Иногда подвижность компенсировала недостаток арсенала приемов или отсутствие долгоднейной шлифовки. Ведь некоторым крестьянам приходилось осваивать ушу в походных лагерях, в сжатые сроки.

Вплоть до начала XIV в., когда общество «Белый лотос» было запрещено, оно продолжало готовить кадры квалифицированных мастеров борьбы без оружия для отрядов мятежных крестьян, сражавшихся не только против феодалов, но и против иноземных завоевателей. Техника школы обогащалась и достижениями «частных» специалистов по кулачному бою, перенявших свои познания у даосских отшельников или получивших их по наследству.

Роман «Речные заводи», где в подробностях описываютсяхождения удальцов-повстанцев Сун Цзяна, изобилует колоритными сценами всевозможных драк и потасовок с применением самых разнообразных приемов ушу. Чаще всего героем таких схваток выступает свирепый и необузданный богатырь Ли Куй — Черный Вихрь. Однажды, например, Ли Куй случайно выпустил всю рыбу из садка в рыбацкой лодке, и тогда... «придя в себя, все рыбаки кинулись к своим лодкам и, схватив бамбуковые шесты, бросились на Ли Куя. Ли Куй рассвирепел. Он сбросил халат, под которым носил только пестрое полотно, повязанное на бедрах, и ринулся на своих противников. Оружия у него не было. Схватив человек шесть, он начал вертеть их так, как вертят лук, когда хотят оторвать головку».

Пока шло это избивание, на берегу появился инспектор рыбной торговли, тоже молодец не из последних, и сделал выговор Черному Вихрю.

«Ни слова не говоря, Ли Куй повернулся и с шестом в руках ринулся на говорившего. Однако тот не растерялся и выхватил у него шест. Тогда Ли Куй схватил инспектора за волосы, а инспектор старался поймать Ли Куя за ноги, чтобы повалить его. Но разве мог он справиться с Ли Куем, который был силен как буйвол? Ли Куй отшвырнул его от себя, и тот больше не осмеливался схватиться с ним. Правда, он еще пытался нанести Ли Кую несколько ударов кулаком под ребра, но тот даже не почувствовал этого. Попробовал инспектор пнуть Ли Куя ногой, но Черный Вихрь только опустил голову, взмахнул своим огромным, как железный молот, кулаком и с треском опустил его на спину противника. После этого инспектор уже не мог больше сопротивляться...»

Другими словами, Ли Куй на финальной стадии боя уклонился от удара ногой в голову, зашел в тыл противнику, который после удара стоял к нему боком, и нанес из такого положения удар по позвоночнику типа «железный молот». В данном случае переводчик романа, вероятно, не совсем точно передал

смысл образа, ибо сравнение с железным молотом характеризует не столько объем кулака, сколько название собственно приема. Однако и богатырь Ли Куй, проходивший науку кулачного боя между делом в Ляншаньбо — стане повстанцев, мог оказаться бессильным в схватке с настоящим мастером ушу, о чем повествует другой эпизод — встреча Черного Вихря с незнакомцем на большой дороге.

«— Ты что это глаза пялишь на меня? — спросил Ли Куй.

— А что ты за барин такой? — спросил в свою очередь детина.

Ли Куй ринулся было на незнакомца. Но незнакомец поднял кулак и так хватил Ли Куя, что тот так и шлепнулся задом на землю.

«Ну и кулак у этого парня», — одобрительно подумал Ли Куй. Не поднимаясь с земли и глядя на незнакомца снизу вверх, он спросил:

— А тебя как зовут, приятель?

— Нет у меня имени, — отвечал тот. — Если хочешь драться, так давай! Нечего болтать попусту!»

Кстати, назвать свое имя при поединке считалось в Китае не менее существенным, чем в средневековой Европе. Отказ назвать имя воспринимался противником как оскорбление, и потом...

«Тут уж Ли Куй рассвирепел. Но только он вскочил на ноги, как незнакомец дал ему пинка под ребра, а затем пнул его еще раз.

— Нет, не справиться мне с тобой! — признался Ли Куй и, поднявшись с земли, пошел прочь».

Немудрено, что Цзяо Тину (так звали незнакомца) удалось без труда одолеть Черного Вихря (с которым они потом крепко подружились). Ведь в роду этого юноши три поколения подряд занимались ушу, и секретные приемы переходили от отца к сыну, как грозное фамильное оружие. Справиться с дилетантом, даже таким сильным и ловким, каким был Ли Куй, для профессионала было проще простого. Достаточно оказалось всего двух ударов кулаком и удара ногой в солнечное сплетение. Любопытно, что противники в целом следуют классическим предписаниям школы Шаолинь: сильный проникающий удар кулаком или ступней, ограниченный маневр, никаких прыжков и сложных пируэтов.

На подмостках китайских театров и поныне еще можно видеть сцены, воспроизводящие наиболее драматические перипетии из романа «Речные заводи», в которых герои демонстрируют всевозможные виды воинских искусств. Одна из самых любопытных интермедий такого рода — борьба У Суна по прозвищу Странствующий Монах со стражниками. Силач У Сун, оклеветанный недоброжелателями, попал в темницу. Желая избавиться от него, правитель области велел перевести У Суна в другой город и приказал четырем стражникам по дороге прикончить бунтовщика. И вот У Сун со связанными руками, с тяжелой деревянной колодкой на шее оказался в чистом поле лицом к лицу с четырьмя вооруженными до зубов солдатами. Дальше события развивались стремительно. Действуя только ногами и громоздкой кангой, удалец из Ляншаньбо расправился сначала с двумя противниками, а затем и с остальными, пустившимися было наутек. Едва ли даже самый квалифицированный мастер ушу согласился бы оказаться на месте У Сана, заведомо зная, что ему придется рассчитывать лишь на свое проворство да на силу пинка. Однако легкомысленному Странствующему Монаху доводилось бывать в переделках и похлеще. Как-то раз в подпитии проходя через горный перевал, У Сун подвергся нападению исполнинского тигра-людоеда, который давно уже терроризировал окрестности. Увернувшись от первого прыжка, богатырь изловчился ухватить тигра за загривок и несколько раз так хватил хищника кулаком по голове, что тот испустил дух.

Искусством кулачного боя в повстанческом лагере владели очень многие. Знание начальных элементов ушу компенсировало крестьянам нехватку оружия, активистам тайных обществ и связным помогало чувствовать себя уверенно там, где ношение оружия было запрещено или применение его могло вызвать нежелательные последствия.

В эпоху Сун ушу значительно обогатилось благодаря стараниям «частных практиков» даосов, которые нередко совмещали в своем лице лекаря и наставника воинских искусств. Они развили зародившуюся за стенами Шаолина теорию уязвимых мест на теле человека и сделали ее всеобщим достоянием. Все нервные центры, мышцы, слабо прикрытые мягкими тканями кости, точки на энергетических меридианах вошли в список основных «целей поражения». Рядовые бойцы могли и не знать всех тонкостей — им достаточно было основ, но и эти основы непрестанно расширялись по мере того, как росла ввысь пирамида приемов ушу.

При Сунах, в период грандиозных восстаний и жестоких битв с северными кочевниками, народное искусство кулачного боя в отличие от монастырского существовало в теснейшей связи с навыками владения оружием. Большинство членов общества «Белый лотос», объединявшего сотни тысяч членов, были мирянами и потому считали необходимым сражаться с угнетателями не только кулаком и посохом, но и мечом или пикой. Как раз в XI—XII вв. наивысшего расцвета достиг культ Предка Люя — покровителя храбрецов, бессмертного патрона всех конспиративных религиозных обществ.

Согласно легенде, Люй Дунбинь (иначе Люй Янь), живший в эпоху Тан, обладал необычайными талантами, как мы бы сегодня сказали, в области гуманитарных наук. Успешно сдав экзамены и получив высокую степень, он неожиданно повстречался в горах с даосским отшельником Чжулли Цюанем и стал его учеником. Овладев секретами так называемого сянь-даосизма, то есть даосской йоги, Люй приобрел сверхъестественное могущество и неуязвимость. С помощью своего чудодейственного меча, а иногда и без него, отважный воитель побеждал драконов и тигров, защищая обездоленных и восстанавливая попорченное правосудие. Свыше четырехсот лет, повествует предание, странствовал Предок Люй по Поднебесной, так что, может быть, кто-нибудь еще видел его в 1111 г., когда Люй Янь был официально причислен к восьми бессмертным даосского пантеона. Предку Люю поклонялись и крестьяне в повстанческих отрядах Сунь Цзяна и Фань Ла, и солдаты императорской армии, уходившие защищать северную границу. Считается, что Люй создал классическое направление фехтования на китайских больших мечах с расширяющимся кверху лезвием. Он же якобы разработал и приемы отражения меча подручными средствами — посохом, короткой дубинкой, скрученным плащом, веером или шляпой.

Одним из воинственных наследников Предка Люя был и знаменитый герой многолетней борьбы с чжурчжэньскими ордами сунский полководец Юэ Фэй, или Юэ Уму (1103—1141), внедривший в армии новый стиль ушу. Выходцу из бедной крестьянской семьи Юэ Фэю волею судьбы довелось воспитываться вместе с сыновьями крупного помещика. Его наставником в воинских искусствах был Чжоу Тун из Шаньси, хорошо знакомый со школой Шаолина. Юэ Фэй преуспевал в учении и скоро оставил далеко позади всех своих товарищей. Излюбленным его оружием было копьё, полученное, согласно легенде, от волшебной змеи, но и в кулачном бою он не знал себе равных. В классическом романе Цянь Цая «Сказание о Юэ Фэе» (XVIII в.), написанном по мотивам народного эпоса, герой при помощи кулаков решает порой сложные проблемы.

Например, при первом знакомстве со своим будущим соратником и верным

другом Нью Гао юный Юэ Фэй предлагает ему сразиться без оружия. Ничего не подозревающий Нью Гао, который до этого преспокойно грабил в одиночку целые купеческие караваны, естественно, соглашается.

«Привесив сабли к седлу, разбойник соскочил на землю и с поднятыми кулаками бросился на Юэ Фэя. Тот увернулся и очутился за спиной противника. Разбойник хотел нанести Юэ Фэю удар в грудь, но юноша мгновенно отскочил в сторону и поставил подножку. Детина во весь рост растянулся на траве.

— Блестящий прием! — восхищенно закричали братья. — Великолепно!»

Получив высокое звание юаньшуая и встав во главе армии, Юэ Фэй в первую очередь столкнулся с проблемой повышения боеспособности солдат, сильно подорванной пацифистским курсом южносунского двора. Падение дисциплины, мародерство и дезертирство превратились в обычное по тем временам явление. Полчища чжурчжэней продвигались с севера на юг, встречая лишь вялое сопротивление отдельных гарнизонов. Юэ Фэй начал с азов. В кратчайший срок он ввел железную дисциплину, многократно усилил физическую подготовку личного состава и поднял его боевой дух. Повсюду к его армии примыкали отряды народного ополчения. Юэ Фэю удалось нанести чжурчжэням ряд сокрушительных поражений и добиться перелома в ходе войны. Но сам полководец не дождался победы. По навету завистников он был арестован и предан мучительной казни. Однако дело Юэ Фэя не погибло.

Укрепление дисциплины и воспитание солдат Юэ Фэй осуществлял преимущественно путем введения обязательных часов физподготовки. Часы эти, сопровождавшиеся пространными наставлениями, распределялись соответственно между интенсивной разминочной гимнастикой, упражнениями с холодным оружием, стрельбой из лука и арбалета и занятиями ушу. Будучи человеком энергичным и предприимчивым, Юэ Фэй сам разработал гимнастический комплекс из двенадцати упражнений и проинструктировал командиров о его применении. Почти все движения в гимнастике Юэ Фэя носили утилитарный характер и представляли собой усовершенствованную разновидность шаолинского ушу. В китайской армии комплекс Юэ Фэя почти без изменений использовался еще в XX в.

Юэ Фэй также лично составил для своих войск пособие, которое впоследствии было названо «Приемы кулачного боя Юэ Фэя» («Юэ Фэй лянчюань»). В нем обобщались приемы принципиально новой школы ушу, известной ныне как «Обрушивающиеся руки Юэ» («Юэ сань шоу») и послужившей базой для многих более поздних школ и направлений.

В разработке приемов своей школы Юэ Фэй стремился использовать не только достижения Шаолиня, но и знакомые каждому солдату навыки обращения с копьем и мечом. Он сделал упор на молниеносные рубящие и колющие удары, не требующие от исполнителя особой гибкости или изощренной техники. В отличие от большинства прочих, его школа допускала удары почти прямой рукой сверху или сбоку с некоторым замахом. Ноги также часто выбрасывались не от колена, а «футбольным» прямым, сильным и высоким ударом снизу. Основное приложение силы шло по вертикали, передвижение осуществлялось по прямым линиям. Стремительный каскад ударов обрушивался на противника сверху и с боков, подавляя его сопротивление, парализуя, лишая воли к победе. Большое внимание в стиле Юэ Фэя уделялось обманным пассам, устрашающим выкрикам и гримасам, которые в боевой обстановке зачастую оказывались очень эффективны.

Юэ Фэй, согласно преданию, впервые стал широко применять удары типа «рука-меч» ребром ладони, тыльной частью кулака и кисти, собранными вместе пальцами (типа «рука-копье»), суставами фаланг пальцев. Все эти новшества в сочетании с использованием агрессивной техники «орлиных когтей»

сослужили хорошую службу сунским солдатам. «Легче передвинуть гору, чем разбить воинов Юэ Фэя», — говорили посрамленные чжурчжэни. Впоследствии стиль Юэ Фэя дал основу для развития одного из наиболее распространенных в Китае направлений ушу — школы «Направленная воля» («Синицюань»).

Эпоха Сун стала поистине золотым веком в истории борьбы без оружия. Императоры и полководцы, солдаты и монахи, купцы и крестьяне — все в той или иной мере отдавали дань искусству ушу, которое превратилось в национальный спорт, национальное достояние и национальную гордость китайцев. Однако, если бы кулачный бой и дальше продолжал развиваться лишь в солдатских казармах и разбойничьих становищах, его могла бы постигнуть плачевная участь многих великих изобретений человечества — стандартизация, упрощение и в конечном счете вульгаризация. Для совершенствования уникальных особенностей различных стилей ушу и выведения их на качественно новый этап требовалось прежде всего продолжение кропотливых «лабораторных» экспериментов, требовался творческий поиск.

III. «Золотой век» обитатели

Монгольское владычество, принесшее в XIII—XIV вв. неисчислимые бедствия китайскому народу, послужило косвенной причиной оживления деятельности мастеров ушу. Повсюду, на севере и на юге, члены тайных обществ, объединившихся под эгидой «Белого лотоса», разучивали приемы нападения и защиты, готовясь к освободительной войне. Строгий запрет на ношение оружия выдвинул на передний план искусство цюаньшу, изучение которого приравнялось к постижению глубин философии, к овладению величайшими буддийскими добродетелями. Возникло немало новых школ.

Считается, что в XIII—XIV вв. была создана специфическая разновидность борьбы без оружия циньна — прототип современного японского айки-до. В арсенале этой борьбы преобладают болевые захваты кистей рук и предплечий.

Вполне естественно, что страдавшие под игом иноземных завоевателей китайцы обращались в поисках утешения и моральной поддержки к учениям древних мудрецов. Ущемленное чувство национальной гордости искало оправдания в трактатах Конфуция, где говорилось о конечном торжестве добра и наказании зла, о благородстве духа и воспитании характера. Наставления же о закалке тела и умении преодолевать трудности на жизненном пути можно было найти лишь в книгах великих даосов — Лаоцзы, Менцзы, Чжуанцзы — да в проповедях Первого патриарха. Подъем патриотических настроений в эпоху Юань, пробуждение острого интереса к даосской философии и переход многих школ ушу на нелегальное положение привели к усилению мощных религиозно-политических сект типа «Белого лотоса». В 1351—1368 гг. народное восстание «красных повязок», во главе которого стояли мастера ушу Хань Саньтун и Хань Линьэр, положило конец господству династии Юань и привело на трон Поднебесной династию Мин.

С начала правления династии Мин (1368) монахи Шаолиня поддерживали тесные связи с императорским двором. Первый минский император Хуньу благоволил к бритоголовым мастерам воинских искусств. Выходец из семьи зажиточных крестьян, Чжу Юаньчжан, будущий император Хуньу, взошел на трон исключительно благодаря личному мужеству и военным талантам. В его роду исстари передавались традиции кулачного боя и фехтования на больших мечах. Слава непобедимого вонтеля помогла Чжу Юаньчжану собрать мощную народную армию и нанести сокрушительное поражение монголам.

Направив в Шаолинь посланцев с заверениями в благоволении, Чжу Юаньчжан попросил их помощи в борьбе с иноземцами. Настоятель Хой Фу откликнулся на просьбу полководца и предоставил в его распоряжение шестерых опытных мастеров, которые помогли в кратчайшее время обучить армию приемам рукопашного боя. Предание гласит, что с помощью шаолиньских монахов Хунъю сумел быстро завладеть Пекином и изгнать монголов в северные степи, за Великую стену. Монахи-советники в дальнейшем стали сановниками императорского двора. Одному из них, в частности, была поручена реставрация Стены.

При восшествии на трон императора Юнлэ (правил в 1403—1425 гг.) на церемонию был приглашен шаолиньский патриарх Сюань Цигуань. Монастырю вновь были пожалованы деньги и земельные угодья. Влияние монахов при дворе заметно возросло. Юнлэ, умелый политик и решительный реформатор, перевел столицу из Нанкина в Пекин, навел порядок в сельском хозяйстве страны, санкционировал ряд великих морских плаваний, провел чистку чиновничьего аппарата и предпринял немало других важных преобразований. Опорой трона при Юнлэ стала тайная полиция, которую возглавил деятельный шаолиньский монах Чжанво (1376—1426). Формально он ведал сношениями с отдаленными провинциями и сопредельными государствами, но благодаря своему редкостному уму и энергии оказывал решающее влияние на политику минского двора. Как и подобало одному из высших иерархов Шаолиня, Чжанво был крупным мастером кулачного боя. Круг его агентов был чрезвычайно широк и пополнялся главным образом за счет монахов чаньских монастырей, военизированных филиалов Шаолиня, разбросанных по всему Китаю и за его пределы — в Корею, Сиаме, Лаосе, Бирме и Вьетнаме.

Монашеская ряса и глубокие познания в военном деле обеспечивали Чжанво уважение правителей, доверие полководцев и признание простолюдноров. Всюду, куда бы ни заносила его судьба, он не упускал случая сразиться с местными силачами, бесстрашно выходя с голыми руками против нескольких вооруженных противников. Если верить легенде, он был инициатором внедрения шаолиньского кулачного боя в монастырских школах Юго-Восточной Азии, охотно посылая своих людей под видом миссионеров, а также вербовал агентов на местах и приглашал их на обучение в Китай. В десятые годы XV в. посланцы Чжанво проникли и на Окинаву, принеся с собой традиции шаолиньского ушу — прообраз будущего каратэ.

При жизни Юнлэ Шаолинь определял всю политику минского двора. Сокровищница монастыря ломилась от богатств, тучные земельные угодья обрабатывались тысячами крестьян. Указом императора в подчинение Шаолиню были переданы четыре окрестных монастыря. Однако новый император Хунци, тяготившийся опекой воинственных монахов, решил избавиться от всемогущей тайной полиции и от коварного «серого кардинала». Он повелел казнить Чжанво и истребить его людей. Казнь Чжанво заставила шаолиньскую братию искать мести, и по прошествии недолгого времени самонадеянный император покончил с собой. Но отношения монастыря со двором были безнадежно испорчены. Новые правители страны старались избегать помощи могущественного «ордена». Чаньское духовенство на время отошло от политической борьбы, предоставив арену тайным обществам и сектам наподобие «Белого лотоса».

Многие мастера-шифу предпочитали из гуманных соображений унести с собой наиболее опасные тайны в мир иной. В конце концов шаолиньская школа оказалась перед выбором: превратиться в некий реликт, лишенный всякой практической ценности, или встать на путь радикального обновления.

В истории ушу возрождение Шаолиня связано прежде всего с именем Цзяо Юаня. Факты указывают на то, что Цзяо Юань и его ближайшие

осподвинники действовали в период правления Минов, предположительно в конце XV в.

Цзяо происходил из богатого рода. В юности он получил великолепное классическое образование, включавшее и солидный комплекс воинских искусств. Особенно заметный талант проявил юноша в фехтовании на больших мечах. Увлечшись философскими проблемами бытия, он решил удалиться в монастырь и полностью посвятить себя изучению гармонии духа и тела. Стоит ли удивляться, что выбор его пал на хэнаньский Шаолинь, где все еще витала тень Первого патриарха Бодхидхармы. Так, профессиональный мастер меча, по примеру многих своих собратьев, превратился в преподобного Цзяо Юаня, одного из смиренных братьев шаолиньской общины.

Он был прилежным учеником и очень скоро овладел основными приемами ушу. По прошествии нескольких лет Цзяо Юань разработал новые комбинации известных движений, добавил к ним кое-какие свои находки и обобщил накопленный опыт в подобающем сакральном (72) числе приемов.

Разработанные Цзяо Юанем приемы захвата рук составили особый раздел шаолиньского ушу и под тем или иным названием вошли в арсенал почти всех школ кулачного боя. В зависимости от места и времени эти приемы называли то «искусством болевых замков», то «искусством разрыва мышц и сухожилий», то «дьявольской рукой». Основанные на хорошем знании анатомии и законов биомеханики приемы Цзяо Юаня были безошибочно ориентированы на болевые точки в суставных соединениях. С их помощью можно было в мгновение ока обезвредить противника, лишив его возможности пошевелиться, или удерживать захваченного врага, чтобы затем связать его. Впоследствии приемы Цзяо Юаня были заимствованы японцами и стали важным подспорьем мастеров дзю-дзюцу, а в технике борьбы айки-до можно усмотреть прямые параллели с находками преподобного Цзяо.

Хотя все его новшества были приняты и успешно внедрились в практику, преподобный Цзяо не остановился на достигнутом. Он хорошо знал, что Китай буквально наводнен специалистами ушу самых различных школ, направлений и уровней подготовки, у которых есть чему поучиться. Покинув зал воинских искусств Шаолиня, он отправился странствовать по городам и весям в надежде встретить истинного мастера. Чаяния его сбылись совершенно неожиданно в маленьком глухом городке.

Как-то раз, выйдя с постоялого двора, Цзяо оказался свидетелем странной сцены. Подвыпивший верзила, грубо ругаясь и размахивая руками, приставал к тщедушному старичку-торговцу на улице. Тот вежливо пытался урезонить хулигана, но, как видно, без особого успеха. Наконец, молодой негодяй вплотную подошел к старику, занес над ним кулак и... без сознания свалился на землю. Цзяо успел заметить, как старик притронулся двумя пальцами к ноге нападавшего. Будучи сам знатоком и ценителем эффективных жестов такого рода, Цзяо представился и смиренно попросил объяснить, как досточтимому старцу удалось в мгновение ока «отключить» дюжего противника. Видимо, скромное, но вполне профессиональное обращение монаха понравилось торговцу, и они прониклись взаимной симпатией. Торговца звали Ли Чэн. Ему было шестьдесят лет, и большую часть жизни он занимался изучением борьбы без оружия, основываясь на заветах старых мастеров. Собственные познания, которые заслуживали всяческого уважения, Ли был склонен преуменьшать. Однако он поведал новому знакомцу, что у него есть близкий друг в провинции Шаньси, который действительно кое-что смыслит в ушу. Решили вместе отправиться в Шаньси.

Бай Юйфэн из Шаньси оказался и впрямь человеком незаурядным. Лет пятидесяти от роду, он обладал крепким телом, пытливым умом исследователя

и широчайшей эрудицией. Своей школы кулачного боя он не имел, но был прекрасно осведомлен в секретах всех ведущих школ своего времени. На досуге он совершенствовал отдельные приемы и создавал новые комбинации, хотя им не легко было найти применение в мирной жизни.

Цзяо Юань понял, что такого случая упускать нельзя, и решил увлечь расположенных к нему друзей фантастической на первый взгляд идеей. Он предложил объединиться, чтобы вместе создать универсальную, непревзойденную систему ушу. Почему школы постоянно конкурируют между собой? Почему величайшие достижения даосов и буддийских монахов рождаются и умирают где-то в глуши непроходимых гор, недоступные простому смертному? Не пора ли возродить это искусство во имя грядущих поколений?

Так, три крупнейших мастера своего времени впервые в истории китайского ушу заключили союз и приступили к подлинно творческому сотрудничеству. Их лабораторией стал все тот же старый хэнаньский Шаолинь, радушно предоставивший знаменитым шифу пищу, кров и молодых ассистентов в избытке.

Цзяо Юань ознакомил коллег со своей системой 72 приемов, из которых многие им были известны. В конечном счете Шаолинь давал несколько видоизмененную классическую школу ударов и блоков, без которой немислимы были никакие прочие варианты кулачного боя. Сам Цзяо тоже так считал, поэтому, будучи отличным организатором и методистом, он предлагал вести дальнейшие исследования в трех направлениях, чтобы оптимально использовать индивидуальный опыт каждого из трех соавторов. Что мог, например, предложить Ли Чэн? Старец Ли владел тайной «медленной смерти», страшным и разрушительным оружием — искусством «эффективного касания».

Микроскопический диаметр точек, сложность их локализации и практическая неуязвимость при ударе широкой поверхностью (кулаком, ногой, головой) фактически исключает возможность случайного попадания. На овладение искусством «эффективного касания» в полном объеме уходило не менее пятнадцати лет, но зато потом мастер мог выйти на поединок с фехтовальщиком, вооруженный, например, палочками для еды.

Однако искусство Ли Чэна, неотразимое в случае столкновения с дилетантом, было не так просто применить против опытного бойца, который по идее не должен подпускать к себе вероятного противника. Без совершенствования тактики и техники ведения боя никакое знание уязвимых точек не могло гарантировать победы, и все три шифу во главе с Цзяо Юанем прекрасно это понимали. Вот почему решено было подвергнуть серьезной модификации классическую технику старого Шаолиня. Используя свои теоретические и практические познания, Бай Юйфэн предложил обновить и усовершенствовать традиционные «звериные» приемы и способы ведения боя, известные с давних времен и получившие распространение почти во всех светских и монастырских школах. Отобранные из многих других стили тигра, дракона, леопарда, змеи и журавля должны были сосуществовать в рамках единого комплекса из 170 приемов шаолиньского ушу. Особенности стилей, сохранившихся до наших дней, приблизительно следующие.

В стиле тигра боец чаще всего принимает низкую устойчивую исходную стойку: стойку «всадника», переднюю с упором, заднюю с упором или нечто в том же роде. Передвижение осуществляется преимущественно по прямой — вперед, назад, в сторону. Применялись мощные, резкие удары рук и ног, подобные ударам тигриных лап, жесткие блоки. От бойца требовалась незаурядная физическая сила и закалка. Стиль тигра легко обнаруживает все основные черты старой шаолиньской школы. Пальцы при нанесении ударов либо сжаты в кулак, либо растопырены и слегка согнуты. Второе положение дает воз-

возможность проводить захваты и использовать технику «тигриных когтей» в различных приемах на разрывание.

Стиль тигра, предназначенный главным образом для укрепления костей, наиболее «жесткий» из пяти. Яростные, мощные, резкие движения вызывают в воображении образ свирепого тигра.

В стиле дракона, направленном на пробуждение и развитие жизненной энергии — *ци*, и прежде всего на раскрепощение духа, сила как таковая не играет большой роли. *Ци* должна быть сконцентрирована в средоточии, в нижней части живота, тело легко и подвижно. Плечи хорошо сбалансированы и «пять органов» (сердце и четыре конечности) поддерживают четкую координацию. Движения напоминают попеременно то взмахи крыльев, то удары лап дракона, атакующего в воздухе или обороняющегося на земле.

В стиле дракона боец принимает естественную высокую стойку, причем руки с раскрытой ладонью в исходном положении перед грудью на ширине плеч напоминают лапы какого-нибудь хищного динозавра. Передвигаться следует на чуть согнутых ногах круговыми, циркульными движениями малого диаметра с целью неожиданно выйти на опасную для противника позицию и резко атаковать. Круговые движения всего корпуса позволяют набрать необходимую инерцию для решительного удара рукой или ногой, особенно в прыжке. Отсюда и обилие романтических названий приемов в этом стиле — например, «дракон спускается с небес» или «дракон виляет хвостом в солнечный день». Удар наносится различными частями рук или ног, очень часто применяются резкими выкриками на высокой ноте. От бойца требуется хорошая координация движений, развитое чувство равновесия, прежде всего в прыжках, — словом, безукоризненный вестибулярный аппарат.

Стиль леопарда воплощает упругую силу, которая накапливается и выплескивается в стремительных бросках. Считается, что поясница и конечности у леопарда относительно сильнее, чем у тигра, а мгновенная реакция и проворство делают его самым опасным из четвероногих хищников.

В стиле леопарда боец принимает высокую, например так называемую «кошачью стойку» со сжатыми кулаками. Передвижение, как и в стиле тигра, идет по прямой, но чаще скачками. Широко применяются подсечки. Практикуются также очень высокие и упругие прыжки, которые позволяют «леопарду»-исполнителю обрушиться на жертву сверху. Допускаются умышленные падения и подкаты к противнику через голову или через руку с последующим ударом ногами. Из ударов рукой часто применялся ныне известный под названием «лапа леопарда» удар «открытой перчаткой» с плотно прижатыми к ладони пальцами или тычком средних фаланг.

Для стиля змеи, культивирующего жизненную энергию *ци*, характерны непрерывные перекачивающие движения преимущественно в низких стойках, ритмичное и спокойное дыхание. Перемещения плавные и упругие, хотя и не столь закругленные и утрированно мягкие, как в школах «внутреннего» направления. Как известно, змея в спокойном состоянии может висеть подобно безжизненной веревке. Ее можно обмотать вокруг руки, завязать в узел, поддеть палкой. В то же время стоит ее рассердить, как она мгновенно «оживает», превращается в стальную пружину: бьет хвостом, прыгает на врага, чтобы поразить его жалом, или обвиняет и душит. Не имея лап, она тем не менее передвигается с удивительной быстротой. Китайцы считают, что это удается змее благодаря способности молниеносно переливать *ци* из одной части тела в другую.

Стиль журавля рассчитан на развитие выносливости и равновесия. Основу его составляет работа ног, он также представляет собой улучшен-

ный вариант древней «птичьей» манеры ведения боя. Исходная стойка является имитацией выжидательной стойки журавля — на одной выпрямленной ноге, другая нога поджата к колену. Одна рука поднята под углом над головой, другая опущена ниже пояса. Бой ведется в манере «раскачки», переходом с одной ноги на другую. Часто применялся уход с линии атаки шагом в сторону с одновременным ударом другой ногой. В этом стиле важно умение постоянно балансировать на одной ноге.

Бай Юйфэн и его коллеги подошли к разработке новых пяти «звериных» стилей с передовых по тем временам научных позиций. В их построениях многое было основано на изучении психосоматических особенностей человеческого организма, типов темперамента, если пользоваться современной терминологией. В процессе отбора каждому ученику рекомендовалось выбрать наиболее подходящий для его индивидуальной психофизиологической характеристики «звериный» стиль. Так, например, в динамичном леопарде удобнее действовать рослому и крепкому сангвинику, обладающему природной смелостью, спортивной хваткой и напористостью, чем относительно малоподвижному флегматику. Тем не менее каждый монах обязан был изучить все 170 приемов, обобщенные в пяти перечисленных стилях, и лишь потом специализироваться в каком-либо одном. К тому же сам характер обучения должен был в течение долгих лет компенсировать недостающие ученику качества: убыстрить темп реакций, развить активность, воспитать выносливость, ликвидировать ригидность, сформировать интровертный тип восприятия действительности. Монах должен был, с одной стороны, научиться адаптироваться к любой ситуации и любому противнику, независимо от его данных, а с другой — вычленять для себя в громадном ассортименте приемов оптимально отвечающие собственным наклонностям, возможностям и потребностям.

Во всех «звериных» стилях Шаолина последовательно проводилась идея совмещения твердого и мягкого, упругого и податливого, сильного и слабого начал (*инь* и *ян*), хотя конечной целью тренировок, безусловно, было создание сильной личности, закаленного и выносливого бойца, умело управляющего внутренними ресурсами организма. «Звериные» стили помогали осознать способы управления *ци*. При помощи жизненной энергии активизировать и увеличивать прилагаемую силу (*ли*) — такова была исходная посылка классического шаолинского ушу. Цзяо Юань писал: «Сила перекачивается из мягкого в твердое, и *ци* в теле человека проявляется в полной мере путем разработки. Сила проистекает из *ци*, выявляется в излинии *ци*. Без *ци* силы нет. Неумелый боец яростно наносит удар, но он лишен настоящей силы. Мастер не столь запальчив, но его прикосновение несет в себе тяжесть горы, ибо он обладает *ци*. Усердной тренировкой можно научиться сосредоточивать *ци* в той части тела, которой наносишь или отражаешь удар. Разум-воля (*и*) направляет жизненную энергию мгновенно в любое место».

Для успешного овладения *ци* в динамических упражнениях «звериных» стилей следовало, во-первых, приобрести устойчивость и выработать чувство равновесия. Это достигалось многочасовым пребыванием последовательно во всех классических стойках. Мысленно следовало концентрировать *ци* в средоточии, а затем пытаться «прогнать» ее через энергетические каналы к кулакам и конечностям пальцев.

Вторым обязательным условием было, разумеется, правильное дыхание, которое во всех школах считалось резервуаром силы и энергии. После десяти лет дыхательных упражнений, как гласит легенда, монахи могли оторвать от земли камень весом до 400 кг. Дыхательных систем с доисторических времен существовало в Китае множество. Мастерам цюаньшу они были хоро-

шно известны. Питомцы Шаолиня должны были сопровождать каждый комплекс формальных упражнений очищающим и восстанавливающим дыханием. Нормативы в шаолиньскую систему тренировки дыхания ввел монах Хуэймэн (конец XVI — начало XVII в.), который оставил специальные предписания, касающиеся времени, места и частоты упражнений, разработал запреты и рекомендации по особым циклам. Впрочем, учение Хуэймэна не содержало каких-либо принципиально новых положений и было прочно увязано с даосско-буддийской практикой медитации.

Современник Хуэймэна, монах Хунхуэй, прославился как мастер управления *ци*. Он сумел превратить *ци* в своеобразный щит, прикрывающий от удара любой участок тела. Такого рода опыты были известны с глубокой древности. Их успешно проделывали индийские факиры, расхаживающие по горящим углям и острым клинкам, ложащиеся на гвозди и битое стекло. Однако заслуга Хунхуэя прежде всего в том, что он дал *ци* военно-прикладное применение. Направляя энергию в руку, ногу, голову или грудь, он выдерживал удар железной палицы, меча и даже копья. Впоследствии многим мастерам ушу удалось достигнуть уровня Хунхуэя. Не случайно во время восстания ихэтуаней лидеры школ цюаньшу сами шли под пули, твердо уверенные в своей неуязвимости.

Самоотверженная многолетняя работа великих мастеров ушу, опиравшихся на помощь энтузиастов из монастырской общины, привела к созданию уникального всеобъемлющего шаолиньского комплекса самообороны. Но возрождение Шаолиня было немислимо без морального обновления. От человека, избравшего воинские искусства делом жизни, требовались совершенно особые качества. Моральный кодекс шаолиньского монаха определялся знаменитыми «Десятью заповедями Цзяо Юаня», большинство из которых не утратило значения и в наши дни, когда они украшают стены спортивных залов и первые страницы пособий по ушу. Заповеди преподобного Цзяо Юаня звучали так:

1. Изучающий цюаньшу должен заниматься ревностно и упорно, не допуская никаких посторонних отвлечений.

2. Применение цюаньшу разрешается исключительно в порядке самообороны.

3. Обучавшийся должен быть почтителен и сдержан в обращении к наставнику и старшим товарищам, всегда проявлять по отношению к ним уважение.

4. Обучающийся должен всегда быть вежлив, честен, доброжелателен в отношениях с товарищами.

5. Изучающий цюаньшу на людях обязан сдерживать желание обнаружить свои познания, уклоняться от любого вызова.

6. Изучающий цюаньшу ни в коем случае не должен первым затевать драку.

7. Изучающий цюаньшу не должен пить вино и есть мясо.

8. Обучающийся должен сдерживать половое влечение.

9. Не следует торопиться обучать цюаньшу людей посторонних, не являющихся истинными буддистами, дабы не нанести вреда себе и своему делу. Обучать нужно лишь достойных — добрых сердцем и отвечающих искренней благодарностью.

10. Изучающий цюаньшу должен всемерно избегать злобы, жадности и хвастовства.

В эпоху Мин монастырь Шаолинь выдвинул немало выдающихся мастеров цюаньшу, которые не только отточили и довели до совершенства комплекс Цзяо Юаня из 170 приемов, но и создали много дополнительных оригинальных приемов. Они углубили также трактовку взаимосвязи между различными процессами жизнедеятельности в бою. Некоторые монахи предпочитали пе-

редачу знаний в устной традиции, другие оставили письменные наставления в форме классического семисложного стиха. Вот, например, отрывок из трактата монаха Баньхуэя, изучавшего и преподававшего в течение двадцати лет технику владения кистью руки:

Жизненная энергия (ци) изливается из Средоточия.
Сила концентрируется в «сердце» ладони.
Она материализуется в движении руки.
Нанося удар, нужно выдохнуть с шумом.
Атаку необходимо начать с толчка снизу вверх.
Из «стойки всадника» сделать шаг к противнику
И сильно нажать.
Запомни: в нападении важен резкий толчок с выдохом.
Мощное движение костей и сухожилий...

Тактика ведения боя предусматривала в основном фронтальное расположение противника, поэтому особое внимание уделялось принципу «наскока-отхода». Впоследствии этот принцип прочно утвердился во многих шаолиньских школах, а также в окинавском каратэ и во всех его современных ипостасях. В том же трактате говорится:

Налетай, подобно вихрю с гор.
Нанеся удар, немедленно отступай.
Затем снова продвигайся всем корпусом вперед.
Можешь постараться толкнуть противника.
С резким выдохом рази рукой.
Можешь к выдоху добавить выкрик.
Перемещайся стремительно, как дракон.
Победу или поражение решит один миг...

Если в раннем шаолиньском ушу преобладала жестокость и сила, то в эпоху Мин взгляды изменились. Мастера стали охотно прибегать к различным отвлекающим маневрам, уверткам и уходам. Идея «силы, одолевающей силу» отошла в далекое прошлое:

Для нападения и уклонения нужна острота взора.
Необходимо быстро перемещаться вправо и влево.
Успех атаки зависит от уклонения и обманного пасса —
Из нереального происходит реальное.
К чему карабкаться на горные кручи,
Если можно проскользнуть через ущелье?
Не бойся яростной схватки и помни:
Малым можно победить великое...

Эти и многие другие заветы патриархов Шаолиня легли в основу технического арсенала бесчисленных школ и ответвлений, возникавших и распадавшихся на протяжении веков в самом Китае и за его пределами.

Эпоха Мин, знаменовавшаяся небывалым взлетом шаолиньского ушу, породила немало школ и течений, направлений и стилей, основанных на техническом арсенале Шаолиня. Среди них есть и весьма оригинальные школы, отличающиеся эксцентричностью. Так, создание школы «Буддийские монахи» («Фоцзя») в XVI в. приписывается некоей уроженке провинции Шаньси, дочери старого мастера цюаньшу. Деревня, где жила девушка, часто подвергалась нападениям разбойников, и вот, чтобы обезопасить дочь, старик решил ее научить «нестандартным приемам боя». В течение многих лет он связывал ей руки за спиной и заставлял выполнять всю работу по дому при помощи ног и зубов. Постепенно ноги девушки приобрели небывалую силу, ловкость и подвижность. В дальнейшем, изучив технику ушу, она отвадила разбойников от деревни. На много ли вокруг не было равного ей

бойца. Проникшись величием Будды, который даровал ей такое могущество, девушка ушла в монастырь и там продолжала усердные занятия, обучая монахов, мужчин и женщин, своему искусству. Ее стиль вполне отвечал нормам буддийской морали, позволяя соблюдать главную заповедь Будды: не поднимать руку на живое существо. Так возникла школа «Буддийские монахи».

Популярная в современном Китае школа «Обезьяна» («Дашенмэнь») также зародилась в XVI в. Этот сложный стиль целиком и полностью зиждется на имитации ухваток дерущихся обезьян. Тотемным покровителем школы считается герой классического романа У Чэнэня «Путешествие на Запад» Сунь Укун, прямой аналог сказочного царя обезьян Ханумана из индийского эпоса Рамаяна. Благородный и отважный Сунь Укун отличался вспыльчивым нравом и драчливостью. Однажды он, вооруженный своим огромным железным посохом, проник на небо и учинил страшный погром в мирных покоях небожителей. Затем, совершив путешествие в Индию в качестве телохранителя почтенного пилигрима Сюань Цзана, он проявил чудеса храбрости, одолевая по пути сонмы чертей, оборотней, великанов и драконов.

Подготовка по школе «Обезьяна» направлена прежде всего на укрепление мышечного корсета тела, выработку подвижности, прыгучести, резкости. Важным атрибутом школы «Обезьяна» является шест — подобие знаменитого посоха Сунь Укуна, причем техника владения шестом очень сложна и строится большей частью на акробатических трюках.

Забавная и на редкость эффективная школа «Пьяница» («Цуйцзюань») была детищем какого-то талантливое мастера, любившего пошутить. Все движения в этом стиле имеют видимость произвольных и расслабленных. Бесконечные качки, нырки, падения и кувырки не дают противнику возможности сосредоточиться и предугадать атаку. По всей вероятности, создатели стиля основывались на известной притче, утверждающей преимущества пьяного перед трезвым. Лецзы и Чжуанцзы в своих сочинениях отмечали, что пьяный, упав с едущей повозки, остается цел и невредим, в то время как трезвый ломает руку или ногу. Почему? Да потому, что пьяный находится в состоянии расслабленности, естественности и непредвзятости. Импульсивное чувство страха или самосохранения не заставит его сделать ложное движение. В качестве тотемного покровителя стиля иногда называют Ли Бо, великого поэта эпохи Тан, хотя прямого отношения к этому направлению ушу он, конечно, не имеет. Ли Бо был умелым фехтовальщиком и даже воспел это искусство в стихах, но кулачным боем, судя по всему, специально не занимался. Зато вино он любил, чем, вероятно, и заслужил честь числиться покровителем школы «Пьяница».

Серьезной реформой системы Шаолиня было рождение так называемой школы «Богомол» («Тэнланцюань») в XVI в. Легенда повествует, что один из монахов общины по имени Ван Лян страдал от своей физической неполноценности. Невысокий рост и хрупкая комплекция в сочетании с природной слабостью делали его посмешищем в глазах могучей братии. Не помогали и усиленные тренировки по общей программе — в учебных схватках бедняга неизменно терпел поражение. Как-то раз после очередного неудачного выступления в зале злополучный монах отправился прогуляться в горы. Устав от долгой ходьбы, он присел под деревом, печально опустив взор долу и задумался. Вдруг он заметил в траве под деревом кузнечика-богомол, яростно атаковавшего цикаду и вскоре одержавшего полную победу. Прыжки и движения передних лап богомола, которыми насекомое наносило резкие удары, заинтересовали монаха. Он поймал кузнечика, принес его с собой в монастырь и стал подкармливать жуками, чтобы

понаблюдать за повадками хищника. Несколько месяцев втайне от всех монахов разрабатывал новую технику ведения боя, заимствованную у богомола. Затем он вызвал на поединок самого сильного и искусного в своей общине мастера ушу. На то, чтобы одолеть противника, изобретательному монаху потребовалось несколько секунд — сказался фактор неожиданности. Со временем школа «Богомол» получила широкое признание. Отличительной особенностью этой школы было требование держать локти в стойке плотно прижатыми к бокам, а не вытягивать руки вперед, вверх или в стороны. Из такого положения удобно делать блок предплечьем и наносить короткие резкие удары локтем, кулаком или (как делает богомол) «открытой перчаткой». Большое значение придавалось уклонению, особенно от ударов в голову (голова у богомола очень подвижна). Заметную роль в школе «Богомол» играли прыжки — не для нанесения удара ногой, а для занятия выгодной позиции или быстрого ухода.

Различные мелкие школы постоянно возникали в лоне системы Шаолиня, а иные обретали полную самостоятельность, как, например, школа «Эмэй цюань», размещавшаяся в чаньском храме на горе Эмэй в провинции Сычуань, давшая начало новому направлению ушу.

Поэтическая легенда повествует о рождении популярной северной школы «Белая Цапля» («Байхаопай»). Однажды пожилой мастер шаолиньского ушу, прогуливаясь на опушке леса, заметил белую цаплю. Неожиданно из кустов выскочила крупная обезьяна и бросилась на птицу, собираясь ее схватить. Цапля, сделав шаг в сторону, уклонилась от нападения и нанесла противнику сильный удар крылом, затем переступила на другую ногу, снова ударила крылом и с быстротой молнии клюнула обезьяну в глаз. Завопив от боли, обезьяна умчалась в лес, а цапля расправила крылья и взлетела в небо. Мастеру так понравилось мужество цапли, что он решил использовать полуценный опыт и основал новую школу.

Не менее любопытен и дошедший до наших дней, но известный лишь узкому кругу мастеров так называемый стиль естества (цзыжаньпай). Зародившийся в эпоху Мин из лона шаолиньского ушу, он передавался из поколения в поколение семьями нескольких шифу в провинции Юньнань. Уже в середине XIX в. мастер Ду Синь сделал стиль естества достоянием гласности. Однажды, сопровождая в конвое купеческий караван, он повстречал на постоялом дворе грязного оборванного старика, к которому почтительно обращались завсегда таи харчевни. Узнав, что перед ним мастер Цзу, заносчивый северянин предложил поединок — и был жестоко избит. После такого урока Ду бросил свое ремесло и восемь лет усердно занимался под руководством старого мастера. Впоследствии Ду передал свои познания всего восьми ученикам в Пекине. Сам Ду был фигурой незаурядной. По слухам, он мог поворачивать голову на 180 градусов и бить назад правой ногой через левое плечо. Будучи глубоким старцем, Ду трижды нанес поражение своему лучшему ученику, который до того покалечил нескольких соперников.

При всем разнообразии школ и стилей ушу их условно можно подразделить на северные и южные. Естественным водоразделом при этом географическом делении служит река Янцзы. «Кулаки на юге — ноги на севере». Так характеризуют сами китайцы принципиальные различия между северными школами с их динамичными прыжками, подкатами, кульбитами, и южными — с их изощренной техникой рук. Впрочем, подобное деление очень условно и далеко не всегда соответствует истинному характеру северных и южных школ. Например, северная школа «Архатов» славится безусловным чередованием пассив, которые позволяют нанести решительный удар кулаком. В то же время одна южная школа имеет в своем арсенале обширный набор прыжков

и подкатов с подсечкой, другая активно использует технику ног. Правда, южные школы никогда не были склонны к сложным акробатическим упражнениям, которые можно увидеть на севере Китая, например в школе «Пьяница» или «Обезьяна».

* * *

Правление династии Мин в истории китайского ушу было эпохой стабильного, методического совершенствования и мирного сосуществования монастырских и светских школ, общепризнанным центром которых оставался хэнаньский Шаолинь. Военизированные заморские экспедиции Чжэн Хэ в конце XV в., открывшие Китаю торговые пути через страны Южных морей в далекую Индию, способствовали проникновению «академического» искусства кулачного боя в Малайю, Индонезию, в страны Индокитайского полуострова, где обосновались первые китайские колонии. Однако закат династии отразился и на благоденствии Шаолиня с его многочисленными ответвлениями и филиалами.

Новый период расцвета Шаолиня был связан с приходом к власти минского императора Вань Ли (1573). К этому времени шаолиньскую общину возглавили два выдающихся мастера Цзин Чжундоу (1522—1587) и Цзи Цигуан (1518—1590). Первый славился искусством владения алебардой и посохом, второй не знал себе равных в фехтовании на мечях. Оба шифу усердно совершенствовались 170 приемов Цзяо Юаня в пяти основных стилях, в равной степени уделяя внимание борьбе с оружием и без оружия. Они создали множество хитроумных комбинаций и эффективных формальных упражнений, входящих и поныне в арсенал школ шаолиньского ушу. Радея о возрождении былой славы Шаолиня, друзья-соперники объединялись для разгрома конкурентов. Странствуя по Китаю, они вызывали на поединок наставников различных школ и неизменно одерживали уверенную победу. По обычаю, если учитель терпел поражение в схватке, его ученики автоматически оказывались «в повиновении» у победителя — разумеется, если схватка была честной. Таким образом Шаолинь постепенно отвоевал утраченные позиции.

Цзин Чжундоу отличался высоким ростом, мощным телосложением и огромной физической силой. Монахи с трудом поднимали его исполинскую алебарду. Сам же великан любил фехтовать одновременно алебардой и секирой. Цзи Цигуан, напротив, был худощав, очень подвижен и вынослив. Всем видам оружия он предпочитал короткий прямой меч, но в поединках любил выступать с голыми руками, демонстрируя филигранную технику «точечных» ударов.

Согласно правилам общины, в Шаолине мог быть только один патриарх, поэтому после смерти старого настоятеля его место занял Цзин Чжундоу, а Цзи Цигуан отправился ко двору, где занял важный военный пост. В 1575 г. Цзи Цигуан во главе императорской армии, куда вошел также ударный отряд шаолиньских монахов, победоносно прошел по северным провинциям Китая, гремя мятежников и рассеивая орды маньчжуров. Затем он обрушился на южное побережье, надолго отвадив свирепых японских пиратов-вако. Тем временем Цзин Чжундоу денно и ночью формировал обучение шаолиньской братии секретным приемам цюаньшу, поставляя кадры опытных советников, а заодно и духовников во все подразделения государственного аппарата. Судьба монастыря снова тесно переплелась с судьбой императорской династии, которая доживала последние десятилетия.

После смерти в 1620 г. императора Вань Ли в стране началась смута, в конце концов приведшая к падению династии Мин.

(Продолжение следует)

Тибет. Размышления в пути

*Н. Х. АХМЕТШИН,
кандидат исторических наук*

В современном Китае с его быстро строящимися особыми экономическими зонами, промышленными и курортными приморскими городами, сотнями исторических мест, открытых для посещения иностранцев поездка в Тибетский автономный район (ТАР) остается экзотическим и увлекательным путешествием.

Выехав из Голмуда, автобус сразу «набирает высоту» где-то порядка 4—5 тыс. м над уровнем моря. Это и есть самое высокогорное шоссе мира — Цинхай — Тибет. Оно проходит через Цайдамскую впадину, горные хребты Куньлунь, Ньенченгангла, Тангла. Дорога построена войсками Народно-освободительной армии Китая в начале 50-х гг. Сейчас работы продолжаются: дорогу выпрямляют, расширяют, асфальтируют. Надо признать, что для человека, привыкшего к жизни на равнине, в первое время дорога доставляет много неудобств. Сложные климатические условия оказывают на него самое непосредственное воздействие: гудит в голове, закладывает уши, дышится трудно. Особое испытание — два перевала: Куньлуньский (4837 м) и Тангла (5180 м). Не очень-то бодрит и часовой отдых в городе Вэньцюань. Это самый высокогорный город на земном шаре — 5100 м над уровнем моря. Он построен в 1955 г. и своим возникновением обязан шоссе: жителей немного, одно-двухэтажные дома. В общем — ничего примечательного, если забыть, на какой высоте находишься.

После перевала Тангла автобус въезжает на территорию Тибетского автономного района. Остановка с ночевкой в Амдо. Отсюда до Лхасы всего 453 км.

...В исторических хрониках и документах образование раннефеодального государства в Тибете связывается с именем царя Сонгцэн-гампо, правившего в 617—649 гг. Ему удалось объединить тибетские племена, создать мощное в военном отношении государство, подготовить первый в истории Тибета свод законов.

Важное значение для будущего Тибета имела женитьба Сонгцэн-гампо на двух принцессах: непальской Бхрикути и китайской Вэнь Чэн¹. Обе они были буддистками и привезли с собой многочисленные предметы буддийского культа, книги и изображения Будды, которые были размещены в специально построенных для этого храмах. Примерно в то же время Сонгцэн-гампо направил одного из своих министров в Индию для создания тибетской письменности на основе санскритского алфавита. Все это способствовало проникновению буддизма в Тибет и усилению централизованного государства.

VII—VIII вв. — период расцвета Тибета. Тибетские правители оказывали сильное влияние на ситуацию в Центральной Азии. Они распространили свою власть на Сикким, Бутан, Непал, поддерживали торгово-экономические отношения с танским Китаем, а в 763 г. тибетские войска даже захватили его столицу — город Чанъань (совр. Сиань). Драматические события в истории Тибета разыгрались в первой половине IX в. Убив законного правителя Триралпачена, власть в стране в 836 г. захватил его старший брат Ландарма, ярый гонитель буддизма. Для буддистов наступили тяжелые времена: уничтожались монастыри и храмы, сжигались сутры, книги. В 842 г. Ландарма был убит и тибетское государство распалось на ряд независимых княжеств².

Главным соперником буддизма в Тибете было древнее верование тибетцев — бон-по, разновидность шаманизма. Основой бон-по было учение о том, что весь мир находится под контролем многочисленных духов, от воли и настроения которых непосредственно зависят люди. Как и у других народов, исповедовавших шаманизм,

жрецам приписывалась способность воздействия на духов. Во многом благодаря вере тибетцев в духов буддизму удалось победить местные верования. Используя концепцию бесконечных перерождений, буддизм в его тибетском варианте предусматривал включение духов бон-по в пантеон своих божеств. Естественно, что жрецы бон-по лишались права воздействия на этих духов, хотя борьба между буддийским духовенством и служителями бон-по была длительной и носила ожесточенный характер¹.

В конце X — начале XI вв. сначала в западном Тибете, а позднее и повсеместно буддизм начинает восстанавливать свои позиции. Во многом это было связано с деятельностью ученых-теологов — Ринчэн-санпо (958—1055) и, особенно, Атишы (982—1054).

Однако подлинным создателем тибетской версии буддизма стал Цзонкхапа (1357—1419). Он родился в семье скотовода в провинции Амдо. (Впоследствии на месте его рождения был построен монастырь Кумбум (кит. Таэрсы), одна из самых почитаемых святынь ламаизма.) С ранних лет у него обнаружилось блестящие способности и глубокая набожность. В 90-е гг. XIV в., удостоившись всех существовавших в то время высших ламаистских титулов, он начинает заниматься литературной деятельностью. Вскоре пишет главный труд своей жизни — «Тамрим»².

Именно Цзонкхапе удалось разработать единую концепцию ламаизма — одну из основных форм буддизма, сложившуюся в средневековом Тибете, в результате проникновения махаяны и тантризма и смешения их с древним верованием тибетцев бон-по. Он поставил перед ламаистским духовенством новую задачу: не уход от жизни, отшельничество ради личного спасения, а активное участие в жизни верующего в качестве его духовного наставника.

Нельзя не оценить подвижническую деятельность Цзонкхапы. С его именем связано возникновение секты Гелукпа («Желтых шапок»), до сих пор играющей главную роль в ламаизме; он основал монастырь Гандэн, ставший одним из центров новой секты. Согласно тибетской традиции, Цзонкхапа объявил двух своих любимых учеников воплощениями буддийских божеств. В дальнейшем одно из этих воплощений получило титул «далай-ламы», другое — «панчэн-ламы».

...Лхаса, расположенная на высоте 3683 м, встретила нас теплой и солнечной погодой. Первые впечатления — самые сильные. Ошеломляет красотой и величием Потала, как магнитом притягивают к себе древние храмы и монастыри, необычно и эффектно выглядят современные здания, глаза никак не могут привыкнуть к обилию монахов на улицах, удивляет большое количество иностранцев. Но обо всем по порядку.

Лхаса стала столицей Тибета при Сонгцэн-гампо, но после убийства Ландармы утратила свое политическое значение, хотя и осталась религиозным центром. В XVII в. Лхаса восстанавливает свой статус. В 1965 г. город был провозглашен столицей Тибетского автономного района КНР.

Паломник, вступающий в Лхасу, проходит три священных круга. Восьмиклометровый Линкхорн — внешний круг, который опоясывает старый город. Затем Балкхор длиною в 800 м, он окружает храм Джокан. Наконец, еще один круг — внутри этого храма. Паломники и молящиеся проходят священные круги по часовой стрелке. Многие из них падают ниц прямо на дороге, поднимаются, читают молитву, делают несколько шагов, потом опять падают и так на всем пути.

Религиозный и географический центр города — храм Джокан и прилегающая к нему территория. С утра до вечера сюда идут тысячи паломников со всего Тибета. Считается, что храм основан в 649 г. Его строительство связано с именем китайской принцессы Вэнь Чэн. Именно она привезла в дар своему будущему супругу статую 12-летнего Шакьямуни³. Статуя, датируемая VI в. до н. э., бесспорно, уникальна, это — одно из трех прижизненных изображений основателя буддизма.

В 1409 г. в храме по инициативе Цзонкхапы впервые отмечался праздник Монлам чэнпо, и с тех пор Джокан стал центром проведения всех тибетских религиозных празднеств. На площади перед храмом на высоких шестах развешиваются разноцветные лоскуты материи с начертанными на них магическими письменами, отгоняющими от святого места злых духов.

Перед входом в храм по обе стороны ограды тянутся ряды «молитвенных колес». Большие металлические цилиндры, заполненные религиозными текстами, насажены на вертикальную ось. Под цилиндрами находятся деревянные рукоятки, с по-

мощью которых молящиеся вращают их. Считается, что поворот цилиндра вокруг своей оси равнозначен прочтению заложенных в него молитв. Только после «прочтения» всех «колес» паломник заходит в храм.

На крыше Джокана, у центрального входа, выделяются две золоченые сужающиеся кверху башенки, внутри которых листы бумаги с буддийскими заклинаниями. Между ними — восьмисекторный круг с двумя газелями по сторонам. Согласно буддийской традиции, первыми слушателями просветленного Будды были именно эти животные.

В тибетских монастырях и храмах всегда много молящихся, тяжелый воздух, полумрак, сильный запах масла и курительных свечей.

Четырехэтажный Джокан неоднократно перестраивался. Особенно интенсивно строительные работы велись в XV и XVII вв. В настоящее время в храме насчитывается более 250 скульптурных изображений и статуй буддийских божеств, ламанетских святых, тибетских правителей. Искусные скульптурные изображения, композиции фресок и икон производят ошеломляющее впечатление. Сколько в них вложено самоотверженного труда, интеллекта, религиозного испуга!

Вокруг Джокана весь день шумит людское море. Балкхор — это не только священный круг, но и самый большой тибетский базар. Двух-трехэтажные здания по обеим сторонам улицы представляют собой бесконечную цепь магазинов, лавок, мастерских. Население Балкхора составляет более 6 тыс. человек, из них около 2300 — домовладельцы. Большая часть населения занимается торговлей либо кустарным производством.

Что можно купить на этом базаре? Массу вещей, как правило не имеющих утилитарного применения, но вот взглянешь на них и тут же вспомнишь Тибет. Особый интерес вызывает национальная одежда: сапоги, халат, пояс, головной убор, кинжал. За исключением сапог, тибетский национальный наряд выдержан в довольно спокойных тонах.

Сотни лотков завалены религиозной утварью, посудой, кинжалами всевозможных размеров, старинными монетами, украшениями с буддийской символикой, много полудрагоценных камней, особенно бирюзы. На базаре можно попробовать тибетскую кухню: цзамба*, ячье мясо, масло, сыр, тибетский чай с маслом и молоком. Масло лежит на прилавках большими брикетами по 20—30 кг в целлофановых пакетах. 1 кг стоит около 12 юаней. Говорят, что два года назад оно было дороже. Масло высокой жирности, высококалорийное.

Балкхор нельзя понять за один раз. Сюда надо приходиться каждый день и погружаться в стихию купли-продажи, постигать духовные устремления молящихся и паломников, пытаться проникнуть в психологию тибетского народа.

В Лхасе, как и в других городах Тибета, открытых для посещения иностранцев, очень много туристов, в основном из США, Австралии, Японии, стран Западной Европы. Число их с каждым годом растет. В 1985 г. — 15 тыс., в 1986 г. — 30, а в 1987 — 43,5 тыс. человек. В 1986 г. доход от туризма в Тибете составил 29 млн. юаней⁶. Большинство туристов привлекают суровая природа этого края, народ его населяющий, исторические места, памятники культуры.

Построенный на горе Марпори (Красная гора) высоко над городом стоит бывший дворец далай-ламы — Потала. В VII в. здесь был сооружен небольшой буддийский храм, позднее ставший дворцом, но в IX в. он был разрушен в результате сильного пожара.

Строительство Поталы началось в 1645 г. по приказу пятого далай-ламы. Планировалось сооружение двух дворцов — белого и красного. Однако в 1682 г., то есть до начала строительства красного дворца, далай-лама умер. Перед кончиной, понимая, что его смерть остановит работы, далай-лама просил регента никому не сообщать о его кончине до завершения строительства. Регент подыскал монаха, похожего на умершего, и объявил о смерти далай-ламы только тогда, когда все 13 этажей Поталы были достроены. Строительство белого дворца было закончено в 1653 г., а красного — в 1694 г.

Высота дворца из камня, земли и дерева 117 м. Впечатляет количество залов и скульптурных изображений. Около 200 тыс. статуй размещены в более

* Цзамба — жаренная на ячьем масле ячменная мука, основная пища тибетцев.

чем тысяче залов. В красном дворце Поталы находятся усыпальницы восьми далай-лам. Высота погребальной ступы пятого далай-ламы 20 м. На ее покрытие пошло 3700 кг золота. Рядом ступа тринадцатого далай-ламы, высотой в 22 м.

Далай-ламы являлись верховными тибетскими правителями и управляли Тибетом до 1959 г. Первым далай-ламой считается ученик и родственник Цзонкхапы Гэдун-друб (1391—1474), возглавивший секту Гелукпа после смерти учителя. Именно он в 1438 г. стал настоятелем монастыря Гандэн, основанного Цзонкхалой в 1409 г. Еще ранее Гэдун-друб был провозглашен земным воплощением бодхисатвы Авалокитешвары. Сам титул далай-ламы* введен в XVI в., когда монгольский правитель Алтан-хан пожаловал его Сонам-джамцо, третьему земному воплощению бодхисатвы. Согласно ламаистской традиции, после смерти далай-ламы Авалокитешвара воплощается в зачатого младенца, которого потом находят по очень сложным и запутанным признакам. В возрасте пяти лет несколько мальчиков-кандидатов проходят проверку. В частности, одно из испытаний — выбрать из обилия вещей те, которые принадлежали предыдущему далай-ламе. В результате испытаний, предсказаний оракулов, магических обрядов и т. п. делается окончательный выбор.

Интересна история избрания четырнадцатого далай-ламы. Тринадцатый далай-лама скончался в 1933 г. Голова умершего была повернута на Восток; в 1935 г. в водах священного озера регент увидел три буквы, а также изображение монастыря с зеленой крышей и дома с бирюзовой черепицей. С учетом этих обстоятельств начались поиски будущего далай-ламы. Одна из поисковых групп обнаружила дом с бирюзовой черепицей неподалеку от монастыря Кумбум (Таэрсy), который имел зеленую крышу. В доме совсем маленький ребенок потянулся к руководителю группы, хотя последний был одет как слуга, и стал просить четки, принадлежавшие прежнему далай-ламе. И в дальнейшем из массы религиозных предметов малыш якобы выбрал только то, что принадлежало тринадцатому далай-ламе. Позднее три буквы, появившиеся на поверхности священного озера, были интерпретированы как заглавные буквы провинции, откуда родом был ребенок, и монастыря, расположенного недалеко от Кумбума (Таэрсy).

В возрасте шести лет далай-ламу привозят в Лхасу, где он проходит соответствующий курс религиозного обучения. В возрасте 18 лет он сдает последние экзамены и становится полноправным правителем Тибета. До достижения далай-ламой совершеннолетия государственными делами занимается регент. В истории Тибета нередко регенты были настолько всемогущи, что далай-ламы, так сказать, и не доживали до 18 лет. Так, например, произошло с девятым, одиннадцатым и двенадцатым далай-ламами.

В западной части Лхасы расположена бывшая летняя резиденция далай-ламы — дворец Нобулинка. Строительство комплекса было начато при седьмом далай-ламе в 1755 г. Новый дворец сооружен совсем недавно в 1954—1956 гг. Неудивительно, что все здесь в хорошем состоянии. Гид-тибетец, бегло говорящий по-английски, долго и с удовольствием объясняет религиозные сюжеты настенных росписей, показывает комнаты, в которых жил далай-лама, — спальню, кабинет, гостиную, приемную комнату медитации, ванную и т. д. Именно отсюда в 1959 г. после провала восстания части тибетского духовенства против центрального правительства КНР четырнадцатый далай-лама бежал в Индию, где и пребывает в настоящее время⁷.

В трех километрах к северу от Лхасы находится один из трех главных монастырей секты Гелукпа — Сэра, основанный в 1419 г. Четыре храма на территории монастыря — это памятники истории возникновения и развития буддизма в Тибете, сложной и запутанной истории секты «желтошапочников». Это, наконец, земля обетованная для монахов и молодых тибетцев, обучающихся здесь в духовной семинарии.

У стен одного из храмов две группы семинаристов беседуют на теологические темы. Иногда в беседах участвуют наставники, но, как правило, послеобеденные часы — время для споров в кругу своих сверстников. Семинаристы молоды, в основном в возрасте от 10 до 16 лет, они убеждены, что судьба к ним благоволит. После окончания семинарии молодые люди разъедутся по всему Тибету, а те, кому

* Далай-лама, Далай (монгол.) — море (мудрости), лама (тибет.) — высший.

повезет, останутся в Лхасе, где много верующих, паломников, где самые богатые монастыри и храмы.

В 15 минутах ходьбы к востоку от монастыря Сэра, у подножия горы, совершается один из самых удивительных тибетских обрядов — «небесное погребение».

В Шигацзе, второй по величине город Тибета, мы отправились из Лхасы по южной дороге. Сразу за мостом через одну из великих рек Азни—Брахмапутру (тибет. Цангпо) автобус пополз почти вертикально вверх, на перевал Кхамба-ла (4900 м). Надсадно ревет мотор, впереди узкая полоска дороги, уходящая, кажется, в небо, а слева или справа — бездонная пропасть. С перевала открываются поистине сказочные пейзажи вокруг озера Ямдрок-цо, за которыми в этот яркий солнечный день видны снежные вершины Гималаев.

Овеянное легендами высокогорное озеро Ямдрок-цо не может никого оставить равнодушным. Его темно-голубые воды огибают горный массив и тянутся на многие десятки километров. Общая протяженность Ямдрок-цо — 240 км. Вода в озере холодная, около 6—8°, но, по свидетельству местных жителей, рыбы в нем много.

К юго-западу от озера дорога вновь идет резко вверх. Впереди перевал Каро-ла (5200 м). В 1904 г. на этом перевале произошло самое высокогорное в мировой истории войн сражение — между плохо вооруженными тибетцами и вторгшимися из Индии в Тибет англичанами. После захвата города Гьянцзе английский экспедиционный корпус начал наступление на Лхасу. Именно на перевале Каро-ла тибетцы дали последний бой интервентам. Их трехтысячный отряд с помощью камней и допотопных ружей заставил англичан отступить. Только поднявшись на высоту 5800 м и полностью используя свое преимущество в вооружении, англичане смогли выбить тибетцев с перевала.

После Каро-ла дорога на высоте 4000 м выравнивается, соответственно возрастает и скорость. Проехав за 14 часов 250 км, наш автобус прибыл в Гьянцзе — четвертый по величине город Тибета (после Лхасы, Шигацзе и Чамдо) с населением около 10 тыс. человек. В древности город играл важную стратегическую роль. Из Лхасы и Шигацзе через Гьянцзе шли торговые караваны на юг — в Сикким и Бутан, город славился производством шерсти и ремесленными изделиями, защищал Гьянцзе сильный военный гарнизон.

Сейчас этот город принимает большое количество туристов. Привлекают их две главные достопримечательности: форт и Кумбум — пагода XV в. на территории монастыря.

Внутри пагоды 108 входов, ведущих в 77 своеобразных часовенок, расположенных на девяти уровнях⁸. Каждая часовенка — законченное произведение искусства с удивительной планировкой, высокохудожественными скульптурными изображениями, декоративными фресками.

На высокой горе в центре города стоит форт, построенный еще в XIV в. Сделанный из белого камня он и сейчас производит внушительное впечатление: высокие (5—8 м) и толстые (4 м) стены, массивные укрепления, многочисленные постройки. Длина крепостных стен составляет около 3 км.

Форт был задуман как главное оборонительное укрепление на дороге, ведущей в Лхасу. На его территории размещался гарнизон, насчитывавший обычно 500 человек. В 1904 г. защитники форта несколько недель отбивали атаки, англичан. Применив артиллерию, английские войска смогли все-таки его захватить⁹. С тех пор форт не ремонтировался и практически остался таким, каким был в начале века.

В настоящее время форт официально закрыт, но вам скажут, что если подойти к форту с юго-восточной стороны, то в одном из жилых домов за два юаня можно получить ключ от ворот форта. Хозяйки ключа — женщины трех поколений. Одна из них, среднего поколения, пригласила нас в дом, угостила цзямбой. Необычное жилище: много мелких предметов, религиозной атрибутики, на стенах вырезки из журналов, тибетские календари, мебель низка, пол земляной. Живут небогато.

Прогулка по форту напоминает кадры из сюрреалистического фильма. Повсюду творения рук человеческих и полное отсутствие жизни. Среди оборонительных сооружений стоит небольшой храм, в нем тысячи глиняных изображений Будды.

Шигацзе — город, расположенный на высоте 3800 м, с населением около 40 тыс. человек. Дорога сюда из Гьянцзе (90 км) оказалась на удивление легкой и неинтересной. Основная достопримечательность города — монастырь Ташилхунпо, построен-

ный в 1447 г. и на протяжении многих веков являвшийся резиденцией панчэн-лам.

Согласно религиозной традиции, один из учеников Цзонкхапы, Кайдуб Гэлзгбалсанбо (1385—1438), положил начало второй линии ламаистских «перерожденцев»¹⁰. Непосредственно титул панчэн-лама* был пожалован настоятелю монастыря Ташилхунпо пятым далай-ламой в XVII в. Панчэн-ламы были объявлены земным воплощением будды Амитабы. Формально положение панчэн-ламы выше далай-ламы, так как первый воплощал будду, а второй — лишь бодхисатву Авалокитешвару. Однако фактически панчэн-лама оставался вторым в иерархии правителей Тибета, ибо бодхисатва Авалокитешвара являлся покровителем Тибета, который вел всех тибетцев «по пути спасения», божеством, активно занимающимся мирскими делами. Панчэн-лама традиционно считался высшим авторитетом в сугубо религиозных вопросах.

Тем не менее между панчэн-ламами и далай-ламами не раз возникала острая борьба за верховное руководство Тибетом. Так, в начале XX в. резко обострились отношения между девятым (по другим данным шестым) панчэн-ламой и тринадцатым далай-ламой. В 1923 г. панчэн-лама был вынужден покинуть Шигацзе, опасаясь преследований со стороны далай-ламы. Умер девятый панчэн-лама в провинции Цинхай в 1937 г. Через год там же родился будущий десятый панчэн-лама.

В настоящее время панчэн-лама живет в Пекине, занимая пост заместителя председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Он регулярно посещает Тибет, останавливаясь и в Шигацзе (1985, 1987, 1988).

В монастыре Ташилхунпо большое количество монахов. Сейчас их около 100, а в 50-х гг. насчитывалось 4 тыс. С утра до вечера большинство из них работают в мастерских, занимаются подсобными промыслами. Только немногие проводят дни в молитвах.

Центральная часть Ташилхунпо — зал будды Майтрейи, культ которого занимает одно из важнейших мест в верованиях и обрядах ламаизма. 27-метровая сидящая в позе «лотоса» статуя будды поражает своими размерами. Рядом находится зал с погробальными ступами панчэн-лам. Самая большая ступа четвертого панчэн-ламы, жившего в XVIII в. Высота ступы, построенной в 1662 г., составляет 11 м, она покрыта золотом и серебром, украшена драгоценными камнями.

Сразу от центральных ворот монастыря начинается священный круг. В отличие от аналогичного круга в Лхасе он проходит по близлежащим холмам. У руин старой крепости дорога идет резко вниз, и паломник или турист оказывается на шумном городском базаре. Ассортимент товаров и цены на них почти такие же, как в Лхасе.

Веками Тибет оставался самым отсталым районом Китая. Поколение за поколением тибетцы наследовали нищету, голод, болезни, высокую смертность, поголовную неграмотность. Непросто складывалась судьба тибетского народа и после 1951 г. Так, во время «культурной революции» район стал ареной ожесточенных столкновений между враждующими группировками хунвэйбинов и цзаофаней. Были разрушены сотни монастырей, уничтожены многие уникальные памятники культуры. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) стал переломным в истории КНР. Наступили новые времена и в Тибете.

С 1980 г. центральное правительство и правительство Тибетского автономного района выделили 24 млн. юаней на реконструкцию и реставрацию культовых сооружений. Вновь открыты для молящихся и паломников 234 храма и монастыря, 743 места совершения ритуалов. В Тибете насчитывается 14320 буддийских монахов и монахинь, 331 «живущий будда»¹¹.

Быстрыми темпами идет в ТАР строительство народнохозяйственных и социальных объектов. Большую помощь оказывают многие провинции и города центрального подчинения. К сооружению ряда объектов привлечен иностранный капитал.

В западной части столицы привлекает внимание ультрасовременное семизэтажное здание гостиницы «Лхаса», рассчитанной на проживание 1100 человек. Построена

* Панчэн-лама. Пан (санскр.) — сокращение от пандит — учитель, чэн (тибет.) — сокращение от чэнпо — великий.

она в 1986 г. китайской и американской фирмами. Напротив гостиницы — красивое здание местного театра на 1200 мест. В его сооружении самое активное участие принимали строители из Тяньцзиня. Театр был открыт в 1985 г., к 20-летию образования автономного района.

Важным событием культурной жизни тибетцев стало открытие в 1985 г. Тибетского университета. В настоящее время на восьми факультетах университета обучаются более 800 студентов, из них около 60 % — тибетцы¹.

Перемены в Тибете свидетельствуют о динамичном и поступательном развитии этого региона страны. Нынешний этап социалистических преобразований в Китае создает благоприятные условия для решения различных проблем в жизни тибетского народа.

¹ См.: Энциклопедия Китая. Национальности. Пекин, Шанхай, 1986, с. 528 (на кит. яз.).

² См.: Краткий очерк истории тибетцев. Пекин, 1985, с. 109—110 (на кит. яз.).

³ См.: А. Н. Кочетов. Ламаизм. М., 1973, с. 15—16.

⁴ См.: Сборник статей по тибетологии. Пекин, 1985, с. 276 (на кит. яз.).

⁵ См.: Справочник памятных мест Китая. Шанхай, 1987, с. 992 (на кит. яз.).

⁶ In: "Beijing Review", 1987, № 42, p. 6.

⁷ Подробнее см.: О тибетском вопросе, Пекин, 1959; В. А. Богословский. Тибетский район КНР. (1949—1976). М., 1978.

⁸ In: Tibet: Today and Yesterday. Beijing, 1983, p. 35.

⁹ In: I. Epstein. Tibet Transformed. Beijing, 1983, p. 456.

¹⁰ См.: А. Н. Кочетов. Указ. соч., с. 41.

¹¹ In: "Beijing Review", 1987, № 48, p. 21.

¹² In: "China Reconstructs", 1987, vol. XXXVI, № 9, p. 15—16.

К. Ю. ФЕДОРОВ

Перестроечные процессы революционного характера, развернувшиеся в Советском Союзе, привлекают пристальное внимание широких слоев научной общественности КНР, прежде всего советологов и специалистов по международным проблемам. В основе их устойчивого интереса к советской перестройке лежит не только желание отыскать в прошлом и современном опыте СССР то, что может быть полезным и применимым в конкретных условиях Китая. Суть, как представляется, глубже: в Китае растет понимание общности проблем и задач, стоящих перед двумя крупнейшими социалистическими странами, осознание необходимости коренных реформ во всех областях общественной жизни, поиска наиболее оптимальных путей развития в целях выявления в новых исторических условиях гигантского потенциала социализма.

В выступлениях китайских ученых все чаще звучит разработанный на основе анализа положения в мире и конкретной практики отдельных стран тезис о реформах как исторической тенденции. В научном обзоре «Историческое место китайских реформ»¹ подчеркивалось: «Несомненно, реформы в социалистических странах — это течение уже сформировавшееся и необратимое. Если говорить, что победа Октябрьской революции открыла новую эру рождения социалистического общества, то, если только сегодняшний поток реформ будет поддерживаться и развиваться, он приведет к успеху и выровняет дорогу для открытия новой эры превосходства социалистических производительных сил над капиталистическими. Историки того времени, возможно, смогут выразиться так: "Реформа — это вторая Октябрьская революция"».

В том же духе высказываются и китайские руководители. В беседе с представителями газеты «Асахи» 27 февраля 1988 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян сказал, что СССР и Китай, будучи социалистическими странами, проводят реформы, причем реформы в социалистических странах — это один поток. Несмотря на различия в обстановке, этапах развития и конкретной ситуации, обе страны могут заимствовать опыт друг у друга. Руководитель Компартии Китая подчеркнул большое значение перестройки в СССР и пожелал ей успеха.

Важным является то, что ученые-обществоведы КНР прямо увязывают нынешние реформы в социалистических странах с мирным противостоянием социализма капитализму, подчеркивая тем самым значимость достижения всеобъемлющего успеха в деле перестройки для судеб мирового социализма. Не случайно известный китайский международник, бывший заместитель министра иностранных дел Гун Дафэй в одной из статей указывал на «всемирное значение перестройки в СССР»².

Знакомясь с многочисленными китайскими материалами о перестройке в Советском Союзе и анализируя их, можно увидеть, что подавляющее большинство статей и монографий посвящено внутреннему аспекту наших преобразований — теории и практике реформ политического и хозяйственного механизма, расширению демократии и гласности³.

Меньше пока говорится и пишется в Китае о перестройке во внешнеполитической деятельности Советского Союза. Дело, как представляется, в том, что процесс оздоровления международной обстановки находится в начальной своей стадии, многие сложные проблемы, особенно связанные с «горячими точками», требуют длительно-

го времени и больших усилий для разрешения, а отсюда — проведения строго обоснованного научного анализа глубоких перемен в мировой ситуации и внешней политике СССР, что является делом далеко непростым. Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что в подходах к ряду внешнеполитических проблем между СССР и КНР продолжают сохраняться разногласия, что неизбежно оказывает воздействие на взгляды ученых и специалистов Китая. Вместе с тем нарастание позитивных тенденций в мире в последнее время, планомерная и целенаправленная деятельность Советского Союза по реализации на практике социалистической концепции разоружения, утверждению в мировой политике новых принципов международных отношений, основанных на справедливом балансе сил, стимулируют рост интереса китайской общественности, в том числе научной, к выступлениям советского руководства по всем этим проблемам.

Так, советологи и эксперты-международники КНР обратили серьезное внимание на сообщение «Вестника МИД СССР» о выступлении М. С. Горбачева на совещании советских внешнеполитических работников 23 мая 1986 г. В публикациях центральной китайской печати⁴ видное место было отведено высказываниям Генерального секретаря ЦК КПСС о необходимости нового мышления в дипломатии СССР, которая должна создавать благоприятные внешние условия для ускорения социально-экономического развития страны. С особым интересом была воспринята та часть выступления, в которой говорилось о необходимости строить отношения с социалистическими странами на основе уважения опыта и достоинства этих стран, понимать их национальные особенности, с доверием относиться к поискам ими путей своего национального развития, по-настоящему привлекать союзников к общему делу, предварительно координировать с ними дипломатические акции, осуществлять разделение труда с братскими странами в области внешней политики. Не остались без внимания и слова М. С. Горбачева о важности советско-китайских отношений, влияние которых на ситуацию в мире по очевидным причинам растет. Было процитировано и обращенное к советским дипломатам требование Генерального секретаря ЦК КПСС решительно преодолевать односторонность, самодовольство, консерватизм, привычку поучать всех, а также мысль о необходимости более реалистического подхода к международным делам, умелого ведения переговоров.

Столь же внимательный и заинтересованный подход был проявлен китайскими специалистами-международниками и к другим выступлениям руководителей Советского Союза по вопросам перестройки и нового политического мышления в международных делах. Это в первую очередь касается выхода в свет книги М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», его доклада на торжественном заседании в Кремле 2 ноября 1987 г., а также выступления на московской международной встрече представителей 178 партий, движений и организаций. Средства массовой информации КНР⁵ подробно проинформировали китайскую общественность относительно содержания этих выступлений советского руководителя, обратив внимание на объективность и реализм в подходе к проблемам современного мира, особо выделив мысль М. С. Горбачева о том, что нельзя рассматривать развитие мира лишь с точки зрения борьбы двух систем, что все люди «находятся в одной лодке». Наиболее подробно излагались идеи о переломном этапе в международном коммунистическом движении, а также об отношениях между компартиями и социалистическими странами, каждая из которых обладает бесспорным правом независимо и самостоятельно решать свои дела в ходе длительного процесса самосовершенствования социализма.

1988 г. ознаменовался важными сдвигами в плане непосредственного знакомства широких кругов китайской общественности с новым мышлением руководства Советского Союза в делах перестройки в СССР и в международной сфере. Издательства «Синьхуа» и «Шицзе чжиши» осуществили перевод на китайский язык книги М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» и выпустили ее в декабре 1987 — апреле 1988 гг. четыремья изданиями общим тиражом свыше 100 тыс. экземпляров. Выдержки из этой книги, получившей высокую оценку читателей, публикуются в ряде китайских журналов наряду с развернутыми рецензиями⁶.

В январе с. г. произошло еще одно значительное событие в советско-китайских отношениях: впервые за последние десятилетия в КНР было опубликовано интервью

Генерального секретаря ЦК КПСС. Ответы М. С. Горбачева на вопросы редакции популярного еженедельника «Ляован»⁷, в которых дан анализ развития международной обстановки, включая советско-американские отношения, изложены проблемы и задачи советской перестройки, а также курс СССР на дальнейшее развитие отношений с КНР, были в подробном изложении переданы китайскими средствами массовой информации. Как отмечали иностранные комментаторы, такой широкой аудитории в Китае не получал еще ни один зарубежный политический деятель.

Большое внимание было уделено в Китае работе и решениям XIX Всесоюзной конференции КПСС. В сообщении средств массовой информации, в том числе в газете «Жэньминь жибао», впервые направившей на партийный форум в Москву своего специального корреспондента, подчеркивалось, что конференция проводится в ключевой момент перестройки, и ее решения окажут определяющее воздействие на процессы преобразований в СССР.

В августе 1987 г. на первом Всекитайском симпозиуме по теории международных отношений, проведенном в Шанхае по инициативе ведущего китайского международного Хуань Сяна⁸, состоялось обсуждение выдвинутой М. С. Горбачевым концепции нового мышления во внешней политике, «вызвавшей огромный интерес участников». Основное содержание этой концепции было изложено следующим образом:

1. Содержание характера эпохи. В отличие от прошлого, когда подчеркивали, что наша эпоха — это эпоха победы социализма и коммунизма в масштабах всего мира, эпоха краха капитализма, теперь говорится об эпохе исторического соревнования двух мировых социально-экономических систем. К трем основным противоречиям современного мира — между двумя системами, внутри капиталистического мира, а также между империализмом и развивающимися странами — добавлено глобальное противоречие, затрагивающее само существование цивилизации на Земле.

2. Проблема отношений между социалистической и капиталистической системами. Вместо прежнего чрезмерного подчеркивания конфронтации теперь речь идет о том, что в эпоху ядерного противостояния и научно-технической революции мир становится все более взаимозависимым и взаимосвязанным, а само противостояние двух систем возможно лишь в форме мирного соревнования и конкуренции.

3. Вопрос о структуре мира. Отход от прежней концепции «двухполюсности» и признание «многополюсности мира с разными центрами силы».

4. Проблемы войны и мира, а также гонки вооружений. Подчеркивается, что в ядерную эпоху ушла в прошлое концепция, считавшая войну средством достижения политических целей. В ядерной войне, как и в гонке вооружений, не может быть победителей. Выражается уверенность, что мировую войну можно предотвратить.

5. Вопрос о государственной и международной безопасности. Отмечается, что безопасность государств должна быть взаимной, а международная безопасность — всеобщей, причем без первого не может быть и второго. Составная часть системы международной безопасности — безопасность экономическая, для чего необходимо создать новый, более справедливый мировой экономический порядок.

6. Сфера отношений между социалистическими странами. Теперь указывается, что систему демократического централизма нельзя применять в отношениях между социалистическими странами, они должны базироваться на пяти принципах мирного сосуществования. Советский Союз признает также, что в международном коммунистическом движении существует многообразие, любая партия не может и не имеет права обладать монополией на истину.

7. В отношении общего кризиса капитализма отмечается возможность определенного роста капиталистической экономики, науки и техники, наступлении нового этапа НТР.

8. Проблема деидеологизации внешней политики. Утверждается, что внешняя политика не должна становиться сферой идеологической борьбы, нельзя извне подталкивать других к преобразованиям. Особый упор делается на гуманизацию международных отношений, которую считают гарантией прогресса и цивилизации в мирных условиях.

9. В вопросе об ориентации независимых развивающихся государств теперь речь идет о выборе пути, соответствующего их общим демократическим преобразованиям.

Говоря о внешней политике Советского Союза, участники симпозиума отметили, что при отстаивании принципиальных основ теперь делается акцент на необходимость

гибкости, неразрывное единство внутренней и внешней политики СССР, политика которого в международных делах сейчас более чем когда-либо определяется внутренней политикой, а его коренные задачи в экономическом и социальном развитии предопределяют международную стратегию СССР.

Весьма примечательна и прозвучавшая на шанхайском симпозиуме оценка советской теории международных отношений. Отмечая значительные достижения наших ученых, специалисты КНР особо выделили присущую ей классовость, находящую выражение в применении коренных положений марксизма-ленинизма при анализе международных проблем, а также в критическом отношении к соответствующим западным теориям. Кроме того, подчеркивалось, что для Китая весьма актуальна проблема, изучению которой в Советском Союзе уделяется большое внимание, а именно — роль «человеческого фактора» в международных отношениях.

Следует отметить, что за последнее время в китайской общественно-политической и научной периодике стало появляться все больше статей, в которых анализируются новые моменты во внешнеполитической теории и практике СССР.

Прежде всего следует отметить интересный материал журнала «Ляован»⁹, автор которого Вэй Чжэнцян, знакомя читателей с упомянутой книгой М. С. Горбачева, выделяет следующие три главных момента в понимании важных международных вопросов: во-первых, новое понимание современного мира, новая концепция войн и взаимосвязи войны и революции; во-вторых, переосмысление капитализма; и, в-третьих, переосмысление коммунистического движения.

Основываясь на этом, подчеркивает китайский исследователь, М. С. Горбачев «вывел из нового мышления принципы всеобщей безопасности, баланса интересов, взаимозависимости, независимого управления, равных отношений, мирного сосуществования, мирного соперничества, открытой внешней политики». Подробно раскрыв их содержание, Вэй Чжэнцян отмечает, что новое политическое мышление, явившееся «результатом глубоких размышлений над реалиями современного мира», направлено на то, чтобы «создать нормальные международные условия для внутреннего прогресса Советского Союза, оно подкреплено философией, программой и практикой советской перестройки».

По мнению молодого ученого из Института СССР и стран Восточной Европы при Народном университете Китая Се Сяна¹⁰, «в стратегических подходах Советского Союза к международным проблемам произошло пять важнейших изменений». Речь идет об изменениях в представлениях о ядерной эпохе, об «ошибочности бесконечной гонки вооружений», о капиталистических странах и возможности длительного сотрудничества с ними, о социалистических государствах и подходе к ним, об отношениях с развивающимися странами и проблеме «экспорта революции». По словам автора, такой поворот во внешнеполитической стратегии СССР непосредственно связан с идущей в нашей стране «широкой и глубокой перестройкой в экономике и политике».

Последний вывод китайский ученый конкретизировал еще в одной своей статье в том же еженедельнике¹¹, рассматривая «внутренние побудительные мотивы стремления Советского Союза добиться разрядки в отношениях с Соединенными Штатами». Свой анализ Се Сян дополняет двумя чертами, характерными для новой советской дипломатии: усиление роли экономических факторов во внешней политике СССР, а также более гибкая тактика.

Вывод о возросшей взаимосвязи стратегии ускорения СССР и его внешней политики разделяет и упоминавшийся выше Гун Дафэй. По его мнению, нынешние процессы разрядки, которые по своему содержанию и степени глубины в корне отличаются от аналогичных процессов в прошлом, «связаны лично с М. С. Горбачевым и его идеей нового мышления». Новые моменты в области внешней политики СССР Гун Дафэй квалифицирует как «критический подход Советского Союза к проблемам международного коммунистического движения», отношений между соцстранами, связей с государствами третьего мира, как «новое понимание капитализма», «критику догматизма и левого экстремизма». Постепенные изменения в этих областях оказали непосредственное воздействие на разрядку международной напряженности, заключает китайский эксперт¹².

Сотрудник шанхайского института СССР и стран Восточной Европы Фэн Шаолэй посвятил анализу новых советских воззрений в области международных отношений

статью в еженедельнике «Шицзе цзинцзи даобао». Он отмечает, что если два года назад в СССР «раздавались призыв самокритично разобраться в прежней дипломатии», то теперь «новые внешнеполитические идеи уже в основном приобрели ясные очертания». Он обращает внимание на изменение подходов Советского Союза к отношениям с Западом в следующих областях: проблема взаимосвязи между войной и политикой, вопрос о природе современного империализма, новая военная оборонительная стратегия, проблемы региональных конфликтов, активизация торгово-экономических связей с Западом. Как и многие другие китайские ученые, Фэн Шаолэй придерживается той точки зрения, что все это «явилось прямым результатом потребностей перестройки и развития экономики», для которых «необходимо мирное международное окружение и длительная разрядка». Ссылаясь на личные впечатления от пребывания в Советском Союзе, шанхайский ученый добавляет, что «советский народ ненавидит войну и стремится к миру»¹³.

Самым серьезным образом в Китае изучают и отдельные аспекты нового мышления в СССР. Примером может служить статья Чжао Хухуэя и Чжао Хуншаня «Поговорим о советской стратегической концепции "разумной достаточности"»¹⁴. Пытаясь разобраться в новом отношении СССР к проблеме сокращения военного потенциала до уровня, необходимого строго для оборонительных целей, китайские исследователи, к сожалению, не смогли выйти за рамки прежней концепции «соперничества сверхдержав», утверждая, что стратегическое мышление Советского Союза «носит вовсе не оборонительный характер».

Судя по материалам периодики КНР, огромный интерес у китайских ученых вызывает переосмысление в Советском Союзе подхода к отношениям с социалистическими странами и коммунистическими партиями.

Уже упоминавшийся Фэн Шаолэй в статье «Новые воззрения СССР в области отношений с социалистическими государствами»¹⁵ приходит к заключению, что «изменения в теории этих отношений достигли невиданной степени глубины» и «из всех высших руководителей КПСС после Ленина М. С. Горбачев стал первым, кто заявил о праве всех стран на выбор собственного пути развития». Согласно анализу шанхайского ученого, изменения в этой области проявились в том, что советская печать «открыто критикует национал-шовинистские ошибки Сталина» и «высказывается за восстановление и развитие отношений с соцстранами», что Советский Союз заявляет о намерении пересмотреть важные проблемы истории и урегулировать некоторые проблемы текущего дня (например, вопрос о ценах в странах — членах СЭВ); что возобладало «новое понимание проблемы выбора каждой страной своего пути развития», подчеркивается необходимость обновления концепций, изменения методов, активного привлечения науки к совершенствованию отношений с соцстранами. Китайский ученый усматривает прямую взаимосвязь процессов перестройки и демократизации внутри СССР с переменами в этой области внешнеполитической деятельности.

Значительное внимание данной проблеме уделил и автор статьи в журнале «Гоцзи вэньти яньцзю» Сун Иминь¹⁶, который отмечает, что в вопросе о социалистическом строительстве Советский Союз отверг свою прежнюю «закоснелую модель» и призывает сделать это и другие социалистические страны. «Он уже не подчеркивает единообразие, а признает многообразие», «высказывается в том плане, что строгое уважение принципов мирного сосуществования применимо и к отношениям между социалистическими странами», что «ответственность каждой правящей партии за дела в своем государстве — это забота об общем деле социализма», заключает Сун Иминь.

Авторы впервые выпущенного МИД КНР ежегодника «Дипломатия Китая (1987)»¹⁷, касаясь перемен в отношениях СССР со странами социализма, отмечают, что, по убеждению Советского Союза, при условии поддержания единства в стратегическом плане могут быть определенные различия в экономических реформах и в области внешних сношений, а также в конкретных действиях. В итоге ему удалось смягчить ряд прежних проблем, двусторонние отношения стали более согласованными, укрепляется торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество¹⁸.

В комментарии журнала «Баньюэ тань» в связи с визитом М. С. Горбачева в Югославию Чэнь Шижан обращает внимание на то, что прозвучавшая в выступлениях советского руководителя «концепция многообразия социализма и самокритика — это неординарные факты». По его мнению, действия СССР, «отвечающие духу современности», «могут оказать важное воздействие на всю мировую обстановку, а также на

сотрудничество в рамках соцсодружества, международного коммунистического и рабочего движения»¹⁹.

Характерно, что новые моменты в советской внешней политике все чаще отмечаются и в выступлениях официальных представителей КНР. Об этом, в частности, свидетельствуют прозвучавшие в докладе о работе китайского правительства на первой сессии ВСНП седьмого созыва 25 марта 1988 г. ссылки на готовность СССР «строго соблюдать принципы мирного сосуществования в отношениях между социалистическими странами»²⁰.

Помимо изучения и анализа основных идей и концепций нового политического мышления СССР, китайские ученые и эксперты-международники уделяют пристальное внимание их последовательной трансформации в конструктивные предложения, направленные на сокращение ядерных арсеналов, запрещение химического оружия, сокращение обычных вооружений, решение назревших международных проблем, в частности региональных конфликтов.

Если до недавних пор в Китае бытовало мнение, что выдвинутые советским руководством идеи нового мышления — это не более чем тактический ход и пропагандистское наступление, а перестройка во внешней политике СССР будет носить лишь косметический характер, то теперь приводится все больше убедительных фактов в пользу того, что новое мышление — реальность. Яркими примерами обновления международной политики Советского Союза стали достижение договоренности по РСМД и Афганистану, динамичный диалог между Москвой и Вашингтоном.

Примечательна в этой связи оценка, прозвучавшая на научном симпозиуме по книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление», проведенном в Пекинском университете 5—6 мая 1988 г. Судя по обзору симпозиума, подготовленному Сюй Синем и опубликованному в июньском номере бюллетеня Пекинского университета, в докладе представителя факультета международной политики отмечалось, что «от советской внешней политики повеяло новизной». «Ныне уже нет больше сомнений в том, что новое мышление М. С. Горбачева действительно принесло изменения и для внешнеполитической деятельности СССР, и для всего мира. Как оценить эти изменения, чем ответить на возникновение новой обстановки — таковы вопросы, на которые необходимо ответить дипломатии Китая».

Такая постановка вопроса представляется неслучайной в обстановке, когда в научных кругах КНР все настойчивее звучат призывы пересмотреть те внешнеполитические концепции Пекина, которые не отвечают духу сегодняшнего дня и не обеспечивают Китаю достойного места на мировой арене. Особенно ярко это проявилось в ходе дискуссии, устроенной в конце декабря 1987 г. редакцией ведущего внешнеполитического еженедельника «Шицзе чжиши» по случаю выхода юбилейного, тысячного номера журнала²¹. В ходе активного обсуждения кардинальных проблем теории и практики международных отношений и внешней политики Китая ведущие ученые и эксперты-международники КНР поставили под сомнение правильность некоторых теоретических положений, в частности, изложенных в известных «девяти статьях» периода полемики 60-х гг. По словам заместителя директора Центра исследований международных проблем при Госсовете КНР Гао Э, они «до сих пор негативно влияют на новое осмысление людьми современных крупных международных проблем»²². Высказанные в ряде выступлений оценки и суждения во многом перекликаются с советскими концепциями взаимозависимого и безъядерного мира, неприемлемости военных путей для решения мировых проблем, универсальных принципов международного общения и т. д. Заслуживает внимания и вывод о том, что нынешняя международная ситуация благоприятна для развития Китая, поскольку «ни одно государство не угрожает КНР вооруженной силой», в том числе и Советский Союз, «занятый перестройкой и выражающий желание развивать связи с КНР»²³. Кстати, на симпозиуме в Пекинском университете была высказана мысль о том, что «по мере постепенной реализации нового мышления М. С. Горбачева китайско-советские отношения обязательно будут постепенно улучшаться», но, как подчеркивалось, «все необходимо рассчитывать с абсолютной точностью», чтобы «не нанести сколь-нибудь серьезного удара по внешнеполитической структуре Китая и архитектонике международной политики».

Начавшееся в Китае обсуждение проблем нового мышления во внешней политике Советского Союза — это новое и во всех отношениях примечательное явление. Следует, правда, иметь в виду, что такие дискуссии пока в основном ограничиваются

рамками научного мира. В официальных выступлениях китайских представителей и пропагандистских материалах деятельность советской дипломатии во многом по-прежнему рассматривается через призму тезиса о «соперничестве и схватке двух сверхдержав», особенно в отношении проблем разоружения и региональных конфликтов.

Тем не менее сам факт обсуждения китайскими учеными и специалистами проблем перестройки в нашей стране, в ее международной политике, высказываемые точки зрения о сходстве внешнеполитических задач СССР и КНР, прежде всего в плане обеспечения мирного внешнего окружения в качестве непеременимого условия успешных экономических и политических преобразований, имеют важное значение для создания объективного образа Советского Союза в глазах общественности Китая⁴. Открываются новые горизонты для плодотворного обмена мнениями между учеными двух стран, а это в конечном счете будет способствовать дальнейшему позитивному развитию советско-китайских отношений.

¹ «Жэньминь жибао», 6.X.1987.

² См.: «Шинцзе чжиши», 1987, № 22.

³ См.: К. Ю. Федоров. Китайские ученые об экономике Советского Союза.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4; О. С. Артемьева. Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР.— «Проблемы Дальнего Востока», 1988, № 1.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 10.VIII.1987. «Цзэфанцзюнь бао», 9.VIII.1987.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 2; 4; 6.XI.1987.

⁶ См.: «Шинцзе чжиши», 1987, № 4; «Гайгэ», 1988, № 2.

⁷ См.: «Ляован», 1988, № 2.

⁸ См.: Отчет о симпозиуме в журнале «Чжэнчжисюэ яньцзю», 1987, № 6, с. 55-59.

⁹ См.: «Ляован», 1988, № 20, с. 39-40.

¹⁰ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 10.VIII.1987.

¹¹ См. там же, 23.XI.1987.

¹² См.: «Лилунь синьсен», 7.III.1988.

¹³ «Шинцзе цзинцзи даобао», 25.IV.1988.

¹⁴ «Вайго цзюньши сюэшу», 1988, № 4.

¹⁵ «Шинцзе цзинцзи даобао», 2.V.1988.

¹⁶ См.: «Гоцзи ваньти яньцзю», 1988, № 1, с. 2-3.

¹⁷ См.: Чжунго вайцзю гайлань (1987), Пекин, 1987.

¹⁸ См. там же, с. 10.

¹⁹ См.: «Баньюэ тань», 1988, № 9. О значительном внимании в КНР к визиту М. С. Горбачева в СФРЮ свидетельствуют публикации газеты «Жэньминь жибао», 16; 18; 19.III.1988.

²⁰ «Жэньминь жибао», 15.IV.1988.

²¹ См.: «Шинцзе чжиши», 1988, № 3, с. 2-35.

²² Там же, с. 31.

²³ См. там же, с. 18.

²⁴ Согласно опубликованному в еженедельнике «Шинцзе цзинцзи даобао» /4.IV.1988/ данным опроса городского населения Китая по некоторым международным проблемам, 51 % горожан указали, что «не очень хорошо знакомы с сутью происходящих в Советском Союзе процессов перестройки».

Китайские авторы о культе личности*

В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук

Причины и истоки

Суммируя взгляды китайских историков можно выделить следующие причины и истоки культа личности в Китае.

1. Китай — отсталая азиатская страна, более 2 тыс. лет находившаяся на стадии феодализма, преимущественно с крестьянским, неграмотным населением. Трудности по преодолению отсталости и феодальных традиций — одна из объективных причин возникновения культа личности.

2. Отсутствие демократических традиций.

3. Незаработанность классиками марксизма-ленинизма вопросов роли личности в истории, взаимоотношений масс, классов, партий и вождей.

4. Бюрократизм и бюрократизация аппарата, превратившие коллективное руководство в произвол отдельных личностей, а революционную теорию — в мистику.

5. Незаработанность вопроса о культе личности в международном коммунистическом движении и влияние культа личности Сталина на Мао Цзэдуна.

Китайские историки, пытаясь сегодня выяснить природу культа личности, обращаются к классикам марксизма-ленинизма и исходят из их отношения к культуре личности, из их определения роли личности в истории. Культ личности, пишут они является иностранным термином, переведенным на китайский язык. К. Маркс и Ф. Энгельс всегда отрицали обожествление и культ личности, идею борьбы против культа личности впервые выдвинул К. Маркс. Приводятся следующие слова К. Маркса, имевшего в виду себя и Ф. Энгельса: «Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал». Директор Института новой истории АОН Китая Лю Данянь в своей статье «О вождях и массах» дополнил это высказывание высказываниями Ф. Энгельса о том, что «ни одно лицо, занимающее высокое положение, не вправе претендовать на более нежное обращение с ним, чем другие люди». Ф. Энгельс писал Г. В. Плеханову: «Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс»¹. Марксизм всегда выступал против культа личности, подчеркивает Лю Данянь².

Китайские историки пишут, что культ личности — это противоречащее принципам исторического материализма явление, это «не те слова, которые мы повседневно употребляем, говоря о почитании, уважении к кому-либо»³.

Роль масс и личности в истории

Китайские авторы в последние годы часто останавливаются на вопросе о роли личности в истории, строят на её марксистском понимании свою критику культа личности.

«Исторический материализм, исходя из основной истины о том, что способ производства является базой для существования и развития любой общественной формации, — писала «Жэньмин жибао» в специальном комментарии «О правильном понима-

* Начало см.: 1988 г. № 4.

нии роли личности в истории», — признает народные массы в качестве творца истории. Как же в таком случае подходить к роли великих личностей? Марксизм не только не отрицает роли великих личностей в истории, но и считает, что их роль довольно значительна⁴. С этим положением солидаризируются Лю Сюэкунь и Чжан Пэйхан: «Марксисты всегда считали, что народные массы являются творцами истории»⁵. Данная точка зрения подтверждается в упомянутой статье Лю Даняня, в брошюре «Справочные материалы к изучению «Некоторых норм политической жизни внутри партии», а также в статье Лу Юэ «О некоторых теоретических вопросах демократии в политической области»⁶. В работах В. И. Ленина «Карл Маркс» и И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», подчеркивает Сюэ Кэчен, ясно говорится о роли народных масс в истории. Основоположники марксизма и их преемники несомненно видели в народных массах творцов истории. «Огромные ошибки Сталина и Мао Цзэдуна происходят от того, — пишет Сюэ Кэчен, — что они отошли от этого положения, в этом их историческая драма, которая послужит нам уроком». К. Маркс и Ф. Энгельс всегда подчеркивали, продолжает автор, что люди делают историю не как им вздумается, а с учетом объективных исторических условий и законов общественного развития, в противном случае речь пойдет не об историческом творчестве, а о деятельности, препятствующей историческому развитию. Концепция роли народных масс как творцов истории появилась в противовес утверждению, что историю делают герои, но из этого не следует, отмечает ученый, что народные массы и отдельные личности — взаимоисключающие понятия. Как раз наоборот. Как общественное бытие определяет общественное сознание, что ни в коей мере не исключает активной роли последнего, так доминирующая роль народных масс в истории нисколько не умаляет роли личности⁷.

«Идеалисты утверждают, — писала в упомянутом комментарии «Жэньминь жибао», — что либо великие личности являются главными хозяевами истории, а ход исторического развития полностью определяется их волей и деятельностью, либо все в мире вершится по воле свыше. Поскольку всевышний не может лично вмешиваться во все дела мира, то ему необходимо выполнять свою миссию через представителей, поэтому — де великие личности являются творцами истории. Часто в нашей истории и в реальной жизни эта точка зрения преобладала. Император, основавший династию, обычно считался единственным творцом истории, действия которого являлись претворением в жизнь «мандата неба». Эта идеалистическая точка зрения на роль великих личностей получила широкое распространение и оказала очень глубокое влияние».

В последние годы подверглись критике высказывания Мао Цзэдуна о народных массах как «чистом листе бумаги», на котором можно по произволу «писать новые и прекрасные иероглифы»⁸. Признано, что эти идеи принижают роль народных масс и коммунистической партии, извращают взгляды классиков марксизма. Журнал «Хунци» прямо называл Кан Шэна человеком, «извратившим и перевернувшим с ног на голову отношения между вождем и партией, вождем и массами, поставившим вождя над партией и массами»⁹.

«Энгельс говорил, — писал Дэн Сяопин, — что только Маркс впервые дал современному пролетариату сознание его собственного положения и потребностей, сознание условий его освобождения. Разве здесь говорится о том, что герой творит историю? Историю творит народ. Но это нисколько не исключает уважения народа к выдающимся личностям. А уважение, разумеется, не культ, не обожествление»¹⁰. Комментируя это высказывание Дэн Сяопина, журнал «Хунци» констатировал: «По словам Ленина, вожди партии рабочего класса являются наиболее авторитетными, наиболее влиятельными, наиболее опытными людьми, их авторитет, влияние и опыт, вне всякого сомнения, представляют собой драгоценное достояние партии и народа, им надо оказывать поддержку и уважение. Несмотря на то, что личность вождя, обладая указанными выше характерными чертами, играет выдающуюся роль в деятельности народа, творящего историю, вождь в конечном счете остается все же человеком, а не божеством. Ни одна выдающаяся личность не располагает какой-либо сверхчеловеческой, божественной силой, никто из них не может по своей субъективной воле произвольно творить историю». «Нельзя противопоставлять вождя классу и массам, как нельзя противопоставлять мозг всему организму», — подчеркивает Лю Данянь¹¹.

«В наших рядах часто вольно или невольно преувеличивалась роль личности в истории, — признавал комментатор «Жэньминь жибао». — Этому, помимо влияния старой

идеологии эксплуататорских классов и традиционных воззрений, есть и гносеологические причины... Основные причины исторического развития скрыты за внешней стороной явлений, а деятельность великих личностей проходит как раз на переднем плане. Это приводит к тому, что люди видят лишь роль великих личностей и игнорируют основные причины исторического развития... Однако великие личности могут лишь ускорять или замедлять развитие истории, оказывать определяющее воздействие только на ограниченную, поверхностную часть исторических явлений». «Согласно историко-материалистическому подходу, уже сами выдающиеся исторические личности представляют собой продукт исторической эпохи,— дополнял журнал «Хунци». ...Только благодаря тому, что они могут осознать тенденции исторического развития, отражать чаяния и требования народа, обобщать практический опыт и концентрировать коллективную мудрость, они и могут играть важную позитивную роль в историческом прогрессе»¹².

Пренебрежением роли народных масс, констатируют китайские авторы, и объясняется возникновение культа личности. «Именно в условиях победы люди зачастую чрезмерно восторгаются и превозносят вождей,— подчеркивала «Жэньминь жибао».— Среди нас были люди, которые из хороших побуждений долго относили все наши победы и успехи на счет одного человека, вместо того, чтобы прежде всего и главным образом относит их на счет народных масс. Таким образом, была преувеличена роль личности». В ходе большого исторического движения обычно появляется группа выдающихся деятелей, поясняет свою мысль газета, центральное положение среди которых занимают одна-две великие личности. Однако возможно возникновение и такой ситуации, когда какая-либо великая личность заслоняет других или препятствует развитию ими своих способностей. В этом случае кое у кого может возникнуть иллюзия преувеличения мудрости и роли этой личности. «Мы не можем личность ставить над массами,— делает вывод журнал «Хунци»,— не можем личность ставить и вне исторической закономерности. Личность не может по своему произволу двигать вперед историю». «В истории международного коммунистического движения отношения между вождями и массами складывались в разных случаях по-разному,— писал Лю Данянь. — ...В этом отношении Ленин являлся классическим образцом пролетарского вождя. А товарищ Мао Цзэдун, к несчастью, дал трагический пример. «Культ личности, долго существовавший в партии, привел к тому,— писал Ван Нянью,— что товарищ Мао Цзэдун не мог должным образом подходить к вопросу о взаимоотношении партии и личности»¹³.

Влияние феодальных традиций

Формированию культа личности Мао Цзэдуна способствовали, по мнению историка Чжу Юаньши, давние традиции феодального общества Китая с его системой абсолютизма и поклонения отдельной личности, с господством патриархата и клановых связей. «Крестьяне, мелкие производители из-за своего экономического положения и в силу привычки очень восприимчивы к царистским идеалам,— отмечал Ху Фумин. — Они полагают, что в государстве обязательно должен быть один император, как в семье один глава, и что без императора словно теряется опора, нельзя прожить и дня. Отсюда культ личности и слепое повиновение»¹⁴. Дэн Сяопин неоднократно отмечал влияние на КПК консерватизма, старых традиций и традиций феодальной деспотии. «На порядках, бытовавших в прошлом, сказывалось феодальное влияние, включая культ личности, патриархальщину, патриархальные замашки и даже фактически существовавший порядок пожизненного пребывания ответственных лиц на руководящих постах», подчеркивал он (с. 385). «В стране, которая является сравнительно отсталой в экономическом и культурном отношении, где глубоко влияние феодализма и совсем не имеется демократических традиций,— констатировала «Жэньминь жибао»,— эта система пожизненного пребывания на руководящей должности зачастую сочетается с реально существующей системой патриархата («монополия на истину» — яркое его проявление). Особенность обеих этих систем состоит в возвышении авторитета личности и отрицании авторитета коллектива».

Ван Жошуй в статье «Критерий истины и теоретические исследования» подчеркивал, что в Китае «на собственном опыте убедились, что влияние феодализма гораздо сильнее, чем буржуазии. В результате появилась возможность использовать феодаль-

ную идеологию для критики буржуазной»¹⁵. Чжоу Чэнзнь, солидаризируясь с Ван Жошуйем, писал, что Китай более 2 тыс. лет был феодальным государством, и феодальная идеология пустила глубокие корни. «После освобождения страны мы главным объектом критики сделали буржуазную идеологию, в то же время недостаточно внимания уделяли критике феодальной идеологии». «Влияние феодализма в идейно-политической области прежде всего проявляется в привилегиях,— писал директор Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна Су Шаочжи. — Рассматриваемый в данное время «порочный стиль», когда, например, партийные и административные кадровые работники и их дети занимаются коммерцией, когда на служебные посты назначают по родственным связям,— все эти злоупотребления нельзя не связывать с привилегиями. А эта привилегированность как раз и носит сильную феодальную окраску... Феодализм имеет еще одно проявление,— подчеркивал он,— так называемую «сеть отношений», то есть отношения отцов и детей, родственные отношения, отношения между начальством и подчиненными, ...хозяйственные или деловые отношения, когда в подборе людей неизбежно проявляются субъективизм и сектантство, назначение на должности только по родственным связям»¹⁶.

Еще в 1971 г. бывший заместитель министра иностранных дел КНР, бывший посол КНР в СССР Чжан Вэньтянь, находясь под арестом, писал, что «в народных массах есть еще люди, легко поддающиеся воздействию старой идеологии, старых привычек, проистекавших из прошлого, очень долгого периода гнета помещиков, капиталистов, бюрократических политиканов. Все плоды победы революции выдают за благо, дарованное начальниками, толкуют, будто они оберегают жизнь масс, называют кого-то Спасителем, воспевают их заслуги, боятся повиниться перед ними, дабы не подвергнуться наказанию либо травле»¹⁷.

Превращение революционной теории в мистику

«Революционную теорию очень долго изображали результатом творчества одной гениальной личности, как будто все бродило в потемках, а некая совершенно мудрая личность внезапно принесла свет. Следовательно, раз теория создана гениальной личностью, обладающей неисчерпаемой мудростью, то, безусловно, каждое слово в ней правильно, и необходимо механически следовать каждому слову». «Идеи Мао Цзэдуна», по мнению китайских авторов, не являются результатом мудрости только одной личности — Мао Цзэдуна, а представляют собой квинтэссенцию полувекового опыта революционной борьбы и социалистического строительства в Китае, сплав коллективной мудрости. Свой большой вклад внесли Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Дэн Чжунся, Ван Цзясян, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, и многие другие¹⁸. «Целостную систему идей Мао Цзэдуна искромсали Кан Шэн и Линь Бяо. Последний разорвал ее на отдельные «цитаты». О словах Мао Цзэдуна, сказанных в конкретных условиях про конкретную ситуацию, он заявлял, что в них «каждая фраза — истина», что «одна его фраза стоит больше, чем 10 тысяч фраз» и т. д.»¹⁹ «Линь Бяо и «четверка» в течение долгого времени извращали марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна; они шли вразрез с их духом и сутью, оторвались от практических критериев, любую фразу, произнесенную товарищем Мао Цзэдуном, считали истиной, законом и догмой, они серьезно сковали сознание народа,— отмечалось в документе «Некоторые нормы политической жизни внутри партии». — Поэтому необходимо сделать упор на том, чтобы покончить с суевериями, раскрепостить сознание народа». К 1977 г., хотя группировки Линь Бяо и «четверки» одна за другой покинули сцену, Хуа Гофэн «выдвинул неправильный тезис «лянгэ фаньши» («два абсолюта». — В.У.), то есть абсолютно все решения, вынесенные председателем Мао, мы должны твердо поддерживать; абсолютно всеми указаниями председателя Мао мы должны неукоснительно руководствоваться». «Это была,— писал журнал «Хунци»,— новая форма превращения идей Мао Цзэдуна в догму, воспевание суеверия и слепого поклонения»²⁰.

Ван Жошуй писал, что социализм все еще ждет творческого подхода и что утверждение, будто у председателя Мао имелась законченная целостная теория социализма, не научно. «Еще можно допустить, что у него была целостная теория демократической революции. Поскольку же практика социализма еще далека от завершения, создать целостную теорию социализма,— считает Ван Жошуй,— невозможно»²¹. Ван Линь соглашается, что такой крупный теоретический вопрос — каким должно быть

социалистическое общество,— не разрешен до сего дня в международном коммунистическом движении. Но он считает, что у Мао Цзэдуна были «свои специфические воззрения на социализм», в его представлении существовал «самый совершенный, самый чистый социализм». Ван Линь называет его утопическим социализмом «левого толка», когда это — общество, в котором ликвидируются общественное разделение труда и товарно-денежные отношения (народные коммун), вводится уравнильное распределение²².

Линия партии должна определяться съездом партии или полномочными органами ЦК, отмечают китайские авторы²³, «ее нельзя приписывать отдельному человеку и называть линией такого-то. Согласно организационным принципам все члены партии должны проводить линию партии, а не вся партия — проводить линию какого-либо человека». Однако долгое время линия партии приписывалась отдельной личности,— писала «Жэньминь жибао»,— мнения и точки зрения вождя возводились в ранг линии партии или рассматривались как имеющие авторитет партийной линии, и вся партия была обязана их безоговорочно осуществлять. «Таким образом во внутрипартийной жизни сложились ненормальные критерии: подчиняться руководству со стороны партии означало слушаться отдельного человека, проводить в жизнь линию партии означало действовать, как он говорит,— констатировала «Жэньминь жибао».— Более того, считалось, что стоит лишь «следовать каждой фразе»,— и победы обеспечены. В действительности это означало, что отдельная личность рассматривалась как высший авторитет, стоящий над партией²⁴. Мы привыкли к тому, констатировал историк Сюй Майян, что «истинное или ложное по мнению вождя, это и есть истина и ложь... мы утратили способность к самостоятельному обдумыванию и познанию»²⁵.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 241; т. 38, с. 63; т. 39, с. 209.

² «Чжэсюе яньцзю», 1983, № 9, с. 9.

³ Разъяснение терминов «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Пекин, 1981, с. 121; см. так же: «Хунци», 1983, № 13, с. 42—43; Краткий комментарий персоналии и терминов по истории КПК. Сиань, 1985, с. 362—363 (все на кит. яз.).

⁴ «Жэньминь жибао», 4.VII.1980.

⁵ «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 23.

⁶ Справочные материалы к изучению «Некоторых норм политической жизни внутри партии». Пекин, 1980, с. 19 (на кит. яз., далее — Справочные материалы...); «Гуаньмин жибао», 26.X.1987.

⁷ См.: «Ханчжоу дасюе сюебао», 1987, т. 17, № 1, с. 17—19, 23—24.

⁸ См.: «Данши тунсюнь», 1986, № 6, с. 5; «Данши яньцзю», 1987, № 2, с. 62.

⁹ «Хунци», 1980, № 16, с. 28.

¹⁰ Дэнь Сяопин. Избранное (1975—1982). Пекин, 1985, с. 207 (далее номера страниц в тексте).

¹¹ «Хунци», 1983, № 13, с. 42; «Чжэсюе яньцзю», 1983, № 9, с. 8.

¹² «Хунци», 1983, № 13, с. 42—43.

¹³ «Хунци», 1980, № 24, с. 4; «Чжэсюе яньцзю», 1983, № 9, с. 9; «Данши яньцзю», 1982, № 1, с. 29.

¹⁴ «Хунци», 1981, № 16, с. 46; «Шэхуэй кэсюе» (Шанхай), 1980, № 3, с. 21.

¹⁵ «Душу», 1980, № 1, с. 19.

¹⁶ «Данши яньцзю», 1986, № 2, с. 7; «Жэньминь жибао», 15.VIII.1986.

¹⁷ Чжан Вэньтянь. Избранное. Пекин, 1985, с. 571 (на кит. яз.).

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 4.VII.1980, «Хунци», 1983, № 13, с. 42—43; «Данши яньцзю», 1984, № 1, с. 40—46.

¹⁹ Комментарий, с. 467; «Хунци», 1983, № 13, с. 45—46.

²⁰ «Жэньминь жибао», 15.III.1980; «Хунци», 1983, № 13, с. 45.

²¹ «Душу», 1980, № 1, с. 20.

²² См.: «Данши яньцзю», 1987, № 2, с. 60—62.

²³ «Партия и руководящий аппарат государства,— писал Чжан Вэньтянь в 1971 г.,— в определенные сроки должны делать доклады о ситуации и работе на партийных съездах либо на собраниях народных представителей, принимать критику масс, выслушивать мнения, проводить дискуссии, затем выносить решения» (Чжан Вэньтянь. Указ. соч., с. 574).

²⁴ «Жэньминь жибао», 4.VII.1980.

²⁵ Вопросы преподавания истории социалистической революции и социалистического строительства в Китае. Пекин, 1985, с. 234.

Преобразование мышления

А. Г. ЮРКЕВИЧ

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), решения которого заложили основы нынешней политической и социально-экономической стратегии КНР, в докладе Дэн Сяопина, отмечалась необходимость «всесторонне перестроить не соответствующие производительным силам производственные отношения и надстройку, перестроить все неадекватные способы управления, способы деятельности и образ мыслей»¹. Сформулированные Дэн Сяопином задачи предопределили проблематику целого ряда общественно-научных исследований последнего десятилетия в Китае. В частности, одно из ведущих направлений научного поиска в области теории познания в начале 80-х гг. было связано с проблемой преобразования образа мыслей.

Потребность в преобразовании образа мыслей, или способа мышления, ученые КНР обосновывают тезисом о «тормозящем» воздействии многих стереотипов мышления на осуществление «четырех модернизаций» и политики реформ². По мнению ряда общественников, устаревший способ мышления, в частности, не позволяет дать достойный ответ на вызов, брошенный современному миру, в том числе Китаю, «новой волной» технической революции³. Так, специалист в области теории познания Чэнь Сяомин, ссылаясь на исторический опыт, неудачи политики «самоусиления», проводившейся правящими кругами Китая в конце XIX в., объясняет механическим заимствованием некоторых достижений западной науки и техники, которые не нашли для себя «возделанной духовно-культурной почвы»⁴. Предложения о коренном преобразовании «традиционного способа мышления», исторически сложившегося в Китае под воздействием определенных экономических, социальных, политических и культурных факторов, в целом касались преодоления его «закрытости», «тяготения к единообразию», «созерцательности», «сверхустойчивости». Эти качества, по мнению ряда китайских ученых, должны смениться открытостью мышления, предполагающей активное усвоение новой информации, «тяготением к разнообразию», позволяющим находить нестандартные решения, логичностью, динамичностью, ускоренным ритмом. Китайские ученые отмечали стимулирующее воздействие самих осуществляемых в стране преобразований на становление нового способа мышления и необходимость его дальнейшего развития с целью успешного проведения реформ. В качестве одного из важнейших результатов постепенного утверждения нового способа мышления приводилась, в частности, смена тезиса «потребление определяется производством» положением «производство определяется потреблением», формулы «ресурсы — техника — рынок» схемой «рынок — техника — ресурсы»⁵.

Обсуждение вопросов, связанных с преобразованием способа мышления, во многом подготовило появление на страницах научной и общественно-политической печати КНР новой темы, наиболее заметной в 1985—1987 гг., — «перестройка представлений» (гуаньянь бяньгэ).

Представление рассматривается китайскими учеными в качестве такого элемента способа мышления, который непосредственно реализуется в практическом действии. Система представлений в ряде работ по проблемам теории познания синонимизируется с индивидуальным и коллективным сознанием⁶. На этих посылах основывается оценка становления новых, наиболее значимых в условиях современного Китая представлений, а также устранение устаревших представлений как средства перестройки общественного сознания и создания таким образом благоприятной для осуществления реформ «духовной ситуации»⁷.

Обращение общественников КНР к теме «перестройка представлений» вызвано ее политической актуальностью. В то же время представляется важным отметить, что вы-

движение указанной проблемы стало следствием широкого применения китайскими специалистами в области социальной психологии и теории познания различных форм системного подхода⁸: в его рамках неизбежно исследование элементов системы (в качестве которой в данном случае выступает механизм познания), так как свойства последней не могут быть поняты без учета характеристик ее элементов. Примечательно, что самые первые публикации, посвященные «перестройке представлений», появившиеся в начале 1985 г., носили сугубо теоретический характер. Однако вскоре преимущественно практическая направленность обсуждения данной проблемы выявилась вполне отчетливо. Оно было нацелено прежде всего на уточнение задач перестройки общественного сознания, на поиск форм актуализации политико-воспитательной работы, от которой динамичная социально-психологическая обстановка в условиях крупномасштабных реформ требует все большей конкретности и гибкости.

Принятое 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) Постановление о реформе хозяйственной системы ознаменовало переход реформы, нацеленной на создание «социалистической товарной экономики», в стадию конкретного решения первоочередной общегосударственной задачи с подчинением ей «руководящего курса в идеологической и организационной работе партии»⁹. Соответственно в 1985—1987 гг. основным тематическим стержнем, вокруг которого развертывалось обсуждение проблем преобразования мышления, был вопрос строительства «социалистической товарной экономики», названный китайским философом Чэнь Чжанляном «ядром перестройки представлений»¹⁰. Положения указанного постановления обусловили выбор общественными деятелями КНР и интерпретацию ими содержания представлений, которые в первую очередь должны утвердиться в сознании людей: о рынке как факторе экономического регулирования — системе, распространяющейся, помимо потребительских товаров и средств производства, также на области финансов, услуг, информации, технологий и т. п.; о конкуренции — средстве повышения результативности производственной и других видов деятельности; об информации — важном элементе производительных сил, условии полноценного функционирования общественного организма; об открытости политики — условии социалистической модернизации, средстве интенсификации информационного и иных видов обмена как внутри страны, так и с другими государствами; об эффективности — основном критерии качества экономической и научной деятельности, управления, образования и т. п.; о науке — важной составной производительных сил, факторе повышения производительности труда, а также о научности решений — гаранте позитивного результата; о времени — факторе человеческой деятельности, связанном с эффективностью (включает понятие «ритм», изменения которого следует учитывать как на производстве — для гибкого приведения его «внутреннего ритма» в соответствие с потребностями и возможностями рынка, так и в других областях общественной практики); о кооперации — средстве повышения возможностей отдельных производителей, предприятий, учреждений и т. п. (она основывается на принципах добровольности и равноправия партнеров, ей должно быть присуще многообразие форм) и т. д.¹¹

В теоретических публикациях последнего времени затрагиваются и другие аспекты перестройки представлений, нацеленной на содействие развитию товарной экономики и выполнению поставленных КПК экономических задач. Так, начальник управления финансов провинции Ляонин Гао Чжэньхэ пишет о необходимости пересмотра представления о финансировании как безвозмездном предоставлении денег. По его мнению, следует «прорвать» представления об управлении денежными и материальными ресурсами на основе только предварительных расчетов, утвердить «комплексные представления о финансах», основанные на учете эффективности применения финансовых средств и предусматривающие расширение границ их применения (например, использование наряду с безвозмездным субсидированием ссудного), а также круга источников финансирования и т. п.¹² В редакционной статье журнала «Хунци» (орган ЦК КПК) ставится задача преобразовать представления о капиталовложении таким образом, чтобы обеспечить выполнение первоочередных хозяйственных задач. Для этого следует «частное подчинять целому», местные интересы — общегосударственным; избегать распыления инвестиций по множеству объектов без учета сырьевых, энергетических и технических возможностей¹³.

Педагоги У Сюхуа и Ма Епин отмечают сопряженность успеха хозяйственных планов с «перестройкой представлений» об обучении и таланте. Они настаивают на изме-

нении старых представлений об «учебе за закрытыми дверями», призывая к утверждению новых представлений об учебном процессе, при организации которого следует учитывать потребности национальной экономики, хозяйственного развития определенного района. По их мнению, необходимо также избавиться от ассоциации таланта со способностью к получению высшего образования и деятельности на поприще, открываемом дипломом института. В школах это приводит к погоне за процентом поступающих в вузы, в ущерб учебно-воспитательной работе в целом и деятельности по профориентации учащихся в частности. Критерием таланта, считают У Сюхуа и Ма Епин, должны быть уровень владения специальностью и польза, приносимая обществу¹⁴.

В свете реформы хозяйственной системы, в ходе которой получают развитие различные хозяйственные уклады, ряд китайских обществоведов рассматривает проблему изменения представлений, связанных с понятиями, имеющими моральный аспект, например с понятием «обогащение». Негативное отношение к нему предлагается изменить, поскольку «законное обогащение» путем «упорного труда и совершенного ведения дел» означает реализацию политики КПК, направленной на повышение благосостояния народа. Отмечается необходимость отказа от устаревших представлений о том, что «бедность революционна, богатство склонно к предательству и оппортунизму», «общее обогащение — это одновременное, равное обогащение». Китайские ученые указывают на коренное отличие социалистических представлений об «обогащении» от буржуазных, предопределенное различиями характера и задач социалистической и капиталистической товарной экономики¹⁵. В отдельных статьях перспективы экономических преобразований связываются с изменением социальной оценки стремления к индивидуальному успеху, с «перестройкой представлений» о предприимчивости и творчестве¹⁶.

В период подготовки к XIII съезду КПК темой, интегрировавшей проблематику, касающуюся «перестройки представлений», стала «всесторонняя реформа» — преобразование всех областей жизни общества, включающее, помимо мер, направленных на создание «социалистической товарной экономики», также изменение политической системы и административного механизма, квалифицируемое как «выражение развития и углубления реформы хозяйственной системы»¹⁷.

В целом ряде теоретических публикаций, в том числе в журнале «Хунци», «духовный тормоз всесторонней реформы» усматривается в устойчивости не отвечающих требованиям времени представлений, свойственных даже части кадровых работников и обусловленных широким распространением «левой» идеологии, а также традиционными особенностями мышления в Китае. Особо подчеркивается необходимость ломки представлений о «высокой степени концентрации» (власти и управленческих функций), о «большом котле», «железной миске риса» (идиоматические символы уравнительного распределения. — А. Ю.) как преимуществах социализма¹⁸.

Некоторые обществоведы указывают на связь такого рода представлений с «феодальными социально-политическими взглядами», живучесть которых в современных условиях способствует «удушению представлений о товарном хозяйстве и демократической политике». Так, в статье Ян Фаня и Дэн Баопина отмечаются следующие традиционные представления, лежащие в основе духовных факторов, препятствующих осуществлению реформ и содействующих сохранению устаревших общественных структур: о регулировании всей экономической деятельности государственной бюрократией («идеология казенной торговли»); об уравнительной ответственности, уравнительной выгоде (при молчаливом согласии с иерархическими привилегиями и коррупцией); об уравнительном риске; о доминировании «казенного», когда официальная должность становится мерилем всех ценностей (любые должности и звания уступают административным, в любых общественных организациях чиновники занимают почетные места, все области жизни находятся под контролем чиновников разных рангов, деятельность целых организаций и предприятий подчинена продвижению отдельных лиц по административной лестнице); об образовании как средстве стать чиновником; о предназначении «теории» (имеются в виду общественные науки. — А. Ю.) для комментирования текущей политики; о том, что борьба с коррупцией — дело не всего народа, а «императора и неподкупных чиновников» и т. д. Из социально-этических представлений, требующих перестройки, ученые выделяют те, которые основаны на принципе «всеобщего единообразия»; о «недопущении» самостоятельного мышления в области идеологии и в науке; о формальном единстве при всякого рода голосованиях; о распространении феодальных семейных устоев

на общественно-политическую сферу; о подмене профессиональных критериев политическими; о допустимости вмешательства в частную жизнь, нарушения прав личности во имя «заботы о людях» и т. д.¹⁹.

Такая трактовка «тормозящих» духовных факторов подкрепляет тезис о необходимости устранения их социальной основы — «чрезмерно централизованных экономической, политической, административной систем и бюрократической, косной, технократической манеры ведения общественных дел»²⁰. Вопросы перестройки представлений рассматриваются в непосредственной связи с подобными задачами. Например, для осуществления «организующего этапа реформы политической системы» — реформы органов управления — ряд теоретиков признает необходимым осуществить поворот от представлений, свойственных унифицированной модели плановой экономики и продуктовой экономике, к таким, которые отвечают задачам развития товарного хозяйства: об опосредованном управлении производственными единицами с использованием в первую очередь экономических рычагов, законодательных методов, а не административных; об управлении, подразумевающим законодательно зафиксированное распределение прерогатив выше- и нижестоящих инстанций, поворот от высококонцентрированной власти к ступенчатому распределению власти с тем, чтобы исключить вмешательство сверху в вопросы, подлежащие решению на местах, а также каждодневную опеку партийными органами хозяйственных и административных²¹.

В самом начале 1987 г., когда в публикациях по идеологическим проблемам в центральной печати основное внимание уделялось вопросам борьбы с «буржуазной либерализацией», темы всесторонней реформы и перестройки представлений, относящихся к политико-правовой сфере, подавались кратко и обобщенно: понятия, представления о которых требуют «обновления», перечислялись (демократия, равенство, законность, гражданские права и т. п.), но их новое содержание, отвечающее требованиям времени, не конкретизировалось. Мнение о задачах перестройки представлений, в той или иной форме высказывавшееся в тот период в целом ряде теоретических публикаций, наиболее последовательно сформулировано Линь Дунти — автором статьи в журнале «Шэньхуэй кэсюе цзикань». Он считает, что поскольку целью реформ является преобразование «отдельных систем социалистического строя, а не строя в целом», то следует всемерно упрочивать представления о поддержке руководящей роли партии; о поддержке социализма, марксизма и идей Мао Цзэдуна, диктатуры пролетариата, организационного принципа демократического централизма; о служении народу; о требованиях коммунистической морали; об отпоре буржуазной идеологии и о постепенном устранении влияния феодальной идеологии. В обновлении же нуждаются устаревшие представления, которые при социалистическом строе препятствуют реформам и развитию общества, прежде всего становлению плановой товарной экономики. Оно, по мнению Линь Дунти, требует преодоления уравнилельных стереотипов, а также «представлений существовавшей в прошлом высокоцентрализованной, унифицированной управляемой экономики», последовательного утверждения новых представлений о ценностях, рынке, конкуренции, факторе времени, эффективности²². Видный китайский экономист Сюе Муфэн предлагает считать утверждение новых представлений о содержании последнего из перечисленных понятий (применительно к экономике) центральной задачей преобразования системы представлений²³.

В обсуждении этой темы, начиная с весны 1987 г., стали заметны тенденции, во-первых, к всестороннему освещению и подчеркиванию внутренней взаимосвязи ее проблематики; во-вторых, к акцентированию связи последней с задачами преобразования политической системы. Чэнь Чжанлян, в частности, пишет, что главной особенностью проблемы перестройки представлений является ее комплексность, которая обуславливается характером самого объекта реформ — сложного, противоречивого, находящегося в непрерывном движении — и его взаимодействием с субъектом реформ (то есть обществом и каждым его членом). Он отмечает также связь перестройки представлений с логикой и этапами процесса преобразований, нацеленных на развитие производительных сил: перенос центра тяжести работы на экономику, провозглашенный 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (1978), обусловил реформу хозяйственной системы и проведение открытой политики, что в свою очередь вызвало необходимость перестройки политической и иных систем, в нынешнем их виде препятствующих прогрессу социалистической товарной экономики²⁴.

В теоретических публикациях подчеркивается неотделимость друг от друга представлений, рассматриваемых в контексте различных областей общественной практики. Например, в статье Гэнь Линя, опубликованной в журнале «Лилунь ю шицзянь», говорится о сопряженности представлений о рынке и интересах потребителя; о времени и качестве (понятие «время» в определенном смысле объединяет понятия «количество» и «качество»); о конкуренции и кооперации; о риске и законности (следует не бояться риска, поскольку, не начав дела, невозможно добиться успеха; в то же время надо утверждать представления о неизбежности правопорядка, в рамках которого социалистический товаропроизводитель может рисковать)²⁵.

В ряде статей указывается также, что реформы в области хозяйственной деятельности, политической структуры и духовной культуры в равной степени требуют формирования новых представлений о ценностях, конкуренции, эффективности, таланте, информации, науке, управлении (не посредством чиновников, а посредством социалистического закона), демократии, законности, оплате по труду, «разделении правительства и предприятия» (то есть хозяйственной самостоятельности последнего), разграничении функций партийных и государственных органов и т. п.²⁶

С реформой политической системы и административного механизма (в том числе с расширением прерогатив низовых органов) китайские правоведы Юй Чжунминь, Янь Чуньтан и другие связывают утверждение представлений о конституционности (как основе законопорядка: «партия должна действовать в границах конституции и законов»); о гражданских правах (избирать и быть избранным, на труд, отдых и т. п.) и законе как гаранте их реализации; о равенстве граждан перед законом (независимо от должности, связей и заслуг); о независимости правоохранительных и судебных органов; о демократии (как не вседозволенности, а праве быть хозяином государства, сопричастным к его судьбе, проявлять позитивную политическую активность); о законности и законопорядке (как принципах, реально связанных с жизнью и трудовой деятельностью людей; закон следует рассматривать как главным образом регулирующее и стимулирующее, а не запретительное начало)²⁷.

Диалектическая взаимосвязь преобразований в различных областях общественной жизни определила теоретический выбор китайскими обществоведами путей перестройки сознания, которые в целом сводятся к двум взаимообусловленным направлениям: с одной стороны, последовательное осуществление реформ, способствующее становлению новых представлений и практически подтверждающее их правильность, а с другой, проведение целенаправленной разъяснительной работы, призванной стимулировать обновление представлений как проводника реформ — активного духовного фактора, обеспечивающего их успех²⁸. Деятельность по перестройке представлений и преобразованию социальной психологии специалисты по идеологическим проблемам предлагают строить с учетом конкретных условий и задач осуществления реформ в различных районах страны, сферы деятельности трудовых коллективов и групп населения²⁹.

Постановка проблемы перестройки представлений дала возможность конкретизировать задачи идейно-политической работы на различных уровнях: от «отраслевого», который представлен отмеченными выше и многими другими выступлениями обществоведов в печати, рассматривающих вопросы преобразования мышления в свете осуществления текущей политической линии в той или иной сфере, до профессионального уровня, на котором формулируются задачи по перестройке сознания конкретных социальных групп и лиц различных профессий. Так, Цай Дэнчунь, сотрудник парткома района Синьчэнцзы города Шэньяна, пишет о необходимости ломки устаревших представлений, свойственных сельским кадровым работникам. Он отмечает следующие проявления такого рода представлений: 1. Самодовольство (отказ от сравнения достижений руководимых им коллективов с успехами других производственных единиц и сопоставление их лишь с собственными прошлыми результатами). 2. Стремление к опоре на самообеспечение (производство для внутреннего потребления, недоосознание необходимости товарного производства). 3. Боязнь ответственности и риска. 4. Замкнутость (ограниченный кругозор, нежелание идти на кооперирование, результатом чего становится недостаточное использование местных ресурсов). 5. Цепляние за старое (отказ от прогрессивных нововведений). 6. Уравниловка (противодействие повышению жизненного уровня отдельных лиц). 7. Упор на сельское хозяйство и пренебрежение торговлей (мнение о том, что торговля —

не дело крестьян, что сельские кадровые работники должны заниматься исключительно вопросами производства). 8. Сомнения и нерешительность (сомнения в правильности политических решений КПК, нацеленных на обогащение крестьян, опасения перемен в политике, непоследовательность в осуществлении поставленных партией задач)⁵⁰.

В ответах на вопросы китайского журнала «Ляован» Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил сходство проблем, которые решают Советский Союз и Китайская Народная Республика, прежде всего в области реформы хозяйственного механизма и политической системы⁵¹. Это сходство обуславливает важность изучения опыта КПК и в деле идеологического обеспечения осуществляемых преобразований, в том числе опыта поиска научно обоснованных ориентиров и средств целенаправленной перестройки общественного сознания.

¹ Цит. по: «Цзян Хань луньтань», 1986, № 2, с. 26; см. также: «Сюеси юй таньсо», 1985, № 6, с. 27.

² См.: «Сюеси юй таньсо», 1986, № 1, с. 40; «Синьхуа вэньчжай», 1985, № 9, с. 22; Философский ежегодник Китая — 1986. Пекин, 1986, с. 263.

³ Последний тезис отразил активное осмысление китайскими учеными некоторых западных общественно-научных концепций. Доктрина «третьей волны» технической революции освещена в книге американского футуролога А. Тофлера, выдержавшей в Китае несколько изданий. См.: В. Г. Буров. Большие перемены. — «Коммунист», 1987, № 17, с. 95.

⁴ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1985, № 9, с. 25.

⁵ См. там же, с. 23, 24; «Цзян Хань луньтань», 1986, № 2, с. 34.

⁶ См.: «Сюеси юй таньсо», 1985, № 6, с. 30; 1986, № 1, с. 33.

⁷ См. там же, 1985, № 6, с. 27; 1986, № 1, с. 33; «Цзян Хань луньтань», 1986, № 2, с. 26.

⁸ В терминологии и концептуальных построениях работ по проблемам способа мышления (как и национально-культурной психологии), принадлежащих, в частности, Ян Цзэ, Мэн Фанлиню, Жуй Каймину, Чэнь Сююмину, Чжан Мину, заметно сильное влияние схем швейцарской школы психологии и ее основателя Ж. Пиаже, который одним из первых применил системный подход в этой области знания.

⁹ См.: «Хунци», 1984, № 20, с. 2—13.

¹⁰ См.: «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 4, с. 39.

¹¹ См.: «Сюеси юй таньсо», 1985, № 6, с. 27—31; Философский ежегодник Китая — 1986, с. 263, 289.

¹² См.: «Лилунь юй шицзянь», 1986, № 24, с. 6.

¹³ «Хунци», 1985, № 13, с. 2.

¹⁴ См.: «Гуанмин жибао», 4.II.1986.

¹⁵ См.: Философский ежегодник Китая — 1986, с. 264, 289—290.

¹⁶ См.: «Сюеси юй таньсо», 1986, № 1, с. 38.

¹⁷ См.: «Лилунь юй шицзянь», 1986, № 2, с. 1.

¹⁸ См.: «Хунци», 1986, № 13, с. 4, 5; № 16, с. 2.

¹⁹ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1986, № 11, с. 10—11.

²⁰ См.: «Сюеси юй таньсо», 1986, № 1, с. 38.

²¹ См.: «Лилунь юй шицзянь», 1986, № 2, с. 1; № 24, с. 12.

²² См.: «Шэхуэй кэсюе цзикань», 1987, № 2, с. 1; см. также: «Лилунь юй шицзянь», 1987, № 1, с. 6—7; «Чжэнчжисюе яньцзю», 1987, № 1, с. 15.

²³ См.: «Сюеси юй яньцзю», 1987, № 2, с. 29—30.

²⁴ См.: «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 4, с. 37, 38.

²⁵ См.: «Лилунь юй шицзянь», 1987, № 3, с. 37.

²⁶ См., напр.: «Лилунь юекань», 1987, № 7, с. 42—44; «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 4, с. 38; «Лилунь юй шицзянь», 1987, № 1, с. 6; № 3, с. 37.

²⁷ См.: «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 6, с. 34—36; «Сюеси юй шицзянь», 1987, № 2, с. 5—7; «Лилунь юекань», 1987, № 7, с. 42—44.

²⁸ См.: «Сюеси юй таньсо», 1985, № 6, с. 31; «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 6, с. 36; «Лилунь юекань», 1987, № 7, с. 34.

²⁹ См.: «Лилунь юй шицзянь», 1987, № 1, с. 40.

³⁰ См.: «Лилунь юй шицзянь», 1987, № 4, с. 16—17.

³¹ См.: «Правда», 11.I.1988; см. также: М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

«Гуанмин жибао»: больше открытости

XIII съезд КПК указал на необходимость «повысить степень открытости в деятельности руководящих органов». Сам съезд уже стал примером в этой области для партийных и административных руководящих органов всех уровней; все почувствовали освежающую атмосферу, внесенную в политическую жизнь Китая реформами и открытой политикой.

Суть этого указания заключается в том, чтобы сделать открытым процесс работы руководящих органов, информировать народ о всех значительных событиях, сделать так, чтобы крупные проблемы обсуждались народом. Это — объективная потребность развития всего дела социализма и, в особенности, строительства социалистической демократии. Повышение степени открытости обусловлено характером и основополагающими принципами нашей партии, функциями и задачами правительства, способствует расширению демократизма и научности в ходе принятия решений.

Наши партийные и административные органы работают для народа и должны помогать решению его проблем. Чтобы по мере возможности достигнуть намеченных целей и уменьшить количество ошибок, необходимо шире внедрять демократизм и научный подход в процессе принятия решений; недопустимо принимать решения за закрытыми дверями, опираясь лишь на собственный опыт и воображение. Один из лучших способов решения этой проблемы — открытость в практике руководящих органов. Правильно оценить важность, серьезность и актуальность возникающих проблем и сделать правильный вывод можно только тогда, когда решения будут приниматься гласно, все значительные события станут известны народу, а крупные вопросы будут подвергаться всестороннему обсуждению, когда каждому принимаемому решению будет дано научное обоснование и учтено мнение соответствующих специалистов. Последние годы дали уже немало доказательств в пользу открытого подхода к принятию решений руководящими органами. В одном случае решался вопрос об ирригационном сооружении, которое затрагивало интересы миллионов и даже десятков миллионов людей и требовало огромных расходов. В другом — речь шла о строительстве административного здания для руководящего учреждения всекитайского масштаба. Эти вопросы были надлежачим образом решены только после того, как были открыто выслушаны мнения всех заинтересованных сторон. В этом раскрылся позитивный смысл открытости в деятельности руководящих органов.

Расширение открытости — эффективная форма выражения социалистической демократии, и в этом своем качестве оно помогает осуществлению контроля над руководящими работниками со стороны широких народных масс, преодолению бюрократизма, искоренению различных негативных явлений.

Внедрять в партийную работу самые строгие требования, искоренять явления разложения среди кадровых работников, прежде всего злоупотребления служебным положением в личных целях — к этому в целом сводятся усилия, направленные на обеспечение открытости процесса принятия решений. К этому же устремлены и насущные чаяния и требования масс. Их осуществление невозможно без проведения в жизнь таких эффективных мер как открытость, благодаря которой руководящие органы ставятся под контроль масс, а на пути проникновения бюрократов и недостойных лиц в ряды кадровых работников возводятся надежные заслоны.

Внедрение принципа открытости в практику руководящих органов должно быть постепенным, обдуманном, проводиться на конкретных делах. Главное сейчас — осознать необходимость и важность этой задачи. Большая открытость в деятельности

руководящих органов станет возможной при соблюдении следующих условий: если мы будем четко понимать характер, основные принципы, функции, задачи руководящих органов, твердо помнить, что независимо от уровня и рангов все они служат народу; если руководители по-настоящему поймут, что власть, сосредоточенная в их руках, вверена им народом; если к народным массам будут относиться как к подлинным хозяевам страны.

В нашей работе есть некоторые моменты, которые требуют секретности, но это всего лишь небольшая часть. К примеру, ядерные секреты следует строго оберегать, но это не может, да и не должно отражаться на работе по повышению степени открытости. Кроме того, секреты существуют также в интересах народа, поэтому сохранение секретов никак не противоречит делу повышения роли и авторитета народных масс как хозяев страны. По сути же дела, если люди сами будут вникать во все тонкости и обстоятельства стоящих перед ними проблем, это не только не осложнит их решение, а, наоборот, в опоре на понимание и поддержку масс позволит выполнить задачи быстрее и лучше. В тех провинциях и городах, где были вынесены на суд масс все трудности, сомнения, спорные моменты, возникшие в ходе осуществления реформ, удалось устранить существовавшую отчужденность между массами и руководством, добиться лучшего взаимопонимания, обогатиться множеством ценных советов.

Итак, практика подтвердила, что открытость в деятельности руководящих органов укрепила сознание масс как хозяев страны и стимулировала развитие реформ и открытой политики.

Перевод Т. В. Каримова

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Москва — Токио. Три послевоенных десятилетия

Л. Н. Кутаков. Москва — Токио: очерки дипломатических отношений, 1956—1986. М., «Международные отношения», 1988, 272 с.

Л. Н. Кутаков — известный ученый, опубликовавший ряд крупных работ по проблемам внешней и внутренней политики Японии. Его новый труд посвящен исследованию советско-японских отношений в послевоенные годы.

В рецензируемой книге Л. Н. Кутаков затрагивает узловые проблемы внешней политики Японии в контексте развития ее отношений с Советским Союзом. Большое внимание автор уделяет до сих пор не решенной проблеме заключения мирного договора между СССР и Японией. В работе прослеживаются история переговоров и позиции сторон по этой важной проблеме двусторонних отношений в разные периоды послевоенных лет. Отсутствие мирного договора не позволяет поставить отношения между двумя соседними странами на стабильную, договорную основу, мешает успешному решению других, хотя и частных, но очень важных задач, связанных с расширением торгово-экономического, научно-технического, культурного сотрудничества и общим развитием добрососедских советско-японских отношений. Обе стороны в ходе переговоров подчеркивают, что сложилось совершенно ненормальное положение и заключение мирного договора отвечало бы коренным национальным интересам как Советского Союза, так и Японии. Тем не менее проблема остается, и автор аргументированно раскрывает причины этого.

Мирный договор мог бы быть подписан еще в 50-х гг. в ходе переговоров в Лондоне и Москве, делается вывод в монографии. В то время были согласованы все основные статьи его текста. «Уже в августе 1955 года, на переговорах в Лондоне, — пишет Л. Н. Кутаков, — СССР и Япония были близки к подписанию договора... Были согласованы статьи договора, предусматривавшие прекращение состояния войны между СССР и Японией, обязательство сторон руководствоваться в своих взаимоотношениях принципами Устава ООН, не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по каким бы то ни было причинам и какими бы то ни

было средствами...» (с. 34—35). В Лондоне не была достигнута договоренность лишь по статье 5, поскольку японская сторона продолжала настаивать на передаче Японии Курильских островов (Хабоман, Шикотан, Итуруп и Кунашир).

Переговоры возобновились 31 июля 1956 г. в Москве. Японскую делегацию возглавил министр иностранных дел М. Сигэмицу, являвшийся в определенной мере «инициатором нормализации отношений с СССР». Он рекомендовал своему правительству «пойти на заключение мирного договора на условиях, предложенных Советским Союзом» (с. 42). Однако в правящей партии перевес был на стороне проамериканской группы С. Есида. Заключение же советско-японского мирного договора противоречило замыслам Вашингтона, который всеми способами стремился не допустить его подписания, сохранить состояние войны между двумя странами. В нормализации советско-японских отношений правящие круги США усматривали угрозу своим планам в отношении Японии. В то время, пишет автор, «государственный секретарь США Даллес, находившийся в Лондоне на конференции по вопросу о Суэцком канале, трижды встречался с японским министром иностранных дел Сигэмицу». Даллес заявил, что в случае, если Япония откажется от своих территориальных претензий к СССР и подпишет с ним мирный договор, Соединенные Штаты навечно сохранят за собой острова Рюкю. Даллес потребовал отказаться от подписания мирного договора с Советским Союзом (с. 43). В сентябре 1956 г. в памятной записке госдепартамента США японскому правительству подчеркивалось, что правительство Соединенных Штатов считает территориальные претензии Японии к СССР законными и полностью их поддерживает. Совершенно очевидно, что такая позиция американского правительства находилась в прямом противоречии с решениями Ялтинской конференции Глав Правительств СССР, США и Великобритании, состоявшейся в феврале 1945 г., по которым все Курильские острова передавались Советскому Союзу.

Под давлением Вашингтона и реваншистски настроенных кругов в самой Японии японская делегация на переговорах в Москве вновь заняла непримиримую позицию по так называемому «территориальному вопросу», и мирный договор подписан не был, а искусственно созданная проблема «северных территорий» с тех пор является главным, по существу, единственным препятствием для подписания советско-японского мирного договора. Проблема «северных территорий» используется не только для срыва переговоров о заключении мирного договора между Японией и СССР, но и служит целям нагнетания в стране антисоветизма, способствует подъему духа реваншизма и милитаризма.

Интересны приводимые в книге факты, связанные с подписанием в 1960 г. японо-американского «договора безопасности», которым

закреплялось на длительный срок размещение в Японии американских военных баз. Они свидетельствуют о том, что правительство Н. Киси «собственными руками» передавало значительную часть суверенных прав страны иностранной державе (с. 67).

Л. Н. Кутаков показывает ожесточенную борьбу, развернувшуюся между сторонниками подписания этого договора в правительстве, руководстве правящей Либерально-демократической партии и его притивниками в оппозиционных партиях, профсоюзах, в кругах японской интеллигенции. В книге описываются сомнительные методы, с помощью которых «договор безопасности» был все же подписан и ратифицирован, хотя правительство Н. Киси под давлением общественного мнения и вынуждено было уйти в отставку. На конкретных примерах автор показывает, как осуществлялась обработка общественного мнения в антисоветском духе, в лице СССР создавался «образ врага», якобы угрожающего безопасности страны, как развивался процесс «ползучей милитаризации», теперь уже под предлогом выполнения обязательств Японии по «договору безопасности», при самом активном содействии со стороны США.

Правящая ЛДП отвергла идею нейтрализации Японии, с которой в 50-х гг. активно выступали внутри страны социалистическая и коммунистическая партии. В 1957 г. Япония приступила к выполнению пятилетних «планов обороны», возрождая армию, оснащая ее самыми современными видами боевой техники японского и американского производства. От пятилетия к пятилетию наращивалась мощь сил самообороны. «Перспективная программа, введенная в действие с января 1977 года, — указывает автор, — предусматривала главным образом меры по качественному совершенствованию вооруженных сил: усиление противовоздушной обороны и повышение боевых возможностей сил и средств противолодочной обороны. Это определяло место японских вооруженных сил в системе двустороннего военного партнерства с США» (с. 229). Быстрыми темпами росли военные расходы Японии. На новый пятилетний план (1986-1990) была выделена огромная сумма — 18,4 трлн. иен (с. 240).

Все это создавало напряженную обстановку на Дальнем Востоке, осложняло развитие советско-японских отношений. В сложившихся условиях было крайне затруднено позитивное решение многих межгосударственных вопросов. Отношения между СССР и Японией продолжали оставаться нестабильными, и стремление советской стороны поставить их на прочную договорную основу далеко не всегда

встречало понимание со стороны японского руководства. В 1977 г. Токио отверг советское предложение подписать договор о добрососедстве и сотрудничестве, которым регулировались бы отношения между двумя странами до подписания мирного договора.

Автор показывает, как неровно и нестабильно складывались советско-японские отношения в торгово-экономической и научно-технической сферах, раскрывает причины спадов в их развитии под влиянием политических факторов, нередко из-за влияния империалистского со стороны США. Так, в сфере японо-советской торговли Токио, идя навстречу требованиям Вашингтона, прибегал к так называемым экономическим санкциям в отношении СССР.

Автор подробно останавливается на проблемах рыболовного промысла в дальневосточных водах, занимающих важное место в советско-японских отношениях.

Характеризуя общее состояние советско-японских отношений в конце 70-х и особенно в 80-х гг., автор отмечает заметный спад в их развитии. В эти годы происходит усиление военных приготовлений США на Дальнем Востоке, активное приобщение к ним Японии. В 80-е гг. шовинистические тенденции, пишет он, заметно усилившиеся в Японии, явились питательной средой для внедрения «идей милитаризма в сознание широких слоев населения страны» (с. 227). Автор приводит многочисленные факты и большой цифровой материал в подтверждение этого.

В книге показаны также силы в Японии, активно противодействующие проамериканской политике руководства страны, выступающие за развитие добрососедских, взаимовыгодных отношений с СССР; проанализированы разнообразные формы этой борьбы, ее сильные и слабые стороны, заметная активизация этих сил в 80-х гг.

В рецензируемой книге есть и недостатки. В ней, в частности, очень мало внимания уделено освещению роли и влияния других стран, кроме США, на развитие советско-японских отношений в рассматриваемый период времени, хотя роль США здесь, конечно, была и остается главенствующей.

Новая книга Л. Н. Кутакова, несомненно, будет с интересом встречена не только учеными и специалистами, занимающимися проблемами Японии, но и широким кругом читателей. Ознакомление с ней будет полезно и для практических работников.

*А. П. МАРКОВ,
доктор исторических наук*

Предприятия и промышленная политика

Рюхэй Вакасуги. Экономический анализ технического прогресса и НИОКР. Деятельность японских предприятий и промышленная политика (Гидзюцу какусин то кэнкю кайхацу-но кэйдай бунсэки. Нихон-но кигё кодо то сангё сэйсаку). Токио, «Тоё кэйдай симпося», 1986, 207 с.

Автор рецензируемой книги Р. Вакасуги более пятнадцати лет работает в министерстве внешней торговли и промышленности Японии (МВТП) — одном из ведущих экономических ведомств страны. Основной задачей МВТП является выработка и проведение в жизнь политики государства в области промышленного производства. В 50—60-е гг. характерным для этой политики, а, следовательно, и для деятельности министерства было максимально возможное ограждение национальной индустрии от конкуренции иностранных компаний, стимулирование капиталовложений для наращивания производственных мощностей и всемерная поддержка японского экспорта промышленной продукции. Сейчас, после экономического кризиса середины 70-х гг., центр тяжести в промышленной политике переместился на регулирование структурной перестройки промышленного производства. С начала 80-х гг., когда японская экономика в основном адаптировалась к новым, сложившимся после кризиса 1974—1975 гг. условиям воспроизводства, ведущим направлением политики структурной перестройки стало содействие развитию наукоемких высокотехнологичных отраслей и производств. В поле зрения МВТП стали все чаще и чаще попадать вопросы, непосредственно связанные с инновационной активностью частных компаний, а в промышленной политике чрезвычайно важную роль стал играть научно-технический аспект.

Характер повседневной работы автора определил не только круг рассматриваемых в книге проблем и ее структуру, но и способствовал насыщению книги богатым фактическим материалом.

Автор, как говорится в предисловии, поставил задачу, с одной стороны, тщательно изучить опыт японских промышленных компаний по импорту технологии и ее внедрению в производство, а также практику самостоятельного проведения ими НИОКР, а с другой — проанализировать формы и методы государственной помощи научно-исследовательским работам в частных корпорациях. Однако можно сразу отметить, что книга охватывает значительно более широкий круг проблем. Автор на примере японской экономики,

а также исследуя опыт других стран, стремится показать глубинные закономерности научно-технического прогресса, дать им теоретическое обоснование. На наш взгляд Р. Вакасуги эту задачу выполнил.

В монографии есть несколько чисто теоретических глав и разделов, в которых в концентрированной форме изложен широкий спектр проблем экономической теории НТП. Например, вторая глава целиком посвящена изложению и анализу неоклассической теории научно-технического прогресса или теории производственных функций. В последующих главах это изложение дополняется описанием моделей материализации НТП в основных формах предприятий.

Глубиной проработки отличается теоретическое исследование влияния рыночного механизма на НТП, то есть стимулирующего или, при определенных условиях, тормозящего воздействия рыночных отношений на исследовательскую и инновационную активность частных компаний (гл. 5—7). Отправной точкой этого исследования служит анализ особенностей научно-технической информации как основного продукта НИОКР. Автор показывает, что исследовательская активность частных компаний непосредственно зависит от возможности монополизации результатов НИОКР, т. е. научно-технической информации, и получения монопольной сверхприбыли за счет нововведений. Существует и обратная связь. Добившись монопольного положения на рынке, компания получает больше возможностей для вложения средств в НИОКР и дальнейшего упрочения своих позиций. Однако это ведет к тому, что постепенно начинают сокращаться финансовые вложения в те виды исследований, результаты которых сложно монополизировать. Это относится прежде всего к фундаментальным исследованиям. В итоге все больший и больший удельный вес приобретают вложения в НИОКР, результаты которых быстро окупаются и сулят прибыль.

В исследовании показано, что недостаточность чисто рыночных стимулов для вложения частными компаниями средств в фундаментальные исследования, неопределенность результатов таких исследований и высокая степень финансового риска обуславливают необходимость государственной поддержки в этой области. Необходимость государственного регулирования прослеживается также и из того, что постепенное превращение рыночной структуры из конкурентной в монопольную позволяет компаниям установить контроль над предложением наукоемкой продукции, а, следовательно, и над ценами на нее, что значительно снижает общеэкономическую эффективность НИОКР частных компаний. Этот процесс автор показывает на математических моделях (гл. 7).

Нашла отражение в книге и породившая многочисленные дискуссии проблема измерения отдачи от финансовых вложений в НИОКР. Приводятся результаты оценки этой

отдачи для Японии и США. В целом, теоретические главы и разделы монографии не только дают представление об основных достижениях фундаментальных исследований в области экономики НТП, но и облегчают восприятие конкретного, связанного с Японией материала, придавая его изложению строгую логичность и аналитическую глубину.

Несколько слов о построении монографии. Книга достаточно четко делится на три большие части. В первой дан краткий очерк эволюции научно-технической политики японских частных компаний и государства за последние тридцать лет. Выделены основные особенности этапа преимущественной ориентации на импорт технологии и научных знаний в целях развития тяжелой промышленности, продолжавшегося вплоть до середины 70-х гг. В этой части вскрыты также причины последовавшей затем переориентации на самостоятельное проведение НИОКР. Здесь же в общих чертах намечены такие проблемы, как зависимость между импортом технологии и национальными НИОКР, влияние роста ВВП и инвестиций в основной капитал на вложения в НИОКР и наоборот. В этой части монографии показано изменение места и роли Японии в международном обмене технологией.

Вторая часть книги практически полностью посвящена вопросам теории — исследованию влияния рыночного механизма на научную и инновационную деятельность частных компаний. Данное здесь глубокое обоснование необходимости государственного регулирования и поддержки НИОКР частных компаний, а также выделение основных сфер и направлений такого регулирования позволяют автору перейти к анализу деятельности японского государства в этой области.

Теме научно-технической политики японского государства автор уделил в монографии наибольшее внимание. Ей целиком посвящена третья, самая объемная ее часть. Здесь детально проанализирован широкий спектр проблем, в том числе экономическая роль государственных ассигнований на НИОКР, включая инвестиции из бюджетов местных органов власти, влияние государственных вложений в НИОКР на исследовательскую активность частного сектора, особенности японской патентно-лицензионной системы. Значительное место уделено исследованию роли основных форм государственного стимулирования научных исследований в частных

промышленных компаниях — налоговых льгот, целевых кредитов по низким процентным ставкам, системы государственного субсидирования НИОКР, государственных заказов частным компаниям на проведение НИОКР. Большой интерес представляет изучение практики государственного стимулирования научных исследований, проводимых совместно несколькими частными компаниями. Совместные исследования оказывают значительное воздействие на ускорение НТП, в том числе на ускорение производственного применения результатов НИОКР, поскольку совместное владение компаниями-участницами научно-технической информацией, полученной в результате исследований, ощутимо расширяет масштабы и увеличивает скорость передачи технологии в промышленности в целом. Еще одним преимуществом совместных исследований, как показано в монографии, является концентрация на одном направлении людских, финансовых и прочих ресурсов сразу нескольких компаний, а также комплексное использование накопленного ими научного и технологического опыта. Кроме того, совместные исследования существенно снижают влияние негативных сторон конкуренции на скорость инновационного процесса в промышленности. В заключительной части монографии автор наглядно иллюстрирует основные направления и особенности японской государственной научно-технической политики на примере полупроводниковой промышленности Японии.

В целом книга Р. Вакасуги выделяется на фоне многочисленных исследований по проблемам НТП, появившихся в последнее время в Японии, высоким теоретическим уровнем. Это позволяет поставить ее в один ряд с классическими исследованиями в области экономики НТП, такими, как, например, переведенные на русский язык работы Э. Мэнсфилда (Экономика научно-технического прогресса. М., 1970) и Д. Сахала (Технический прогресс: концепции, модели, оценки. М., 1985). Достоинством книги является гармоничное сочетание в ней теории и прикладных исследований. На наш взгляд, она представляет интерес не только для специалистов-экономистов, но и для широкого круга научных и практических работников. Видимо, есть необходимость ее перевода, поскольку многие положения монографии Р. Вакасуги уже цитируются в научной литературе.

Д. М. ДЕМЧЕНКО

Снижая степень риска

С. Б. Маркаръян. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987, 271 с.

«Назначение сельского хозяйства в любой стране,— пишет С. Б. Маркаръян в своей новой, третьей по счету, книге,— это снабжение населения и перерабатывающей промышленности качественной продукцией в необходимом количестве по возможно более низким ценам» (с. 25).

Миссия научно-технического прогресса в столь экстремальных условиях, которыми определяется жизнедеятельность одного из ключевых секторов экономики, сведена, по моему глубокому убеждению, к снижению степени постоянно присутствующего, фактически неустранимого риска до минимально приемлемых масштабов. Автору рецензируемой монографии удалось развернуть многокрасочную картину осуществления этой миссии, причем проделанный анализ четко указал на целый ряд важных аспектов, обеспечивавших тесную смычку сферы научных исследований с потребностями рассматриваемой отрасли, адекватное отражение итогов труда ученых в итогах труда крестьян. На первое место в данном случае следует, пожалуй, поставить категорию преемственности.

С. Б. Маркаръян оправданно подчеркивает благотворную роль преемственности, приводя многочисленные данные о внушительной продолжительности сроков работ на магистральных направлениях научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. Так, судя по этим данным, первые шаги селекционной работы в стране относятся к концу XIX в. (с. 68); «обследование обрабатываемых земель в Японии осуществляется уже в течение примерно ста лет» (с. 96); «для Японии является уже своего рода традицией применение больших доз удобрений для повышения урожайности. Уже в VIII в., как повествует хроника «Фудоки», в качестве удобрений в рисовых рассадниках применяли свежую траву»

(с. 100); «борьба с сельскохозяйственными вредителями и сорняками уходит по времени в далекое прошлое...» (с. 121) и т. д.

Уникальная ценность временного фактора с его абсолютной незаменимостью и невозможностью просматривается в перечисленных примерах с предельной ясностью.

Второй аспект, который должен быть специально выделен,— давний и решительный отказ от малейших попятных к монополизации научно-технического прогресса.

Ознакомление с соответствующими разделами книги позволяет воочию убедиться в поистине массовой вовлеченности и юридических, и физических лиц в форсирование разного рода изысканий, нацеленных на обслуживание интересов сельского хозяйства Японии. Верхний этаж в организационной системе научных исследований занимает министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства, под эгидой которого действует 12 институтов, охватывающих широчайший спектр тем (от чаеводства и луговодства до шелководства, гигиены домашних животных и тропического земледелия), а также 6 региональных опытных станций. В ведении органов местного самоуправления находятся почти 400 префектурных опытных станций комплексного или отраслевого профиля. Почти 60 высших учебных заведений полностью или частично (располагают факультетами) специализируются на сельскохозяйственных науках.

К этому необходимо добавить, что многочисленные «лаборатории и институты частных фирм, в том числе промышленных, заняты главным образом вопросами селекции и семеноводства, технологии возделывания технических культур, разработкой сельскохозяйственных машин, новых видов удобрений и химикатов» (с. 8—11).

В основании системы располагаются крестьянские хозяйства, немалая часть владельцев которых имеет вкус к исследовательской работе и демонстрирует иной раз впечатляющие результаты — скажем, выведение в префектуре Акита сорта риса с урожайностью, в 1,5 раза превышающей среднепрефектурный уровень, выведение в префектуре Нагано сорта груш с высоким содержанием сахара и устойчивого к болезни «бурая гниль», выведение в префектуре Нага-

саки сорта винограда с диаметром ягод 3 см, утепление рисовой рассады, принятое в префектуре Нагано еще в 1931 г. и оказавшееся предтечей ныне всемирно известных пленочных покрытий (с. 70, 167).

Конечно, подобная склонность к изобретательству сплошь и рядом бывает заложенной в людях, так сказать, от природы. Однако из материалов книги вытекает тот неопровержимый факт, что весомая доля «ответственности» за культивирование этой склонности лежит, с одной стороны, на службе распространения сельскохозяйственных знаний, занимающей промежуточное положение между научно-исследовательскими учреждениями различного ранга, кооперативами и частными фирмами, и непосредственных производителей — с другой.

Основной костяк этой службы, руководимой одним из отделов министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, формируют сотни специалистов по отдельным подотраслям сельского хозяйства и улучшению крестьянского быта, а также тысячи консультируемых ими агентов, которые в свою очередь выходят на прямые контакты с деревенским населением. Между сторонами идет интенсивный информационный обмен: сведения о научных достижениях, советы, предложения мощным потоком направляются в адреса производителей, а те «бомбардируют» службу распространения знаний своими разнообразными вопросами.

Целесообразно очертить здесь, к примеру, круг повседневных обязанностей, выполняемых агентами: «Они проводят как индивидуальные, так и групповые консультации. Они сами приходят к производителям или собирают их на демонстрационных полях (опытных станций, учебных центров или арендованных у образцовых хозяйств) и там, в конкретных условиях, дают рекомендации; устраивают беседы за круглым столом или лекции; организуют краткосрочные курсы, выставки, показ материала видеокассет через обычный телевизор; раздают литературу и используют разного рода другие возможности вплоть до посылки почтовых открыток с соответствующими инструкциями или консультациями по телефону путем записи необходимых рекомендаций по агротехнике на автомат (так за 3 минуты можно

получить консультацию по агротехнике, сведения о вегетации тех или иных культур или о положении на рынке)» (с. 208). Помимо этого, сотрудники службы распространения знаний заняты большой педагогической работой с сельской молодежью либо в специальных клубах, либо в начальной и средней школах, либо в префектурных высших школах работников сельского хозяйства.

Принимая в расчет завидное постоянство творческого климата, генерируемого, в частности, свободной циркуляцией новейших данных о плодах научно-технического прогресса, не приходится удивляться и громадному запасу гибкости, адаптивности генерального курса научных исследований в области японского сельского хозяйства. Значение этого отлично запечатленного С. Б. Маркарьян фактора — очередного в числе заслуживающих пристального внимания — выходит за пределы обозначенной темы монографии.

В самом деле, сдвиги названного курса, обусловленные давлением сложного комплекса факторов внешнего и внутреннего порядка, воплощают в себе путь восхождения всей экономики страны за послевоенные десятилетия. Вот они, веки этого восхождения: ликвидация разрушительных последствий войны — организация массового производства стандартизированной продукции, то есть решение проблемы количества и утверждение, в сущности, безраздельного господства качественных параметров. В сельскохозяйственном контексте цепь столь симптоматичных событий может соответствовать, например, научно-техническим прорывам, сначала устранившим угрозу голода, затем механизированным основным операциям на фермах и, наконец, обеспечившим небывалое улучшение товарного вида или, допустим, вкусовых свойств продуктов питания.

Мобилизуя многочисленные иллюстрации к каждому из этих этапов, С. Б. Маркарьян вскрывает, вероятно, коренные причины на редкость плодотворной деятельности японского «исследовательского корпуса». Для него, по всей видимости, не существует мало-значущих участков, на которые, казалось бы, нечего расходовать силы и энергию; немислима поверхностность разработок с типичной при этом скороспелостью выводов и неудержимой тягой к показухе; исключено варение в собственном соку,

что чревато опасностью легкомысленного игнорирования или, хуже того, высокомерно-пренебрежительного отметания с порога мировых тенденций сельскохозяйственных наук.

И крайне существенное — ему органически присуще чувство нового, вернее даже новейшего, — чувство, позволяющее сокращать сроки блужданий по лабиринтам нерешенных проблем и выбора нужных альтернатив. Ярким подтверждением сказанного могут служить те страницы книги, на которых сообщается о создании и вводе в эксплуатацию методов селекции, опирающихся на принципы классической генетики, о биологических приемах борьбы с вредителями и болезнями, о компьютеризации немалого числа стратегически важных звеньев технологических процессов, об утилизации отходов и т. д.

Закономерным следствием резкого повышения наукоемкости сельскохозяйственного производства правомерно считать и подтягивание к этому уровню всего комплекса мер по уходу за готовой продукцией. Ее первичная обработка, сортировка, хранение, упаковка, отправка потребителям рассматриваются в качестве неотъемлемых элементов общей технологической линии, и узкие места здесь расчлениваются с не меньшей радикальностью. Благодаря серии революционных инноваций удастся сводить к мизерным величинам потери урожая и попутно предъявлять прямо-таки фантастически суровые требования к состоянию полного объема поставок в розничную торговую сеть.

С. Б. Маркарьян постаралась квантифицировать экономический эффект научно-технического прогресса в сельском хозяйстве Японии (или, другими словами, измерить масштабы снижения на этой базе рискованности сельскохозяйственного производства). Она подобрала солидный пакет разнообразных сведений, позволивших, в общем-то, вплотную приблизиться к вычленению вклада научно-технического прогресса как такового и его наиболее явных последствий из целого калейдоскона факторов, воздействующих на положение дел в рассматриваемой отрасли.

Судя по всему, вклад этот особенно ощутим, во-первых, в сфере роста урожайности сельскохозяйственных культур (в 1980—1984 гг. по сравнению с 1950—1954 гг. соответствующий показатель

для затопляемого риса увеличился почти в 1,5 раза, для голозерного ячменя — на 60 %, капусты, баклажанов и картофеля — более чем в 2 раза, огурцов и сахарной свеклы — в 3 раза, томатов — в 4 раза (с. 216)); во-вторых, в сфере роста продуктивности животноводства (в 1964—1981 гг. продуктивность молочного животноводства возросла на 27 %, яйценоскость кур — на 33, прирост в свиноводстве — на 34 % (с. 220)); в-третьих, в сфере роста производительности труда (ограничимся наиболее точным из использованных в книге его индикаторов: «в 1980 г. за 1 час рабочего времени можно было получить в 2—2,4 раза больше коконов, мандаринов, сои и риса, чем в 1965 г.; в 3,4 раза больше молока; в 3,6 раза больше сахарной свеклы; в 4,8—4,9 раза больше свинины и яиц и в 5,8 раза больше пшеницы» (с. 222—223)); в-четвертых, в сфере роста капиталовооруженности сельского хозяйства (в 1960—1984 гг. она увеличилась более чем в 11 раз (с. 229)).

Несомненна, правда, и «вина» научно-технического прогресса за чрезмерное повышение капиталоемкости (с неизбежным падением фондоотдачи) и материалоемкости сельскохозяйственного производства, но, по верному замечанию автора, «это объяснимо, когда технический переворот происходит в столь короткие сроки и при столь резком переходе от ручного труда к системе машин, как это имело место в Японии» (с. 235). Впрочем, С. Б. Маркарьян отнюдь не идеализирует научно-технический прогресс. Она, к примеру, вполне определенно указывает на относительное снижение в последнее время естественного почвенного плодородия вследствие слишком бурного увлечения внесением минеральных удобрений и ядохимикатов, а также распространения мелкой обработки почвы (с. 113—114). Такая похвальная сбалансированность отличает взгляды автора по подавляющему большинству представленных в монографии сюжетов.

На этом отрадном фоне ее недочеты выглядят не бог весть какими значительными, но упоминание о них кажется мне не лишенным смысла, поскольку может стимулировать автора к большему самовыражению, к ужесточению самоконтроля при обращении с накопленными архивами, к большей терпимости при

толковании явлений реальной действительности. К недочетам книги я бы отнес некоторую перегрузку ее фактологией, заставляющей от случая к случаю лишь строить догадки по поводу сути авторской позиции; неоправданную затянутость вторжений в зоны, не имеющие по крайней мере очевидного касательства к исследуемой теме; наконец, излишнюю односторонность подхода к мелким хозяйствам, жизнеспособность которых не может оцениваться только в терминах экономической целесообразности и которые, как это ни покажется парадоксальным, иногда не столько мешают

«в полной мере пользоваться результатами НТП» (с. 242), сколько служат последним заслоном от многих его негативных последствий.

Хочется выразить пожелание, чтобы среди читателей содержательной, интересной и очень своевременно опубликованной монографии С. Б. Маргарьян оказалось как можно больше лиц, ведающих нашим сельским хозяйством. Они нашли бы в ней для себя много полезного и поучительного.

Б. В. ПАМЗЕС,
доктор экономических наук

ЮВА — безъядерную зону

М. Алагатта. В направлении создания в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Куала-Лумпур, 1987, 48 с.
M. Alagatta. Towards a nuclear-weapons — free zone in Southeast Asia. Kuala-Lumpur, 1987, 48 p.

Растущая взаимозависимость государств, реальности ракетно-ядерной эры властно диктуют необходимость интернационализации процесса разоружения, совместного поиска путей и средств перехода к безъядерному миру не только на глобальном, но и на региональном уровне. В последние годы заслуженное внимание мирового сообщества привлекла концепция создания в различных районах планеты зон, свободных от ядерного оружия, или безъядерных зон, предполагающая строительство региональных систем безопасности на основе своего рода «географического нераспространения» ядерных вооружений. К числу государств, проявивших к этой концепции неподдельный интерес, относятся и страны АСЕАН. Инициатива создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, выдвинутая от имени Индонезии министром иностранных дел М. Кусумаатмаджей, получила поддержку на XIX конференции министров иностранных дел ассоциации в Маниле (июнь 1986 г.), а затем была подтверждена на состоявшейся в столице Филиппин в декабре 1987 г. встрече глав государств и правительств шести стран. В Манильской декларации руководители

«шестерки» призвали «активизировать усилия в направлении создания предпосылок для провозглашения ЮВА безъядерной зоной», подчеркнули готовность координировать усилия в деле реализации этой идеи со всеми заинтересованными державами в АТР. Создание безъядерной зоны должно, по замыслу авторов проекта, стать важным шагом на пути превращения ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Вопрос о безъядерной зоне в ЮВА стал сегодня предметом внимательного изучения в политических, военных, академических кругах ассоциации, широко обсуждается общественностью этих стран.

Не секрет, однако, что участникам группировки пока не удалось выработать единый подход к данной проблеме, наполнить формулу безъядерной зоны достаточно конкретным содержанием. На поиск взаимоприемлемых решений в этой области ориентированы исследования, проводимые по поручению министров иностранных дел в рамках специальной рабочей группы по ЗОПФАН, а также ведущими политологическими центрами государств ассоциации. Разработке проблематики безъядерной зоны в ЮВА, в особенности тех ее аспектов, которые еще не вошли составной частью в политические решения и официальные документы, посвящена книга М. Алагатты «В направлении создания в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия».

Автор рецензируемой монографии, в прошлом подполковник малайзийских вооруженных сил, работает в Институте стратегических и международных исследований (Малайзия); его перу принадлежит ряд книг и статей по проблемам азиатско-тихоокеанской безопасности.

В данной работе ученый, не претендуя на завершенность концепции и окончательность выводов, ставит перед собой задачу описать основные характеристики модели безъядерной зоны применительно к ЮВА в

контексте системы внешнеполитических приоритетов стран АСЕАН. Такой подход диктует и логику повествования. На основе анализа характера и масштабов ядерной угрозы в ЮВА последовательно рассматриваются такие аспекты проблемы, как границы безъядерной зоны и состав государств-участников, виды ядерной деятельности, подлежащие запрету, контроль и проверка, позиции ядерных держав и международные гарантии.

При этом автор опирается на уже имеющийся в этой сфере международно-правовой опыт, накопленный в процессе создания зон, свободных от ядерного оружия, в Латинской Америке и южной части Тихого океана. Тексты договоров Тлателолко и Раротонга публикуются в приложении к книге.

В монографии отмечается, что уровень ядерной активности в ЮВА сравнительно не высок: здесь, как известно, нет ядерных и околоядерных (пороговых) держав, не сбрасываются радиоактивные отходы, не проводятся ядерные испытания, не размещено, как утверждает М. Алагаппа, на постоянной основе атомное оружие. Однако, справедливо указывает автор, это не означает, что задача международно-правового закрепления безъядерного статуса ЮВА является неактуальной. Напротив, учреждение зоны, свободной от ядерного оружия, в этом стратегически важном районе мира, расположенном на стыке Индийского и Тихого океанов, где пролегают оживленные морские пути, существенно укрепит региональную стабильность, снизит уровень иностранного военного присутствия, станет реальным вкладом стран ЮВА в дело всеобщего и полного разоружения (с. 3).

Наибольшие выгоды, которые государства АСЕАН могут получить в результате реализации идеи безъядерной зоны, дежат, по мнению М. Алагаппы, не в собственно военно-технической, а скорее в международно-политической сфере, прежде всего в сфере налаживания контактов между АСЕАН и тремя странами Индокитая, перехода в отношениях между двумя группами государств от конфронтации к диалогу. Эта мысль получает широкое развитие на тех страницах книги, где идет речь о проблемах делимитации безъядерной зоны.

Очевидно, что такой подход перекликается с позицией по данному вопросу социалистических стран Индокитая. СРВ, ЛНДР и НРК не раз выражали готовность открыть новую страницу в отношениях с АСЕАН, сообщая вести поиск политического решения существующих проблем с целью превращения ЮВА в зону мира, добрососедства и сотрудничества. В качестве основы для дискуссии министры иностранных дел трех стран на конференции во Вьетнаме (январь 1984 г.) выразили согласие принять асеановскую идею ЗОИФАН.

Идея общерегионального диалога в ЮВА находит понимание и поддержку и у Совет-

ского Союза, который последовательно выступает за объединение усилий всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и безопасности в АТР.

Специальный раздел работы посвящен рассмотрению позиции тихоокеанских ядерных держав. В настоящее время, как известно, против провозглашения ЮВА безъядерной зоной выступают одни Соединенные Штаты. Еще в 1984 г. госсекретарь США Дж. Шульц без обвиняков заявил об «ошибочности» этой инициативы и ее «неприемлемости» для Вашингтона, подчеркнув вместе с тем «необходимость» и «полезность» военного присутствия США в регионе. В преддверии встречи на высшем уровне в Маниле государственный департамент США выступил с утверждениями о том, что реализация концепции безъядерной зоны в ЮВА противоречит обязательствам США по так называемому обеспечению региональной безопасности и подрывает американскую политику «сдерживания», так как якобы дает односторонние преимущества Советскому Союзу.

Причины обеспокоенности Вашингтона понятны: превращение ЮВА в безъядерную зону может затруднить проход американских кораблей из Тихого океана в Индийский и обратно через проливы региона и значительно осложнит использование военных баз на Филиппинах. Будет поставлена под сомнение существующая практика, согласно которой США не подтверждают и не отрицают наличие на своих военных кораблях ядерных компонентов, заявляя, что якобы отсутствие данных «является необходимой частью стратегии сдерживания».

Очевидно, впрочем, и другое: существенное расхождение позиции Соединенных Штатов и ряда стран АСЕАН по вопросу о безъядерной зоне еще раз доказывает, что, несмотря на партнерские по своей классовой сути (а в случае с Таиландом и Филиппинами — союзнические) отношения с США, государства этой группы далеко не во всем готовы следовать за заокеанской державой, порой проявляют заметную независимость суждений. Это обстоятельство также анализируется в рецензируемой монографии.

Антиядерные тенденции, все отчетливее проявляющиеся во внешнеполитическом курсе стран АСЕАН, встречают понимание и сочувствие в Советском Союзе, который выступает настойчивым и последовательным поборником концепций создания безъядерных зон в различных районах планеты. СССР, как заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в мае 1986 г. на обеде в честь Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя, поддерживает идею создания в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия. Однако, на наш взгляд, советская позиция не получила в книге достаточного отражения.

Суммируя сказанное, следует отметить, что в монографии прослеживается стремление

подойти к предмету исследования объективно и непредвзято. Обращает на себя внимание, в частности, предложение принять в качестве первого шага декларацию, в которой страны АСЕАН по аналогии с Японией взяли бы обязательство соблюдать три неядерных принципа (не производить, не иметь, не ввозить на территорию страны ядерное оружие) (с. 20).

Вместе с тем не все выводы и рекомендации автора выглядят обоснованно. Так, явно недооценивается то благотворное влияние, которое окажет создание безъядерной зоны на политический климат в регионе, принижается военно-политическое значение этой акции, которая сводится лишь к правовым и моральным обязательствам ядерных держав — гарантов безъядерного статуса. Вызывают возражения и рассуждения о «склонности великих держав в решающий момент игнорировать нормы международного права», в которых проглядывает стремление поставить знак равенства между политикой США и

СССР. Наконец, отдавая дань традиционной риторике, автор обвиняет Советский Союз в том, что он-де создал военные базы в Камранге и Дананге. Истинное положение дел известно: СССР имеет в этих пунктах не базы, а стоянки, где советские корабли производят мелкий ремонт и пополняют запасы продовольствия. Поэтому сравнивать их с американскими военными объектами на Филиппинах нет никаких оснований.

В целом, однако, перед нами содержательное и конструктивное исследование, еще одно свидетельство широко распространенных сегодня в странах АСЕАН антиядерных настроений. Думается, что эта книга, отличающаяся актуальным политическим звучанием, непременно попадет в поле зрения всех, кто интересуется проблематикой азиатско-тихоокеанской безопасности.

А. Ю. СИДОРОВ

Старейшее китайское издательство

С. Б. Маркаръян. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1987. 271 с.

К началу 80-х гг. в КНР насчитывалось 291 издательство, в том числе в Пекине, крупнейшем издательском центре, работало 140 издательств, находящихся в ведении министерства культуры, Госсовета КНР и ряда неправительственных организаций¹. В издательском деле страны занято свыше 217 тыс. человек. Особое место среди многочисленных китайских издательств принадлежит «Коммерческой прессе» («Шанъу ниньшугуань») — старейшему издательству Китая (основано в Шанхае в 1897 г.).

В годы заката Цинской империи «Коммерческая пресса» играла роль центра, вокруг которого группировалась прогрессивная китайская интеллигенция.

В первые годы своего существования издательство специализировалось преимущественно на выпуске учебников и работ по вопросам западной культуры, издавало свыше 20 журналов различной тематики. Доход «Коммерческой прессы» в то время составлял несколько тысячи долларов, но к середине 20-х гг. он уже достиг 5 млн. дол-

ларов². Издательство размещалось в 15 залах здания, построенного по специальному проекту. После пожара, в 1902 г., издательство переехало в новое помещение.

Основное внимание тогда уделялось выпуску различных учебников, и этот вид литературы вскоре стал доминирующим в издательском плане. Насколько важное значение придавалось этой работе, говорит тот факт, что в 1903 г. для издания одних только учебников было построено специальное помещение.

С момента основания по август 1925 г. издательством было выпущено более 14 тыс. томов книг различного содержания на английском, китайском и других языках. В это время при «Коммерческой прессе» создается ряд заочных школ: английская, математическая, коммерческая и др. Служащим были созданы неплохие условия для работы. Например, в конце года каждый получал премию, сумма которой была пропорциональна объему и качеству выполненной работы. Имели место различные виды денежных пособий, как, например, «рисовое пособие» для служащих с низкой заработной платой, пособие при достижении пенсионного возраста и т. д.

В 1927 г. в Китае насчитывалось только 48 издательств³. Среди них, несомненно, «Коммерческая пресса» занимала видное место, постепенно превращаясь в ведущее издательство страны. С 1929 г. она начала выпускать популярное издание «Универсальная библиотека» — собрание наиболее ценных произведений всемирной литературы на китайском языке. Это событие имело большое значение для развития фондов китайских библиотек. «Универсальная библиотека» состояла из нескольких серий: фундаменталь-

ных книг по синологии, китайских переводов всемирной классики, китайской классики, современных работ по синологии, книг по новой истории и географии, литературы о странах мира, книг по сельскому хозяйству, машиностроению, торговле, образованию, математике, медицине и спорту.

Как видно из перечня, «Универсальная библиотека» охватила широкий круг знаний в различных областях.

Издавалась она частями. Первая вышла в количестве 2 тыс. томов, включающих 1010 работ. Одновременно было издано 3 тыс. каталожных карточек на эти книги⁴. Все вышедшие книги были классифицированы по-новому — по известной и широко применявшейся к тому времени классификации Дьюи, но схема классификации для многих китайских понятий включала цифровые индексы, разработанные в Китае.

Нельзя не упомянуть о библиотеке издательства, известной как Восточная библиотека (основана в 1904 г.). В литературе встречалось утверждение, что «библиотеке «Коммерческой прессы» принадлежит уникальное будущее, так как в ней хранится большое количество редких изданий старых книг, которые коллекционировались с целью производства факсимиле»⁵.

Располагалась библиотека в специально построенном для нее в 1924 г. пятиэтажном здании (на строительство было затрачено 80 тыс. юаней)⁶. На первом этаже сначала размещался выставочный зал издательства, затем детская библиотека (основана в 1929 г.). Второй этаж был отведен под читальные залы, третий — под администрацию библиотеки, четвертый занимало основное хранилище, способное вместить до 400 тыс. томов. Восточная библиотека имела свыше 2,5 тыс. книг династии Южная Сун (960—1279 гг.), 3 тыс. книг династии Юань (1279—1367 гг.), около 16 тыс. томов изданий времен династии Мин и др.⁷ В фонде библиотеки имелось также 2,6 тыс. комплектов газет, изданных в разное время на всей территории Китая. Подсчитано, что в 1912 г. в Китае издавалось 2081 комплектов газет, библиотека «Коммерческой прессы» имела 1753 из них, то есть примерно 84 %. В конце 20-х — начале 30-х гг. библиотека выписывала 700 журналов и газет, издаваемых в разных странах мира.

Восточная библиотека имела Совет управления, состоящий из 5 человек, которые рекомендовались Главным управлением издательства. Члены Совета управления библиотекой, директор и его заместители, если они являлись также служащими «Коммерческой прессы», работали в библиотеке на общественных началах. Члены Совета выбирались сроком только на три года. В 1926 г. было выделено на библиотечные нужды 22 тыс. юаней, из них на приобретение книг на китайском языке — 4 тыс., на иностранные — 9 тыс., на китайскую и иностран-

ную периодику — 3 тыс., на зарплату служащим — около 5 тыс. юаней⁸.

За вход в библиотеку надо было платить. Читательский билет выдавался сроком до 6 месяцев и стоил 1 юань. На дом выдавалось не более 5 книг. В правилах пользования библиотекой оговаривалась ответственность за порчу книг.

К концу 1931 г. библиотека насчитывала 286 тыс. томов на китайском языке, 50 тыс. — на западноевропейских языках, 30 тыс. — на японском. Кроме того, в фонде библиотеки хранилось свыше 5 тыс. карт, атласов и другие материалы. Количество читателей составляло 31 тыс. человек⁹.

Во время пожара, учиненного японцами зимой 1932 г., библиотека и другие издательские службы подверглись сильнейшим разрушениям.

В июне 1932 г. руководство «Коммерческой прессы» предприняло решительные действия, направленные на скорейшее возобновление деятельности издательства, в результате чего уже через два месяца издательство вновь приступило к работе. За период с конца сентября 1932 г. до начала января 1933 г. вступило в строй 3 новые типографии.

1 ноября 1932 г. руководство «Коммерческой прессы» выступило с заявлением, в котором говорилось, что отныне издательство будет выпускать по одной новой книге ежедневно, кроме воскресенья. И действительно, обещание это было выполнено, что и подтверждают следующие цифры. До конца января 1933 г. было выпущено 376 исправленных изданий и 96 новых книг. В это число не вошли учебники и периодические издания¹⁰.

«Коммерческая пресса» уделяла большое внимание выпуску технических книг на китайском языке, так как это отвечало потребностям развития техники в стране, а аналогичная литература на иностранных языках была очень дорога.

«Коммерческая пресса» уже тогда рассматривалась как ведущее издательство на Востоке. Оно имело деловые контакты с более чем 80 издательскими компаниями в Америке и 60 — в Европе.

В 30-х гг. происходит дальнейшее увеличение числа издательств в Китае (в 1935 г. — 98, в 1936 г. — 120)¹¹. «Коммерческая пресса» превращалась в одно из мощных издательств мира, способное поспорить в отношении объема выпускаемой литературы с ведущими издательствами крупных капиталистических стран. В 1934 г. «Коммерческая пресса» выпустила 6127 названий книг различной тематики, в 1935 г. — 9223, в 1936 г. — 9438¹². В 1934 г. основная часть выпущенной литературы приходилась на общественные науки и литературу.

Во время японского наступления против Китая в 1937 г. здание издательства вновь подверглось сильнейшим разрушениям.

К моменту образования Китайской Народной Республики в 1949 г. «Коммерческая пресса» имела десятки отделений, как у себя в стране, так и за рубежом. Ему принадлежали также многочисленные школы, кино-театры.

В 1951 г. издательство переехало в Пекин и с 1958 г. находится в ведении министерства культуры. В 1987 г. «Коммерческая пресса» отметила свое 90-летие. За этот период было издано около 25 тыс. книг различного направления — действительно большой вклад в распространение знаний. Традиционным для издательства является издание классических произведений, старых и новых, китайских и зарубежных. Работа по изданию всемирной классики была начата еще в 1928 г. За последние 30 лет было издано 1200 таких работ, в том числе 400 произведений зарубежной классики¹³.

Согласно принятому «Коммерческой прессой» плану выпуска литературы на 1984—1990 гг. предполагается издать 2100 названий старых и новых классических произведений, западноевропейских словарей, книг по вопросам кибернетики и пр.¹⁴

«Коммерческая пресса» успешно сотрудничает с рядом зарубежных издательских центров. Результатом их совместной работы явилось издание в 80-х гг. большого количества литературы, в том числе двуязычных словарей. Ряд работ, изданных «Коммерческой прессой», переведен за рубежом, главным образом в США и Японии. Ныне издательство имеет отделения в Сянгане (Гонконге), Сингапуре, на Тайване.

Деятельность одного из старейших издательств КНР, начатая более 90 лет назад, успешно продолжается.

И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

¹ In: Book publishing in the People's Republic of China Beijing, 1984, p. 2.

² In: The Story of the Commercial Press Ltd. Shanghai, 1925, p. 15.

³ См.: Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. М.—Л., 1940, с. 400.

⁴ In: Libraries in China. Peiping, 1935, p. 10.

⁵ Ibid., 1929, p. 14.

⁶ См.: Дунфан тушугуань гайкуан. Бм., 1926, с. 2.

⁷ In: A description of the oriental library before and after the destruction by Japanese on February 1, 1932. Shanghai, 1932, p. 3.

⁸ См.: Дунфан тушугуань гайкуан. с. 3.

⁹ In: A description..., p. 2.

¹⁰ Pan K. One year of rehabilitation of the Commercial Press Ltd. 1933, p. 11.

¹¹ См.: Китай..., с. 400.

¹² См.: там же, с. 401.

¹³ In: Wan Shouben. 90 years of the Commercial Press. Chinese literature. Beijing, 1987, p. 176.

¹⁴ Ibid., p. 177.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1988, № 5, 208 с.

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 12.07.88 г. Подписано в печать 15.08.88 г. А04700 Формат 70×100. 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 6,5. Уч. изд. л. 18,49
Усл. кр.-отт. 26,6 Изд. № 43442 Тираж 10300 Заказ 1890 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области.

НОВЫЕ КНИГИ

Овчинников В. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 222 с. — 85 к. 100 000 экз.

Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюзной научной конференции. Редкол. С. Л. Тихвинский и др. — Алма-Ата: Наука, 1988. — 319 с. — 2 р. 10 к. 2100 экз.

Современная китайская сказка: Сб. Сост., предисл. Н. Федоренко. — М.: Радуга, 1988. — 406 с. — 2 р. 70 к. 100 000 экз.

Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия XVI—нач. XX в. — Новосибирск: Наука, 1988. — 103 с. 70 к. 4400 экз.

Варма Ш. Портрет Раджива Ганди. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — 134 с., ил. — 50 к. 10 000 экз.

Чичканов В. П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. — М.: Экономика, 1988. — 247 с. — 2 р. 80 к. 5400 экз.

Государственный строй Китайской Народной Республики. Отв. ред. Л. М. Гудошников. — М.: Наука, 1988. — 231 с. — 1 р. 70 к. 2750 экз.

Сахни Б. Ночные тени. Пер. с яз. хинди. — М.: Радуга, 1988. — 254 с. — 1 р. 50 000 экз.

Кампучия: Фотоальбом. Текст, сост. Е. В. Кобелева, Н. Н. Солнцева; Спец. съемка А. В. Либермана. — М.: Планета. — На англ., фр. яз.

Шохин В. К. Древняя Индия в культуре Руси (XI—сер. XV в.): Источниковедческие проблемы. — М.: Наука, 1988. — 335 с. — 3 р. 2550 экз.

Прогунков В. В. Ресурсы медоносных растений юга Дальнего Востока. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. — 225 с. — 1 р. 20 к. 5000 экз.

Мой приятель Сык: Вьет. писатели о молодежи. Пер. с вьет. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 301 с. — 1 р. 90 к. 50 000 экз.

Абэ Кобо. Избранное: Чужое лицо; Сожженная карта; Человек-ящик. Пер. с япон. В. С. Гривнина. — М.: Правда, 1988. — 559 с. — 3 р. 30 к. 500 000 экз.

Иргебаев А. Т., Тимонин А. А. Корейская Народно-Демократическая Республика: Справочник — М.: Политиздат, 1988. — 109 с. — 20 к. 75000 экз.

Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. Отв. ред. В. Ф. Ли. — М.: Наука, 1988. — 392 с. — (Пути развития освободившихся стран Востока). — 3 р. 20 к. 2150 экз.

Фути К., Судзуки Н. Языки программирования и схемотехники СБИС. Пер. с япон. — М.: Мир, 1988. — 224 с. — 1 р. 40 к. 40000 экз.

Алешина И. Е. Русско-вьетнамский учебный словарь: Ок. 5000 слов. — 2-е изд. — М.: Рус. яз., 1988. — 503 с. — 3 р. 30135 экз.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. Пер. с кит. В. М. Алексеева; Сост. с науч. подгот. М. В. Баньковской. — М.: Худож. лит., 1988. — 559 с. — (Б-ка кит. лит.). — 2 р. 80 к. 100000 экз.

Государственный музей искусства народов Востока. Живопись Японии: 16 репродукций. Авт. — сост. Г. Шишкина. — М.: Изобразит. искусство, 1988. — 16 отд. л. ил. — 1 р. 1 к. 46000 экз.